

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ
Минский государственный лингвистический университет

**МОЛОДЫЕ УЧЕНЫЕ
В ИННОВАЦИОННОМ ПОИСКЕ**

Сборник научных статей
по материалам
IX Международной научной конференции

Минск, 27–28 мая 2020 г.

Минск МГЛУ
2021

УДК 81
ББК 81.0
М 75

Рекомендованы Редакционным советом Минского государственного лингвистического университета. Протокол № 2 (41) от 16 октября 2020 г.

Редакционная коллегия: П. П. Глазко (*ответственный редактор*), Н. В. Зиневич, И. В. Чучкевич, Р. В. Детскина

Рецензенты: кандидат филологических наук, доцент *Е. Г. Каранетова* (МГЛУ); кандидат филологических наук, доцент *С. А. Хоменко* (БНТУ)

Молодые ученые в инновационном поиске : сб. науч. ст. по материалам IX Междунар. науч. конф., Минск, 27–28 мая 2020 г. / сост. Т. П. Карпилович; под науч. ред. Т. П. Карпилович. – Минск : МГЛУ, 2021.

ISBN 978-985-28-0057-0

В сборнике научных статей, составленном по материалам международной научной конференции «Молодые ученые в инновационном поиске», рассматривается широкий спектр вопросов по актуальным проблемам языкознания и литературоведения. Представлены результаты исследований в области лингвистики текста и дискурса, лексической семантики, синтаксиса, художественного перевода, использования информационных технологий в лингвистике и образовании.

Предназначается для лингвистов, специалистов в области перевода, аспирантов и магистрантов гуманитарных специальностей.

УДК 81
ББК 81.0

ISBN 978-985-28-0057-0

© УО «Минский государственный лингвистический университет», 2021

ПЛЕНАРНОЕ ЗАСЕДАНИЕ

Л. А. Тарасевич
Минск, МГЛУ

СРАВНЕНИЕ НЕСРАВНИМОГО: К ВОПРОСУ О СОПОСТАВЛЕНИИ ЧАСТОТНОСТИ

В статье рассматриваются проблемы сопоставительного исследования частотности коррелирующих языковых единиц. Формулируются принципы создания сопоставимых корпусов текстов для обеспечения достоверности данных о частотности коррелирующих единиц в разных языках. Приводятся примеры решения исследовательских задач с помощью сопоставимых корпусов текстов.

В последние десятилетия наблюдается рост значимости количественных методов в лингвистических исследованиях. Он обусловлен, в частности, новыми возможностями, открывшимися благодаря применению компьютерных технологий для обработки больших массивов текстов. Во второй половине XX в. впервые удалось получить картину частотности употребления языковых единиц в письменной и устной речи, провести статистические исследования многих языковых явлений. В современной науке данные о частотности слов в языке имеют широкий спектр применения: они используются в методике преподавания иностранных языков [8; 14], в исследованиях эволюции лексики, определении авторского идиостиля [5], психолингвистических исследованиях процессов переработки лексической информации [4], изучении когнитивной функции языка [11, с. 21–22], в семантических исследованиях [12] и др.

Авторы опираются на данные о частотности и при сопоставлении языков. Например, А. Вежбицкая, основываясь на сравнении частотности лексем английского языка *homeland, truth, fool, stupid, stupidly, idiot, terribly, awfully, horribly* и их коррелятов в русском языке *родина, правда, дурак, глупый, глупо, идиот, ужасный, страшно*, делает вывод о разной значимости данных понятий для соответствующих лингвокультур [3, с. 30–34]. Данные об употребительности лексической единицы *上 shang* ‘верх’ в китайском языке привлекаются для обоснования особого места соответствующего полюса в китайской языковой картине пространства [10, с. 56–58].

Сопоставительные исследования частотности языковых единиц, на наш взгляд, могут пролить свет и на ряд других вопросов, касающихся эволюции языков, тенденций их развития и т.п. Однако, несмотря на несомненную перспективность, системные компаративные исследования частотности не получили пока широкого распространения. Одна из основных причин видится в недостаточной разработанности методологических основ сравнения такого рода. Речь здесь идет, прежде всего, о создании исследовательского корпуса, который бы обеспечил достоверность количественных данных. В статье излагается опыт построения и применения такого корпуса.

Сегодня корпусная лингвистика достигла таких масштабов развития, что, казалось бы, встает вопрос не о создании нового, а о выборе для исследования того или иного корпуса из числа существующих в большом количестве корпусов для самых разных языков. Наиболее известные из них – национальные корпусы текстов, например, НКРЯ для русского языка, DWDS для немецкого и т.д. Проблема заключается в том, что такие корпусы использовать для целей сопоставления можно только частично и то при соблюдении некоторых условий в силу большой разницы между ними в объеме и характере языкового материала, который вошел в эти лингвистические базы данных.

Для целей сопоставления, как правило, привлекаются параллельные корпусы текстов, в которых представлены тексты на языке оригинала и их переводы, выравниваемые по предложениям, абзацам и т.д. Параллельные корпусы позволяют решить целый ряд задач по выявлению спектра переводных эквивалентов, сравнению их семантики и особенностей функционирования и др. [см. также 7], однако на базе параллельных корпусов текстов получить достоверные данные об употребительности коррелирующих языковых единиц в сравниваемых языках не представляется возможным, поскольку частотность сопоставляемых единиц предопределяется текстом оригинала. Отсюда встает задача создания нового типа корпусов – сопоставимых¹.

Сопоставимость корпусов, с нашей точки зрения, должна обеспечиваться следующими основными показателями: сравнимым количеством словоупотреблений, одинаковой жанровой и временной соотнесенностью текстов на сравниваемых языках. Важным фактором, обеспечивающим репрезентативность сопоставимых корпусов, является разнообразие авторства. Оптимальным источником для наполнения их содержания представляется газетный материал. Сегодня, по меньшей мере, центральные газеты, издающиеся в разных странах и на разных языках, имеют одинаковую рубрикацию (политика, экономика, спорт, культура и т.д.), они с большой точностью могут быть соотнесены по времени, а статьи пишутся большим количеством авторов.

Что касается количества словоупотреблений, т.е. объема корпуса, то оно определяется исследовательскими задачами и напрямую зависит от характера языковой единицы (лексема, синтаксическая конструкция, предложение и т.д.), частотность которой необходимо определить. Чем частотнее языковая единица, тем меньший по объему корпус необходим для получения данных о частотности. Например, для установления частотности предлогов привлекаются корпусы размером от 100 000 до 5 000 000 словоупотреблений [9, с. 18; 15, S. 2–4]. Если исследованию подвергаются менее частотные явления, например, метафоры, то в качестве источника языкового материала привлекаются многомиллионные корпусы [2].

Основываясь на изложенных принципах, мы создали сопоставимые корпусы текстов русского и немецкого языков для исследования частотности употребления предлогов с пространственным значением. В данные корпусы вошли тексты немецкой центральной газеты «Die Tageszeitung» (сокращенное название – «taz») ‘Ежедневная газета’ и тексты таких известных газет

¹ О типах корпусов текстов см. [1, с. 115–117].

России, как «Московский комсомолец», «Литературная газета», «Сегодня» и др. Объем корпусов составил 3 153 772 словоупотребления для немецкой части и 3 272 332 словоупотребления для русской. Экспериментально доказана репрезентативность обоих корпусов для исследования высокочастотных языковых единиц, в частности, предлогов (подробнее об эксперименте см. в [13, с. 75–77]).

Сопоставимые корпусы текстов предоставили возможность решить принципиально новую задачу: получить картину употребления предлогов с пространственным значением в русском и немецком языках в реальной письменной коммуникации. Частотному анализу подверглись все несоставные локативные предлоги с пространственным значением в сравниваемых языках. Их количество для немецкого языка составило 40 единиц, для русского – 47.

Анализ частотности отобранных предлогов проводился в два этапа. На первом этапе формировался частотный список на основании количества употреблений анализируемых предлогов во всей совокупности значений, т.е. не только локативного, но и темпорального, модального, цели и т.д. (табл. 1). На втором этапе составлялся частотный список употреблений предлогов только в пространственном значении, при этом высчитывался процент употребления в пространственном значении от общего количества употреблений (табл. 2).

Т а б л и ц а 1

Частотный список предлогов с пространственным значением
в немецком и русском языках (общее количество употреблений)

№	1	2	№	1	2
1	в	117 087	1	in	83 790
2	на	49 381	2	von	34 023
3	по	22 437	3	an	25 644
4	к	16 043	4	auf	24 143
5	о	15 465	5	zu	23 830
6	из	15 112	6	aus	13 299
7	за	14 062	7	nach	12 343
8	от	12 824	8	bei	10 447
9	у	10 130	9	vor	10 054
10	до	7 018	10	um	9 505
11	с	6 522	11	über	8 884
12	при	4 405	12	durch	5 730
13	под	3 465	13	bis	5 306
14	между	2 414	14	gegen	4 345
15	через	2 071	15	neben	4 077
16	перед	1 621	16	zwischen	3 328
17	над	1 479	17	hinter	1 325
18	против	1 406	18	unter	1 106
19	около	1 003	19	gegenüber	904
20	из-за	795	20	ab	796
21	вокруг	513	21	innerhalb	413
22	внутри	252	22	außer	354

Продолжение табл. 1

23	вне	241	23	entlang	251
24	свыше	183	24	außerhalb	207
25	из-под	156	25	jenseits	204
26	мимо	146	26	inmitten	108
27	впереди	146	27	abseits	68
28	вслед	131	28	unweit	49
29	сквозь	114	29	unterhalb	38
30	возле	108	30	oberhalb	26
31	вдоль	75	31	links	20
32	навстречу	69	32	diesseits	19
33	меж	48	33	fernab	17
34	напротив	43	34	beiderseits	14
35	вблизи	38	35	rechts	13
36	посреди	35	36	längs	11
37	близ	31	37	rechterhand	5
38	поверх	27	38	weitab	2
39	позади	6	39	beidseits	1
40	подле	4	40	linkerhands	0
41	сбоку	2			
42	сзади	2			
43	посередине	2			
44	снаружи	1			
45	вглубь	1			
46	спереди	0			
47	сверху	0			
		307153			284699

Легенда: 1 – предлог, 2 – общее количество употреблений в корпусе.

Т а б л и ц а 2

Частотный список предлогов с пространственным значением
в немецком и русском языках

№	1	2	3	№	1	2	3
1	в	34 875	29,8	1	in	46 419	55,4
2	на	11 169	22,6	2	auf	8 356	34,6
3	из	3 460	22,9	3	an	7 800	30,4
4	по	1 996	8,9	4	aus	6 348	47,7
5	за	1 268	9	5	nach	2 936	23,8
6	с	1 189	18,2	6	von	2 737	8
7	у	1 122	11,1	7	zu	2 302	9,7
8	к	906	5,6	8	durch	1 525	26,6
9	под	569	16,4	9	über	1 323	14,9
10	от	494	3,9	10	vor	1 044	10,4
11	до	376	5,4	11	bei	910	8,7
12	через	355	17,1	12	hinter	807	60,9
13	над	247	16,7	13	zwischen	764	23
14	перед	165	10,2	14	um	584	6,1
15	внутри	112	44,4	15	bis	545	10,3

Продолжение табл. 2

16	возле	107	99,1	16	unter	492	44,5
17	между	95	3,9	17	neben	485	11,9
18	мимо	79	54,1	18	entlang	243	96,8
19	вдоль	75	100	19	gegen	144	3,3
20	вокруг	72	14	20	gegenüber	114	12,6
21	при	57	1,3	21	jenseits	112	54,9
22	сквозь	56	49,1	22	außerhalb	110	53,1
23	из-под	47	30,1	23	innerhalb	103	24,9
24	вне	42	17,4	24	inmitten	78	72,2
25	напротив	41	95,3	25	unweit	48	98
26	около	37	3,7	26	außer	23	6,5
27	вблизи	35	92,1	27	oberhalb	23	88,5
28	о	34	0,2	28	unterhalb	22	57,9
29	из-за	33	4,2	29	links	20	100
30	близ	31	100	30	abseits	18	26,5
31	навстречу	28	40,6	31	ab	17	2,1
32	поверх	19	70,4	32	diesseits	15	78,9
33	посреди	18	51,4	33	beiderseits	13	92,9
34	впереди	15	10,3	34	rechts	13	100
35	меж	14	29,2	35	längs	8	72,7
36	вслед	12	9,2	36	fernab	2	11,8
37	против	7	0,5	37	rechterhand	1	20
38	подле	4	100				
39	сзади	2	100				
40	позади	2	33,3				
41	сбоку	2	100				
42	посередине	2	100				
43	снаружи	1	100				
44	вглубь	1	100				
		59271				86504	

Легенда: 1 – предлог, 2 – количество употреблений в пространственном значении, 3 – доля употреблений в пространственном значении от общего количества употреблений.

Из полученных данных следует несколько важных выводов. Во-первых, это вывод о роли предлогов в языках разных типологических классов. Предположение о том, что степень синтетичности языка и употребительность предлогов находятся в зависимости друг от друга, по меньшей мере, на основании данных этого сопоставимого корпуса не находит подтверждения. Следуя данному предположению, роль предлогов в языках с меньшим количеством падежей возрастает, поскольку с помощью предлогов замещаются функции падежных флексий. В этом случае можно было бы ожидать, что частотность предлогов в немецкоязычной части корпуса должна быть выше, чем в корпусе русского языка. Однако установлено, что при наличии большего количества падежей в русском языке предлоги отличаются большей частотностью по общему количеству употреблений (307 153) и меньшему – по коли-

честву употреблений в пространственном значении (59 271). В немецком языке эти показатели составляют 284 699 и 86 504 употреблений соответственно.

Обращает на себя внимание несовпадение ранга частотности у большинства локативных предлогов, как по всей совокупности употреблений, так и по количеству употреблений в пространственном значении. Например, предлог *за* в общем списке частотности занимает 7-ю позицию, а его коррелят в немецком языке – предлог *hinter* – 17-ю; в списке употреблений в пространственном значении эти предлоги занимают 5-ю и 12-ю позиции соответственно. Данный факт свидетельствует о различиях в объеме семантики сравниваемых языковых единиц и о специфике пространственного значения предлогов, обозначающих одно и то же отношение.

У коррелирующих предлогов существенно отличается доля употреблений в пространственном значении в общем количестве употреблений. Так, если у наиболее частотного предлога русского языка *в* она составляет приблизительно треть (29,8 %), то для его коррелята – предлога *in* в немецком языке – более половины (55,4 %). Из этих данных можно сделать вывод о различиях в значимости пространственного значения сопоставляемых предлогов как многозначных единиц, о разной степени их вовлеченности в процессы грамматикализации и др.

Таким образом, сопоставление данных о количественных показателях употребительности пространственных предлогов в русском и немецком языках стало эффективным методом выявления специфических свойств семантики этих языковых единиц. Сущность этих свойств устанавливалась в ходе семантического анализа.

ЛИТЕРАТУРА

1. Баранов, А. Н. Введение в прикладную лингвистику / А. Н. Баранов. – М. : Эдиториал УРСС, 2001. – 358 с.
2. Баранов, А. Н. Проблема репрезентативности корпуса данных (на примере политической метафористики) [Электронный ресурс] / А. Н. Баранов // Труды международного семинара Диалог`2001 по компьютерной лингвистике и ее приложениям. – М., 2001. – Режим доступа : <http://www.dialog-21.ru/materials/archive.asp?id=6812&y=2001-&vol=6078> – Дата доступа : 15.09.2010.
3. Вежбицкая, А. Понимание культур через посредство ключевых слов / А. Вежбицкая / пер. с англ. А. Д. Шмелева. – М. : Яз. слав. культуры, 2001. – 288 с.
4. Власов, М. С. Взаимодействие эмоциональных и лингвистических факторов в процессе переработки лексической информации (на материале имен существительных русского языка) / М. С. Власов, О. А. Сычев // Вестн. Том. гос. ун-та. – Филология. – № 52. – С. 18–52. [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://journals.tsu.ru/philology/&journal_page=archive&id=1674&article_id=37690. – Дата доступа : 04.03.2020.

5. Глинкина, Л. А. Частотность как значимый регистр лексикографии и фразеологии / Л. А. Глинкина // Проблемы истории, филологии, культуры. [Электронный ресурс]. – Режим доступа : – <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=17072384> – Дата доступа : 06.02.2019.
6. Грахольская, М. И. Семантика английских глаголов разных частотных рангов [Электронный ресурс] / М. И. Грахольская. – Режим доступа : <https://scipress.ru/philology/articles/semantika-anglijskikh-glagolov-raznykh-chastotnykh-rangov-kvantitativnyj-analiz.html> – Дата доступа : 02.04.2018.
7. Добровольский, Д. О. Корпус параллельных текстов в исследовании культурно-специфической лексики [Электронный ресурс] / Д. О. Добровольский. – Режим доступа : <http://ruscorpora.ru/sbornik2008/20.pdf>. – Дата доступа : 03.01.2011.
8. Жилина, И. А., Частотные словари как инструмент формирования иноязычной компетенции / И. А. Жилина, Л. В. Смолина // Современные проблемы гуманитарных и общественных наук. – № 5. – 2018. – С. 70–74. [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=36534589>. – Дата доступа : 12.01.2016.
9. Комарова, З. И. Ядерные служебные слова в русском подязыке информатики: квантитативно-квалитативное исследование / З. И. Комарова, С. В. Краев. – Екатеринбург : Урал. литератур. агентство, 2008. – 303 с.
10. Лю, П. Частотные характеристики языковых средств ориентации в пространстве (на материале китайского, русского и английского языков) / П. Лю // Материалы ежегод. науч. конф. студ. и магистрантов ун-та, 18–19 апр. 2019 г. : в 4 ч. Ч. 3 / отв. ред. Н. П. Баранова. – Минск : МГЛУ, 2019 – С. 56–58.
11. Норман, Б. Ю. Когнитивный синтаксис русского языка : учеб. пособие / Б. Ю. Норман. – М. : Флинта, Наука, 2013. – 254 с.
12. Тарасевич, Л. А. Семантика пространственных предлогов в зеркале количественных показателей (на материале немецкого и русского языков) / Л. А. Тарасевич // Вестн. БГУ. Сер. 4, № 2, 2014. – С. 40–47.
13. Тарасевич, Л. А. Семантика и функционирование предлогов с пространственным значением (на материале немецкого и русского языков) / Л. А. Тарасевич. – Минск : МГЛУ, 2014. – 272 с.
14. Харина, М. В. Применение частотных словарей в процессе развития англоязычной лексической компетенции студентов ИТ-направлений [Электронный ресурс] / М. В. Харина. – Режим доступа : <https://doi.org/10.21686/1818-4243-2018-5-65-73>. – Дата доступа : 24.08.2020.
15. DiMeola, C. Die Grammatikalisierung deutscher Präpositionen / C. DiMeola. – Tübingen: Stauffenburg-Verl. – 2000. – 285 S.

The article is devoted to the problems arising in comparative studies of the frequency of correlating language units. The author formulates the principles of creating comparable text corpora to ensure the reliability of data on the frequency of correlating units in different languages, provides examples of effective use of comparable text corpora to solve research problems.

И. В. Метлушко
Минск, МГЛУ

ЖАНР КАК РЕАЛИЗАЦИЯ ТИПОВЫХ КОММУНИКАТИВНЫХ НАМЕРЕНИЙ

Изучение феномена интенциональности представляется весьма перспективным направлением в современной лингвистике. Разработанные методики интен-анализа позволяют выявлять типовые коммуникативные намерения (интенции), систематизировать полученные данные о иерархических и структурных компонентах текстовой интенциональности. Рассматривается возможность использования полученных данных в качестве основы для дальнейшей разработки классификации жанрового и дискурсивного многообразия.

М. М. Бахтин в 1953 г., размышляя над дихотомией «система языка – речь», заметил: «Язык входит в жизнь через конкретные высказывания (реализующие его), через конкретные же высказывания и жизнь входит в язык» [1, с. 160]. Данное наблюдение, приобретая новые смысловые ракурсы и терминологические дополнения, остается актуальным и сейчас.

Так, исследование «языка, который входит в жизнь через конкретные высказывания» проявляется в изучении не только общих свойств коммуникации, но и частных ее вариаций, присущих различным социальным, профессиональным, гендерным, возрастным группам и отдельным личностям. Исследованию подвергаются не только «статичные тексты» [2, с. 21], но и дотекстовые коммуникативные намерения (интенции) каузирующие текстопорождение.

Термин *интенциональность* (интенция от лат. *intentio* ‘намерение, замысел’), получивший распространение в XIX – XX вв. в учении о сознании человека (Ф. Brentano, А. Мейнонг, Э. Гуссерль и др.) [3], начал активно использоваться Дж. Остином и его последователями в лингвистической философии (одно из направлений аналитической философии). Рассматривая язык как «инструмент для совершения различных действий» [4, р. 37], интенциональность мыслилась исследователями как значимая категория для понимания и детализации иллокуции в теории речевых актов.

Наиболее базовым определением интенциональности (коммуникативного намерения), ставшим основой для терминологического поиска и детализации, является, на наш взгляд, определение Г. В. Колшанского: «Интенциональность – своеобразный сплав потребности, мотива и цели» [5, с. 53]. Л. Р. Дускаева уточняет: «Цель – это результат, стремясь к которому, субъект осуществляет свою деятельность. Характер этой деятельности определяется мотивом и потребностью, тем самым структуру типовой интенции представляют, по крайней мере, два составляющие – мотивационный и содержательно-смысловой аспекты. Мотивационный аспект указывает на направление предвосхищаемого процесса воздействия, потребность – на характер предвосхищаемых изменений в смысловом поле адресат. Направление коммуникации

задается характером предвосхищаемого читательского запроса, который в свою очередь детерминируется традициями информационной деятельности» [6, с. 13].

Из сказанного выше следует, что определение первичной (авторской) интенциональности позволяет адресату и адресанту осознать первопричины текстопорождения, считать взаимодействие коммуникативным успехом или коммуникативной неудачей. При этом интенция представляет собой многомерное явление, «сплав» [5, с. 53] и обладает рядом отличительных характеристик:

а) двуплановость – сочетает в себе два аспекта – «интенциональность, детерминируемую традицией употребления в той или иной сфере общения, и интенциональность, определяемую самим творцом. Это обусловлено сочетанием стереотипного и творческого в конкретном творческом акте» [6, с. 11];

б) экстралингвистичность или дотекстовость – интенциональность дискурса обусловлена внеязыковой составляющей и служит для удовлетворения профессиональных, эстетических, личностных и т.п. потребностей, мотивов, целей субъекта;

в) системность – «даже отдельная интенция – системный феномен, несущий на себе печать черт, свойственных всей системе, а кроме того, вырабатывает черты, присущие только этим компонентам. Эти признаки системности свойственны и структуре интенции» [6, с. 12];

г) имеет структурные различия, отражающиеся в способах языкового воплощения, в силу присущего ей «своеобразного сплава потребности, мотива и цели» [5, с. 53];

д) иерархичность – каждая интенция занимает особое место в иерархии интенций, получивших воплощение в некотором дискурсе или в комплексной иерархии интенций. Согласно теории планирования М. Братмана, человек – планирующая личность (planning agent), а интенции – элемент стабильной иерархической модели планирования, где каждая новая интенция рождается на месте ранее реализованной [7, р. 34]. «Интенции являются тем иерархически высоким уровнем речевой системы, который ближайшим образом связан с личностью говорящего, его устремленностью, предпочтениями, включенностью в практическую жизненную деятельность [8, с. 73];

е) типизированность – интенциональность складывается из потребностей типовых интенций (профессиональных, личных, эстетических, гендерных и т.п.), которые вызывают образование текстотипов, т.е. речевых жанров. Типизированность интенциональности имеет прямую зависимость от вида жанра, дискурса. Так, в жанре, дискурсе находят воплощение не только типовые, но и универсальные, специфичные для данного вида дискурса интенции [6, с. 12].

Накопленные знания об интенциональности, с одной стороны, привели к недавнему формированию *интенциональной стилистики* (термин Л. Р. Дускаевой) [6], с другой – рассматриваются как возможное решение таксономической жанровой неопределенности – отсутствие универсальной классификации жанров на фоне достаточно детального изучения некоторых

из них. Примечательно, что современная лингвистика столкнулась с той же таксономической проблемой, что решалась в лингвистике в 1960-х гг. в работах Дж. Суэйлса, М. М. Бахтина и др. Об этом А. А. Кибрик пишет: «На данный момент неизвестно, можно ли построить на лингвистической основе удовлетворительную классификацию жанров, или хотя бы определения отдельных жанров» [2, с. 20], при этом он указывает на перспективность доминантно-функционального подхода, основанного на идеях Дж. Суэйлса [9].

В концепции Дж. Суэйлса понятие *жанр* используется как один из способов описания различий между видами дискурса. Каждый жанр включает в себя некоторый «класс коммуникативных событий, члены которых имеют определенный набор коммуникативных целей» [9, р. 30]. «Дискурсивные жанры рассматриваются как имеющие коммуникативные цели, а дискурсивные сообщества – коммуникативные намерения» [9, р. 43]. При этом, «цель, ради которой совершается речевое действие, называют коммуникативным намерением, т.е. чтобы добиться цели, реализовать свое коммуникативное намерение, говорящий строит высказывание» [10, с. 34]. Количество реализуемых прагмаориентированных коммуникативных намерений теоретически неограниченно, но практически регулируется установленными социально-культурными нормами и отношениями внутри дискурсивного сообщества.

Более того, коммуникативные цели и реализуемое коммуникативное намерение должны быть признаны и узнаваемы опытными членами «родительского дискурсивного сообщества» [9, р. 14], т.е. должны как соответствовать установленному дискурсивному жанровому канону, включающему в себя лингвистическое соответствие выработанным нормам, так и вписываться в структурно и прагматически заданный жанровый каркас.

Подобная негласная «сверка» коммуникативных целей внутри некоторого жанра составляет обоснование возникшего либо существующего жанра. При этом коммуникативная цель является не только главным критерием в формировании жанра, но и сохраняет область действия жанра.

Помимо универсальной коммуникативной цели, жанры демонстрируют сходства и в предполагаемой аудитории. Если все указанные ожидания/требования реализованы, текстовый образец рассматривается как «прототипичный для родительского дискурсивного сообщества» [9, р. 14].

Официальные заявления о коммуникативных процедурах в дискурсивных сообществах не всегда соответствуют реальной практике, что обусловлено самой природой и творческим потенциалом языка и языковой личности. Участники дискурсивного сообщества могут нарушать каноны, присущие тому или иному дискурсивному жанру в момент реализации своих коммуникативных намерений. Полагаем, что нарушение некоторых принципов построения того или иного жанра допустимо и оправдано для реализации первичных (авторских) коммуникативных намерений до тех пор, пока жанровая принадлежность распознается другими участниками сообщества, выполняет свои коммуникативные цели и позволяет считать взаимодействие коммуникативным успехом.

Исходя из гипотезы о конечности перечня типовых коммуникативных намерений (интенций), был предпринят ряд попыток их установления и систематизации. Например, установление интенций и их последующая структурная презентация представлены в работах Н. Д. Павловой, Т. Н. Ушаковой, Е. А. Песковой на материале политического дискурса [11]; А. Р. Арутюнова и П. Г. Чеботарева в диалогическом общении [12]; Л. Р. Дускаевой – в различных подтипах медийного дискурса [6].

В ходе указанных исследований было выявлено, например, 37 интенций, реализованных в предвыборных выступлениях политиков: *вовлечение в обсуждение, демонстрация компетентности и готовности действовать, демонстрация силы, осуждение, предостережение, завоевание внимания* и др. [11]. Более обобщенная классификация выявленных интенций представлена в «Каталоге коммуникативных единиц. Интенции» и включает в себя такие интенции, как, например, *идентификация, интерес, безразличие* и др., входящие в подраздел «Этикет» раздела «Формальная коммуникация» [12].

Л. Р. Дускаева связывает сложность интен-анализа с тесным информационным и интенциональным переплетением в процессе текстопорождения, констатируя, что говорить можно лишь о степени проявления некоторой интенций в каждом типе текста. Исследователь проводит намеренное условное дробление объекта и фиксирует большую/меньшую степень выраженности той или иной интенции [6, с. 13]. Так, «в ответ на запрос о фактах возникает *осведомительная интенция, оценочная* – в ответ на запрос о мнениях, *побудительная* – в ответ на запрос о предписаниях» [6, с. 13]. Соотношение оценочного, побудительного и познавательного компонентов интенции может варьировать, становясь ведущим или вспомогательным, в зависимости от каждого конкретного намерения субъекта речи.

Таким образом, сложно переоценить перспективность интен-анализа для дальнейшего развития лингвистики в целом, и прагма- и коммуникативной лингвистики в частности. Несмотря на многочисленность предлагаемых методик анализа и подходов к выявлению интенций, на данный момент отсутствует универсальный комплексный подход. При этом полученные данные о качественных и количественных показателях представленности тех или иных интенций в текстах различных жанров позволяют рассматривать результаты интен-анализа как перспективное направление для таксономического структурирования жанрового и дискурсивного многообразия.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бахтин, М. М. Собр. соч. / М. М. Бахтин // Полн. собр. соч. : в 6 т. – М. : Рус. словари, 1996. – Т. 5: Работы 1940–1960 гг. – С. 159–206.
2. Кибрик, А. А. Анализ дискурса в когнитивной перспективе : дис. ... д-ра филол. наук : 10.02.19 / А. А. Кибрик. – Москва, 2003. – 90 л.
3. Большой энциклопедический словарь [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://dic.academic.ru/dic.nsf/enc3p/139766>. – Дата доступа : 09.09.2020.

4. *Austin, J. L. How To Do Things With Words / J. L. Austin.* – Oxford Univ. Press, 2018. – 170 p.
5. *Колшанский, Г. В.* Проблемы коммуникативной лингвистики / Г. В. Колшанский // Вопросы языкознания. – 1979. – № 6. – С. 51–62.
6. *Дускаева, Л. Р.* Интенциональность медиаречи: онтология и структура / Л. Р. Дускаева // Медиатекст как полиинтенциональная система : сб. ст. / отв. ред. Л. Р. Дускаева, Н. С. Цветова. – СПб., 2012. – С. 10–16.
7. *Bratman, M. Intention, Plans, and Practical Reason / M. Bratman.* – Harvard Univ. Press, 1999. – 200 p.
8. *Ушакова, Т. Н.* Слово в действии: Интент-анализ политического дискурса / Т. Н. Ушакова, Н. Д. Павлова. – СПб., 2000. – 316 с.
9. *Swales, J. Genre Analysis: English in Academic and Research Settings / J. Swales.* – Cambridge Univ. Press, 1990. – 260 p.
10. *Падучева, Е. В.* Высказывание и его соотнесенность с действительностью / Е. В. Падучева. – М. : Наука, 1985. – 293 с.
11. *Павлова, Н. Д.* Интент-анализ. Основания, процедура, опыт использования / Н. Д. Павлова, Т. А. Гребенщикова. – М. : Ин-т психологии РАН, 2017. – 170 с.
12. *Арутюнов, А.* Интенции диалогического общения и их стандартные реализации / А. Р. Арутюнов, П. Г. Чеботарев // Рус. яз. за рубежом. – 1993. – № 5 – 6/93. – С. 75–82.

The study of the phenomenon of intentionality is a promising scientific direction in modern linguistics. The developed methods of intent-analysis make it possible to identify the typical communicative intentions, to standard the data on the hierarchical and structural components of text intentionality. The possibility of using the obtained data as a basis for the further genre and discourse classification is dwelt on.

ЛИНГВИСТИКА ТЕКСТА И ДИСКУРСА

Т. В. Аникеева

Минск, МГЛУ

ПРЕЦЕДЕНТНЫЕ ТЕКСТЫ И МОДЕЛИ ИХ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ В СОВРЕМЕННОМ ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТЕКСТЕ

В статье рассматриваются основные модели актуализации прецедентного текста в современной художественной прозе. Отмечается, что в качестве основы, обеспечивающей функционирование прецедентных единиц, выступает прототекст, являющийся местом хранения культурных смыслов и ассоциаций. Способом текстовой экспликации совокупности прототекстовых смыслов и ассоциаций на вербальном уровне является использование прецедентной текстовой единицы. Раскрывается ключевая роль инвариантности как основной черты, детерминирующей устойчивость узнавания прецедентной единицы. Определяются актуальные для художественного текста XXI в. модели введения и развертывания прецедентного текста. Анализируется возможность развертывания прецедентного текста через совокупность репрезентированных в рамках прецедентной ситуации иносемиотических формул и кодов с опорой на фрагменты визуального, аудиального и других видов текстовых пространств.

Характерной чертой художественного текста XXI в. является тенденция к интеракции, понимаемая не только как взаимодействие участников коммуникации в рамках коммуникативного акта, но и как взаимообмен на внутритекстовом уровне, предполагающий, что язык художественного произведения как особой знаковой системы характеризуется неоднозначностью семантики и множественностью интерпретаций [1, с. 124]. Сам текст формируется и реализуется как совокупность линейных характеристик, представляющих явления предметного мира в виде последовательной цепи действий и событий, а также факторов, ориентированных на уход в прошлое или актуализацию воспоминаний. Понятия, которые употребляются для описания текста, на основе которого создается новое произведение, включают прототекст, текст-источник, текст-донор, первичный текст. Зачастую в качестве наиболее точного и краткого термина избирается *прототекст*, поскольку префикс «прото-» отражает первоначальность, исконность по отношению к тому, что названо мотивирующим именем существительным [2, с. 131–132]. Элементы, выходящие на поверхность заимствующего текста, определяются исследователями как *прецедентные феномены* и рассматриваются как готовые интеллектуально-эмоциональные блоки, значимые для той или иной личности в познавательном и эмоциональном отношении, хорошо известные в обществе и постоянно используемые в коммуникации [3; 4]. Реализация данных элементов в процессе непосредственной коммуникации в значительной степени зависит от способности коммуникантов оперировать культурно значимой информацией [3, с. 41–42]. Определение прецедентного текста, предложенное В. В. Красных, позволяет причислить к таким текстам названия произведений художественной литературы, тексты широкого известных

песен, рекламы, анекдотов, политические и публицистические тексты [5, с. 190]. Таким образом, в качестве прецедентных выступают регулярные, эталонные текстовые явления, функционирование которых в заимствующем тексте реализуется с опорой на культурно значимые свойства и характеристики прототекстовых источников.

Особое значение для определения сущности прецедентного текста имеет понятие *инварианта* как структурного образования, предполагающего абстрактное обозначение одной и той же сущности (например, одной и той же единицы) в отвлечении от ее конкретных модификаций [6]. Алгоритм восприятия текста и национально обусловленная совокупность прецедентных текстов (инварианты прецедентов, входящие в когнитивную базу) находятся в отношениях двунаправленной зависимости. С одной стороны, алгоритм восприятия – это тот механизм, который и «создает» инвариант восприятия прецедентного текста, т.е., инвариант восприятия прецедентного текста предопределяется алгоритмом. С другой стороны, входя в когнитивную базу и будучи неотъемлемой частью своеобразной системы координат, инварианты сами задают некоторую систему оценок, выступая как «классические образцы», эталоны восприятия текстов вообще, т.е., инварианты предопределяют алгоритм восприятия [5, с. 195–196]. Отмечается, что алгоритмичность, усматриваемая в процессе непосредственного восприятия прецедентных единиц и изучаемая с позиции функциональной структуры текстового явления, может описываться в терминах модели, под которой понимается сама структура, обладающая объяснительной силой и объясняющая поведение наблюдаемой ситуации [7, с. 95].

Согласно первому описанному подходу с позиции реципиента для установления связи текста с известными из прошлого языкового опыта текстами реципиент должен быть в состоянии воспринять в тексте соответствующие сигналы. При этом предполагается, что прецедентный текст будет знаком всем или наибольшему числу реципиентов определенного лингвокультурного сообщества. Современный художественный текст демонстрирует примеры языковой игры, когда узнавание прецедентного текста происходит без опоры на конкретную номинативную единицу и облегчено развернутым описанием его признаковой составляющей: *“Presumably he was counting off his daily quota of lengths, getting himself in shape, but it looked unprofitable, forlorn, like that Greek in hell who pushed a rock up the hill all day just to watch it roll to the bottom again”* (А. Миллер. Оxygen). – «Предположительно, он отсчитывал свое ежедневное количество дистанций, намереваясь привести себя в форму, но это выглядело бесполезно, жалко, как у того грека в аду, который днями катил камень в гору только для того, чтобы увидеть, как он снова обрушится вниз» (А. Миллер. Кислород. Перевод здесь и далее мой. – Т. Аникеева) / «С утра по свежеснежавшему снежку в отделение потянулись посетители. Граждане «с воли» входили, тронутые морозцем, краснощекие, бодрые. Однако, попав в сумеречное паркое чрево барака, пахнувшее клозетом, бинтом и казенной кухней, они как один конфузились и робели. Здесь

им делалось не по себе, как тому *древнегреку, который попал в загробное царство*» (О. Зайончковский. Сергеев и городок). Наивный реципиент способен провести отождествление указанных фрагментов античных мифов при помощи апелляции к инварианту прецедентных ситуаций *катить камень в гору, посещать загробное царство*, в то время, как для хорошо знакомого с источником заимствования данной ситуации реципиента актуализация может происходить непосредственно через обращение к прецедентным именам *Сизиф и Орфей*, апеллирующим к соответствующим прецедентным ситуациям. В некоторых случаях источник заимствования текстового фрагмента дистанцируется от самого фрагмента, приобретающего статус автономного и поэтому сближающегося с единицами фразеологического или паремииологического типа: *«К названному журналисту попали Бог весть откуда материалы об источнике зла. Все дело было в игле. Игла была спрятана в яйце, яйцо в селезне, селезень в зайце, заяц еще в ком-то, а все это, в свою очередь, запихнуто в дипломат»* (М. Шишкин. Венерин волос).

Одним из наиболее распространенных способов апелляции к прецедентному тексту является его развертывание с опорой на прецедентное имя, само определение которого предполагает, что оно связано с широко известным текстом или прецедентной ситуацией [5, с. 197]. Развертывание и конкретизация прецедентного текста происходят через апелляцию к одному из дифференциальных признаков прецедентного имени: *«Помню только, что странные люди протягивают папе странные чаши. Оказывается, обрезанные черепа, из которых они сделали пепельницы. Еще они шутят, что это месть за князя Святослава, из черепа которого печенегу сделали себе чашу для вина»* (М. Шишкин. Венерин волос) / *“She made the place sound like Sodom, which one cast an eye over at one’s peril”* (Н. Jackobsen. The Finkler Question). – *«Она описала это место как Содом, где каждый замечал падение брата своего»* (Г Джейкобсен. Вопрос Финклера). Как и другие универсально-прецедентные явления, базирующиеся на религиозных текстах и являющиеся хорошо узнаваемыми для представителей нескольких лингвокультурных сообществ, прецедентное имя *Содом* и его дифференциальные признаки (*Содом* представляется как город, уничтоженный Богом за свои злые дела – ‘one of the sinful cities in the biblical book of Genesis, destroyed by “sulfur and fire” because of their wickedness’ [8]) позволяют актуализировать первичное представление о данном городе, которое далее конкретизируется с опорой на эксплицированный признак, дополняющий его описание: порочность Содомы усиливается за счет реализации представления о том, что его жители не только не проявляют сострадания по отношению друг к другу, но и радуются несчастьям другого. Схожим образом, в случае повторной номинации, прецедентность имени собственного реализуется с опорой на развернутое пояснение, конкретизирующее источник заимствования – прецедентный текст: *“My name’s Samuel, not Sam. Sam’s a private investigator’s name. Samuel was a prophet”* (Н. Jackobsen. The Finkler Question). – *«Меня зовут Самуил, не Сэм. Сэм – имя частного детектива. Самуил был пророком»* (Г. Джейкобсен. Вопрос Финклера).

Определенные стратегии актуализации прецедентных текстов тесно связаны с другими прецедентными феноменами, в частности, именем-символом: *“So what was left to be done? László had returned to find himself forgiven, understood, well-loved, **an Odysseus with bloodshot eyes and no rivals to scatter.** Of his adventures he had told whatever could be safely told, and answered, honestly, the few questions Kurt had put to him”* (A. Miller. Oxygen). – «Что же оставалось делать? Лазло вернулся и почувствовал себя прощенным, понятым, любимым, **Одиссеем с воспаленными глазами и отсутствием соперников, с которыми нужно бороться.** Он рассказал то, что мог, и честно ответил на те немногие вопросы, которые задал ему Курт» (А. Миллер. Кислород). Базируясь на известном тексте «Одиссеи» Гомера и обладая символическим характером, прецедентное имя *Одиссей* реализуется как полисемичное, обладая комплексом дифференциальных признаков, способных к актуализации [9, с. 93]. Согласно одному из способов актуализации полисемантичности прецедентный текст реализует апелляцию к прецедентному имени, которое включается в прецедентную ситуацию и определяет выбор контекстуально обусловленного семантического компонента. Значительную роль в контекстуальном развертывании предложенного примера играют не только совокупность семантических признаков, свойственных прецедентному имени, но и образность общекогнитивных представлений, проецирующаяся на текстовый фрагмент и усложняющая семантическую структуру прецедентного текста.

Отдельным способом актуализации прецедентных текстов выступает апелляция к прецедентным ситуациям или их компонентам: *“The thing about faith,’ he began, quietly addressing a spider’s web that glittered and trembled with raindrops, a thing of fabulous intricacy under the eaves of the summerhouse, ‘is that it doesn’t have to come **all at once. Road to Damascus,** et cetera. You can believe for a morning. Or an hour, if that’s all you can manage. It doesn’t matter”* (A. Miller. Oxygen). – «Вера – такая штука, – начал он, тихо обращаясь к паутине, наполненной сверкающими и дрожащими дождевыми каплями; удивительно запутанный лабиринт под крышами дачных домиков, “которая не должна приходить **сразу. По дороге в Дамаск,** и так далее. Можно верить только одно утро. Или один час, если тебя на это хватит. Это неважно” (А. Миллер. Кислород). Прецедентный текст и его реализация в данном случае обусловлены развертыванием одного из атрибутов имплицированной прецедентной ситуации обретения веры апостолом Павлом [10, с. 20].

Типичным для современного художественного текста является отражение в нем значительного количества аудиальных, визуальных и других видов отсылок к инотекстовым культурным феноменам и объектам: *“The sight of his wife **rising** from the compost **like a beau-monde Venus** was the reason Finkler couldn’t keep out of the garden no matter how much he feared it”* (H. Jacobsen. The Finkler Question). – «Вид собственной жены, поднимающейся от компостной кучи словно великосветская Венера, был той причиной, по которой Финклер не мог держаться подальше от сада, несмотря на все свои опасения» (Г. Джейкобсен. Вопрос Финклера). В данном случае в качестве

образного инварианта, закрепленного в когнитивной базе, выступает художественное произведение С. Боттичели «Рождение Венеры». Перекодированное визуальное произведение искусства, помещенное в языковой контекст, выступает в данном случае в качестве текста, который воспринимается как полноправный участник процесса коммуникации. Отмечается, что относительно долговечные произведения искусства имеют тенденцию переходить из одного контекста в другой; перемещение в другой культурный контекст предполагает их аналогию с поведением информанта, перемещенного в новую коммуникативную ситуацию, что состоит в актуализации прежде скрытых аспектов своей кодирующей системы [11, с. 89].

Проанализированные примеры позволяют сделать выводы об особенностях введения и репрезентации в художественном тексте феномена прецедентного текста. На основе анализа данных способов возможно описание моделей актуализации прецедентных текстов как отдельных структурных последовательностей их текстового развертывания. К одной из наиболее распространенных моделей актуализации прецедентного текста относится его развертывание с опорой на прецедентное имя, дифференциальные признаки которого способствуют успешности установления его прототекстовых характеристик. При этом реализация прагматической составляющей прецедента способна как опираться на выбор одного из признаков прецедентного имени, так и расширяться и уточняться за счет дополнительных ситуативно эксплицированных характеристик прецедентного текста. Другая тенденция к актуализации реализуется через апелляцию к прецедентной ситуации или ее атрибутам. В случае с менее узнаваемыми прецедентными текстами их актуализация происходит без опоры на вербализованную номинативную единицу и может быть облегчена развернутым описанием его признаков составляющей, что создает эффект языковой игры. Отдельной моделью актуализации прецедентного текста выступает использование перекодированного текстового фрагмента, принадлежащего иносемиотическому пространству. Через апелляцию к фонду общекультурных образов и представлений подобные включения позволяют задействовать ряд дополнительных образов и ассоциаций, расширяющих и углубляющих двухмерность текстового пространства.

ЛИТЕРАТУРА

1. Романовская, А. А. Классические античные символы и их семантико-прагматические функции в современном художественном тексте : дис. ... д-ра филол. наук : 10.02.19 / А. А. Романовская. – Минск, 2015. – 334 л.
2. Лушникова, Г. И. Трансформация прототекста в современном художественном дискурсе: методология и методы анализа / Г. И. Лушникова // Гуманитарные науки. – 2018. – № 3 (43) – С. 130–135.
3. Нахимова, Е. А. О классификации и дифференциации видов прецедентных феноменов в политической коммуникации / Е. А. Нахимова // Один пояс – один путь. Лингвистика взаимодействия : материалы междунар. науч. конф., Екатеринбург, 16–21 дек. 2017 г. / Уральск. гос. пед. ун-т ; редкол. Н. Б. Руженцева [и др.] – Екатеринбург, 2017. – С. 41–46.

4. *Караулов, Ю. Н.* Русский язык и языковая личность / Ю. Н. Караулов. – М. : Изд-во ЛКИ, 2010. – 264 с.
5. *Красных, В. В.* «Свой» среди «чужих»: миф или реальность? / В. В. Красных. – М., 2003. – 375 с.
6. Инвариант // Лингвистический энциклопедический словарь. – 2-е изд. – М., 1998. – С. 80–81.
7. *Ремхе, И. Н.* Статус модели в лингвистических науках и их реализация в когнитивном моделировании языка / И. Н. Ремхе // Вестн. Челяб. гос. ун-та. – 2007. – № 8. – С. 94–98.
8. Sodom and Gomorrah // Encyclopedia Britannica [Электронный ресурс]. – 2020. – Режим доступа : <https://www.britannica.com/place/Sodom-and-Gomorrah>. – Дата доступа : 11.05.2020.
9. *Багаева, Д. В.* Прецедентное имя и прецедентное высказывание как символы прецедентных феноменов / Д. В. Багаева, Д. Б. Гудков, И. В. Захаренко, В. В. Красных // Язык, сознание, коммуникация : сб. ст. / Филология ; под ред. В. В. Красных, А. И. Изотова. – М., 1997. – С. 82–102.
10. Павел Апостол // Энцикл. словарь Брокгауза и Ефрона / Ф. А. Брокгауз, И. А. Ефрон. – М. : Директ-Медиа, 2014. – С. 20.
11. *Лотман, Ю. М.* Семиотика культуры и понятие текста / Ю. М. Лотман // Избр. ст. Т. 1. – Таллинн, 1992. – С. 129–132.

The article deals with the description of the main models of precedent text actualization in modern literary text. The use of precedent text relies on appealing to prototext structures. The notion of invariant stands as the main text feature determining the stability of precedent phenomenon identification.

А. С. Баханович
Минск, МГЛУ

СИНТАКСИЧЕСКИЕ СРЕДСТВА ЭКСПЛИКАЦИИ ИРОНИИ В БЕЛОРУССКО- И АНГЛОЯЗЫЧНОМ ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТЕКСТЕ

Рассматривается феномен иронии как категории художественного текста. Уточняется положение иронии в системе стилистических приемов, выявляются синтаксические стилистические средства ее реализации. Системно-структурный анализ способов актуализации иронии в романах А. Брава «Садомская яблыня» и С. Фрая «Гиппопотам» позволил установить, что сочетание элементов экспрессивного синтаксиса, обладающих графической выделенностью, контекста и соответствующей интонации становится средством создания комического эффекта.

Установление статуса иронии в свете современных филологических исследований, а также выявление ее особенностей как составляющей категории комического и средства эмоционально-оценочной критики является значимым в таких областях научного знания, как лингвистика, литературоведение, эстетика, философия, поскольку данный языковой и ментальный феномен выступает как неотъемлемый компонент культуры и отражает морально-этические ценности социума.

Иронию по праву считают полиаспектным явлением, поэтому ее определения разнообразны: это и стилистический прием, служащий для усиления и украшения речи, и эстетическая составляющая мышления; один из видов иносказания, соединяющий серьезное и насмешливое, презрительное и истинное, справедливое; вид речевой агрессии; «текстовая категория, индуцирующая в тексте имплицитные смыслы, которые связаны со способностью личности (автора) оценивать явления действительности» [1, с. 27].

Объясняя суть иронии, богослов И. Севильский обращает внимание на притворство говорящего: «этот троп делается посредством остроумия или посредством обвинения, или посредством насмешки» [2, с. 56]. Интересны рассуждения датского философа С. Кьеркегора: «В наше время много говорится о значении сомнения для науки; а ирония для частной жизни является тем, чем сомнение – для науки. И поэтому подобно тому, как ученые утверждают, что нет истинной науки без сомнения, с полным правом можно утверждать, что нет подлинно человеческой жизни без иронии» [3, с. 186].

Рассматривая основные номинации понятия иронии, следует обратиться к мнению авторитетных лингвистов. Так, И. Р. Гальперин отмечает, что *ирония* – это стилистический прием, посредством которого в каком-либо высказывании появляется взаимодействие двух типов лексических значений – логического и контекстуального, основанного на отношении противоположности; основное предметно-логическое значение затемняется контекстуальным [4, с. 133].

Реализуясь в художественном тексте, ирония как лингвистическое явление эксплицируется посредством средств, которые можно классифицировать в соответствии с языковыми уровнями, поэтому объектом изучения становятся лексико-семантические, синтаксические и морфологические особенности создания иронии.

Обобщая определения иронии (Т. Ф. Лимарёва, А. В. Сергиенко, О. Г. Петрова, О. П. Ермакова, Д. Мюкке, С. Аттардо, Л. Хатчеон), мы пришли к выводу, что это средство реализации субъективно-оценочной модальности, а также сложная лингвистическая и эстетическая категория, основанная на контрасте отрицательного явления и его притворного положительного образа. Сама возможность позитивной оценки впоследствии доводится до абсурда, чтобы осмеять и дискредитировать описываемое явление.

В качестве фактического материала анализируются белорусскоязычный роман А. Брава «Садомская яблыня», а также англоязычный роман С. Фрая «Гиппопотам».

Среди разноуровневых маркеров иронии синтаксические средства (повторы, вставные конструкции, вводные конструкции, риторические вопросы, восклицательные предложения) имеют принципиальное значение, поскольку позволяют «не только транслировать основную информацию, но и вводить дополнительную, осуществляя таким путем эстетическую суггестию по отношению к реципиенту художественного текста» [5, с. 14].

Характерными в данной группе средств являются локальные повторы, релевантные для отдельного фрагмента текста. Повтор в художественном тексте способствует появлению у языковой единицы дополнительных зна-

чений, увеличению ее содержательной и функциональной нагруженности. В описании чиновников неоднократно воспроизводится слово *палюбоўніца*. С помощью данного повтора автор делает акцент на негативном стереотипном имидже слуг народа. Ироническая оценка автора реализуется в форме критики и осуждения:

Кандыдатамі на іншы, лепшы партфель – вось кім яны былі, тыя «рэгіянальныя кадры»; яны хуценька перадыслацыраваліся ў сталіцу з жонкамі ды палюбоўніцамі, дзецямі жонак і палюбоўніц, катамі ды сабакамі жонак і палюбоўніц.

Вставные конструкции как элемент экспрессивного синтаксиса играют важную роль в структуре художественного текста. Несмотря на графическую изолированность от основного контекста, с информативной точки зрения они оказываются тесно связанными с содержанием высказывания, выражая субъективное отношение говорящего к излагаемой информации, добавляя эмоциональную окраску, оттенок комичности и функционируя в качестве замечания, пояснения к содержанию определенного отрезка в тексте.

Внешне положительная семантика вставной конструкции получает в контексте оттенок неодобрения. Автор язвительно характеризует предложение турфирмы: совместить паломничество к святым местам с шопингом в гипермаркете. Ироническая оценка реализуется в форме насмешки над неуважением к правилам жизни и обрядам христианства:

Жанчыны ад нуды плятуцца ў Божы храм, тэрапеўтычную групу альбо вінна-гарэлачную краму. Мне не хавацца ад сябе ні сярод паломнікаў да Матроны Маскоўскай (з заездам у гіпермаркет – запрашаюць мясцовыя турфірмы), ні на дне бутэлькі.

В романе «Гиппопотам» автор намеренно занижает стилевой фон: *to ape airplanes* ‘собезьянничать авиаалинии’, использует сравнение в качестве авторского комментария (*about as sensible as going into a barbershop and asking for a Lindsay Anderson cut*), который выражает нецелесообразность копирования авиаалиний поездами, и в целом иронизирует над плачевным состоянием вагона поезда:

I travelled First Class. There's only one smoking car on the whole train. In Britrail's futile attempts to ape airlines (in itself a deranged project – about as sensible as going into a barbershop and asking for a Lindsay Anderson cut) they litter the compartment with a laughable in-carriage glossy called 'Executive' or 'Top Traveller'. ‘Я поехал первым классом. Во всем поезде имелся всего один вагон для курящих. «Британские железные дороги» в тщетных попытках собезьянничать авиаалинии (затея сама по себе полоумная – все равно, что явиться в парикмахерскую и попросить, чтобы тебя постригли под Линдсея Андерсона) утыкали купе смехотворными глянцевыми табличками, на которых значится: «Исполнительный директор», «Важный пассажир»’.

Наиболее зависимым синтаксическим средством экспликации иронии являются вводные конструкции, подчиненные лексическому наполнению высказывания. Однако ввиду функциональной особенности вводных конструкций, которая заключается в выражении субъективной модальности,

их можно квалифицировать как неотъемлемый маркер иронии. Вводная конструкция *на праўдзе* и вводное слово *вядома* подверглись в контексте ироническому переосмыслению, получили противоположную коннотацию. Благодаря такого рода семантическому контрасту, созданному посредством вводного слова и вводной конструкции, автор подчеркивает притворство и двойственность своих суждений:

Мець сваё жыццё, на праўдзе, мне дазвалялася кароткі прамежак часу: ад школьнага выпускнога балю да той жаночай кансультацыі;

Па спецыяльнасці ён геніколаг, але працуе на «хуткай». У аддзяленні ўсе, вядома, акрамя яго, бралі «на лапу», абартавалі ажно да мама не бядуў.

Риторический вопрос, используемый в качестве средства создания иронии, характерен для изучаемых авторов. Риторический вопрос – это утвердительное предложение, которое лишь облачено в вопрошающую форму, назначение которого – привлечение внимания к высказыванию, придание ему насыщенности и выразительности. А. Браво часто обращается к данному изобразительному средству синтаксиса, чтобы задать вопрос и самой дать на него подходящий, иногда абсурдный, ответ, тем самым делая контекст ироничным. Ироническая интенция автора к врачу-гинекологу, реализованная посредством положительного по структуре риторического вопроса, выражается в форме колкого комментария, по поводу надписи на футболке:

Праз пару дзён ён з’явіўся зноў – у бірузовай цішотцы з надпісам па-ангельску «Шалены сабака», можа, ён у санэпідзе на паўстаўкі?

Распознавание высказывания как иронического требует анализа как узкого, так и широкого контекста, что доказывает следующий пример использования ассоциативной иронии, требующей от читателя знания ситуации. Неуклюжий Тед Уоллис, находясь в ванной комнате, прищемил палец молнией брюк, поскользнулся, облился водой и чуть не устроил потоп в доме. Ситуация в целом довольно комична. А при помощи риторических вопросов Тед выражает свое эмоциональное отношение к ситуации. Называя места, явно отдаленные от дома, он подчеркивает всю абсурдность заданного вопроса и тот факт, что хозяйка и так осведомлена об учиненном погроме. Далее представлена часть диалога между Тедом и хозяйкой дома:

– *‘All this took place in a bathroom?’*

– *‘Yes! In a bathroom. What did you expect, a bakery? A hair-dressing salon?’*

– *‘Все происходило в ванной?’*

– *‘Да! В ванной. А чего ты ожидала, в булочной? В Парикмахерской?’.*

Следующий пример – явная насмешка над литературным творчеством Теда. Джейн иронизирует над стихами своего дяди, которые, как она считает, не найдут отклика среди читателей, так как их может интерпретировать лишь он сам:

Most of your poems I never really understood, but you did not write them for that, right? ‘Большинства твоих стихов я никогда толком не понимала, но ты же их не для того и писал, верно?’.

Обратим внимание на использование восклицательных предложений как маркера иронии. Подчеркнутость восклицательного тона – необходимое условие для реализации комического эффекта. Ирония автора актуализируется за счет нетривиальных сравнений, дополнительно интенсифицированных при помощи восклицательной интонации:

Вярнулася ў кабінет – доктар, прыўзняўшы сагнутую нагу і стоячы на другой, нібы занесены ў Чырвоную кнігу, пісаў на паперцы нумар свайго тэлефона. Выкарыстоўваючы калена ў якасці партатыўнага століка, які заўды пры ім, што цэнна для лекара «хуткай»!

Особый эффект восклицания приобретают в представленном ниже фрагменте из романа «Гиппопотам» потому, что взаимодействуют с таким стилистическим средством создания иронии, как использование патетической лексики, которая представлена словами *кара, позор, искупит*. Вследствие этого происходит намеренное завышение стилового фона и абсурдность ситуации (Тед Уоллис пролил виски на ковер) становится еще отчетливее:

I deserve a terrible retribution! Punishment will atone my shame! ‘Я достоин страшной кары! Наказание искупит мой позор!’.

Племянник Теда Уоллиса Саймон стрелял из ружья по фазанам. Однако вместо дробы в патронах оказался сахар и конфетти. Вместо падающих фазанов публику ждал фейерверк. От Теда в силу характера и без того не приходится ждать искреннего ликования, а в подобной ситуации его реплика тем более выражает напускной наигранный восторг:

- *‘Bravo! Charming!’ said Uncle Ted.*
- *‘Bloody hell!’ said Conrad.*
- ‘Браво! Очаровательно!’ – сказал Тед.
- Черт знает что! – сказал Конрад’.

А. Браво в следующем примере использует комплекс средств для создания иронического контекста: вставную конструкцию, с комичным сравнением, для декодирования которой требуется национально-специфическая и культурная осведомленность (*нагадваю ўпаўнаважанага харчатрада ў пастаноўцы правінцыяльнага тэатра, не хапае толькі парабелума*); восклицательное предложение (*прыгажосць нават гіпс не псуе!*), которое может быть интерпретировано как пародия на известный афоризм: красоту ничем не испортишь; а также метафору (*давай жа, баба, выцягні з кладоўкі ўласнае закінутае цела, пачысці змеявік*). Все перечисленные стилистические средства становятся эксплицитными указателями ироничности высказывания. Героиня с юмором описывает то, как женщина средних лет выбирает одежду и пытается продлить молодость:

Прымяраю фрэнч з пагончыкамі (нагадваю ўпаўнаважанага харчатрада ў пастаноўцы правінцыяльнага тэатра, не хапае толькі парабелума) <...> ну, давай жа, баба, выцягні з кладоўкі ўласнае закінутае цела, адмыў бачок, пачысці змеявік, і каб вогненны ручаёк пацёк па жылах, ммм, як цудоўна. Тады ты прыбяжыш сюды зноў, раскашэлішся і на швэдар са стразамі, і на боцікі на высачэзных абцасах. У такім абутку лёгка зламаць нагу, але прыгажосць нават гіпс не псуе!

Подводя итог, необходимо отметить, что ирония как эмоционально-оценочная категория является дополнительным смыслом высказывания. Синтаксические средства: повторы, вставные конструкции, вводные конструкции, риторические вопросы, восклицательные предложения выступают в роли интенсификаторов иронической образности. Данные средства экспликации иронии в сочетании с лексикой признакового характера, стилистическими средствами (метафора, эпитет и др.), намеренным занижением или завышением стилового фона могут использоваться для завуалированного выражения автором субъективной оценки объекта, а также в качестве инструмента для передачи отрицательного значения, сатирического изображения объекта.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Петрова, О. Г.* Типы иронии в художественном тексте / О. Г. Петрова // Извест. Саратов. ун-та. Сер. Филология. Журналистика. – 2011. – Вып. 3. – С. 25–30.
2. *Севильский, И.* Этимологии, или Начала в 20 книгах. – Кн. I–III: Семь свободных искусств / пер. с лат., ст, примеч. и указ. Л. А. Харитонова. – СПб : Евразия, 2006. – 352 с.
3. *Кьеркегор, С.* О понятии иронии / С. Кьеркегор // Логос. – 1993. – № 4. – С. 176–198.
4. *Гальперин, И. Р.* Очерки по стилистике английского языка / И. Р. Гальперин. – М. : Изд-во лит. на иностр. яз., 1958. – 452 с.
5. *Самыгина, Л. В.* Ирония как метатекстовый феномен в рассказах С. Довлатова : автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Ростов-н/Д, 2013. – 22 с.

The article unveils the phenomenon of irony as a category of Belarusian and English-language literary text. The analysis defines the syntactic stylistic means of creating irony. It has been established that a combination of expressive syntax elements with graphic emphasis, context and corresponding intonation creates a comic effect.

Ю. В. Романчук
Минск, МГЛУ

ТИПЫ ЭНАНТИОСЕМИИ В ЗАВИСИМОСТИ ОТ СИММЕТРИЧНОСТИ СТРУКТУРЫ ЛЕКСИЧЕСКОГО ЗНАЧЕНИЯ (на материале английского языка)

Статья посвящена рассмотрению симметричной энантиосемии как одного из видов энантиосемии в зависимости от структуры лексического значения. Рассмотрены критерии для определения симметричности/асимметричности противопоставляемых значений энантионимов. Перечислены сущностные признаки симметричной энантиосемии. Описаны типы симметричной энантиосемии английского языка по характеру выражаемой ими противоположности: контрарная, контрадикторная, векторная и конверсивная. Обоснована

возможность выделения данных типов. Представлено процентное соотношение типов симметричной энантиосемии английского языка. Установлены преобладающие типы симметричных энантионимов в английском языке.

Под *энантиосемией* мы понимаем совмещение внутри одной и той же языковой единицы противоположных или противопоставленных значений или оттенков значений, актуализация и раскрытие которых обусловлены контекстом или ситуацией общения.

Одним из категориальных признаков энантиосемии выступает наличие внутри семантики одной языковой единицы противоположных или противопоставленных значений. В связи с этим представляется возможным выделить два вида энантиосемии в зависимости от структуры лексических значений, участвующих в оппозиции: симметричная и асимметричная энантиосемия.

Для определения симметрии/асимметрии противопоставляемых значений энантионимов английского языка мы воспользуемся критериями, разработанными Г. В. Остриковой на базе проведенного ею исследования немецкого языка, к которым следует отнести: характер предметной отнесенности; принадлежность к определенной тематической группе; совпадение сфер контекстуальной сочетаемости; объем противопоставляемых значений; ядерный/периферийный характер семной противоположности; меру удаленности от срединной отметки на оси координат; особенности стилистической маркированности [1].

Согласно словарю лингвистических терминов О. С. Ахмановой, *симметрия* подразумевает наличие неких семантических совпадений в структуре значения того или иного слова, а также одинаковое расположение сходных элементов [2].

При симметричной энантиосемии противоположность значений является очевидной. Исходя из этого, а также на основе вышеперечисленных критериев, можно утверждать, что *симметричная энантиосемия* предполагает наличие следующих признаков:

- 1) одинаковая предметная отнесенность противопоставляемых значений;
- 2) принадлежность противопоставляемых значений к одной тематической группе;
- 3) равный объем противопоставляемых значений;
- 4) противоположность по категориальным семам;
- 5) равная удаленность от срединной (нулевой) отметки на оси координат (диаметральная противоположность);
- 6) аналогичная контекстуальная сочетаемость;
- 7) одинаковая стилистическая окраска.

Рассмотрим данные признаки на конкретном примере. В семантике существительного *defeat* имеются следующие противоположные значения равного объема:

- ‘failure to win or to be successful’;
- ‘the act of winning a victory over sb/sth’.

С помощью семного анализа были выявлены компоненты первого (рис. 1) и второго значений (рис. 2) лексемы *defeat*.

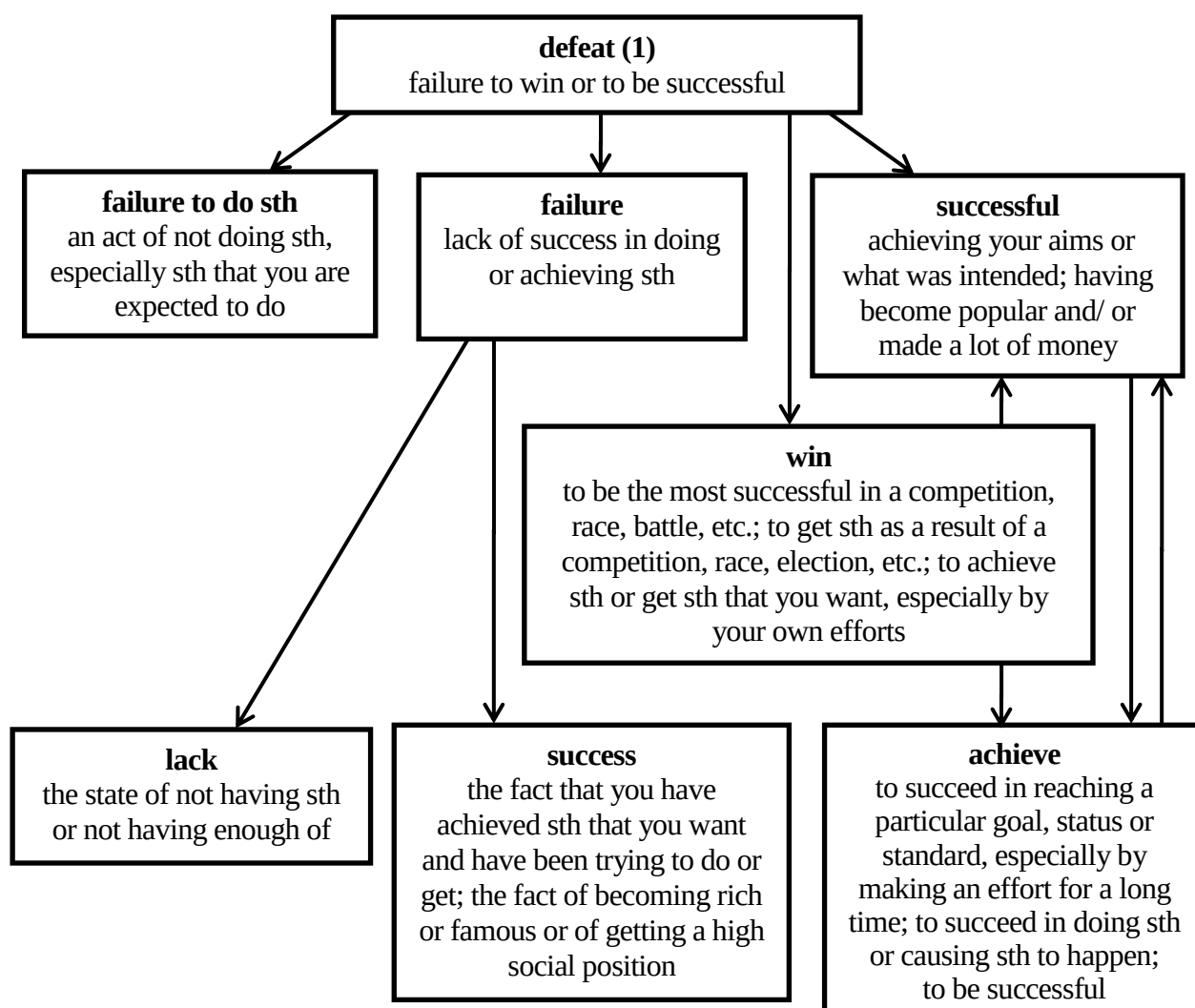

Рис. 1. Компоненты значения 1 лексемы *defeat*

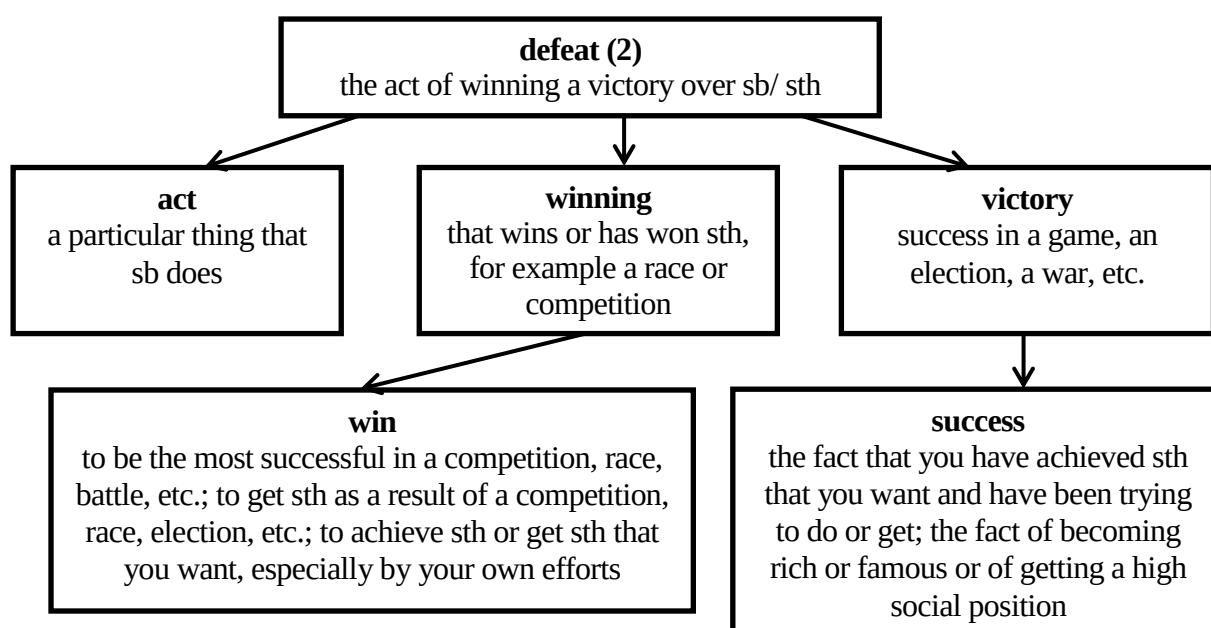

Рис. 2. Компоненты значения 2 лексемы *defeat*

Первое значение энантионима *defeat* включает следующие семы: 'failure to do sth', 'failure', 'successful', 'win', 'lack', 'success', 'achieve', 'succeed', 'not do', 'not have'.

Во втором значении лексемы *defeat* выделены семы: 'act', 'winning', 'victory', 'win', 'success', 'do', 'successful', 'achieve'.

Противопоставление осуществляется по категориальным семам 'failure – victory' ('поражение' – 'победа'), которые являются диаметрально противоположными.

Наличие в обоих значениях интегральных сем 'success', 'successful', 'achieve' свидетельствует об их тематической однородности, так как речь идет о действиях, коррелирующих в реальной действительности: победа одного (be successful) предполагает поражение другого (lack of success).

Оба значения могут употребляться со сходным набором лексем: *cup, election, league, season, final, shock* и др. Следовательно, противоположные значения существительного *defeat* имеют сходную предметно-лексическую и контекстуальную сочетаемость.

Оба значения стилистически не маркированы, что подтверждается отсутствием соответствующих помет в словаре.

На основе изложенного можно сделать вывод, что лексема *defeat* обладает всеми необходимыми признаками для причисления ее к симметричной энантиосемии.

Категория противоположности является ключевой для энантиосемии, что объединяет ее с антонимией. Ввиду этой схожести нам представляется возможным разделить энантионимы с равным объемом значений на типы по характеру выражаемой противоположности, опираясь на дифференциальные признаки, разработанные Л. А. Новиковым для выделения классов антонимов: градуальность//неградуальность; соответствие одному денотату//соответствие различным денотатам; направленность//ненаправленность [3, с. 243].

В зависимости от характера выражаемой противоположности симметричная энантиосемия предстала 4 семантическими типами:

1. Контрарная энантиосемия, которая имеет место, когда внутри семантики языковой единицы реализуется градуальная оппозиция (контрарная противоположность). Крайние члены контрарной оппозиции могут быть маркированы знаками «+» и «–», но при этом допускается наличие промежуточных понятий между этими полюсами. Важным свойством контрарных энантионимов является то, что отрицание одним из значений, участвующих в оппозиции, какого-то качества не подразумевает наличия противоположного качества.

2. Контрадикторная энантиосемия предполагает реализацию внутри семантики языковой единицы неградуальной оппозиции (контрадикторная/комплементарная противоположность). В данном случае имеется только два противоположных члена оппозиции, отрицание одного из которых дает значение другого. То есть, основное свойство контрадикторных энантионимов заключается в том, что утверждение одного члена оппозиции имплицитно подразумевает отрицание другого. Значения контрадикторных энантионимов не подвержены градации.

В английском языке симметричные энантионимы с контрарной и контр-адикторной противоположностью значений единичны.

К контрарной энантиосемии относятся лексемы: *gnarly* ‘очень хороший’ – ‘очень плохой’; *limit* ‘максимальное количество’ – ‘минимальное количество’; *ultimate* ‘лучший’ – ‘худший’.

Примерами энантионимов с контр-адикторной противоположностью значений могут послужить лексемы: *cider* ‘алкогольный напиток из яблок’ – ‘безалкогольный напиток из яблок’; *yes* для выражения согласия–несогласия.

3. Векторная энантиосемия – это такой тип энантиосемии, когда в семантике языковой единицы реализуется взаимная противоположность (противоположная направленность действий, признаков и свойств).

В качестве примеров можно перечислить лексемы: *argue* ‘убеждать’ – ‘разубеждать’; *proportionate* ‘увеличиваться’ – ‘уменьшаться’; *slip* ‘быстро одеваться’ – ‘быстро раздеваться’; *enjoin* ‘предписывать’ – ‘запрещать’; *smuggle* ‘ввозить контрабандой’ – ‘вывозить контрабандой’; *nickel-and-dime* ‘потратить очень маленькую сумму денег’ – ‘сэкономить очень маленькую сумму денег’; *westerly* ‘к западу’ – ‘с запада’ и др.

4. Конверсивная энантиосемия предполагает реализацию конверсивной противоположности, когда одно и то же действие, событие или явление описываются с точки зрения противопоставленных друг другу участников ситуации общения.

К данному типу относятся следующие энантионимы: *bribery* ‘дача взятки’ – ‘получение взятки’; *feed* ‘кормить’ – ‘питаться’; *graduate* ‘получать диплом’ – ‘выдавать диплом’; *jar* ‘ударить’ – ‘получить удар’; *notification* ‘выдача официальной информации’ – ‘получение официальной информации’; *toll* ‘звонить в колокол’ – ‘издавать звон (о колоколе)’; *renter* ‘арендатор’ – ‘арендодатель’ и др.

Всего нами было отобрано 92 энантионима с диаметральной противоположностью значений по категориальным семам с целью выделения наиболее распространенных типов симметричной энантиосемии в английском языке. Отбор лексики проводился методом сплошной выборки по толковым словарям «Oxford Advanced Learner’s Dictionary of Current English», «Longman Dictionary of Contemporary English», «Collins English Dictionary» [4; 5; 6]. Приведенные в тексте статьи примеры также взяты из названных словарей.

На рис. 3 представлено процентное соотношение типов симметричной энантиосемии в английском языке.

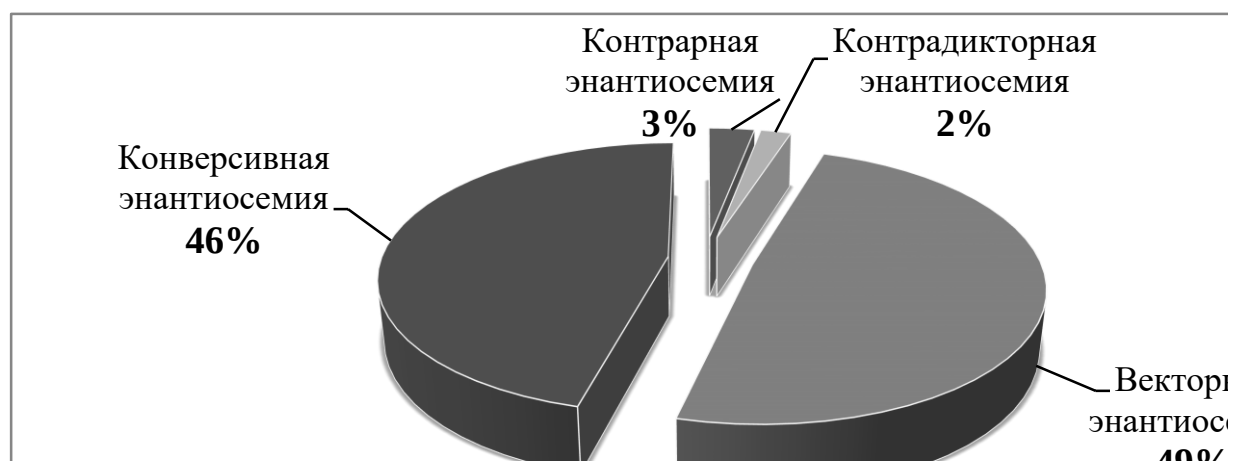

Рис. 3. Типы симметричной энантиосемии в английском языке

Как следует из представленной диаграммы, большую часть энантионимов с симметричной противоположностью значений практически в равных долях составляют энантионимы векторного (45 лексем из 92 (49 %)) и конверсивного (42 лексемы из 92 (46 %)) типов. Очень редко встречаются энантионимы с контрарной (3 лексемы из 92) и контрадикторной (2 лексемы из 92) противоположностью значений, на долю которых приходится лишь 5 % от общего количества отобранной энантиосемичной лексики с симметрией значений.

Таким образом, делаем вывод, что в английском языке симметричная энантиосемия основывается, преимущественно, на противоположности конверсивного и векторного типов.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Острикова, Г. Н.* Энантиосемия разноуровневых единиц немецкого языка: структурно-семантический, функциональный и типологический аспекты: автореф. ... дис. д-ра филол. наук: 10.02.19; 10.02.04 / Г. Н. Острикова. – Ростов-на-Дону, 2014. – 32 с.
2. *Ахманова, О. С.* Словарь лингвистических терминов / О. С. Ахманова. – М.: Сов. энцикл., 1966. – 608 с.
3. *Новиков, Л. А.* Избранные труды: в 2-х т. / Л. А. Новиков. – М.: Изд-во РУДН, 2001. – Т. 1. Проблемы языкового значения. – 672 с.
4. Oxford Advanced Learner's Dictionary. – 9th edition. Oxford: Univ. Press, 2015. – 1755 p.
5. Longman Dictionary of Contemporary English Online [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.ldoceonline.com/>. – Дата доступа: 06.05.2020.
6. Collins English Dictionary [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.collinsdictionary.com/dictionary/english>. – Дата доступа: 06.05.2020.

The article is devoted to the consideration of symmetric enantiosemy. The essential features of symmetric enantiosemy are listed. The prevailing types of symmetric enantionyms in the English language are established.

Е. В. Стефанова
Минск, МГЛУ

ПУБЛИЧНЫЕ ВЫСТУПЛЕНИЯ СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННОЙ НАПРАВЛЕННОСТИ: РЕГУЛЯТИВНЫЕ СРЕДСТВА, ТЕМАТИЧЕСКИЕ И КОМПОЗИЦИОННЫЕ СХЕМЫ

В статье рассматриваются наиболее употребительные лингвистические средства, с помощью которых имплементируется регулятивная функция публичных выступлений; выявлены тематические и композиционные схемы организации информации в публичных выступлениях сельскохозяйственной направленности.

Представлены примеры эвиденциальности и квазиэвиденциальности с фиксацией количественного параметра. Ссылка на авторитетное лицо, организацию, данные исследований и *captatio benevolentiae* (лат. ‘снискание расположения’) не только привлекают внимание к значимости описываемого события или действия, но и одновременно являются средствами суггестивного речевого воздействия (от лат. *suggestio* ‘внушение’).

Лингвистические и экстралингвистические средства служат основой репрезентации разного вида информации в публичных выступлениях, главное правило которых, по мнению С. М. Халина, – не только сообщение фактов, но и разъяснение, обобщение представленного материала и демонстрация соответствующих выводов [1, с. 4].

Н. С. Болотнова выделяет различные типы регулятивных средств: лингвистические (ритмико-звуковые, лексические, морфологические, словообразовательные, синтаксические) и экстралингвистические (композиционные, логические, графические) [2, с. 48]. Наряду с эмотивной, апеллятивной, волюнтаривной, социальной, фатической функциями текста выделяют и регулятивную функцию, которая определяет его прагматику. По словам Н. С. Болотновой, «она заключается в способности текста управлять восприятием и интерпретационной деятельностью благодаря особому отбору средств и организации текста в соответствии с авторской интенцией» [3, с. 25].

Восприятие, в свою очередь, неразрывно связано с пониманием и интерпретацией прочитанной и услышанной информации. Так, Т. А. ван Дейк говорит о том, что понимание дискурса – это «истолкование его ментальной модели или интенций (ментальных моделей) говорящего» [4, с. 7].

Для проведения исследования были отобраны 7 публичных выступлений (выступления формата TED Talks). Цель исследования – выявление наиболее употребительных регулятивных средств с фиксацией количественного параметра, а также составление тематических и композиционных схем англоязычных публичных выступлений сельскохозяйственной направленности.

Результатом проведенного исследования стало составление 4 таблиц, в которых представлены наиболее употребительные регулятивные средства, тематические и композиционные схемы проанализированных выступлений.

Принятые обозначения: РС – регулятивное средство, В – выступление, продолжительность указана в скобках: В1 – *A forgotten ancient grain that could help Africa prosper* (15:12); В2 – *Are indoor vertical farms the future of agriculture?* (9:44); В3 – *How urban agriculture is transforming Detroit* (12:11); В4 – *Without farmers, you'd be hungry, naked and sober* (8:57); В5 – *A global food crisis may be less than a decade away* (17:19); В6 – *Crop insurance, an idea worth seeding* (9:50); В7 – *The case for fish farming* (15:07). Общая длительность звучания составляла 87 минут.

Полученные результаты приведены в табл. 1. Цифровые обозначения (выделены курсивом): 1 – повторная номинация; 2 – эпитет; 3 – метафора; 4 – сравнение; 5 – дейктические местоимения *I/you* vs *we/they*; 6 – анафора/эпифора; 7 – ретардация; 8 – антитеза; 9 – полисиндетон; 10 – вопросы (в т.ч. риторические).

Т а б л и ц а 1

PC	B1	B2	B3	B4	B5	B6	B7
1	7	1	1	1	—	2	—
2	4	3	1	2	4	2	3
3	2	1	3	2	3	4	4
4	2	1	1	2	1	1	8
5	<i>I (17) you (2) we (4) they (1)</i>	<i>I (9) you (16) we (8) they (0)</i>	<i>I (20) you (4) we (12) they (34)</i>	<i>I (13) you (17) we (42) they (11)</i>	<i>I (16) you (7) we (42) they (3)</i>	<i>I (13) you (15) we (14) they (8)</i>	<i>I (8) you (14) we (60) they (1)</i>
6	1	1	7	2	4	2	2
7	2	—	—	1	1	—	1
8	4	1	3	5	5	2	1
9	<i>if (1)</i>	—	<i>and (1)</i>	—	—	—	<i>and (1)</i>
10	6	0	1	13	8	5	7

Итого PC:

53	41	88	111	94	68	110
----	----	----	-----	----	----	-----

Как видим, большее количество PC зарегистрировано в 2 выступлениях: B4 и B7. При этом обращаем внимание на продолжительность выступлений: B4 – 8 минут 57 секунд, а B7 – 15 минут 7 секунд.

Немаловажным параметром отнесения данных выступлений к научно-популярному дискурсу является *эвиденциальность* (ссылки на результаты проведенных исследований, точки зрения экспертов в определенной области и др.). При использовании большего количества ссылок на другие источники информации создается уверенность в том, что представленные в публичном выступлении факты являются достоверными и убедительными. Так, выступающие ссылались на слова известных личностей (*Senegal's first president Léopold Sédar Senghor/the great ocean hero Jacques Cousteau/Muhammad Yunus, who won the Nobel Peace Prize*), опубликованные данные (*a recent Guardian article/the latest agricultural census/the latest prediction of the UN / the International Monetary Fund/the WWF/the World Health Organization* и др.). В отобранных нами публичных выступлениях (за исключением B4 и B6) отмечаем также наличие *квазиэвиденциальности* (под квазиэвиденциальностью мы понимаем использование различного рода языковых конструкций генерализационного плана, сопровождение представленной информации словами, конструкциями, выражающими сомнение, отсутствие указания на источник озвученной в выступлении информации). Так, примерами квазиэвиденциальности являются: *probably the oldest cultivated cereal in Africa/the Sahel population is set to grow from 135 million to 340 million people/the global population is projected to reach 9.8 billion/universities, companies and NGOs/experts say/most forecasters predict that this will continue/another recent report suggests* и т.д.

Количественный параметр фиксируем в табл. 2 (Э – эвиденциальность, КЭ – квазиэвиденциальность).

Т а б л и ц а 2

	B1	B2	B3	B4	B5	B6	B7
Э	8	1	7	4	3	5	7
КЭ	4	4	2	–	3	–	7

Ссылка на авторитетное лицо, организацию, данные исследований наряду с повторением, аффирмацией сказанного и *captatio benevolentiae* (лат. ‘снискание расположения’) не только привлекают внимание к значимости описываемого события или действия, но и одновременно являются средствами суггестивного речевого воздействия (от лат. *suggestio* ‘внушение’).

Т. А. ван Дейк объясняет темы (топики) в терминах семантических макроструктур, а композиционные схемы – в терминах суперструктур. «Макроструктуры обеспечивают глобальную когерентность, идентификацию тем глобальных тем дискурсов, планирование и воспоминание дискурса, а также описание многих жанровых особенностей дискурса, таких как заголовки и лиды новостей, названия и аннотации академических статей, заключения во многих видах дискурса» [4, с. 20].

Макроструктура (тема дискурса) находит свое отражение в названии публичного выступления. Манифестацией регулятивной функции названия выступления являются заинтересованность и привлечение внимания слушающих.

В табл. 3 приводим тематические схемы (подтемы перечислены в порядке упоминания в выступлении; каждая подтема формирует отдельный блок выступления: например, B1 состоит из 7 подтем, т.е. 7 семантических блоков и т.д.).

Т а б л и ц а 3

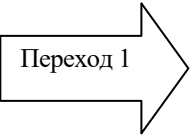
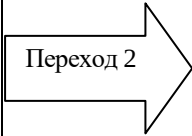
B1 <i>A forgotten ancient grain that could help Africa prosper</i> ↓ (1) Африканская кухня в Нью-Йорке ↓ (2) Фонио: древнейшая зерновая культура Африки ↓ (3) Жители Кедугу в поисках лучшей жизни ↓ (4) Сложности культивации фонио ↓ (5) Фонио – еда сельских жителей ↓ (6) Решение проблемы – современная мельница в Африке ↓ (7) Сотрудничество с неправительственной организацией (SOS SAHEL)
B2 <i>Are indoor vertical farms the future of agriculture?</i> ↓ (1) Необходимость увеличения сельскохозяйственного производства ↓ (2) Продовольственная безопасность ↓ (3) Выращивание сельскохозяйственных культур в контролируемых условиях ↓ (4) Вертикальная ферма – инновационная технология ↓ (5) Виды преимуществ и минусы вертикального фермерства ↓ (6) Вертикальная ферма в пекинском паркинге снабжает овощами близлежащие отели ↓ (7) Вертикальное фермерство может быть особо привлекательным

<i>B3 How urban agriculture is transforming Detroit</i> ↓ (1) Проблемы, с которыми сталкивается Детройт ↓ (2) Преобразования в районах Детройта благодаря действиям местного общественного движения ↓ (3) Концепция обеда «с фермы – на стол» ↓ (4) Модель ведения кооперативного бизнеса как пример успешного решения
<i>B4 Without farmers, you'd be hungry, naked and sober</i> ↓ (1) Фермеры – важная часть общества ↓ (2) Фермеры старшего возраста превалируют ↓ (3) Реальные доходы фермеров ↓ (4) «Голосуйте вилкой»: покупайте местно выращенную продукцию ↓ (5) Принятие налоговой субсидии в Миннесоте ↓ (6) Жители Миннесоты знают об успешном решении проблемы в штате
<i>B7 The case for fish farming</i> ↓ (1) Жители Голландии – самые высокие люди на планете ↓ (2) Человечество будет нуждаться в большем количестве белка ↓ (3) Океан – главный источник животного белка ↓ (4) Необходимо прекратить истощать ресурсы океана ↓ (5) Решение проблемы – рыбоводство ↓ (6) Плюсы разведения рыбы ↓ (7) Ненадлежащее управление хозяйствами ↓ (8) Использование новейших технологий ↓ (9) Разведение «здоровой, счастливой, вкусной рыбы»

Выступлениям присуща тематическая иерархия: другими словами, организация по принципу «от темы более высокого уровня к подтемам более низкого уровня». По словам Т. А. ван Дейка, выявление тем важно для «активации, извлечения и (транс)формации ситуативных моделей, содержащихся в памяти» [5, с. 248].

Наконец, переходим к обобщенной композиционной схеме проанализированных выступлений, представленной в табл. 4:

Т а б л и ц а 4

Блок 1		Блок 2		Блок 3
Вступление ↓ Обзор проблемы ↓ Комментарий	 Переход 1 Личный опыт/случай из жизни	Основная часть ↓ Факты ↓ Комментарий	 Переход 2 Личный опыт/случай из жизни	Решение ↓ Перспектива ↓ Заключение

Все 7 выступлений имеют 3 основных блока структурной организации. Блок 1 соединяется с Блоком 2, а Блок 2 с Блоком 3 при помощи Переходов 1 и 2. Под «переходом» подразумеваем информацию, представленную выступающим как личный опыт/случай из жизни. Все выступления имеют 3 блока. Количество переходов может варьироваться.

Проанализировав публичные выступления сельскохозяйственной направленности, приходим к следующим выводам:

1. Большее количество регулятивных средств зафиксировано в тексте меньшей продолжительности из представленных (В4), а также во втором по продолжительности звучания тексте (В7), что говорит о разной плотности регулятивных средств в тексте. Это объясняется интенцией говорящего оказать как можно сильнейшее воздействие на слушающих.

2. Представленные научно-популярные публичные выступления обладают характеристиками устной речи (повторы, уточнения, простые предложения, жесты, мимика, варьирование темпа/громкости речи и др.), но в то же время отмечаем характеристики, присущие формальному стилю (стройность и логичность композиции, последовательность изложения, использование терминов, их пояснение, сложные предложения и др.).

3. Квазиэвиденциальность также является средством суггестивного речевого воздействия.

4. Тематические схемы организованы по принципу «от темы более высокого уровня к подтемам более низкого уровня».

5. Композиционная схема состоит из 4 основных Блоков, а Переходы необходимы для их соединения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Халин, С. М. Методика публичного выступления / С. М. Халин. – Тюмень : Тюм гос. ун-т, 2006. – 69 с.
2. Болотнова, Н. С. Методики смыслового и лингвопрагматического анализа медиатекста / Н. С. Болотнова. – Томск : Изд-во Томского ЦНТИ, 2015. – 156 с.
3. Болотнова, Н. С. О связи теории регулятивности текста с прагматикой / Н. С. Болотнова // Вестн. Томского госу. ун-та. Сер. Филология, 2008. – № 2 (3) – С. 24–30.
4. Дейк Ван, Т. А. Дискурс и знание / Т. А. ван Дейк // Научные ведомости Белгород. гос. ун-та. Сер. : Гуманит. науки. – 2013. – № 13 (156). Вып. 18. – С. 5–23.
5. Ван Дейк, Т. А. Язык. Познание. Коммуникация / Т. А. ван Дейк. – М. : ЛЕНАД, 2015. – 320 с.

The article highlights regulatory means, thematic and compositional schemes of public speeches with the focus on agriculture. 7 public speeches have been analyzed with the results of the research being presented in 4 tables.

А. В. Аблова
МГЛУ, Минск

ОТРИЦАТЕЛЬНЫЕ ВЫСКАЗЫВАНИЯ В АНГЛОЯЗЫЧНЫХ ГАЗЕТНЫХ ОЧЕРКАХ И СПОСОБЫ ИХ ПЕРЕВОДА НА РУССКИЙ ЯЗЫК

В статье анализируется употребительность общеотрицательных и частноотрицательных высказываний в англоязычных газетных очерках, а также приводятся возможные способы их перевода на русский язык, наиболее адекватно передающие их специфику и экспрессивный потенциал.

Проведенный анализ показывает, что к таким стратегиям относятся: антонимический перевод, амплификация (расширение), перенос отрицания, логическое развитие и др.

Англоязычный медийный дискурс характеризуется многообразием языковых средств и способов объективации категории отрицания, между которыми наблюдаются некоторые различия, так как каждый из них обладает собственным семантическим и прагматическим потенциалом. *Отрицание* рассматривается как «выражение при помощи лексических, фразеологических, синтаксических и др. средств языка того, что связь, устанавливаемая между элементами высказывания, реально не существует (мыслится в речи как реально не существующая)» [1, с. 302–303].

Для получения более полного представления о функционировании различных способов выражения отрицания целесообразно рассмотреть отрицательные высказывания в различных жанрах англоязычного медиадискурса.

На сегодняшний день многие исследователи отмечают тенденцию к стиранию четких стилевых границ в медиадискурсе, что может быть обусловлено динамизмом самой системы медиадискурса и усложнением форм общения как внутри одноязычного общества, так и в мировом масштабе [2]. Основные типы медиатекстов, находясь в постоянном взаимодействии и непосредственной временной и пространственной близости, естественно, оказывают влияние друг на друга.

Тем не менее, основные публицистические жанры сохраняют свои типологические признаки. В связи с этим, основываясь на одной из распространенных классификаций публицистических жанров на информационные, аналитические и художественно-публицистические, считаем возможным провести исследование использования отрицания на примере англоязычных газетных очерков, относящихся к художественно-публицистическому жанру.

В частности, для очерков характерно образное, конкретно-чувственное представление события или проблемы. Очерк сочетает в себе выразительно переданные события с доказательными рассуждениями, образность с описанием фактов, в результате чего границы фактов начинают размываться. Для данного жанра характерна обстоятельная разработка темы, подчеркнутая субъективность, а также ориентация на эмоциональный отклик аудитории.

Материалом исследования послужили 34 очерка, опубликованных в период с 2010 по 2014 гг. и взятых с сайтов британских газет, таких как «The Guardian», «The Times», «The Telegraph», «The Independent», а также

с новостного портала www.bbc.co.uk. Результаты исследования 321 отрицательного высказывания, которые были отобраны методом сплошной выборки, приведены в табл. 1:

Т а б л и ц а 1

Средства выражения отрицания в англоязычных газетных очерках

	Общее отрицание: отрицат. сказуемые	Частное отрицание: <i>not</i> + другой член предложения	Частное отрицание: отрицат. местоимения	Частное отрицание: отрицат. наречия	Всего
Общее количество	210	35	54	22	321
%	65,4	10,9	16,8	6,9	100

В 34 проанализированных очерках было отмечено 210 общеотрицательных предложений, или 65,4 % от общего количества отрицательных высказываний, что доказывает «синтаксический характер категории отрицания в английском языке» [3].

Число частноотрицательных высказываний составило 34,6 % от общего числа отрицательных высказываний, что показывает меньшую частотность такого способа отрицания. Вместе с тем за счет того, что частное отрицание не является доминирующим способом выражения отрицания, оно звучит экспрессивнее.

Отрицательные высказывания всегда выражают контраст и, кроме этого, всегда сопровождаются выражением эмоций. Это и определяет структурную сложность и многоплановость содержания категории отрицания.

Функционально-семантический анализ и смысловая интерпретация семантики отрицания показывают, что в основе высказываний с отрицанием лежит общая схема (модель), т.е. содержание таких высказываний может быть описано следующим образом: *Делая данное сообщение, говорящий утверждает, что предмет или явление, о которых идет речь, не существуют.* Вместе с тем наличие у англоязычных средств и способов выражения отрицания семантического и функционального типологического своеобразия предопределяет необходимость использования определенных переводческих преобразований (лексико-грамматических трансформаций) для адекватной передачи отдельных англоязычных конструкций с отрицанием средствами русского языка.

Одной из наиболее частных трансформаций при переводе является антонимический перевод (т.е. «лексико-грамматическая трансформация, при которой замена утвердительной формы в оригинале на отрицательную форму в переводе или, наоборот, отрицательной на утвердительную сопровождается заменой лексической единицы исходного языка на единицу переводящего языка с противоположным значением» [4]), который применяется либо в случаях, когда за отрицательной частицей *not* следует слово с отрицательным префиксом, либо слово с негативной семой.

Так, например при переводе предложения *Bart Becht's £110m donation to charity is **not uncommon** among philanthropic executives (T1)* степень неуверенности, выраженная конструкцией *not uncommon*, может быть передана на русский язык благодаря лексическому добавлению *вовсе не прочь*: 'Такие состоятельные управленцы-филантропы, как Барт Бект, **вовсе не прочь** пожертвовать на благотворительность сотню-другую миллионов'.

Кроме того, чтобы сохранить экспрессивный потенциал отрицания (оттенок некоторого удивления, недоумения), при переводе предложения *They **haven't failed!** (T2)* 'И, как ни странно, им это *все-таки* удалось!' имеет смысл добавить частицу *все-таки*.

Применение антонимического перевода также оправдано при переводе частноотрицательных высказываний, в которых одновременно присутствуют отрицательное местоимение и слово с отрицательным префиксом, например: *What this discovery has also done is to open scientists' minds to the concept that **nothing** is indeed **impossible** in biology (WT)* 'Еще одна заслуга данного открытия в том, что оно открыло умы ученых для мысли, что в биологии, по большому счету, возможно все'.

Еще один допустимый случай применения антонимического перевода – это одновременное наличие в предложении предиката отрицания и союза *unless*: *Professor Wendy Savage has defended the "very small" number of abortions that take place over 20 weeks and said a considerable proportion are of fetuses with a congenital abnormality, some of which **will not be picked up until a late stage in the pregnancy (G1)*** 'Профессор Венди Сэвидж выступила в защиту «крайне малого» количества аборт, которые проводят на первых 20 неделях беременности и заявила, что большинство из таких аборт делают в случаях, когда у зародыша обнаруживается врожденная аномалия, и некоторые из таких аномалий *можно диагностировать только* на более поздних сроках беременности'.

Таким же образом можно переводить и предложения с отрицательным местоимением и наречием в сравнительной степени, например: ***Nobody knows better** if they're performing well, or performing badly, more than the player (B)* '*Только* сам игрок и может с точностью сказать, хорошо ли он играет или нет'. Кроме того, при переводе данного предложения целесообразно добавить усилительную частицу *только*, чтобы таким образом сконцентрировать все внимание на подлежащем.

Следующая особенность английского отрицания, которую необходимо учитывать при переводе, – это формальное присоединение отрицательной частицы к глаголу, в то время как по смыслу отрицание может относиться к другим членам предложения.

К примеру, показатель отрицания в предложениях, содержащих *enough*, как правило, относится по смыслу не к сказуемому, а именно к слову *enough*, что и определяет соответствующий перевод на русский язык, в котором отрицательный смысл перемещается из сказуемого в дополнение.

К примеру, в нижеследующем варианте перевода даже не понадобилось употребления непосредственно отрицательных частиц или приставок, что обусловлено менее формальным характером отрицания в русском языке

и возможностью использования грамматически утвердительных конструкций для передачи отрицательного смысла: *Prof Higgs said the Government **was not investing** enough in science but the university announced it is spending an initial £750,000 on a new Higgs Centre for Theoretical Physics (T3)* ‘Профессор Хиггс заявил, что правительство *вкладывает* в науку *слишком мало* средств, однако университет объявил о том, что собирается потратить 750 тысяч фунтов в качестве первого взноса на создание нового Центра Хиггса по изучению теоретической физики’.

С другой стороны, более объемный за счет приема амплификации перевод будет наблюдаться в связи с такой особенностью русского языка, как многократное отрицание, а именно: часто при переводе английского отрицания необходимо употребить отрицательный предикат, а также отрицательное местоимение для достижения более естественного звучания предложения на переводящем языке, например: *There’s **no** need to complicate the game (B)* ‘Нет никакой необходимости усложнять игру’, либо отрицательное наречие, например: *A huge number of families, we’re told, **never** cook meals from ingredients or eat together (I)* ‘Как нам сказали, огромное количество семей никогда не готовят еду дома или не едят все вместе за одним столом’.

Однако иногда частное отрицание по смыслу не распространяется на все предложение, и, следовательно, при переводе добавление показателя отрицания к сказуемому не нужно: ***Not so long ago** many schools served chips with everything every day followed by tasteless puddings bulked up with large quantities of saturated fat and sugar (I)* ‘Еще совсем недавно в школьных столовых каждый день подавали жареный картофель со всем чем угодно, а за ним шли безвкусные пудинги, почти полностью состоящие из насыщенных жиров и сахара’.

При переводе частного отрицания также может потребоваться перенос показателя отрицания к другому члену предложения. Так, предложение *Lemieux once said that he measured himself by Stanley Cups and scoring titles, because “**nobody** votes on those” (Tm)* лучше перевести как ‘Лемье однажды сказал, что свои достижения отмечает по завоеванным Кубкам Стэнли и титулам самого результативного игрока сезона, потому что «все это присуждается не голосованием»’, перенеся отрицание из подлежащего в обстоятельство образа действия, чтобы таким образом сохранить общий смысл фразы.

Поскольку отрицательное наречие *never* может иногда не только употребляться в своем привычном временном значении, но и заменять общее отрицание, то при переводе иногда можно пропускать соответствующее отрицательное наречие *никогда* или заменять его отрицательным местоимением, например: *It will **never** be a great team if it cannot be consistent (B)* ‘Команде ни за что не стать великой, если она не будет последовательна [в своих результатах]’.

Как известно, для английского языка в принципе характерны короткие предложения и стилистически хорошим тоном считается употребление коротких слов и сжатых конструкций. В русском языке, напротив, сами слова длиннее, а также предложения более распространены, следовательно, величина русского перевода всегда будет больше, чем английского оригинала.

Это особенно касается случаев эллипсиса – для перевода сжатого английского отрицания понадобится «развернуть» предложение в русском языке из-за невозможности в русском языке образовывать схожие компактные конструкции: *Don't ask, don't watch, just ... don't* (G2) 'Не задавайте вопросов, не смотрите, просто... **вообще ничего не делайте**'.

Таким образом, при переводе отрицательных высказываний необходимо учитывать: 1) глагольную тенденцию английского языка (в случае с общеотрицательными высказываниями) и менее формальный характер отрицания в русском языке и 2) больший, по сравнению с русским языком, экспрессивный потенциал частного отрицания в английском языке, и с учетом этой специфики применять соответствующие трансформации: антонимический перевод, амплификация, логическое развитие (для общеотрицательных высказываний) и антонимический перевод, использование множественного отрицания (добавление отрицания к сказуемому) и некоторые др. синтаксические трансформации (для частноотрицательных высказываний).

ЛИТЕРАТУРА

1. Ахманова, О. С. Словарь лингвистических терминов / О. С. Ахманова. – 5-е изд. – М. : Кн. дом «ЛИБРОКОМ», 2010. – 576 с.
2. Добросклонская, Т. Г. Вопросы изучения медиатекстов (опыт исследования современной английской медиаречи) / Т. Г. Добросклонская. – 2-е изд. – М. : Едиториал УРСС, 2005. – 288 с.
3. Смирницкий, А. И. Синтаксис английского языка / А. И. Смирницкий. – М. : Изд-во. лит. на иностр. яз., 1957. – 287 с.
4. Паршин, А. Теория и практика перевода / А. Паршин // Электронная библиотека Royallib.Ru [Электронный ресурс]. – 2010. – Режим доступа : http://royallib.ru/get/doc/parshin_andrey/teoriya_i_praktika_perevoda.zip. – Дата доступа : 18.11.2011.

ИСТОЧНИКИ ПРИМЕРОВ

T1 – Bart Becht's £110m donation to charity is not uncommon among philanthropic executives, *The Telegraph* [Electronic Resource]. – Mode of access : <http://www.telegraph.co.uk/finance/7575396/Bart-Bechts-110m-donation-to-charity-is-not-uncommon-among-philanthropic-executives.html>. – Date of access : 10.03.2012.

T2 – Life's a Rollercoaster: the rise of John Bishop, *The Telegraph* [Electronic Resource]. – Mode of access: <http://www.telegraph.co.uk/culture/theatre/comedy/9543445/Lifes-a-Rollercoaster-the-rise-of-John-Bishop.html>. – Date of access : 17.09.2012.

WT – RAHN: Good news for the new year, *The Washington Times* [Electronic Resource]. – Mode of access : <http://www.washingtontimes.com/news/2011/dec/26/good-news-for-the-new-year>. – Date of access : 06.02.2012.

G1 – Tory abortion call reignites bitter 40-year debate, *The Guardian* [Electronic Resource]. – Mode of access : <http://www.guardian.co.uk/world/2012/oct/07/tory-abortion-call-reignites-debate>. – Date of access : 07.10.2012.

B – Colin Jackson's Raise Your Game , *BBC Wales* [Electronic Resource]. – Mode of access : http://www.bbc.co.uk/wales/raiseyourgame/sites/preparation/theinternationalallanguage/pages/roberto_martinez.shtml. – Date of access : 06.07.2012.

T3 – Higgs boson: What's it for? I have no idea, says Prof, *The Telegraph* [Electronic Resource]. – Mode of access : <http://www.telegraph.co.uk/science/Prof.html.large-hadron-collider/9381684/Higgs-boson-Whats-it-for-I-have-no-idea-says->. – Date of access : 06.07.2012.

I – School dinners are not the real problem, *The Independent* [Electronic Resource]. – Mode of access : <http://blogs.independent.co.uk/2012/07/06/school-dinners-are-not-the-real-problem>. – Date of access : 06.07.2012.

Tm – Madden: Eight-point games once routine for Lemieux, *The Times* [Electronic Resource]. – Mode of access : http://www.timesonline.com/sports/penguins/madden-eight-point-games-once-routine-for-lemieux/article_c8cc47ef-e32b-5715-af9a-f01dd2ece66f.html. – Date of access : 10.02.2012.

G2 – Disappointed that Ryan Gosling doesn't drive more? Get over it, *The Guardian* [Electronic Resource]. – Mode of access : <http://www.guardian.co.uk/commentisfree/cifamerica/2011/oct/11/ryan-gosling-doesnt-drive-more>. – Date of access : 11.02.2012.

The article focuses on negative sentences (both sentences with negative predicates and sentences with negative pronoun or adverbs) in English essays, their peculiarities and emphatic potential, as well as relevant ways to translate such sentences into the Russian language. The analysis shows that there exist various strategies to translate English negative sentences into Russian, including antonymic translation, amplification, transferred negation, compensation and logical development.

А. И. Еронская, А. А. Баркович
МГЛУ, Минск

МУЛЬТИМОДАЛЬНОСТЬ И МЕДИАТЕКСТ: СПЕЦИФИКА EURONEWS

Статья посвящена научной экспликации мультимодальности в аспекте такого популярного и востребованного медиаресурса, как Euronews. Возможности интралингвистического и экстралингвистического анализа современной речевой деятельности целесообразно совмещать в методологических рамках дискурс-анализа. Это обусловлено полиформатностью, в частности, современных средств массовой информации; их поликодовостью, полилогистичностью, креолизацией, гипертекстовостью, гиперадресацией и другими характерными чертами, требующими комплексного исследовательского подхода с элементами междисциплинарности. *Мультимодальность* – реализованная медиасредствами многоканальность и сложноструктурность речевой практики. При этом мультимодальность означает не просто трансляцию информации по нескольким каналам связи одновременно, но и их взаимодействие и интеграцию. За счет подобной специфики мультимо-

дальность приобретает интерактивный и системный характер. В статье аргументирована необходимость учета в научной рефлексии современной коммуникации мультимодального характера *медиатекста* – текста в совокупности со средствами его медиареализации. Показано как медиаспецифика обуславливает диверсификацию и интенсификацию современного дискурса. Лингвистическое описание *мультимодальных моделей* медиатекста на материале такого разнопланового и многоязычного ресурса, как *Euronews*, несомненно, актуально для понимания особенностей его функционирования и дальнейшего развития.

Научная рефлексия проблем речевого функционирования в современных условиях зачастую носит междисциплинарный характер, что предопределяет продуктивность использования дискурсивной методологии. Очевидно, целесообразно: «Дискурс – это речевая деятельность, развернутая во времени и пространстве, обусловленная широким экстралингвистическим контекстом и коммуникационной спецификой» [1, с. 37]. В методологическом аспекте дискурс обладает значительным экстралингвистическим потенциалом, который позволяет творчески использовать преимущества дискурсивного подхода в лингвистической репрезентации реальности [2; 3]. Сегодня *дискурс* представляет собой концептуально богатое и многогранное научное измерение, которое наилучшим образом позволяет охватить реалии современных языков, обеспечивая продуктивность языковой репрезентации социокультурных процессов и явлений [4]. *Медиадискурс* – дискурс, опосредованный такими медиасредствами, как компьютер, радио и телевидение – становится не только все более распространенным, но и все более влиятельным форматом речевой практики.

В связи с актуализацией медиадискурса в фокусе лингвистического исследования все чаще оказывается и *мультимодальность* – реализованная медиасредствами многоканальность и сложноструктурность речевой практики. При этом мультимодальность означает не просто трансляцию информации по нескольким каналам связи одновременно, но и их взаимодействие и интеграцию. За счет подобной специфики мультимодальность приобретает интерактивный и системный характер. Понятие мультимодальности в узком смысле слова основано на возможности многоканального восприятия информации разными человеческими органами чувств, в первую очередь, зрением и слухом. Однако в контексте каждого из этих каналов, в свою очередь, могут быть выделены и детализированы дальнейшие, более дробные различия, что также имеет лингвистическую значимость. Так, в звучащей речи традиционно выделяются сегментный (вербальный) компонент и множество несегментных (просодических) параметров. Визуальный канал, кроме охвата текста, как такового, может включать такие параязыковые признаки, как жестикуляцию, направление взгляда, мимику и т.д. За счет этого современный медиадискурс является многоаспектным как по форме создания, так и по форме воспроизведения, его *креолизация* подразумевает интеграцию в едином смысловом пространстве вербальных, визуальных, аудитивных и других компонентов [5]. Так, для адекватного понимания *медиатекста* – текста в совокупности со средствами его медиареализации – существенным оказывается его пространственновременной контекст. В данной связи оказывается

существенной, в том числе, специфика размещения речевого фрагмента на полосе, его объем, соседство с другими текстами, что выполняет, также, немаловажную «смыслообразующую функцию» [6, с. 22].

Соответственно, в исследованиях текстов СМИ большое внимание придается визуальным аспектам – использованию цвета, шрифтов, формата, иллюстрациям и т.д. [7, с. 146]. Тем более важен визуальный ряд в структуре медиатекста. Интересно, что при возникновении такой изначально мультимодальной технологии, как телевидение, в течение десятилетий новости главным образом транслировались диктором, зачитывавшим вслух заранее заготовленный письменный текст. Более того, существовала точка зрения, что движущаяся «картинка» может помешать восприятию и отвлечь внимание. Тем не менее для современного Интернета и телевидения стало характерным максимальное разнообразие одновременно используемых модальностей [8]. Несмотря на трудности, возникающие при попытке отразить такую мультимодальность, сосредотачиваться лишь на одном модуле и игнорировать остальные модули – означает упускать потенциально эффективные возможности повысить информационную «отдачу» текста. В частности, автор, чтобы привлечь внимание реципиента все чаще оказывается вынужден учитывать его стремление к самостоятельной фильтрации предлагаемой ему информации, концентрацию его внимания, прежде всего, на легкочитаемых текстах с четкой структурой и привлекательным визуальным сопровождением и т.д.

Одним из самых популярных новостных каналов на сегодняшний день является *Euronews* (<http://euronews.com>). Для структуры новостной заметки, публикуемой на сайте *Euronews*, характерно следующее сочетание вербального и невербального (языкового и параязыкового) компонентов: заголовки новостной заметки, видеоряд с закадровой озвучкой, текст закадровой озвучки; иногда предлагаются гиперссылки для более подробного ознакомления с информацией.

Рассматривая вербальную сторону данного новостного дискурса, можно отметить следующие характеристики:

1) преобладание простых предложений:

В разных странах и голосование проходит в разные дни. Откроют гонку в четверг Великобритания и Нидерланды. В пятницу к урнам придут граждане Ирландии.

2) распространение причастных и деепричастных оборотов в предложениях;

Пока неизвестно выйдет ли на поле полузащитник «синих» Нголо Канте, получивший травму колена в предыдущем матче.

3) многократное использование ономастической лексики;

Председатель судебного комитета палаты представителей демократ–Джерри Надлер высказал своё мнение в Twitter: «Учитывая то, что спецпрокурор Роберт Мюллер не смог предъявить обвинения Дональду Трампу, на конгресс ложится ответственность за преступления, ложь и другие правонарушения действующего американского президента».

4) введение слов и предложений, указывающих на источник сообщения;

Дональд Трамп отреагировал на итоги расследования Мюллера.

5) частое использование цитат;

Я действительно очень расстроен ситуацией с билетами, потому что мы долго шли к этому матчу и надеялись увидеть наших болельщиков здесь.

6) высокая насыщенность терминологией и другой специализированной лексикой;

Владимир Зеленский обратился к председателю Верховной Рады Андрею Парубию с просьбой о созыве 22 мая внеочередного заседания парламента для внесения изменений в закон о выборах народных депутатов.

7) систематическое использование глаголов, особенно в активном залоге;

В Кремле заявили, что в докладе Мюллера нет ничего нового, документ не содержит аргументированных доказательств российского вмешательства в выборы в США, а Россия по-прежнему не принимает подобных обвинений.

8) введение предикатных существительных с оценочной семой: сенсация, паника, ажиотаж, неразбериха, трагедия, бедствие;

Тревоги Франции. Надоел этот «брексит».

9) дробление фраз;

Большого взрыва не будет. По крайней мере, пока. Ученые из Европейского центра ядерных исследований заявили, что большой адронный коллайдер не готов к работе на полную мощность.

10) использование инверсии;

Международным скандалом обернулся для Швейцарии запрет на строительство минаретов.

11) включение бессоюзных конструкций, в частности в заголовки;

Италия снижает налоги – ЕС недоволен.

12) частое использование назывных предложений в заголовках:

Искусство маленьких шагов.

13) употребление таких темпоральных конструкций, как *в эти минуты*, *несколько часов назад*;

14) частое использование эвфемизмов:

Гуйадо пригрозил новыми санкциями режиму Мадуро.

При анализе невербального компонента дискурса Euronews были установлены следующие особенности:

1) нередко вначале репортажа записываются 2–3 секунды «интершума», создающего эффект присутствия на месте события;

2) длительность каждого плана – от 3 до 5 секунд;

3) в оформлении сайта Euronews, как и в его логотипе, используются преимущественно синий и белый цвета (считается, что синий цвет помогает сконцентрироваться на самом необходимом и не вызывает негативных эмоций; ассоциируется с доверием и лояльностью, упрощает процесс манипулирования, в то время как белый цвет ассоциируется с чистотой, безопасностью и истиной);

4) дополнительное использование фотографий в части основного текста сюжета, способствующих более полной и эмоционально-насыщенной репрезентации, а также оценочности политического дискурса;

5) в заголовках и текстах сюжета используется шрифт «Гельветика», относящийся к шрифтам «без засечек», что делает заголовки и основной текст легко читаемыми и привлекающими внимание;

6) в тематических блоках наблюдается размещение в левом верхнем углу медиастраницы наиболее интересного, по мнению редакции, новостного сюжета, который занимает примерно в 4 раза больше пространства, чем окружающие его сюжеты;

7) в рубрике «No comment» мы видим сюжет, не сопровождаемый журналистским комментарием.

Мультимодальность может быть *градуальной* и *гибкой* – вплоть до «*мультимодального контраста*» – резкого изменения характера мультимодальности. Эффект достигаемый с помощью такой «*мультимодальной модели*» – стереотипной конструкции репрезентации мультимодальности, несомненно, оправдывает ожидания авторов: например, рубрика «No comment» присутствует в эфире с высокой периодичностью.

Между вербальным и невербальным компонентами медиадискурса существуют определенные отношения взаимозависимости. В дискурсе Euronews можно выделить следующие возможные варианты *мультимодального моделирования* видеовербальных компонентов медиатекста:

1) мультимодальная иллюстрация, цель которой состоит в том, чтобы просто проиллюстрировать то, что выражено в словесной части текста, не создавая при этом никаких дополнительных смыслов и коннотаций;

2) мультимодальное дополнение предполагает использование вспомогательных визуальных компонентов, способствующих реализации общей коммуникативной задачи, например, таблиц, графиков, дополнительных документальных материалов, привлечение мнений экспертов, комментирующих новостной сюжет;

3) достаточно популярен такой (вышеупомянутый) вариант видеовербального моделирования, как мультимодальный контраст, реализующий намеренное столкновение языковой и параязыковой семантики.

Современный дискурс, в том числе, медиадискурс, существенно усложнился: в нем все шире используется функциональность мультимодальности. Упрощенность сегодня оправдана, пожалуй, лишь в текстах правового содержания. Лингвистическое описание мультимодальной специфики медиатекста на материале такого разнопланового и многоязычного ресурса как Euronews, несомненно, актуально для понимания особенностей его функционирования, в том числе, в перспективе.

ЛИТЕРАТУРА

1. Баркович, А. А. Функциональность диады «коммуникационный – коммуникативный»: дискурсивный аспект / А. А. Баркович // Вестн. Томского гос. ун-та. Сер. Филология. – № 5 (37). – 2015. – С. 37–52.

2. *Gumperz, J. J.* Interactional Sociolinguistics: A Personal Perspective / J. J. Gumperz // *Handbook of Discourse Analysis*; ed. D. Tannen, D. Schiffrin & H. Hamilton. – Oxford: Blackwell, 2001. – P. 215–228.
3. *Dijk, T. A. van* Multidisciplinary CDA: A plea for diversity / T. A. van Dijk // *Methods of critical discourse analysis*; ed. R. Wodak & M. Meyer. – London : Sage, 2001. – P. 95–120.
4. *Titscher, S.* Methods of text and discourse analysis / S. Titscher, M. Meyer, R. Wodak & E. Vetter. – London: Sage Publications, 2000. – 284 p.
5. *Валгина, Н. С.* Теория текста / Н. С. Валгина. – М. : Логос, 2003. – 173 с.
6. *Чичерина, Н. В.* Медиа́текст как средство формирования медиаграмотности у студентов языковых факультетов / Н. В. Чичерина. – Москва: ЛКИ, 2008. – 232 с.
7. *Кибрик, А. А.* Мульти́модальная лингвистика / А. А. Кибрик // *Когнитивные исследования: сб. науч. трудов.* – № 4. – 2010. – С. 134–152.
8. *Баркович, А. А.* Информа́ционная лингвистика: метаописания современной коммуникации / А. А. Баркович. – М. : Флинта: Наука, 2017. – 360 с.

The article is devoted to the scientific explication of multimodality in the aspect of such a popular and demanded media discourse as “Euronews”. The article substantiates the need to consider the multimodal character of mediatext, the diversity of its communicational channels and their complex structure in scientific reflection of modern communication. Multimodality specifics determines the diversification and intensification of contemporary discourse.

Н.В. Шалесная
Минск, МГЛУ

СЕМАНТИЧЕСКИЕ КОМПОНЕНТЫ СУПЕРСТРУКТУРЫ УЧЕБНИКА ПО ЛИНГВИСТИКЕ

В статье рассматривается семантическая организация учебника по лингвистике, описывается его суперструктура, которая помогает автору расположить информацию в соответствии с коммуникативной целью. Устанавливаются такие семантические компоненты, как социально-культурный и исторический фон, характеристика объекта, задачи научной дисциплины, авторитетное мнение и комментарий. Определяются дискурсивные маркеры, в качестве которых выступают слова, принадлежащие к определенным лексико-семантическим группам, лексико-синтаксические структуры, и графические единицы. Определяется закономерность использования таких маркеров в компонентах суперструктуры учебника. Сравнивается употребление дискурсивных маркеров в учебниках на двух неблизкородственных языках, что позволяет выявить их сходства и различия. Учет использования дискурсивных маркеров важен для прагматики научного дискурса и является ключевым при создании учебников на рассматриваемых языках.

Семантические структуры не возникают произвольно, их появление связано с нашим познанием окружающей действительности. Исследуя глобальную организацию текста, Т. А. ван Дейк предложил понятие суперструктуры, которая включает семантические компоненты, характерные для определен-

ного жанра [1]. Суперструктура помогает автору расположить информацию в соответствии с коммуникативной целью, а адресату – с наименьшими усилиями определить, какая информация в тексте является наиболее важной [1, с. 23].

Продолжая традицию Т. А. ван Дейка, Л. А. Крюкова выделила пять основных семантических компонентов, характерных для жанра учебника: ‘социально-культурный и исторический фон’, ‘характеристика объекта’, ‘задачи научной дисциплины’, ‘авторитетное мнение и комментарий’ [2, с. 27]. Данные семантические компоненты являются прототипическими и составляют основную часть разделов и глав, наиболее ярко демонстрируя комплекс разноуровневых оценочных средств. Выделение и определение семантических компонентов учебника обусловлены наличием особых *дискурсивных* или *текстовых маркеров*, которые в данной работе понимаются как лексические клише, словосочетания, а также слова, используемые для выражения того или иного компонента суперструктуры в текстах, предназначенных для анализа [3].

Компонент ‘социально-культурный и исторический фон’ имеет исключительную важность для ядерного жанра учебника. Любое знание непрерывно связано с историческими предпосылками, социальными изменениями и, конечно же, с людьми, которые стали причиной этих изменений. Учитывая данные критерии, которые можно сформулировать в триаде «кто–где–когда», становится необходимым установить дискурсивные маркеры, указывающие на вышеупомянутый семантический компонент.

Так, мы можем выделить в качестве лексического маркера субкомпонента ‘кто’ имена и фамилии людей, лингвистических школ, которые имеют непосредственное отношение к выявлению, установлению и определению научного знания, которое в рассматриваемых учебниках считается старым.

The term ‘deviation’ in language was originally used by the Prague School linguist Jan Mukarowsky (1932) [4, p. 41]; Рымські етапи у розвитку риторикі представлені дзейнастю таких вядомых судовых аратараў, як Марк Порцій Катон Старэйшы, Гай Панірый Карбон, Гай Скрыбоній Курыйн, Крас, Квінт Гартэнзій Гартал... [5, с. 17].

Немаловажную роль при установлении семантического компонента играют географические названия (страны, столицы, города), представляющие субкомпонент ‘где’. Например: *If you travel around different parts of **the UK** or in other English-speaking countries, you will hear many different pronunciations, and for people from some places, such as **Scotland**, different phonemes are needed* [4, p. 15]. Для того чтобы сделать понимание читателя более последовательным, автор учебника предлагает некоторую справку, которая демонстрирует состояние произношения в выделенных географических названиях.

*Усе палітычныя пытанні вырашаліся ў **Афінах** на Народным сходзе* [5, с. 6]. Так, истоки возникновения красноречия позволяют понимать дальнейшее развитие науки и активизируют познавательную деятельность, связанную со сравнением положения риторики в разные периоды времени.

Субкомпонент ‘когда’ представлен такими словами, как *time, period, century, age, час, месяц, год, век, период (periods of English poetry, the time of World War II, the Augustan period, эпоха Сярэдневякоўя, перыяд Адраджэння, сучасны этап, хуткі час)*.

Говоря о таком лингвистическом явлении как «белый стих», автор продемонстрировал его использование разными поэтами, отсылая читателя к разным периодам времени. Таким образом, читатели получают культурную информацию, позволяющую значительно расширить кругозор по обсуждаемой теме. *These are very common in the English literature: Shakespeare's characters (late sixteenth century) frequently speak in blank verse, and other examples include Milton's epic poem, Paradise Lost (seventeenth century), Wordsworth's The Prelude (late eighteenth century), and some of Robert Browning's dramatic monologues (mid-nineteenth century)* [4, p. 43]; *Як вядома, 23 ліпеня 2008 года быў прыняты Закон Рэспублікі Беларусь “Аб правілах беларускай арфаграфіі і пунктуацыі”, наводзе якога замацаваліся некаторыя змены ў арфаграфічнай і пунктуацыйнай сістэмах беларускай мовы ў параўнанні з нормамі, прынятымі ў 1957 годзе* [6, с. 70].

Следующий семантический компонент суперструктуры учебника ‘задачи научной дисциплины’ знакомит начинающего исследователя с основными положениями научной дисциплины, сообщает о ее целях, объекте и предмете, позволяет получить представление о предстоящем курсе, а также апеллирует некоторыми терминами и понятиями, необходимыми для получения знания.

В этой связи лексическими маркерами данного семантического компонента выступают существительные *tools, term, concepts, principles, aspect, method, purpose; прадмет, аб’ект, дысцыпліна, заканамернасць, структура, навук, уменне, навывшэнне, падрыхтоўка, закон, стратэгія, тэхніка, палажэнне, канон*; прилагательные *analytic, objective, systematic; ўсебаковы, тэарэтычны, практычны*; глаголы *enhance, enrich, investigate, focus, provide, extend, aim; фарміраваць, знаёміць, уключаць, дапамагаць, ахопліваць, ілюстраваць, адрасаваць, вывучаць, разглядаць*.

Например: *The methods used to analyse ‘style’ have been drawn from linguistics, the study of language* [4, p. 2]; *На лепшых узорах красамоўства гэта дысцыпліна фарміруе рытарычны ідэал аратарскага майстэрства, дапамагае развіць рытарычныя навукі і ўменні...* [5, с. 4].

Следующий прототипический компонент ‘авторитетное мнение’ заключается в постулировании старого знания различными лингвистами. В значительной степени повышается доверие к представленному материалу, подкрепленному различными мнениями, которые имеют особый вес в научной коммуникации. Лексическими маркерами, отсылающими к данному компоненту, являются имена собственные, которые идут неразрывно с глаголами речевой деятельности, представленными в настоящем и прошедшем времени, а для английских учебников, кроме того, характерно использование страдательного залога (*suggest, label, disagree, claim, argue, concentrated, were coined by; адзначаў, адзначае, раіць, указваў, пісаў, сцвярджаў*).

Walter Nash (1989) suggests that dramatic texts can be analysed in a series of stages, starting with the most basic and least controversial... [4, p. 114]; Як адзначаў **А. Ф. Коні**, першыя словы аратапа павінны быць простымі, даступнымі, зразумелымі і цікавымі [5, с. 60].

Широко встречаются словосочетания и конструкции с предлогом и существительным. *In literary texts, the grammatical system of the language is often exploited, experimented with, or in Mukařowskэ's words, made to 'deviate' from other, more everyday, forms of language, and as a result creates interesting new patterns in form and in meaning* [4, p. 63].

Основным семантическим компонентом является 'характеристика объекта', без которого не состоится ни один учебник. Лингвистическая направленность обсуждаемых текстов обуславливает наличие специализированной терминологии, которая выступает в качестве дискурсивного маркера. Лингвистические термины могут сопровождаться дефиницией либо пояснением, часто сообщается информация об этимологии слова. В учебниках на белорусском языке за термином следует тире и указательное местоимения. *Дэдукцыя* (лац. *deductio* 'вывядзенне') – такая форма мышлення, калі новая думка выводзіцца лагічным шляхам з папярэдніх думак, у выніку чаго атрымліваецца дэдуктыўная выснова [5, с. 73].

В этом же случае грамматика английского языка требует наличия глагола-связки *to be*, который встречается в текстах в форме настоящего времени.

A simile is a way of comparing one thing with another, of explaining what one thing is like by showing how it is similar to another thing, and it explicitly signals itself in a text, with the words as or like [4, p. 78].

Кроме дефиниции за терминами могут следовать глаголы *allow, refer, occur, mean*; значыць, выконваць, дазваляць, дапамагаць, садзейнічаць, адлюстроўваць; существительные *meaning, term, aspect*; паняцце, віды, сродкі, значэнне, якасць, тактыка, прымета, уласцівасць; прилагательные *modal, contextual, conventional, metaphorical, literal, formal, prepositional, lexical*; агульны, тыповы, фармальны, аднакаранёвы, мнагазначны, метафарычны, радавы, відавы, моўны, маўленчы, сінанімічны, лексічны, фразеалагічны, сінтаксічны; наречия *grammatically, semantically, intentionally, structurally*; традыцыйна, вобразна, граматычна, семантычна.

Another useful **term** for discussing metaphors is **collocation**, which **refers** to words which are associated with each other [4, p. 79]; Дзеяслоўны палінтатон *садзейнічае* больш поўнаму і глыбокаму адлюстраванню пэўных дзеянняў або працэсаў, *надае* выказванню дынамізм, *перадае* паслядоўнасць развіцця падзей [5, с. 139].

В белорусскоязычных текстах грамматическим маркером выступают возвратные глаголы (*выдзяляюцца, праяўляецца, расшыфроўваюцца, адносяцца, адбываецца, сустракаюцца, адрозніваюцца*). Например: *Перыфразы даволі часта выкарыстоўваюцца ў мастацкім і публіцыстычным тэкстах з мэтай узмацнення выразнасці выказвання* [5, с. 122].

Очень часто за компонентом ‘характеристика объекта’ следует компонент ‘комментарий автора’, так как цель второго заключается в разъяснении основных понятий и терминов, используемых в первом, а так же подтверждение фактов различными примерами. К словам и выражениям, помогающим в подведении итогов, указании авторской точки зрения, примеров и следствий, относятся *however, furthermore, for example, for instance, as follows, so, so far, in other words, thus, of course, in contrast, to summarize the point, finally, напрыклад, такім чынам*.

Любой комментарий предполагает наличие некоторого сообщения, требующего обратной реакции от автора. Такое сообщение может быть указано до или после самого комментария. В свою очередь, комментарий будет содержать слова, отсылающие к связанному с ним сообщению. Значит, лексическими маркерами в данном случае являются указательные местоимения и определенный артикль английского языка, который выполняет ту же функцию; существительные *example, extract, passage sentence, activity, verse, poem, прыклад*; прилагательные *following, further, next, наступны, вышэй*; наречия *here, there, similarly*; предлоги *above, below*.

There are four basic types of cohesion, and I will say more about each of these in order below... [7, p. 25]; *З гэтай мэтай рэкамендуеца імкнуцца да экспрэсіўнасці, займальнасці выкладу, выкарыстання разнастайнай сістэмы выяўленча-выразных сродкаў, прыёмаў актывізацыі ўвагі, пра якія размова пойдзе ніжэй* [6, с. 204].

В некоторых случаях авторы учебников разъясняют старое научное знание, либо настраивают читателя на новый материал, предвосхищая возможные трудности. Комментарий может также быть реакцией на пример, который демонстрирует две и более точки зрения. Соответственно, такой семантический компонент будет включать порядковые числительные для правильного обозначения следования примеров. *У першым прыкладзе аўтар неапраўдана ўжывае стылёва зніжаны выраз “посная міна” ў адносінах да каханай, а ў другім прастамоўнае “вырадак” дапамагае персанажу выказаць негатыўныя адносіны* [6, с. 82].

В отличие от текстов на белорусском языке, авторы учебников на английском часто используют личные, притяжательные и относительные местоимения в первом лице. *If we go back to the James Joyce example again, we can see that the grammatical structure of the sentence is maintained through the occurrence of closed class words* [7, p. 51].

В белорусскоязычных учебных текстах в этом случае может быть глагол в первом лице без использования местоимения. *Зазначым, што ў французскай мове, адкуль трапілі да нас некаторыя словы, санорныя таксама маюць сваіх «суседзяў» – галосныя літары, што на карысць нейтралізацыі збегу зычных у фінальным складзе* [6, с. 15].

Стоит отметить, что семантические компоненты не являются отдельным законченным фрагментом и, как правило, находятся в различных частях текстового пространства. Таким образом, они более тесно связаны с обобщенной семантикой, содержанием текста определенного жанра.

Выявление данных компонентов суперструктуры обусловлено наличием особых языковых средств, в качестве которых выступают не только слова, принадлежащие к определенным лексико-семантическим группам, или лексико-синтаксические структуры, но и графические единицы.

ЛИТЕРАТУРА

1. Дейк, Т. А. ван. Язык. Познание. Коммуникация : сб. работ / Т. А. ван Дейк ; сост. В. В. Петров ; пер. с англ.; под ред. В. И. Герасимова. – М. : Прогресс, 1989. – 312 с.
2. Крюкова, Л. А. Семантическая структура научно-учебного текста на английском и русском языках / Л. А. Крюкова // Контрастивные исследования: текст, предложение, слово : сб. науч. ст. преподавателей и аспирантов МГЛУ / редкол.: Т. П. Карпилович (отв. ред.) [и др.]. – Минск, 2013. – Вып. 2. – С. 25–31.
3. Карпилович, Т. П. Моделирование процесса смысловой компрессии текста: когнитивно-дискурсивный подход / Т. П. Карпилович. – Минск. – МГЛУ, 2003. – 226 с.
4. Thornborrow, J. Patterns in Language / J. Thornborrow, Sh. Wareing // An introduction to language and literary style. – L. : Taylor and Francis e-Library, 2005. – 211 p.
5. Станкевіч, А. А. Рыторыка : падручнік / А. А. Станкевіч ; Мін-ва адукацыі Рэспублікі Беларусь, Гомельскі дзярж. ун-т імя Ф. Скарыны. – Гомель: ГДУ імя Ф. Скарыны, 2016. – 282 с.
6. Цікоцкі, М. Я. Стылістыка беларускай мовы: вучэб. дапам. для ф-таў. журналістыкі / М. Я. Цікоцкі. – 2-е выд., перапрац. і дап. – Мінск.: Універсітэцкае, 1995. – 294 с.
7. Toolan, M. Language in Literature: An Introduction to Stylistics / M. Toolan. – Routledge, 2013. – 264 p.

The paper establishes semantic components in the superstructure of the textbook on linguistics. The article deals with discourse markers and shows the way they are used in the components of the semantic structure of textbooks.

Г. Ю. Жерко
Минск, МГЛУ

СТРУКТУРА И ПРАГМАТИКА ПУБЛИЧНЫХ ВЫСТУПЛЕНИЙ

В статье рассматриваются особенности организации научно-популярного публичного выступления с позиций структурно-семантического подхода. В результате логико-семантического анализа с опорой на метод дискурсивных маркеров были выявлены компоненты суперструктуры публичного выступления, языковые средства их актуализации в англоязычном дискурсе, а также установлены функции выделенных компонентов.

Вопрос о соотношении понятий *текст* и *дискурс* является спорным в современной лингвистике. До сих пор ученые лингвисты не достигли согласия в вопросе соотношения этих двух понятий. Интерпретация данных терминов основывается на отличающихся друг от друга подходах и точках зрения.

Из-за активного развития лингвистики текста, участия в исследовании текста практически всех гуманитарных наук, сложности и многоаспектности самого понятия оно не получило общепринятого определения. На сегодняшний день выделено более трехсот определений текста, демонстрирующих разнообразие сложившихся подходов к его изучению. Для лингвистики *текст* – это результат целенаправленного речевого творчества, целостное речевое произведение. Термин *текст* часто используется в широком значении и включает в себя образцы как письменной, так и устной речи [1, с. 67].

Часто анализ понятия *текст* производится путем соотношения с близкими понятиями. Для квалификации текста наиболее существенным является соотношение понятий *текст* и *речь*. Если под речью понимать не только речевую деятельность, но и речевые произведения, то понятия *текст* и *речь* практически совпадают, точнее, соотносятся как вид и род. Текст – это речевое произведение, единица речи. Однако мы не можем найти соответствие текста как единицы речи какой-либо единице языка, как это происходит в подобных случаях (соответствие лексемы словоформе, а высказывания – предложению) [2]. Из этого можно сделать вывод, что текст – это явление речи и предположить, что между текстом и языком установлены опосредованные отношения, суть которых определяется введением в языкознание такого понятия, как *дискурс*.

Широко распространено мнение о том, что текст – это базовая минимальная единица дискурса. Многие говорят о том, что дискурс – динамический процесс, частью которого является текст. В данном контексте динамичность дискурса противопоставляется статичности текста. Однако Т. А. ван Дейк считает, что «следовало бы проанализировать тексты с точки зрения динамической природы их производства, понимания и выполняемого с их помощью действия» [3, с. 158–159]. По сути он говорит о том, что в тексте заложена определенная динамика, которую необходимо учитывать при анализе дискурса.

Анализ различных подходов к определению понятий *текст*, *дискурс* и их соотношению позволяет сделать вывод, что текст следует рассматривать как конечный результат речевой деятельности, текст имеет лингвистическое происхождение и считается актуальным, физическим явлением. Дискурс же мы определяем как текст, опосредованный ситуацией коммуникации (текст+ситуация), он обусловлен социальными отношениями и считается абстрактным явлением.

При изучении дискурса встает вопрос о его классификации: какие типы и разновидности дискурса возможно выделить, опираясь на те или иные основания. На данный момент ученые, представляющие разные области

знания, предлагают весьма различные классификации дискурсов, что объясняется многогранностью феномена «дискурс» и возможностью его изучения с разных точек зрения, например, психолингвистики, лингвокультурологии, структурной лингвистики, стилистики, социолингвистики и др.

Как правило, в первую очередь дискурс разделяют на устный и письменный. Это разграничение связано с каналом передачи информации: при устном дискурсе канал – акустический, при письменном – визуальный. «Иногда различие между устной и письменной формами использования языка приравнивается к различию между дискурсом и текстом, однако такое смешение двух разных противопоставлений неоправданно» [4].

Широкой популярностью пользуется типология дискурса, предложенная В. И. Карасиком. С точки зрения социолингвистики он выделил персональный (лично ориентированный) и институциональный типы дискурса. Данная классификация обусловлена противостоянием личности, внутреннего мира коммуниканта и его характеристик как представителя того или иного социального института.

Персональный дискурс В. И. Карасик подразделяет на бытовой и бытийный. Бытовое общение предполагает спонтанность, субъективность, нарушение логики и структурной оформленности высказывания, «участники бытового общения хорошо знают друг друга и не проговаривают дополнительных речевых формул и уточнений» [5]. Что касается бытийного дискурса, в нем присутствует особое стремление поделиться своими взглядами, переживаниями, внутренним миром в целом. Бытийный дискурс, как правило, представлен текстами художественной литературы и философии.

Ядром институционального дискурса В. И. Карасик называет «общение базовой пары статусно неравных участников коммуникации – учителя и ученика, священника и прихожанина, следователя и подследственного, врача и пациента» [5, с. 204]. Данный тип дискурса определяется границами статусноролевых отношений, поэтому представляется возможным выделить характеристики дискурса в различных общественных институтах. На этом основании ученый выделил политический, административный, юридический, военный, педагогический, религиозный, мистический, медицинский, деловой, рекламный, спортивный, научный, сценический и, наконец, массово-информационный дискурсы. Характеристика какого-либо типа институционального дискурса, по мнению В. И. Карасика, требует рассмотрения таких компонентов, как: 1) участники, 2) хронотоп, 3) цели, 4) ценности (в том числе и ключевой концепт), 5) стратегии, 6) материал (тематика), 7) разновидности и жанры, 8) прецедентные тексты, 9) дискурсивные формулы [6, с. 10].

В. И. Карасик разработал еще несколько вариантов типологии дискурса. Ученый предлагает различать перформативный и неперформативный типы дискурса. В основе данной типологии лежит противопоставление по признаку ‘факт–фикция’ [6]. В соответствии с данным критерием, если содержанием общения является информация, которую можно верифицировать, то такое общение является перформативным. В противном случае говорят о неперфор-

мативном общении. В качестве примера перформативного дискурса исследователь приводит юридический дискурс. При этом он высказывает мнение, что почти всегда официальное общение можно называть перформативным.

Этот же ученый разработал типологию дискурса по прагмалингвистическому критерию. Он предложил следующие критерии для типологии дискурса: одноплавность/многоплавность смыслов, заданность/открытость реакции, серьезность/несерьезность общения, кооперативность/конфликтность общения, приоритет содержания/формы общения, конкретность/отвлеченность тематики.

В соответствии с этими параметрами Карасик выделил такие типы дискурса, как: одномерный/многомерный, сценарный/несценарный, серьезный/юмористический, этикетный или кооперативный/агональный, информативный/фасцинативный, перформативный/аргументативный [6].

Т. А. ван Дейк, который определил дискурс как «коммуникативное событие, происходящее между говорящим, слушающим (наблюдателями и т.д.), в процессе коммуникативного действия в определенном временном, пространственном и прочем контексте» [7, с. 240], выделил принцип классификации, обусловленный направленностью дискурса на реализацию определенных коммуникативных стратегий. В соответствии с данным принципом существуют «контекстуальные макростратегии» (прагматические дискурсы). К таким дискурсам можно отнести юридический, военный, научный, педагогический дискурсы. Также выделяются «интердискурс» (общий дискурс) и «специальный дискурс» (частный дискурс).

Ряд ученых, в том числе Т. А. ван Дейк, классифицируют дискурс по национальному признаку, определяя дискурс русский, английский, немецкий и т.д., который далее подразделяется на дискурс научный, педагогический, политический и т.д. Следует понимать, что «определенные английский и русские дискурсы (например, научные) являются не отдельными типами дискурса, а разновидностями данного дискурса, приспособленными к сфере своего функционирования» [4].

Оригинальную типологию дискурса предложил Ч. Моррис. На основе выделяемых им по способу обозначения 5 типов знаков – знаков-идентификаторов («где?»), десигнаторов («что такое?»), оценочных («почему?»), прескриптивных («как?») и знаков систематизации (направляющих поведение интерпретатора в отношении других знаков) – он вывел как минимум 4 способа использования знаков: информативный, ценностный, стимулирующий, систематизирующий. Так как знаки-идентификаторы локализуют в пространстве и времени уже обозначенные объекты, то 5 указанных типов знаков можно свести к четырем последним. Таким образом, комбинируя способы обозначения и использования знаков, Моррис дает классификацию 16 различных типов дискурса [4].

В данной работе применяется функциональная (социалингвистическая) классификация дискурса как наиболее эффективная с точки зрения всестороннего изучения характеристик устного дискурса.

Объектом данного исследования являются публичные выступления, относящиеся к научно-популярному дискурсу, который направлен на популяризацию научных знаний среди непрофессионалов. Поэтому лексика характери-

зуется простотой и доступностью. Важной задачей данного типа дискурса является воздействие на адресата. Для этого в научно-популярном дискурсе активно используются эпитеты, метафоры, клише, прямые обращения и лексические средства, семантика которых подразумевает воздействие на разные рецепторы (слуховые, зрительные, тактильные и т.д.).

На основе анализа 10-ти видео общей протяженностью 150 минут и с опорой на типичные языковые средства была выявлена семантическая структура публичного выступления в научно-популярном дискурсе.

В структуру вошли такие компоненты, как 'формулировка темы выступления', 'постановка вопроса/проблемы', 'описание общего контекста' и 'вывод', используемые для построения повествования; 'личная история автора', 'пример для иллюстрации мысли', 'результаты исследования или научные данные' и 'личная история автора', используемые для описания и аргументации; компоненты 'историческая справка' и 'взаимодействие с аудиторией', которые используются как для построения повествования, так и для аргументации. Чаще всего в рассмотренных публичных выступлениях встречаются такие компоненты структуры, как

- 'формулировка темы выступления';
- 'личная история автора';
- 'пример для иллюстрации мысли';
- 'результаты исследования или научные данные';
- 'постановка вопроса/проблемы';
- 'вывод'.

Для формулировки темы выступления используются глаголы со значением 'понял', 'осознал', 'выяснил' (*learned, realized, figure out*): *So when we said goodbye that night, I **realized** he had also shown me the secret point of travel, which is to take a plunge, to go inwardly as well as outwardly to places you would never go otherwise, to venture into uncertainty, ambiguity, even fear; I'm obsessed with talking to strangers. I make eye contact, say hello, I offer help, I listen. I get all kinds of stories. About seven years ago, I started documenting my experiences to try to **figure out** why.*

Ту же функцию выполняют и сложные предложения с придаточной частью определительной: *And that was the moment **that I became obsessed with fangirls**. I didn't know it then, but that moment would transform the course of my life and go on to change everything that I thought I knew about being an adult, being a woman and being truly happy.*

Следует отметить, что придаточные определительные в данном случае могут использовать как в полной, так и в редуцированной форме (с пропущенным союзом): *Pakistan is home to 200 million people. And with its low levels of literacy, film can change the way **people perceive issues**. An effective storyteller speaks to our emotions, elicits empathy and compassion, and forces us to look at things differently.*

Компонент 'личная история автора' маркирует обстоятельства времени (*one day, once, one morning, few years ago, etc.*): ***Four years ago**, a teenage girl changed my life in one conversation. She was 13 years old, she was*

a friend's little cousin and she casually told me that she had met the man she was going to marry. So I said, "OK, tell me about him." And she told me that his name was Harry Styles; **One hot October morning**, I got off the all-night train in Mandalay, the old royal capital of Burma, now Myanmar.

Эту же функцию выполняют и глаголы со значением начал и конца действия, перехода в новое состояние (*begin, start, become* etc): *Years later, as I **began** to share this work with the public, I noticed that people are largely uncomfortable with this story; Separately, I **become** obsessed with female screams.*

При актуализации в дискурсе компонента 'пример для иллюстрации мысли' используются условные предложения, начинающиеся с придаточной части: *Strangers might ask each other for a sip of water. **If you ask someone for directions**, they're very likely to invite you home for coffee; So the ancient artist was protected from certain things, like, for example, too much narcissism, right? **If your work was brilliant**, you couldn't take all the credit for it, everybody knew that you had this disembodied genius who had helped you.*

Маркерами данного семантического компонента также могут выступать побудительные предложения: *So, **imagine** two people are walking towards each other on the street. They'll glance at each other from a distance. That's the civility, the acknowledgment. And then as they get closer, they'll look away, to give each other some space; So **let's look** at an ordinary scientist like myself, and let's look at my career. So what you see here is all the papers that I've published from my very first paper, in 1989; I was still in Romania when I did so, till kind of this year.*

Анализ показал, что предложения, начинающиеся с обстоятельства места или вводной конструкции уточняющего или хезитативного значения (*you know, I mean*), напрямую соотносятся с компонентом 'пример для иллюстрации мысли': ***In Egypt**, I'm told, it's rude to ignore a stranger, and there's a remarkable culture of hospitality. Strangers might ask each other for a sip of water. Or, if you ask someone for directions, they're very likely to invite you home for coffee; **In the Himalayas**, I found children carrying stone for miles down mountainous terrain to trucks waiting at roads below. The big sheets of slate were heavier than the children carrying them, and the kids hoisted them from their heads using these handmade harnesses of sticks and rope and torn cloth; And we were talking about this, and **you know**, Tom, for most of his lif [...].*

Компонент 'результаты исследования или научные данные' маркирует имена существительные со значением подытоживания (*conclusion, answer, explanation*), например: *The Nobel Prize-winning economist Daniel Kahneman has spent more than 60 years now researching human behavior, and his **conclusion** is that we are always much more confident of what we think we know than we should be; But tell me, according to this research, when do you reckon boys begin to perform and alter their voices? Now, I guessed 18, because "men mature later", right? Wrong. The **answer** was four years old.*

Для постановки вопроса или проблемы используются вопросительные предложения и имена существительные с компонентом лексического значения 'вопрос' (*question, problem, issue*): *I want to know, if girls grow*

up in a world where words like “crazy” and “psycho” and “hysterical” are casually used to describe female enthusiasm, then **how does that shape the way that those girls get to see themselves?** And then I ask myself a **question** I’ve never considered in my life. Why is it that the image of young girls screaming their lungs out with excitement for a pop star is considered crazy, psycho, scary, a bit much?

Для вербализации компонента ‘вывод’ используются условные предложения с подлежащим, выраженным личными местоимениями *you*, *we*, а также союз *so*: **So**, here it is. When **you** talk to strangers, **you**’re making beautiful interruptions into the expected narrative of your daily life and theirs. You’re making unexpected connections. If **you** don’t talk to strangers, **you**’re missing out on all of that. **We** spend a lot of time teaching our children about strangers. What would happen if **we** spent more time teaching ourselves? **We** could reject all the ideas that make us so suspicious of each other. **We** could make a space for change.

Таким образом, проведенное исследование позволяет говорить о наличии специфической, присущей только жанру научно-популярного публичного выступления, семантической структуры, вербализуемой в дискурсе при помощи конкретных языковых средств как лексического, так и синтаксического уровней.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гальперин, И. Р. Текст как объект лингвистического исследования / И. Р. Гальперин. – М.: КомКнига, 2007. – 144 с.
2. Солганик, Г. Я. К определению понятия «текст» и «медiateкст» [Электронный ресурс] / Г. Я. Солганик – Режим доступа : <https://cyberleninka.ru/article/n/k-opredeleniyu-ponyatiy-tekst-i-mediatekst/viewer>. – Дата доступа : 01.12.2019.
3. Дейк, Т. А. ван. Язык. Познание. Коммуникация / Т. А. ван Дейк; сост. В. В. Петрова; под ред В. И. Герасимова. – М. : Прогресс, 1989. – С. 158–159.
4. Салихов, А. Ю. Типология дискурса. Дискурс ток-шоу [Электронный ресурс] / А. Ю. Салихов // *Lingua mobilis* № 5(51). – 2014. – Режим доступа. – : <https://cyberleninka.ru/article/n/tipologiya-diskursa-diskurs-tok-shou/viewer>. – Дата доступа : 13.12.2019.
5. Карасик, В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс / В. И. Карасик. – Волгоград : Перемена, 2002. – 477 с.
6. Карасик, В. И. О типах дискурса // Языковая личность: институциональный и персональный дискурс: сб. науч. тр. / В. И. карасик, Г. Г. Слышкина. – Волгоград : Перемена, 2000 – 228 с.
7. Dijk, T. A. van. Studies in the pragmatics of discourse / T. A. van Dijk // The Hague. – Berlin : Mouton, 1981. – 331 с.

The article presents the results logical-semantic analysis of public speeches in popular scientific discourse. The results elucidate the semantic components that constitute the genre as well as the language means of their representation in discourse.

Н. Е. Ивченкова
Минск, МГЛУ

ЯЗЫКОВАЯ ИГРА В ЗАГОЛОВКАХ СМИ

В статье проанализирован феномен языковой игры в заголовках современных русских и английских СМИ, рассмотрены различные подходы к определению языковой игры. Представлены наиболее употребляемые приемы языковой игры в газетных заголовках. Выявлены и обоснованы цели использования данного феномена в современных публицистических текстах.

На сегодняшний день, в эпоху информационного взрыва, привлечь внимание читателей довольно сложно, поэтому язык современной прессы должен быть броским и эффектным. Одним из самых продуктивных способов воздействия на аудиторию является использование приема языковой игры в газетных заголовках. Потенциал языка неисчерпаем, с помощью намеренного нарушения языковой нормы мы можем изменить семантическое наполнение высказывания, открыв абсолютно новые смысловые оттенки. Овладение данным приемом и его понимание помогают чувствовать язык, видеть те смыслы, которые автор пытается скрыть намеренно, чтобы убедить и заинтересовать читателя – все это обуславливает частотное использование приема языковой игры в заголовках.

В современной научной литературе термин *языковая игра* трактуется по-разному (данный термин ввел философ Л. Витгенштейн). Проанализируем некоторые определения данного феномена.

Языковая игра – это «определенный тип речевого поведения говорящих, основанный на преднамеренном (сознательном, продуманном) нарушении системных отношений языка, т.е. на деструкции речевой нормы с целью создания неканонических языковых форм и структур, приобретающих в результате этой деструкции экспрессивное значение и способность вызывать у слушателя/читателя эстетический и, в целом, стилистический эффект» [7, с. 657].

По мнению В. З. Санникова, «языковая игра – это отступление от нормы, нечто необычное. Однако патологическое ясней всего поучает норме. Это в полной мере приложимо к патологическому в речи: языковая игра позволяет четче определить норму и отметить многие особенности русского языка, которые могли бы остаться незамеченными» [6, с. 13].

В понимании С. Ж. Нухова, языковая игра – это «такая форма речевого поведения человека, при которой языковая личность, реализуя свои лингвокреативные способности, демонстрирует свой индивидуальный стиль» [4, л. 137].

Лингвист Б. Ю. Норман в своем труде «Игра на гранях языка» охарактеризовал языковую игру как «сложный феномен, использование языка в особых – эстетических, социальных – целях, при котором языковая система наилучшим образом демонстрирует свою «мягкость»: языковые единицы, их классы и правила их функционирования получают тут большую степень свободы по сравнению с иными речевыми ситуациями» [3, с. 5–6].

То есть, с одной стороны, языковая игра – это нарушение нормы в экспрессивных целях, с другой – проявление творчества путем демонстрации своей языковой компетенции. В рамках феномена языковой игры можно раскрыть уникальные возможности самого языка, а именно выделить его национально-культурный компонент и расширить лингвистическую компетенцию личности.

Почему языковая игра используется авторами именно в заголовках? Ответ прост: заголовок – это первое, на что обращает внимание потенциальный читатель. Поэтому только от автора зависит, будет ли читателю интересна статья. Сможет ли автор творчески обыграть заголовок, прорекламировать статью, связать языковое явление с культурным?

Рассмотрим некоторые примеры использования приемов языковой игры в заголовках, взятые из газет «Аргументы и факты», «Российская газета», «Версия» и «Известия».

ЛАВРОВЫЙ LIST («Аргументы и факты», № 9, 2018) – в статье сообщается о том, что Сергей Лавров, министр иностранных дел Российской Федерации, ограничил въезд в Россию некоторым лицам, отразив данную информацию в списке. «List» в переводе с английского – «список». Таким образом, заголовок статьи будет звучать так: **ЛАВРОВЫЙ СПИСОК**. Анализируя данный заголовок, мы наблюдаем использование такого приема языковой игры, как межъязыковая омонимия (Межъязыковые омонимы – это слова, имеющие одинаковый звуковой состав, которые различаются значениями или употреблением. Полное несовпадение плана содержания, т.е. отсутствие общих элементов смысла, наиболее часто встречается в случайных межъязыковых омонимах, не имеющих этимологических связей [1, с. 177]). Таким образом, после прочтения данного заголовка ожидания человека, который не знает английского языка, могут быть обмануты.

VIP-СЕКТА («Версия», № 9, 2004) – данный заголовок – пример популярного среди авторов приема – графогибридизации (соединение в пределах слова графических средств разных языков, в данном случае английского и русского).

НЕ ШУММИ! («Версия», № 23, 2005) – статья о достижениях Михаэля Шумахера. Автор с помощью использования приема контаминации («образование нового слова или выражения путем скрещивания, объединения частей двух слов или выражений, связанных между собой какими-либо ассоциациями. Иногда контаминация приводит к неправильным лексическим образованиям или синтаксическим конструкциям» [5, с. 101]) привлекает читательское внимание путем объединения глагола *шуми* и имени собственного *Михаэль*.

«ВОЙСКА ДЯДИ ВАСИ» («Аргументы и факты», № 10, 2017) – так аббревиатуру **ВДВ** (Воздушно-десантные войска) расшифровывают сами десантники, потому что именно генерал Василий Маргелов сделал десантников настоящей армейской элитой. В данном примере используется прием деаббревиации (термин, введенный А. Ф. Журавлевым). В статье «Деаббревиация в русском языке» А. В. Зеленин трактует данный термин как «деком-

прессию, развертывание аббревиатуры либо в исходное словосочетание, либо в новую языковую единицу с модифицированным сигнификатом» [2, с. 78]. Наиболее распространенным типом дезаббревиации, в основе которого лежит перекодирование, является сознательно видоизмененная расшифровка мотивирующего аббревиатуру исходного словосочетания: «ложная расшифровка аббревиатур» (в классификации А. Ф. Журавлева) или «людическая [от лат. *ludus* 'игра'] дезаббревиация (в классификации А. В. Зеленина) [Там же, с. 86].

МЭЙ В ИЮНЕ («Российская газета», № 125, 2017) – в статье говорится о парламентских выборах в Великобритании в июне, на которых Консервативная партия во главе с Терезой Мэй должна победить. Данный заголовок представляет собой каламбур, основанный на омонимии имени собственного *Мэй* и звуковой формы английского существительного *may* (рус. *май*). В результате получился каламбур: рус. *май в июне*.

АГРОМНЫЙ УСПЕХ («Российская газета», № 128, 2017) – так названа статья о выставке «БЕЛАГРО-2017», которая стала смотром совместных технических достижений белорусских и российских предприятий. Используя прием контаминации (огромный + АГРО), автор выражает свою оценку события, описанного в статье.

ПЯТЬ ОТКРЫТИЙ МАКСа («Российская газета», № 153, 2017) – статья о достижениях Международного авиакосмического салона. В заголовке автор применил прием омоакронимии/двойной мотивации (совпадение сокращений по своей фонетической форме с общеупотребительными словами). В данном примере аббревиатура *МАКС* совпадает с краткой формой имени собственного *МАКС*.

ПросТОР для инвестора («Российская газета», № 173, 2017) – в данном заголовке автор использует прием визуальной неологизации/псевдомотивации («явление, связанное с появлением нового оттенка смысла или значения, ситуативно мотивированного, в словах, тождественных по звуковому или буквенному составу. С помощью псевдомотивации авторы стремятся выделить наиболее существенную деталь в слове, словосочетании и предложении, расставить необходимые акценты. Данный способ языковой игры с аббревиатурами основывается на ненормальном использовании прописной буквы, главная функция которой является привлечением внимания [8, с. 38]). В представленном заголовке в существительном *простор* выделяется аббревиатура *ТОР* (территория опережающего развития), тем самым акцентируется внимание на содержании статьи о резидентах территории опережающего развития.

ГАИ, ГАИ, МОЯ ЗВЕЗДА («Российская газета», № 296, 2017). Это интервью с начальником госавтоинспекции, который рассказывает об изменениях в Административном кодексе. Заметим, что заголовок статьи образован с помощью замены одного из компонентов прецедентного текста, названия всем известного романса «Гори, гори, моя звезда», который исполняет Анна Герман. Таким образом, анализируя данный заголовок, мы можем говорить о таком приеме языковой игры, как трансформация прецедентного феномена (замена в известном устойчивом сочетании одного из его компонентов).

ПО КОМ ЗВОНИТ ФАС («Российская газета», № 3, 2018) – заголовок, образованный от прецедентного текста «По ком звонит колокол» (роман Эрнеста Хемингуэя) с помощью замены одного из компонентов устойчивого выражения аббревиатурой ФАС (Федеральная антимонопольная служба). В данном заголовке мы вновь наблюдаем прием трансформации прецедентного феномена.

ОПЕРАЦИЯ Ын («Известия», № 105, 2018). Так называется статья о том, что известно о смерти брата лидера КНДР Ким Чен Наме. Заголовок напоминает название известного советского фильма «Операция «Ы» и другие приключения Шурика». В данном примере источником языковой игры стал прецедентный текст.

КОНТРАФИФАКТ («Известия», № 143, 2018) – заголовок статьи о задержанных единицах контрафактной продукции с символикой FIFA. Языковая игра достигается путем объединения существительного *контрафакт* и сокращения *FIFA* (контаминация).

МИНЗДРАВЫЙ СМЫСЛ («Версия», № 6, 2020) – в заголовке с помощью приема контаминации (Минздрав + здоровый) автор обыгрывает название статьи, выражая при этом свою личную оценку. В приведенном примере *минздравый* является антонимом привычного нам прилагательного *здоровый*, т.е. в статье выражается несогласие с мнением представителей Минздрава.

НАСПЕХТУЦИЯ («Версия», № 6, 2020) – заголовок статьи о необдуманно и быстро составленной Конституции. Прием контаминации достигается с помощью объединения наречия *наспех* и существительного *Конституция*.

COVIDНО БУДЕТ («Версия», № 17, 2020) – в заголовке статьи содержится информация о том, что из-за пандемии всем людям придется пересмотреть свои взгляды на жизнь. В данном примере мы можем наблюдать прием контаминации. Путем сложения предикативного наречия *видно* и сокращения *COVID* автор обыгрывает ничем не примечательное выражение *видно будет*.

Проанализировав заголовки выбранных газет, мы пришли к следующим выводам: языковая игра – это многогранное явление, нацеленное на привлечение внимания оригинальными речевыми формами; нарушение нормы в экспрессивных целях; проявление творчества путем демонстрации своей языковой компетенции. На сегодняшний день прием языковой игры в заголовках активно используется авторами. Это обусловлено тем, что современные тексты СМИ носят строго информативный характер, поэтому лишь игровая манера подачи заголовка заставит читателя обратить внимание на статью. Феномен языковой игры – это не только средство выражения экспрессии, но и способ отражения национально-культурного компонента в языке. Наиболее распространенными являются такие приемы языковой игры в заголовках, как контаминация, межъязыковая омонимия, графогибридизация, каламбур, дезаббревиация, визуальная неологизация/псевдомотивация, омоакронимия и использование прецедентных текстов для создания экспрессивных газетных заголовков.

Таким образом, изучение механизмов языковой игры и выявление скрытых смыслов в русскоязычных и англоязычных заголовках позволяют предупредить возможные стилистические трудности русского и английского языков, а также получить информацию о культурных особенностях русскоязычных и англоязычных народов.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Грабчиков, С. М.* Межъязыковые омонимы и паронимы. Опыт русско-белорусского словаря / С. М. Грабчиков. – Минск : Изд-во БГУ, 1980. – 259 с.
2. *Зеленин, А. В.* Дезаббревиация в русском языке / А. В. Зеленин // Вопросы языкознания. – 2005. – № 1. – С. 78–97.
3. *Норман, Б. Ю.* Игра на гранях языка / Б. Ю. Норман. – М. : Флинта : Наука, 2006. – 344 с.
4. *Нухов, С. Ж.* Языковая игра в словообразовании : на материале лексики английского языка : дис. ... д-ра филол. наук : 10.02.04 / С. Ж. Нухов. – М., 1997. – 372 л.
5. *Розенталь, Д. Э.* Словарь-справочник лингвистических терминов : пособие для учителей / Д. Э. Розенталь, М. А. Теленкова. – 3-е изд., испр. и доп. – М. : Просвещение, 1985. – 357 с.
6. *Санников, В. З.* Русский язык в зеркале языковой игры / В. З. Санников. – 2-е изд., испр. и доп. – М. : Яз. славян. культуры, 2002. – 552 с.
7. Стилистический энциклопедический словарь русского языка / Л. М. Алексеева [и др.] ; под ред. М. Н. Кожинной. – М. : Наука : Флинта, 2011. – 696 с.
8. *Ху, Цюань.* Языковая игра на базе аббревиатур в современных русских СМИ (на материале газетных заголовков) / Цюань Ху // Междунар. науч.-исслед. журн. – 2015. – № 11-4 (42). – С. 38–39.

The article analyzes the phenomenon of language game in the headlines of modern Russian and English mass media, and considers various approaches to the definition of language game. The most commonly used language game techniques in newspaper headlines are presented. The goals of using this phenomenon in modern publicistic texts are identified and justified.

Е. Д. Шемет
Минск, МГЛУ

БРЕНДЫ В МАСС-МЕДИА: НЕОБХОДИМАЯ ДЕТАЛИЗАЦИЯ ИЛИ СКРЫТАЯ РЕКЛАМА

Зачастую бывает довольно трудно отличить скрытую рекламу от необходимой детализации, предназначенной для раскрытия темы, сюжета, персонажей, т.е. для полного погружения в контекст происходящего. Скрытая реклама в масс-медиа, а особенно в произведениях художественной литературы и в кинематографе, часто подвергается всеобщей критике. Однако на самом ли деле помещение брендов в масс-медиа пагубно влияет на восприятие

контента аудиторией? И какие факторы нужно учитывать при упоминании брендов в массмедиа, вне зависимости от того, скрытая реклама это или же необходимая детализация? В данной статье представлены ответы на эти вопросы, а высказывание всемирно известного автора бестселлеров Стивена Кинга, упомянутое в данной статье, поможет наилучшим образом критически взглянуть на двоякую природу *product placement*.

Скрытая реклама – это определенный набор методов и технологий, которые направлены на продвижение бренда, компании или организации, на управление сознанием потребителя и мгновенную раскрутку. Она незаметно функционирует в Интернете, фильмах, литературе, журналах, комиксах, газетах, видеоиграх и музыкальных клипах [1].

Использование брендов в массмедиа имеет двоякую природу. С одной стороны, бренды в массмедиа могут восприниматься в качестве необходимой детализации, предназначенной для более углубленного понимания контекста; с другой – бренды могут функционировать в качестве скрытой рекламы. Иногда становится довольно сложно понять, что мы видим перед собой: рекламу или детализацию. Данная проблема особенно актуальна для блогов в Интернете, телевидения и кинематографа. Насколько же она острая и что является ключевым при внедрении бренда в массмедиа?

Возьмем, к примеру, телепередачу «Квартирный вопрос». Упоминание определенных брендов в данном случае является так называемым путеводителем по самостоятельному ремонту дома или в квартире. Перечисление брендов помогает телезрителям определиться с материалами, которыми они будут пользоваться. Более того, передача сама по себе была бы бессмысленной, если бы в ней не упоминались все те инструменты и материалы, необходимые для качественного ремонта. Таким образом, с этой точки зрения *product placement* может считаться необходимой детализацией. Однако телезритель не способен лично проверить и убедиться в качестве выполненной работы в телешоу. Нет никакой гарантии, что на следующий день обои не отклеились со стен, а бытовая техника не вышла из строя. С этой стороны упоминание брендов можно было бы считать скрытой рекламой.

Если взять в пример телешоу «Дом-2» и закрыть глаза на огромное количество негативных отзывов о нем, именованный *product placement* набор потребляемых участниками продуктов может и вовсе не считаться скрытой рекламой, ссылаясь на то, что режиссеры и сценаристы данного телешоу хотели создать максимально естественную среду, где у каждого продукта есть свое наименование, и они необходимы для полного раскрытия участников [2].

Выпуски телевизионных новостей также могут послужить примером неоднозначного использования брендов. Под множеством анонсов об открытии разного рода мероприятий (выставок, концертов, фестивалей), заведений (кафе, кинотеатра, салона красоты), магазинов происходит позитивно направленное подробное информирование телезрителей о сути мероприятий, тематике заведений, ценах, происходит знакомство с организаторами, озвучивание выгоды, полезности посещения данных заведений, мероприятий, что является собой оплаченную скрытую рекламу. О том, что упоминание брендов в данном случае является скрытой рекламой, говорит тот факт, что они упомина-

лись только с позитивной стороны без озвучивания недостатков и негативных моментов. Если бы услуга или же продукт рассматривались подробно со всех сторон, то это нельзя было бы однозначно назвать скрытой рекламой. Неопытными зрителями же данная скрытая реклама будет воспринята лишь в качестве новостного выпуска [3, с.112].

Говоря о product placement в художественной литературе, нельзя не упомянуть знаменитого американского автора мировых бестселлеров Стивена Кинга, в романах которого можно найти немало упоминаний различных брендов. Ниже приведем конкретную цитату:

«Многим не нравится, что я очень часто упоминаю в книгах всякие бренды. Но я никогда не перестану этого делать, и никто не сможет меня переубедить. Потому что всякий раз, когда я так поступаю, чувствую, что попал, попал в точку. Вот смотришь на старую фотографию Майкла Джордана в прыжке и чувствуешь, что мяч попал куда следовало. Иногда название бренда подходит идеально, оно держит весь эпизод. Когда Джек Торренс в “Сиянии” накачивается экседрином, сразу понимаешь, что это значит. Мне всегда хочется спросить этих критиков, среди которых есть и писатели, и университетские профессора: “А вы обычно что делаете? Открываете аптечку и видите безымянную коробочку? Пользуетесь шампунем вообще, аспирином вообще? Идете в магазин и покупаете упаковку просто пива? А в гараже у вас стоит просто машина?”.

И я себе отвечаю: “Держу пари, именно так они и живут. Некоторые из этих университетских профессоров – например, тот, для которого литература остановилась на Генри Джеймсе, но, если заговорить с ним о Фолкнере или Стейнбеке, он выдавит из себя вежливую улыбку, – так вот, они ни черта не понимают в американской литературе и считают это своим главным достоинством. А когда они открывают аптечку, видят просто коробочки с какими-то лекарствами, потому что не умеют наблюдать. Я считаю, что я как раз и должен говорить: это пепси, ясно? Надо называть вещи своими именами. Описывать то, что видишь. Можешь сделать для читателя фотографию – сделай”» [4].

Product placement наиболее часто можно встретить в Интернете, например, в блогах знаменитостей на таких платформах, как Instagram, Facebook, YouTube. Блогерам поступает заказ на нативную рекламу, допустим, рекламу косметики, и на платформах, где они ведут свои блоги, снимают видео и т.д. они делают подробный обзор данной косметики, в некоторых случаях применяя ее на себе, делая с ней фотографии и описывая ее функционал, естественно, в самом лучшем свете. Делается это все не под видом рекламы, а в качестве персональной рекомендации от блогера. Неопытный пользователь в редких случаях определит, что перед ним реклама, однако, если зайти на аккаунты других блогеров, пишущих посты или снимающих видео в подобном формате и на подобные тематики, можно заметить практически идентичные тексты с рекламой одного и того же продукта или услуги. Данный вид рекламы в Интернете имеет намного больше минусов, чем плюсов. Главный из них – недостаточная осведомленность или же полное

отсутствие какой-либо осведомленности блогеров о рекламируемом продукте. Можно привести громкое дело, имевшее место в 2019 г., по поводу напумевшей сыворотки FemFatal. Ее в своих постах в Instagram рекламировало множество блогеров. Позже оказалось, что в данной сыворотке содержался антибиотик, запрещенный в косметических средствах, оказывающий крайне негативное воздействие на кожу и здоровье тех, кто решил ею воспользоваться.

Однако имеют место и ситуации, когда блогеры на самом деле не в целях рекламы хотят порекомендовать зрителям некий продукт или услугу, исходя из лучших намерений. В различного рода влогах, где съемка видео ведется в центре города, например, бренды могут и вовсе случайно попадать на камеру. Многие бьюти-блогеры имеют тенденцию делать обзоры по типу «что находится в моей сумочке». С одной стороны, это сделано для тех людей, которые берут пример с данных блогеров, а также с возможной целью самоутвердиться, а также с целью прорекламировать бренды, которыми они пользуются.

Если говорить о скрытой рекламе в художественных фильмах, то, опять же, как правило, качественно вплетенный в сюжет product placement чаще всего не привлекает особого внимания и не кажется зрителю назойливым и мешающим просмотру картины. Положительное отношение к рекламируемым в фильме брендам строится в основном на симпатии непосредственно к самим персонажам фильма, которые пользуются теми или иными продуктом или услугой. Если главный герой симпатичен зрителю, если он отличается своей харизмой, чувством юмора, умом, то зритель скорее всего будет одобрять все его действия, у него появится желание подражать главному герою, быть похожим на него, и, соответственно, будет копировать его образ жизни, используя те же бренды.

При первичном просмотре фильма с грамотно интегрированной скрытой рекламой человек даже не всегда в состоянии заметить ее наличие, а вернее, определить, является это рекламой или же необходимым режиссерским элементом, созданным для полного погружения зрителя в контекст, знакомства с персонажами, определения их социального статуса, предпочтений, желаний. Опять же появляется вопрос о двоякой природе product placement. С одной стороны, ноутбук фирмы Apple, внедренный в киносюжет, может рассматриваться как скрытая реклама: казалось бы, какая разница, с помощью какого девайса герой фильма будет искать необходимую информацию в Интернете, но, с другой – факт того, что герой фильма пользуется ноутбуком конкретно данного бренда может также свидетельствовать о его стабильном, высоком финансовом положении. Таким образом мы лучше знакомимся с персонажем и его стилем жизни. Мы тщательнее углубляемся в контекст и узнаем некоторые детали, прямо или косвенно влияющие на развитие сюжета.

Однако существуют и такие случаи, когда сюжет фильма полностью строится на каком-либо продукте или услуге, когда идет непосредственное настойчивое навязывание зрителю некой идеи, а именно необходимости приобрести товар или услугу. Часто в подобных случаях реклама не выглядит гармоничной, она противоречит всем канонам качественного кинематографа, является навязчивой, кричащей, лишней, а зачастую даже смехотворной.

В данном случае реклама считается неестественной, она создает негативное впечатление зрителя о фильме и не вызывает желания приобрести товар или услугу, продолжить просмотр фильма. В пример можно привести российский фильм «Горько! 2», где присутствовало больше 28 брендов, которые упоминались практически в каждой сцене и в большинстве своем не играли никакой роли в развертывании сюжета.

Однако везде существуют свои исключения, в данном случае таким является фильм «Изгой» с Томом Хэнксом, где в реальной жизни существующая почтовая компания «Federal Express» и ее сотрудники раскрываются с положительной стороны на протяжении всего фильма через поведение главного героя. Еще одним примером с большим количеством упоминаемых брендов является российский фильм «Duxless» 2011 года. В нем присутствовало около 26 брендов, которые, однако, сыграли значительную роль в раскрытии персонажей и их стиля жизни и не воспринимались зрителем навязчивыми и не оказывали отрицательного влияния на восприятие фильма ввиду проработанного сюжета и идеи.

В художественной литературе или же в художественных фильмах режиссеры предпочитают придумывать свои собственные бренды. Так, например, у поклонников Квентина Тарантино давно на слуху бренд сигарет под названием «Red Apple» или же «Big Kahuna Burger». С одной стороны, придуманные бренды не приводят адресата в недоумение и не заставляют задаваться вопросом, реклама это или нет. Также данный прием может использоваться для высмеивания фильмов, использующих чрезмерное количество рекламы. С другой стороны, опять же, известные всем бренды, существующие в реальном мире, помогают адресату иметь лучшее представление о персонаже или же о контексте произведения, так как реальный бренд адресату давно знаком и имеет определенные ассоциации, чего нельзя сказать о выдуманных брендах.

Таким образом, вопрос об использовании брендов в произведениях культуры и искусства стоит довольно остро. В некоторых случаях product placement может выступать в качестве довольно навязчивой рекламы, а в других случаях – быть настолько естественным элементом сюжета, органично вписывающимся и ни в коем случае не являющимся лишним и неуместным, дополняющим основную картину, что иногда кажется: это и вовсе не реклама. Одно только остается ясным: несмотря на то, является ли использование или упоминание брендов рекламой или нет, ключевым моментом является сам контент (кинокартина, книга, телешоу, видеоигра, радиопередача, блог), где это размещается. Если контент является качественным, признанным большинством, вызывающим положительные эмоции, симпатию адресата, то product placement не вызовет никаких негативных эмоций. Если же контент считается второсортным, некачественным, бессмысленным, то и внедрение брендов в него также будет выглядеть нелепым.

Можно подытожить, что бренды могут успешно функционировать в массмедиа в качестве необходимой детализации. Они помогают лучше углубиться в контекст, познакомиться с действующими лицами и, возможно, облегчить нашу жизнь, что является плюсом. Бренды также могут функцио-

низовать и в качестве скрытой рекламы. Однако для того, чтобы реклама была успешной, она должна размещаться в проверенный, качественный контент, не должна быть навязчивой, многочисленной и часто повторяющейся, вызывать приятные ассоциации и не мешать восприятию основного контента, а перед тем, как помещать рекламу какого-либо продукта в масс-медиа, данный продукт должен пройти тщательный правовой и качественный контроль.

ЛИТЕРАТУРА

1. Скрытая реклама // Русмедиа [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://rus-media.pro/dictionary/termin/skrytaia-reklama>. – Дата доступа : 07.04.2020.
2. Скрытая реклама на телевидении // Artwell. Системный интегратор [Электронный ресурс]. – 2017. – Режим доступа : http://www.artwell.ru/services/hidden_advertising_on_tv. – Дата доступа : 07.04.2020.
3. *Берёзкина, О. П.* Product placement. Технологии скрытой рекламы / О. П. Берёзкина. – СПб.: Питер, 2009. – 208 с.
4. Проза жизни // Esquire [Электронный ресурс]. – 2013. – Режим доступа : <https://esquire.ru/letters/3796-writers/#part16>. – Дата доступа : 08.04.2020.

This article is about a double nature of product placement: it can be considered as a hidden advertisement on the one hand and as a necessary detailing embedded for better context understanding on the other hand. It was summarized that whether it is an advertisement or a necessary detailing, it must not be intrusive, repetitive, interfering with the perception of the main content and must evoke pleasant associations.

СЛОВО В ЛЕКСИЧЕСКОЙ СИСТЕМЕ И ДИСКУРСЕ

Т. А. Козлова

Минск, МГЛУ

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ НОРМЫ И ОЦЕНКИ В СЕМАНТИКЕ НАИМЕНОВАНИЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ/БЕЗОТВЕТСТВЕННОСТИ

В статье исследуется взаимодействие нормы и оценки в семантике наименований ответственного и безответственного отношения к выполнению обязанностей в английском, белорусском и русском языках. Соответствие норме рассматривается как проявление положительной оценки в семантике единицы. Отрицательная оценочная направленность репрезентируется двумя вариантами соотношения нормы и категории количества – недостаточностью требуемого качества или его избытком. Определяются семы, способствующие изменению направления оценки в семантике единицы и переходу слова в другую лексико-семантическую группу.

Языковые средства номинации ответственности/безответственности репрезентируют аксиологический пласт лексики, в семантике которой фиксируется наличие этической оценки, связанной с представлениями о норме, эталоне, стандарте.

Обращение к категории нормы характерно для всего того, что находится в сфере интересов человека, поскольку благодаря ей в случае выбора увеличивается скорость принятия решения и происходит высвобождение от ненужной информации. Указанные психические особенности объясняются тем, что, по мнению большинства представителей лингвокультурного общества, норма соответствует наиболее приемлемому и правильному положению вещей [1, с. 4]. Таким образом, нормой является не нейтральность или отсутствие какой-либо характеристики, а соответствие стереотипу [2, с. 48].

Представляется важным указать на различие терминов *норма*, *эталон*, *стандарт*, поскольку в ряде лингвистических работ они употребляются недифференцированно [2; 3, с. 62–63]. Норма отличается универсальностью и абстрактностью и при определенной степени конкретизации становится эталоном. Высокая степень социальной осознанности и приемлемости превращает эталон в стандарт. Это означает, что указание на наличие нормы в лексическом значении языковой единицы свидетельствует об оценочности ее семантики. В то же время для стандарта оценочность не свойственна [4, с. 59–60]. На основании этого можно утверждать наличие взаимосвязи нормы и соотношения дескриптивного и коннотативного компонентов в значении лексемы.

Категория нормы влияет на соотношение репрезентативности положительного и отрицательного полюсов на шкале оценок при рассмотрении семантики лексических единиц, называющих ответственное или безответственное отношение к выполнению обязанностей. Норма аксиологической лексики, к которой относятся единицы исследуемых лексико-семантических

групп, соответствует положительной части шкалы. Положительное представляет собой желаемое, идеальное качество человека, вследствие чего попадает в фокус номинации как отклонение от нормы [5, с. 147].

Материалом исследования соотношения нормы и оценки в семантике лексических единиц стали наименования ответственного и безответственного отношения к выполняемым обязанностям в английском, белорусском и русском языках. Общее количество сопоставляемых единиц составило 21 лексему в английском языке, 24 лексемы в белорусском языке и 31 лексему в русском языке.

Соответствие норме в дефинициях лексем выявлено на основании наличия следующих сем и сочетаний сем: 'obedience to the rules', 'due performance of obligations', 'liable to be called to account', 'appropriate', 'proper'; 'выкананне абавязкаў', 'прытрымліванне патрабаванняў/прынцыпаў', 'дакладнасць', 'захоўванне парадку'; 'соблюдение порядка', 'руководство принципами', 'подчинение правилам', 'выполнение обязанностей', 'соблюдение требований'. Соответствие норме представлено 12 словами лексико-семантической группы «Responsibility», 11 словами лексико-семантической группы «Адказнасць» и 12 словами лексико-семантической группы «Ответственность».

Вербализация в языке отклонений от нормы связана с тем, что «повседневность не возбуждает коммуникативных центров» и не интересна для слушателя [1, с. 4]. Такая особенность проявляется в большей «отодвинутости» лексем, в семантике которых фиксируется отрицательная оценка, от точки отсчета [6, с. 33]. Таким образом, норма имеет свои границы и противопоставлена двум видам отклонения от нормы. Во-первых, несоответствие норме возможно в случае отсутствия или недостаточного количества того, что считается нормой. Во-вторых, отклонением от нормы считается излишек того, что считается нормой [2, с. 55].

Первый вид не-нормы представлен 5 английскими, 6 белорусскими и 10 русскими языковыми единицами в лексико-семантических группах «Irresponsibility», «Безадказнасць», «Безответственность» соответственно. Указанный вид несоответствия общепринятому стереотипу зафиксирован не только путем отрицания в дефинициях слов представленных выше сем, но и путем замены соответствующей положительно оценочной семы на отрицательную либо указанием на недостаточную степень проявления качества «в норме», например: 'not showing a proper sense of responsibility', 'not giving sufficient attention', 'lacking', 'failure'; 'не захоўвае парадку', 'парушае парадак', 'без старанасці/абы-як'; 'несоблюдение точности', 'нарушение порядка', 'небрежно/без тщательности/нерадиво'.

Второй вид не-нормы зафиксирован в семантике 4 английских, 6 белорусских и 9 русских единиц. Выделение соответствующих лексико-семантических групп основано на наличии в дефиниции указания на превышение нормы: 'excessive', 'extremely', 'pedantic'; 'празмерны', 'надзвычай', 'часта', 'да ўсяго'; 'преувеличенный', 'чрезвычайно', 'чрезмерно', 'пустяки/мелочи'.

Указанное распределение лексем по трем лексико-семантическим группам в каждом языке возможно, поскольку одним из семантических оснований объективной оценки является категория качества, градация которого основывается на субъективных предпочтениях желательности или нежелательности

увеличения [7, с. 8]. Таким образом, категории количества и качества влияют на определение соответствия норме исследуемых наименований качеств человека, а следовательно, влияют и на оценку в семантике единицы.

Функционирование наименований ответственности/безответственности в художественной литературе второй половины XX века позволяет дополнить представление о соотношении нормы и оценки в семантике рассматриваемых единиц. Анализ 158 словоупотреблений рассматриваемых слов в английском языке, 202 словоупотреблений в белорусском языке и 355 словоупотреблений в русском языке позволил выявить следующие закономерности.

Наиболее репрезентативной лексемой, называющей отношение к выполнению обязательств в норме в английском языке, является ядерное слово *responsibility* 'ответственность'. Для английского языка характерна фиксация взаимодействия ответственности и обязанности в семантике одной единицы, вследствие чего в контексте частотно указание на ответственное лицо (*The bridge is the council's responsibility* 'За мост ответственен местный совет'; *I can leave her with her husband. She's his responsibility* 'Могу оставить ее с мужем. Он отвечает за нее'¹). Особенностью английского языка является высокая частота указания на личную ответственность, что воспринимается как норма (*The responsibility is entirely mine* 'Ответственность полностью на мне'; *We can't stand up and lecture them on self-reliance and personal responsibility* 'Мы не можем просто встать и начать учить их самостоятельности и личной ответственности'). В белорусском и русском языках фиксируется взаимосвязь должности и степени ответственности: чем выше должность, тем больше предполагается ответственности со стороны субъекта ([*дырэктар*], *відаць, баіцца браць на сябе адказнасць*; *Марину в этом году избрали в классе секретарем комсомольского бюро, у нее прибавилось дел и ответственности*). Для сопоставляемых языков характерно смещение в сторону отрицательного полюса шкалы оценок в случае, если субъект оценки считает возложенную на него ответственность выше допустимой нормы или воспринимает ее как нежелательную неизбежность (*You are lucky not to have my responsibility* 'Тебе повезло, что на тебе не лежит такая ответственность, как на мне'; *зжыўшыся за гады службы з турботным пачуццём камандзірскай адказнасці*; *подполковник Ризин [...] с первых же дней стал вздыхать об ответственности начальника, принявшего работника с неоформленной пропиской*).

Несоответствие норме первого типа выражается в нехватке необходимых навыков в силу отсутствия соответствующего образования и квалификации (*irresponsibility of an unskilled artisan* 'безответственность неквалифицированного рабочего'; *Что есть дилетант? Обычно подчеркивают его безответственность. Дела толком не знает, а уже лезет с рекомендациями. Увы, это правда*) или возраста (*childish irresponsibility* 'детская безответственность', *дзіцячая несвядомасць, мальчышеская небрежнасць*). Отмечаются категории лиц, для которых проявление безответственности в большей степени порицается обществом – матери, должностные лица, учащиеся (*He told his teacher he had lost it [paper] on the way to school, and Mr Watson promptly*

¹ Здесь и далее перевод наш. – Т.К.

rapped his knuckles with a ruler for his carelessness ‘Он сказал учителю, что потерял справку по дороге в школу, и за такую небрежность Мистер Уотсон сразу же отхлестал его линейкой по пальцам’; *Тут парушэнне тэхнікі бяспекі і недысцыплінаванасць вашага навучэнца; Следствие велось с демонстративной небрежностью и словно бы понарошку*). Проявление безответственности одними лицами может иметь либо отрицательный результат (*You feel like a climber who unties the rope when he finds it irksome and, because of your carelessness, someone behind slips and falls to his death* ‘Чувствуешь себя альпинистом, который отвязывает страховку, потому что она ему надоела, а кто-то следом из-за такой беспечности поскользывается и разбивается’; ... *а самае сумнае, яна зразумела, што ў будаўніцтве аздараўленчага комплексу мела месца не проста неахайнасць, неарганізаванасць і безадказнасць, што, вядома, неяк можна было б хоць крыху напавіць, а будаўніцтва вялося так, абы адчапіліся, з ведама кіраўніцтва, свядома*), либо нежелательный благоприятный результат для других лиц (*The irresponsibility of their odd relationship just suited him* ‘Его устраивало отсутствие ответственности в этих странных отношениях’; [...] *і толькі неахайнасць міліцыянтаў дазволіла ёй цяпер адносны спакой*). Если в первом случае в семантике единицы актуализируется сема отрицательной оценки, то во втором случае происходит смещение оценки в сторону положительного полюса шкалы оценок. При этом в языке фиксируется внешнее проявление безответственного отношения к обязанностям (*blushing at his carelessness* ‘краснея из-за своей небрежности’; *Марудлівасць, непаваротлівасць, як правіла, заўсёды сведчаць пра безадказнасць, пра абыякавасць; Мешки под глазами, одутловатость* – он в этом увидел прежде всего профессиональную безответственность).

Несоответствие норме второго типа демонстрирует сохранение общей отрицательной оценочной направленности лексем соответствующих лексико-семантических групп при их функционировании в художественном тексте (*Her carved, dark, fine-nosed wooden face had both austerity and arrogance or contempt ...* ‘Ее точеное смуглое каменное лицо с красивым носом выражало строгость и надменность, а может, презрение’). Намечается тенденция соотношения рассматриваемых качеств в белорусском и русском языках с представителями власти (*начальніцкая прыдзірлівасць; обвиняли начальство в придирчивости, мелочности*), а также представителями отдельных стран в русском языке (*несмотря на разницу наций, чопорность и культуру европейскую; отбросил свою дурацкую русскую мегаломанию и щепетильность*).

На наш взгляд, немногочисленность примеров употребления лексем, обозначающих превышение нормы в проявлении моральных качеств, объясняется тем, что семы ‘great’, ‘вельмі’, ‘очень’ фиксируют не превышение нормы, а предельно высокое соответствие норме. Функционирование в тексте слов, содержащих данные семы, может иметь свои особенности. Соотносительные лексемы *punctuality* – *punctiliousness* / *пунктуальнасць* / *пунктуальность* сохраняют положительное отношение к соблюдению договоренностей, зафиксированное в толковых словарях (*He decided to write out a list of Donald's good qualities.... Punctuality* ‘Он решил составить список достоинств Дональда. ... Пунктуальность’; *Позняцца нечага спецыялісты тэхналагічнай*

аснасткі. Гэта не спадабалася галоўнаму інжынеру, але на конт дысцыпліны і пунктуальнасці тых, каго няма яшчэ, не стаў гаварыць; Уважал немцев за пунктуальность). Для белорусскаго і русскаго языков характерна фиксация стереотипного представления о пунктуальности немцев (*Разлікі Алесевы будаваліся на нямецкай пунктуальнасці; в смысле аккуратности, пунктуальности и точности – истинный немец*). Единичны случаи отрицательного восприятия данного качества (*пунктуальность Павла была частенько поводом для насмешек*).

Оценочная направленность в семантике лексем *severity*, *строгасць*, *строгость* не является постоянной. Для английского языка характерно поддержание семы 'great', выявленной в семантике лексемы *severity* опосредованно (*excessive severity* 'чрезмерная строгость', *utter severity* 'исключительная строгость'). Указание на превышение нормы смещает оценку в семантике единицы в сторону отрицательного полюса. Для белорусскаго языка также характерно поддержание семы 'вельмі', однако смещение в сторону отрицательного фланга шкалы не обязательно. Так, употребление данной лексемы частотно при указании на качества должностных лиц, а именуемое качество воспринимается как норма, то есть положительно (*Не такая абстаноўка, каб цырымоніцца! На сілу – трэба сілай! Упэўненасць і строгасць! Няхай бачаць і чуюць – кіраўнік ёсць кіраўнік!; Калі яны [савецкі народ] што і прызнаюць, дык гэта ўладу і строгасць*). При указании на чрезмерное проявление строгости со стороны власти направление оценки меняется в сторону отрицательного полюса шкалы оценок (*прыдзірлівая строгасць начальства; у яго цёмных, зласнаватых вачах лішак зацятае камандзірскае строгасці; сярод іншых камандзіраў вылучаўся сваёй феноменальнай строгасцю*). При этом по отношению к себе и к врагу проявление высокой степени строгости не воспринимается как превышение нормы и, соответственно, не смещает направление оценки в отрицательную сторону (*з бязлітаснай строгасцю асудзіла сябе; з абурэннем заявіў, што гэта гаворкі шкодныя, з кулацкім духам, што такія гаворкі трэба абразаць са ўсёй строгасцю*). Для русского языка характерно указание на различные «виды» строгости (*в молчаливой строгости; умная строгость полковника; с лукавой строгостью*). Для белорусскаго и русскаго языков характерно внешнее проявление строгости (*строгасці на ягоным твары праз меру; накачивал в себе интонацию строгости и недовольства*).

Лексема *требовательность* в русском языке также имеет сему 'очень'. При функционировании в тексте ее поддержание смещает направление оценки к отрицательному полюсу (*Женина беспощадность шла от повышенной требовательности к себе и к людям, а вовсе не от злого сердца*). Отмечается, что в отдельных ситуациях проявление данного качества имеет положительный результат, а положительная результативность рассматривается как следствие положительной оценки в семантике единицы (*Он внушил мне уверенность. Не похвалами – напротив, требовательностью*). Таким образом, можно говорить о модификации семы 'очень' при функционировании лексемы *требовательность* в русском языке.

Соотносимая языковая единица *патрабавальнасць* в белорусском языке не имеет эксплицированной семы 'вельмі' в семантике единицы на основании дефиниционного анализа, однако функциональный подход к семантике слова позволяет выявить сходные тенденции в фиксации оценочности в семантике лексемы (*яго прыгнятала пастаянная нязменная патрабавальнасць старшыны; патрабавальнасць гэта была ёй паратункам*).

Таким образом, основанием для выделения лексико-семантических групп слов, номинирующих ответственное или безответственное отношение к выполнению обязанностей, является норма. Соответствие норме, представленное в семантике единицы, рассматривается как показатель наличия положительной оценки в значении лексемы. Несоответствие норме ввиду недостаточности необходимого качества или его излишка свидетельствует об отрицательной оценочной направленности в семантике единицы.

При функционировании в художественном тексте направление оценки может меняться. В большей степени таким изменениям подвержены лексемы, в семантике которых присутствуют семы 'great', 'вельмі', 'очень'. Наличие указанных сем обеспечивает возможность их модификации в контексте и, как следствие, переход в лексико-семантическую группу единиц, номинирующих чрезмерно ответственное отношение к выполнению обязательств.

ЛИТЕРАТУРА

1. Арутюнова, Н. Д. Аномалии и язык : К проблеме языковой «картины мира» / Н. Д. Арутюнова // Вестн. Языкознания. – 1987. – №3. – С. 3–19.
2. Вольф, Е. М. Функциональная семантика оценки / Е. М. Вольф. – 2-е изд., доп. – М. : Едиториал УРСС, 2002. – 280 с.
3. Шрамм, А. Н. Структурные типы лексических значений слова (на материале качественных прилагательных) / А. Н. Шрамм // Филологич. Науки. – 1981. – № 2. – С. 58–64.
4. Романовская, А. А. Системная организация лексики: взаимодействие дескрипции и оценки / А. А. Романовская. – Минск : МГЛУ, 2013. – 132 с.
5. Арутюнова, Н. Д. Ненормативные явления и язык / Н. Д. Арутюнова // Язык и логическая теория. – 1987. – С. 140–151.
6. Шаховский, В. И. Эмотивный компонент значения и методы его описания / В. И. Шаховский. – Волгоград : ВГПИ, 1983. – 94 с.
7. Сенкевич, В. И.: Категория оценки в белорусском и русском языках (на материале названий лица) : автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Ин-т языкознания им. Я. Коласа. / В. И. Сенкевич. – Минск, 1987. – 23 с.

The article studies the interaction between norm and evaluation on the basis of the semantics of the words denoting responsible and irresponsible approaches to the fulfilment of obligations in English, Belarusian, and Russian. The correlation between norm and positive evaluation is declared. Negative evaluation is presented in two ways – as lack of the necessary quality or necessary degree of the quality and an excessive degree of the quality. The semes contributing to the evaluation change in the semantics of the words under investigation are revealed.

Д. Л. Тригунова
Минск, МГЛУ

ПОНЯТИЙНО-ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКИЙ АППАРАТ В ИССЛЕДОВАНИЯХ КИНО НА РУССКОМ И АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКАХ

Данная статья посвящена выявлению и систематизации существующего понятийно-терминологического аппарата исследований кино на русском и английском языках. С этой целью собраны и проанализированы основные термины, используемые в работах, посвященных кинолингвистике. Приводятся данные об употребительности терминов и их трактовании, а также рассматриваются сходства и различия содержания терминов на двух языках.

Художественный фильм, будучи многоплановым и разносторонним явлением, представляет интерес для различных сфер научного исследования: семиотики, искусствоведения, истории кино, кинокритики, социологии, лингвистики, переводоведения, культурологии. В исследованиях кино встречаются такие термины, как *кинматограф*, *кинодиалог*, *кинодискурс*, *кинматографический дискурс*, *кинотекст*, *киносценарий* и др. В связи с наличием достаточного количества терминов возникает необходимость уточнения их значения и определения их взаимосвязи, а также систематизации существующего понятийно-терминологического аппарата исследований кино, чем и обусловлена актуальность данной статьи.

Кинофильм стал технологической реальностью в конце девятнадцатого века. Начало эпохи кинематографа положила картина *L'Arrivée d'un train en gare de la Ciotat* 'Прибытие поезда на вокзал Ла-Сьота', снятая в 1895 году братьями Люмьер. Однако в течение еще нескольких десятилетий форма и роль кинофильма не были четко определены. Дискуссии относительно теоретической сущности, эстетической функции и социальной роли кино начались только в 1920-х годах, когда знания о кино стали систематически и последовательно формулироваться, собираться и распространяться. В последующее десятилетие в Европе произошли события, закрепившие роль кино в обществе. В частности, были созданы учреждения и организации, связанные с кино, возникли киноархивы, были организованы кинофестивали. Кино стало общепризнанным предметом изучения в высших учебных заведениях, сформировался институт кинокритики. В результате возникла особая кинокультура, и кино стало рассматриваться как отдельное дискурсивное поле [1].

Возникновение такого нового феномена, как кино, обусловило появление науки, изучающей его. Термин *фильмология* предложил в 1946 году французский исследователь Ж. Коэн-Сеат. Автор рассматривал фильмологию как новую науку и считал ее предметом две специфические категории: явления фильма и кинематографические явления. Первые передают живых существ, явления и предметы посредством системы комбинаций зрительных и слуховых изображений, а вторые фиксируют ощущения, идеи, информацию. По мнению Ж. Коэн-Сеата, вместе данные категории и образуют кино.

Итальянский лингвист А. Менарини отметил, что хотя фильмология охватывает многие теоретические, технические, художественные проблемы, связанные с кинематографом, в данной дисциплине отсутствует всякое упо-

минание о различных лингвистических проблемах киноискусства. Именно А. Менарини стал основоположником новой отрасли науки – кинолингвистики, описав ее в своей книге «Кино в языке и язык в кино» («Il cinema nella lingua e la lingua nel cinema», Fratelli Boccia editori, Milano; Roma, 1955). Основным интересом автора было выявление влияния кино на язык. Также рассматривались вопросы использования языка в кинофильмах [2, с. 236–238].

Таким образом, к середине XX века начали развиваться исследования лингвистических аспектов кино. В научных работах появились термины для определения объекта и предмета исследования, начал формироваться понятийно-терминологический аппарат на различных языках.

Ранние отечественные исследования кино принадлежат советскому лингвисту, литературоведу и культурологу Ю. М. Лотману, который исследовал кинофильм с точки зрения семиотики. В своей работе, посвященной семиотике кино, он писал, что «элементом киноязыка может быть любая единица текста (зрительно-образная, графическая или звуковая), которая имеет альтернативу, хотя бы в виде неупотребления ее самой и, следовательно, появляется в тексте не автоматически, а сопряжена с некоторым значением» [3, с. 35]. Ю. М. Лотман выявил структуру повествовательного кинотекста, состоящую из четырех уровней: монтаж кадров, кинематографическая фраза, соединение фразовых единств в цепочки фраз и уровень сюжета. По утверждению исследователя, первый и третий уровни более принадлежат плану выражения, а второй и четвертый – плану содержания [3, с. 70–72].

Историк и теоретик кинематографа Ю. Г. Цивьян считал, что «в определенном приближении любой фильм можно определить как дискретную последовательность непрерывных участков текста». Данную последовательность он называл кинотекстом [4].

Термин *кинотекст* используют также российские исследователи Г. Г. Слышкин и М. А. Ефремова. В своей монографии «Кинотекст. Опыт лингвокультурологического анализа» они утверждают, что кинотекст может быть определен как медиатекст, что ставит его в один ряд с телетекстом (телефильм), видеотекстом (видеофильм) и компьютерным текстом (видеоигра) [5, с. 16]. Авторы трактуют кинотекст как «связное, цельное и завершенное сообщение, выраженное при помощи вербальных (лингвистических) и невербальных (иконических и/или индексальных) знаков, организованное в соответствии с замыслом коллективного функционально дифференцированного автора при помощи кинематографических кодов, зафиксированное на материальном носителе и предназначенное для воспроизведения на экране и аудиовизуального восприятия зрителями» [5, с. 37].

Таким образом, по мнению Г. Г. Слышкина и М. А. Ефремовой, кинотекст состоит из двух семиотических систем: лингвистической и нелингвистической. Лингвистическая система подразделяется на письменную и устную. К письменной составляющей относятся титры, а также все надписи, встречающиеся в фильме: плакат, название улицы или города, письмо, записка. Устная составляющая лингвистической системы кинотекста включает в себя звучащую речь актеров, закадровый текст, песни. Данная составляющая тесно

связана с понятием *кинодиалог*, которое рассматривается рядом авторов. Согласно определению В. Е. Горшковой, под кинодиалогом понимается «подготовленное сообщение, воспринимаемое виртуальным удаленным рецептором в устной форме в формате отсроченного контакта при отсутствии непосредственного обмена» [6]. Н. Н. Кислицына и А. Г. Службина дополнительно вводят термин *киноскрипт*, трактуя его как зафиксированную постфактум речь киногероев, включающую кинодиалог и монолог [7].

В работах исследователей кино часто встречается также термин *кинодискурс*. Существование различных определений кинодискурса связано с различиями в подходах к его изучению, указывающих на те или иные его признаки, функции, особенности. А. И. Казакова, например, рассматривает кинотекст и кинодискурс как часть и целое, считая, что «кинодискурс – это кинотекст <...>, а также сам кинофильм, интерпретация фильма кинозрителями и тот смысл, что вложили в него создатели кинофильма, режиссеры и сценаристы» [8, с. 28].

В рамках лингвосемиотического подхода кинодискурс рассматривается как знаковая система. Так, согласно определению исследователя И. Н. Лавриченко, кинодискурс – это «поликодовое когнитивно-коммуникативное образование, сочетание различных семиотических единиц в их неразрывном единстве, которое характеризуется связностью, цельностью, завершенностью, адресатностью» [9].

По мнению М. А. Самковой, понятие *кинодискурс* возникло в связи с расширением предмета лингвистики кинотекста. В отличие от кинотекста, имеющего лингвистические характеристики, кинодискурс включает также экстралингвистические факторы: культурно-исторические фоновые знания адресата, экстралингвистический контекст, т.е. обстановку, время и место, к которым относится фильм, а также такие невербальные средства, как рисунки, жесты, мимику. При этом экстралингвистические факторы в понимании сущности кинодискурса являются определяющими по отношению к лингвистическим [10]. Схожий подход отражен в определении, данном А. Н. Зарецкой: «кинодискурс – сложное явление, включающее в себя связный текст, являющийся вербальным компонентом фильма, в совокупности с невербальными компонентами – аудиовизуальным рядом и другими значимыми для смысловой завершенности фильма невербальными факторами» [11]. Похожего мнения придерживается исследователь С. С. Зайченко, которая предлагает трактовку кинодискурса как «совокупность вербального и невербального компонентов кинопроизведения, а также факторов, влияющих на его создание и восприятие, образующих единое смысловое, структурное и функциональное целое» [12].

С. С. Назмутдинова изучает кинодискурс с точки зрения переводческого подхода, согласно которому в переводческом пространстве кинодискурса создаются определенные поля (содержательное, энергетическое, фатическое, поле переводчика, поле кинореципиента, аудиовизуальное поле), и качественный перевод кинодискурса возможен за счет синергии данных полей.

Исследователем предложено следующее определение кинодискурса: «семиотически осложненное (креолизованное) образование, в котором посредством принципа вербально-иконического сцепления осуществляется воздействие на кинореципиента» [13].

С позиции социолингвистики кинодискурс рассматривается как актуальный срез восприятия реальности, дающий интерпретацию различных категорий. Данный подход связан с кинообразом, назначение которого, по мнению В. П. Конецкой, заключается в передаче «в обобщенно-образной форме смысловой и оценочной информации о персонажах, их взаимоотношениях, о времени и идеях, об обществе и социальных ценностях» [14, с. 93–94]. Таким образом, кинодискурс содержит оценки, мнения, реалии общества в определенном месте и времени.

Е. А. Колодина рассматривает кинодискурс с точки зрения когнитивно-дискурсивного подхода, который предполагает анализ таких параметров, как цели, сферы и способа общения, участников коммуникации, коммуникативной среды, а также визуального компонента [15].

Термин *кинематографический дискурс* использует Л. В. Цыбина, трактуя его как «сложное структурированное целое, в состав которого входит эмоционально насыщенная речь, кинесическое сопровождение и целый ряд экстралингвистических характеристик, а именно сюжетно-личностные отношения партнеров по диалогу, их статусные отношения, обстановка общения, степень эмоциональности, сюжетные события и действия». По мнению автора, данная разновидность дискурса представляет интерес для наблюдения и анализа, поскольку в распоряжении исследователя находится большое количество компонентов аудиовизуального ряда: «содержание, сюжет фильма, герои, имеющие свои личностные характеристики, исполняющие конкретные социально-статусные роли, обстановка общения, интриги, столкновения и конфликт, эпоха с ее культурой, интонацией, жестами и своеобразием речи» [16].

Для выявления сходств и различий терминологического аппарата в русском и английском языках интерес представляет интерпретация терминов, используемых в зарубежных англоязычных источниках, посвященных исследованию кино.

Специализированный словарь Oxford Dictionary of Film Studies (2012) приводит следующее определение термина *film text* ‘кинотекст’: *the internal structure and organization of any one film; or simply a film wherever it is conceptualized as a system of meanings* [17] ‘внутренняя структура и организация любого фильма; фильм, понимаемый как система значений’.

Немецкий профессор Я. Вильдфойер рассматривает понятие *film as text* ‘фильм как текст’ как новую отправную точку для исследования, которое ликвидирует разрыв между различными подходами к интерпретации фильмов, с одной стороны, и современным лингвистическим анализом создания смыслов в мультимодальных текстах – с другой. В то время как традиционные кинематографисты-семиотики искали аналогии между фильмом и языком на уровне синтаксиса и композиционной семантики, новые подходы в современ-

ной лингвистике позволяют рассматривать кинематографические характеристики на уровне текста. Исследователь предлагает определение фильма как мультимодального текста, который структурирован различными семиотическими способами. Фильм может иметь интертекстуальные ссылки на другие типы текста, а также различные коммуникативные намерения в соответствии с контекстом [18, р. 10].

Польский исследователь М. Динел использует в своей англоязычной работе понятие *film discourse* ‘кинодискурс’, приравнивая его к термину *film talk* ‘киноречь’, и трактует его как общение вымышленных персонажей в художественных фильмах и сериалах. В кинодискурс автор включает монологи, диалоги и полилоги, отвергая термин *кинодиалог*, поскольку, по ее мнению, он подразумевает лишь диадические взаимодействия, не рассматривая при этом остальные виды общения персонажей. Хотя кинодискурс является вымышленным и не аутентичным, он должен создавать иллюзию реального общения, отражая повседневные коммуникативные модели носителей языка. М. Динел подчеркивает, что *film discourse* ‘кинодискурс’ не следует путать с *cinematic discourse* ‘кинематографическим дискурсом’, объединяющим множество кинематографических техник (монтаж, звук, свет и др.), которые изучаются главным образом за пределами лингвистики. При этом кинодискурс и кинематографический дискурс неразрывны и вместе формируют кинофильм [19].

Для описания совокупности и взаимодействия аудиального кинодискурса и визуального кинематографического дискурса немецкий лингвист К. Хофман использует термин *telecinematic discourse* ‘телекинематический дискурс’. Автор полагает, что кинодискурс включает использование языка во всех его возможных формах, формах и оттенках выражения (разговорный и письменный, монолог и диалог). В свою очередь, кинематографический дискурс описывает разнообразные визуальные методы и семиотические ресурсы, которые целенаправленно применяются режиссерами для создания кинофильма [20, р. 5].

В своей монографии исследователи Р. Пьяцца, М. Бернадек и Ф. Росси используют термин *telecinematic text* ‘телекинематический текст’. По мнению авторов, такие тексты воссоздают язык вместе с пространством и временем в соответствии с конкретными социокультурными конвенциями [21, р. 9].

Таким образом, как в русскоязычных, так и в англоязычных исследованиях кино рассматривается как текст, так и дискурс. В русскоязычных работах выявлены различные определения кинодискурса в зависимости от используемого исследователем подхода, при этом большинство определений трактует кинодискурс как совокупность лингвистических и экстралингвистических компонентов. В свою очередь, англоязычный термин *film discourse* фокусируется в первую очередь на лингвистических характеристиках кино и, таким образом, приближен к кинотексту. Отмечено также несовпадение терминов *кинематографический дискурс* и *cinematic discourse*: англоязычный термин предполагает исключительно нелингвистические ком-

поненты кино (монтаж, звук, свет), а русскоязычный включает речь, кинесическое сопровождение и экстралингвистические характеристики. В англоязычных работах выявлен также термин *telecinematic discourse*, отсутствующий в русскоязычных работах и трактуемый как совокупность кинодискурса и кинематического дискурса.

ЛИТЕРАТУРА

1. Hagener, M. The Emergence of Film Culture: Knowledge Production, Institution Building, and the Fate of the Avant-Garde in Europe, 1919–1945 / M. Hagener. – Berghahn Books, 2017. – 390 p.
2. Аристарко, Г. История теорий кино / Г. Аристарко. – М. : Искусство, 1966. – 356 с.
3. Лотман, Ю. М. Семиотика кино и проблемы киноэстетики / Ю. М. Лотман. – Таллин : Ээсти Раамат, 1973. – 92 с.
4. Цивьян, Ю. Г. К метасемиотическому описанию повествования в кинематографе / Ю. Г. Цивьян // Труды по знаковым системам : учен. зап. Тарт. гос. ун-та. – Тарту, 1984. – Вып. XVII. – С. 109–121.
5. Слышкин, Г. Г. Кинотекст. Опыт лингвокультурологического анализа / Г. Г. Слышкин, М. А. Ефремова. – М. : Водолей Publishers, 2004. – 153 с.
6. Горшкова, В. Е. Перевод в кино: Дублирование vs. субтитры (на материале фильма Люка Бессона «Ангел-А», Франция, 2005 г.) / В. Е. Горшкова // Вестн. Новосиб. гос. ун-та. Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2007. – С. 135–140.
7. Кислицына, Н. Н. Лингвокогнитивные особенности кинодискурса (на материале англоязычных диалогов подростков) / Н. Н. Кислицына, А. Г. Службина // Вестн. Кемер. гос. ун-та. – 2019. – Т. 21, № 2. – С. 513–520.
8. Казакова, А. И. Особенности формирования фразеологической семантики в дискурсивном пространстве отечественного киноискусства : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / А. И. Казакова ; Астрахан. гос. ун-т. – Астрахань, 2014. – 231 с.
9. Лавриненко, И. Н. Критерии классификации кинодискурса / И. Н. Лавриненко // Вісн. ХНУ. Дискурсологія : Семантика і прагматика. – 2012. – № 1003. – С. 41–44.
10. Самкова, М. А. Кинотекст и кинодискурс: к проблеме разграничения понятий / М. А. Самкова // Филол. науки. Вопр. теории и практики. – Тамбов : Грамота, 2011. – № 1 (8). – С. 135–137.
11. Зарецкая, А. Н. Особенности реализации подтекста в кинодискурсе / А. Н. Зарецкая // Вестн. Челяб. гос. ун-та. Филология. Искусствоведение. – 2008. – № 16. – С. 70–74.
12. Зайченко, С. С. К вопросу о знаковой неоднородности кинодискурса / С. С. Зайченко // Вестн. Челяб. гос. ун-та. Филология. Искусствоведение. – 2013. – № 2 (293). – С. 96–99.

13. Назмутдинова, С. С. Пути достижения гармонического перевода в кинодискурсе / С. С. Назмутдинова // Вестн. Челяб. гос. ун-та. Филология. Искусствоведение. – Челябинск, 2007. – № 22 (100). – С. 90–94.
14. Конецкая, В. П. Социология коммуникации / В. П. Конецкая. – М. : Междунар. ун-т бизнеса и управления, 1997. – 304 с.
15. Колодина, Е. А. Статус кинодиалога в ряду соположенных понятий: кинодиалог, кинотекст, кинодискурс / Е. А. Колодина // Вестн. Нижегород. ун-та им. Н. И. Лобачевского. – 2013. – № 2 (1). – С. 327–333.
16. Цыбина, Л. В. Языковые и неязыковые средства актуализации эмоции «гнев» в кинематографическом дискурсе (гендерный аспект) (на материале английского языка): автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04 / Л. В. Цыбина; Мордов. гос. ун-т им. Н. П. Огарева. – 2005. – 19 с.
17. Kuhn, A. Dictionary of Film Studies / A. Kuhn, G. Westwell. – Oxford Univ. Press, 2012. – 528 p.
18. Wildfeuer, J. Film Discourse Interpretation: Towards a New Paradigm for Multimodal Film Analysis / J. Wildfeuer. – Routledge, 2013. – 284 p.
19. Dynel, M. Stranger than Fiction? A Few Methodological Notes on Linguistic Research in Film Discourse / M. Dynel // Brno Studies in English. – Brno, 2011. – Vol. 37, No. 1. – P. 41–61.
20. Hoffmann, C. Telecinematic Stylistics / C. Hoffmann, M. Kirner-Ludwig. – London : Bloomsbury Publishing, 2020. – 352 p.
21. Piazza, R. Telecinematic Discourse. Approaches to the language of films and television series / R. Piazza, M. Bednarek, F. Rossi. – John Benjamins Publishing Company, 2011. – 315 p.

This article is dedicated to identifying and systematizing the existing terminology and concepts in film studies in Russian and English. For this purpose, the main terms from research works on film linguistics have been collected and analyzed. The article provides information on the use of terms and their interpretation. The author also considers the similarities and differences between the terms content in two languages.

Е. Г. Устименко
Минск, МГЛУ

К ВОПРОСУ О ВЫДЕЛЕНИИ ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКОЙ ГРУППЫ ГЛАГОЛОВ ДВИЖЕНИЯ / ПЕРЕМЕЩЕНИЯ: КРИТЕРИИ ОТБОРА

Статья посвящена установлению критериев отбора глаголов движения, в семантике которых содержится указание на перемещение субъекта или объекта вверх, вниз, вперед, назад, внутрь, наружу. В результате анализа практического материала выявлены два критерия: наличие в дефиниции глагола указания на перемещение объекта или субъекта, а также на соответствующее направление; онтология перемещения.

Основным средством выражения движения в языке являются глаголы. С помощью глаголов движения описывается перемещение субъекта или объекта в разных направлениях: вверх, вниз, вперед, назад, внутрь, наружу.

При этом сема 'направление' движения может задаваться семантикой непроизводного глагола (*падать, карабкаться, пятиться, тонуть* и др.), эксплицироваться приставкой (*взбежать, прыгнуть, въехать, выехать* и др.) либо обозначаться глаголом и пространственным предлогом, например, *ехать на, идти в* и т.д. Логично предположить, что приведенные в качестве примеров глаголы относятся к лексико-семантической группе движения, поскольку в словарной дефиниции таких лексических единиц содержится указание на перемещение объекта или субъекта, а также на направление. Однако при отборе глаголов движения методом сплошной выборки из малого академического словаря под редакцией А. П. Евгеньевой, в семантике которых имеется указание на какое-либо из направлений перемещения, мы столкнулись с некоторыми трудностями. Во-первых, не всегда на основании дефиниции можно отнести ту или иную лексическую единицу в группу глаголов движения / перемещения. Во-вторых, не во всех толкованиях описана информация о направлении движения / перемещения.

Анализ научной литературы показал, что существуют разные подходы к определению понятий *глаголы движения* и *глаголы перемещения*. Первые могут толковаться как более широкое понятие, а последние – их частный случай, либо наоборот.

Так, А. В. Исаченко, Л. С. Муравьева рассматривают глаголы движения в узком понимании и относят в эту группу глаголы, которые обозначают перемещение лица или предмета в пространстве и образуют пары, например, *идти – ходить, нести – носить, лететь – летать, везти – возить, ехать – ездить* и др.

Иной точки зрения придерживаются В. Г. Гак, А. И. Аверьянова, В. А. Плунгян. Исследователи трактуют движение как более широкое понятие. Так, В. Г. Гак относит к лексико-семантической группе движения глаголы, указывающие в той или иной форме на перемещение в пространстве [1]. Автор полагает, что к глаголам движения относятся не только те, которые образуют соотносительные пары типа *идти – ходить*, но и такие глаголы, как *шагать, плестись, шествовать*, хотя они не имеют парных форм [1, с. 142]. Данную точку зрения, относительно того, что движение понимается как движение вообще и включает в себя широкий пласт глаголов, в том числе обозначающих перемещение, разделяет А. И. Аверьянова. По ее мнению, «перемещение в пространстве – это частный случай движения» [2, с. 8].

В. А. Плунгян также разграничивает понятия движения и перемещения, указывая на то, что движение – общее понятие, а перемещение, или последовательная смена локализации, – более узкое и четко очерченное понятие. Лингвист полагает, что при перемещении участник, или траектор, который перемещается самостоятельно или некоторым внешним каузатором, меняет свое местоположение. Те участки пространства, которые траектор занимает при перемещении, образуют единое пространство, которое называется траекторией перемещения. В составе траектории принято выделять, по мнению автора, три важные составляющие: точку начала перемещения (исходный

пункт); точку завершения перемещения (конечный пункт); участки, где объект находился между началом и концом перемещения (маршрут). В. А. Плунгян поясняет, что «с семантико-синтаксической точки зрения, объект [Tr], маршрут [P], исходный [S] и конечный [G] пункты перемещения являются аргументами глагола перемещения, заполняющими его семантические валентности; три последних аргумента носят название локативных» [3, с. 242–243]. Автор утверждает, что не для каждого глагола перемещения характерно наличие трех локативных валентностей, т.е. ситуация перемещения может не содержать всех составляющих траектории. Так, у русского глагола *стелиться* имеется только валентность маршрута P, а валентности исходного и конечного пункта у него отсутствуют (ср. приемлемое *дым стелется по земле* [P] при невозможности в этом контексте ... *стелется из трубы* [S] / *в окна* [G]) [Там же].

Под глаголами движения В. А. Плунгян понимает глаголы, которые описывают ситуацию перемещения, но при этом не имеют ни одной локативной синтаксической валентности. В качестве примера приводится глагол *танцевать*. Данный глагол «описывает некоторое перемещение (обладающее в физическом мире своей траекторией), но в языке отсутствует возможность описать какие бы то ни было элементы этой траектории с помощью синтаксических аргументов глагола. Можно сказать *танцуя, они оказались в спальне*, но не *они танцевали (станцевали и т.п.) в спальню*» [Там же].

Некоторые лингвисты придерживаются нейтрального подхода, т.е. не разграничивают понятия *глаголы движения* и *глаголы перемещения* и используют их синонимично. Так, Е. В. Ярема под глаголами движения / перемещения понимает любые лексемы, обозначающие изменение местоположения субъекта в пространстве. Данные лексические единицы «связаны между собой семантически, морфологически и категориально. Эта группа глаголов указывает на процесс движения в одну сторону и обратно, движение в разных направлениях, движение по кругу» [4, с. 8]. Ш. Набати также полагает, что понятия *глаголы движения* и *глаголы перемещения* являются взаимозаменяемыми и синонимичными [5].

В классических трудах по лексической семантике (см. работы Л. Талми, Дж. Миллера, Ф. Джонсона-Лэрда, Дж. Лайонса, Ю. Д. Апресяна и др.) под глаголами движения, или перемещения, понимаются лексемы, описывающие ситуацию, когда субъект или объект изменяет свое местоположение в пространстве, т.е. движение можно представить в виде схемы: *начальная точка – путь – конечная точка*.

Объектом нашего исследования являются непереходные и переходные глаголы движения, в семантике которых содержится указание на направления внутрь, наружу, вверх, вниз, вперед, назад. Глаголы движения мы будем рассматривать в более узком понимании и относить в эту лексико-семантическую группу только те глагольные единицы, которые обозначают перемещение объекта или субъекта в пространстве относительно другого объекта или субъекта. Так, например, глаголы *дрожать*, *качать* и т.п. не будут анализироваться, так как обозначают движение не всего объекта, а лишь его части.

Цель данной работы – разработать критерии отбора практического материала, которые позволят установить границы лексико-семантической группы глаголов движения, в семантике которых содержится указание на соответствующее направление.

В процессе отбора глаголов движения методом сплошной выборки из толкового словаря мы выявили ряд глаголов, которые не вызывают сомнения относительно принадлежности к лексико-семантической группе движения, поскольку в их дефиниции присутствует информация о перемещении объекта или субъекта, а также о направлении движения, что послужило основным критерием отбора материала. Так, например, глагол *пятиться* толкуется как «отступать, двигаться назад, задом», глагол *подняться* – «переместиться куда-либо вверх», *вползти* – «ползком проникнуть внутрь чего-либо» [6]. К таким глаголам также относятся *взбегать*, *карабкаться*, *войти*, *выбежать*, *соскочить*, *падать*, *подпрыгнуть*, *слезть*, *выйти*, *шлепнуться* и др.

Однако, как было уже сказано выше, в толковании не всех глаголов содержится информация о перемещении либо имеется указание на направление передвижения. В качестве примера рассмотрим дефиниции глаголов *обмакнуть*, *окунуть*, *погрузить*. Глагол *обмакнуть* толкуется как «погрузить на короткое время во что-либо жидкое; окунуть», глагол *окунуть* означает «погрузить в жидкость на некоторое (обычно короткое) время», *погрузить* – «опустить в какую-либо жидкость, в сыпучее вещество и т.п.» [6]. На основании приведенных дефиниций нельзя однозначно сделать вывод о том, являются ли эти лексические единицы глаголами движения / перемещения. Зачастую, как и в этом случае, толкование лексем осуществляется с помощью перекрестных ссылок. Кроме этого, в данных дефинициях отсутствует указание на направление движения вниз. Чтобы убедиться, что семантический признак ‘направление вниз’ все-таки присутствует в значении рассматриваемых глаголов, проанализируем глагол *опускать*, с помощью которого толкуется лексема *погрузить*. *Опускать* – значит «переместить в более **низкое** положение; наклонить **вниз**, нагнуть (голову, шею и т.п.)» [6]. Проанализировав дефиниции данных глагольных единиц, мы пришли к выводу, что еще одним критерием отбора является онтология перемещения, т.е. из ситуации, описываемой глаголом, становится понятным, что объект или субъект перемещаются в определенном направлении.

На основании не только толкования, но и онтологического критерия отбора к группе глаголов движения можно отнести глагол *совать*, дефиниция которого «вкладывать, вдвигать внутрь чего-либо, подо что-либо или за что-либо» [6]. Этот глагол и его дериваты подробно рассматривала Е. В. Рахилина. По мнению автора, данная лексическая единица имеет значение каузации перемещения объекта. Специфика глагола *совать* заключается в том, что это глагол перемещения руками, т.е. в начале своего перемещения объект находится у человека в руках, а его конечную локализацию определяет специфика данного предиката. Исследователь поясняет толкование данной лексемы в виде следующей схемы: ‘(одушевленный) Y каузирует (прототипически неодушевленный) X,

который находился в руках Y, начать находиться в месте Z'. К такому классу глаголов относятся, например, *класть, ставить, сажать, вешать, сыпать, стелить, грузить, пихать, втыкать* и др. [7, с. 73–74].

В процессе анализа практического материала нами выявлена группа глаголов типа *ниспадать, топорищиться, ерошиться* и т.п. Несмотря на наличие в дефиниции данных глагольных единиц информации о перемещении и его направлении, эти глаголы не обозначают движение. В качестве примера, рассмотрим глагол *ниспадать*. В дефиниции данного глагола содержится информация о движении вниз: «плавно опускаться вниз» [6]. Однако найденные нами контексты в Национальном корпусе русского языка позволяют говорить о том, что данный глагол следует, скорее, отнести к группе глаголов квазиперемещения. В ситуациях, описываемых при помощи глагола *ниспадать*, обращается внимание на особый характер положения субъекта, т.е. на протяженность объекта сверху вниз:

(1) *У одних сортов **листья** направлены вверх и лишь слегка отклонены, у других – изящно **ниспадают**, напоминая застывшие струи фонтана* (Анна Рубина. *Немеросallis – дневная красавица* // Ландшафтный дизайн, 2003.09.15) [8];

(2) *Все были в свободных, роскошно **ниспадающих одеждах**, несколько несообразных с климатом, но и климат будущего представлялся ему эллинским, словно только гнет самодержавия и подмораживал страну* (Дмитрий Быков. Орфография, 2002) [8] .

Глаголы *топорищиться, ерошиться* также обозначают не перемещение, а особое положение субъекта или объекта (волос, шерсти, щетины и т.п.):

(3) *Когда Пешков доходил до скамейки, на кото было страшно смотреть: он шипел, поджимал уши, его мокрая, грязная **шерсть топорищилась** комками на шкуре* (Татьяна Барботина. Пешков // Волга, 2011) [8];

(4) *Другие раскладывают весь словник большого «Дудена» на однокоренные слова и строят семантические гнезда, от которых у профессионального лексиколога **ерошатся волосы** на голове* (Любовь Гурова. В промежутке – жутко // Неприкосновенный запас, 2002.09.12) [8].

Таким образом, в результате проведенного анализа практического материала – глаголов движения, с помощью которых описываются направления движения вверх, вниз, вперед, назад, внутрь, наружу, – мы выявили два критерия отбора. Первый критерий – это наличие в дефиниции глагола указания на перемещение объекта или субъекта, а также на соответствующее направление (*подпрыгнуть, выехать, спуститься, падать, пятиться*, и т.д.). На основании данного критерия отобрано большинство глагольных единиц, в том числе и так называемые квазиглаголы движения (*щетиниться, ерошиться, ниспадать* и др.), из дефиниции которых выводится информация о перемещении и направлении. Применение онтологического критерия позволило включить в рассматриваемую группу глаголы типа *обмакнуть, окунуть, погрузить, совать*, а также исключить из нее глаголы, обозначающие не перемещение, а особое положение в пространстве.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гак, В. Г. Беседы о французском слове: из сравнительной лексикологии французского и русского языков / В. Г. Гак. – М. : Междунар. отношения, 1966. – 334 с.
2. Аверьянова, А. И. Глаголы движения (перемещения) в современном русском языке / А. И. Аверьянова // Учен. зап. Ленингр. гос. ун-та. № 375. Сер. филол. наук. – Л., 1973. – Вып. 77 : Исследования по грамматике русского языка, 5. – С. 3–11.
3. Плунгян, В. А. Введение в грамматическую семантику: грамматические значения и грамматические системы языков мира : учеб. пособие / В. А. Плунгян. – М. : Рос. гос. гуманитар. ун-т, 2011. – 669 с.
4. Ярема, Е. В. Функционально-семантические особенности глаголов движения: на материале разносистемных языков : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.19 / Е. В. Ярема ; Адыг. гос. ун-т. – Майкоп, 2008. – 23 с.
5. Набати, Ш. Персидско-русские корреляты в системе базовых глаголов перемещения / Ш. Набати, Л. А. Тарасевич, З. А. Харитончик. – Минск : Мин. гос. лингвист. ун-т, 2016. – 156 с.
6. Словарь русского языка: в 4 т. / АН СССР, Ин-т рус. яз.; под ред. А. П. Евгеньевой. – 2-е изд., испр. и доп. – М. : Рус. язык, 1981–1984. – 4 т.
7. Рахилина, Е. В. Стилистически маркированные глаголы в русском языке, совать – сунуть / Е. В. Рахилина // Вестн. Том. гос. ун-та. Филология. – 2015. – № 3. – С. 73–92.
8. Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.ruscorpora.ru/>. – Дата доступа : 26.02.2020.

The article is devoted to the criteria used for the identification of verbs of motion, with the help of which the movement of a subject or an object in directions up, down, forward, backward, inward, outward is described. It has been established two criteria: the presence of the movement of a subject or an object as well as the direction in the verb definition; ontology of the movement.

Т. Ф. Шубич
Минск, МГЛУ

ЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ТРАНСФОРМАЦИИ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ В ЗАГОЛОВКАХ НЕМЕЦКИХ ГАЗЕТ

В статье рассматривается основная характеристика трансформаций фразеологизмов с лингвистической точки зрения, выявляются особенности трансформаций фразеологических оборотов, входящих в состав газетного заголовка. Выдвинуты предположения о том, с какой целью авторы статей прибегают к подобного рода языковой игре. Проанализированы различные вариации использования семантической и структурной трансформации. Также в статье описан основной функционал фразеологизмов в составе заголовков газетных статей, в том числе функционал трансформированных фразеологических единиц. Проанализирована и аргументирована связь выполняемых функций фразеологизмов с актуальностью данного языкового явления в публицистическом стиле.

В современных медиа наблюдается тенденция к оформлению заголовков газетных статей при помощи фразеологических единиц.

Любой язык богат словосочетаниями, которые вошли в лексикон языка в фиксированном виде. Источники устойчивых словосочетаний различны, например, античная мифология, (*сизифов труд*), художественная литература (*Sturm und Drang* ‘буря и натиск’). Язык богат подобными языковыми явлениями. Фразеологизмы несут элемент культурного кода определенных народов, в связи с этим большинство подобных устойчивых выражений не переводятся на русский язык в буквальном смысле. Ср.: *zwei Fliegen mit einer Klappe schlagen* (нем. ‘убить двух мух одним выстрелом’) – рус. ‘убить двух зайцев одним выстрелом’.

Функционал, выполняемый фразеологизмами в языковом континууме, разнообразен. Одна из главных функций фразеологизмов в публицистическом стиле – привлечение внимания [1]. Фразеологические единицы типичны для элементов разговорной речи. Используя данное языковое явление в составе заголовка статьи, автор не просто транслирует аудитории «я свой», статья также становится привлекательнее для читателя.

В газетном стиле нашло отражение гармоничное сочетание стандарта и экспрессии [2]. Отсюда желание журналистов преподнести информацию в наиболее яркой, выразительной, запоминающейся форме. Это привело к языковой игре с уже знакомыми ассоциациями. Объектом языкового искажения послужили фразеологизмы.

Несмотря на свою популярность, фразеология не достаточно изучена. Исследованием данной области занимались многие ученые: А. А. Шахматов, Г. А. Молочко, В. Флейшер, В. В. Виноградов, И. А. Щукина и Е. Ризель. Соответственно, известны различные альтернативы дефиниций и классификаций.

Наиболее актуальным и распространенным определением фразеологии является следующее: фразеология – относительно новая область в лингвистике, которая занимается устойчивыми словосочетаниями или фразеологизмами одного языка [3].

Стабильность, идиоматичность и воспроизводимость – главные признаки фразеологических оборотов [4]. По словам В. П. Жукова, фразеологизмам также присуща дополнительная эмоциональная окраска и наглядность, например: *auf Schritt und Tritt* ‘на каждом шагу’, *weit und breit* ‘езде’.

Классификаций достаточно много. Современные лингвисты, работающие с переводом, все чаще выбирают классификацию фразеологических единиц по В. В. Виноградову. К основным достоинствам данной классификации можно отнести анализ составных компонентов, которые могут быть результатом процесса семантического преобразования компонентного состава устойчивого словосочетания. К ведущим критериям данной классификации относятся мотивированность, степень идиоматичности, оба эти критерия находятся в отношениях, которые условно можем обозвать пропорциональной зависимостью: чем больше мотивированность фразеологизма, тем меньше его идиоматичность, и наоборот. Исходя из этого, можно наиболее детально проанализировать природу трансформации компонентного состава фразеологических единиц.

Данная классификация включает в себя: *фразеологические сращения* – непрозрачные идиомы, полностью немотивированные и неразделяемые: *j-n/etw.im Stich lassen* ‘бросить кого-л. на произвол судьбы’; *фразеологические единства* – мотивированные идиомы, которые образуются вследствие слияния значений составляющих компонентов и перенесения значения, являются прозрачными: *auf dem trockenen sitzen* ‘сидеть на мели’; *фразеологические сочетания, или устойчивые фразы* – фразеологизмы, возникающие из слов со свободным и фразеологически связанным значением в результате единичного сцепления одного семантически преобразованного компонента: *wer zuletzt lacht, lacht am besten* ‘хорошо смеется тот, кто смеется последним’; *фразеологические выражения* – устойчивые по своему составу и употреблению фразеологические обороты, которые являются семантически членимыми и состоят целиком из слов со свободным значением: *фразеологические выражения* – устойчивые по своему составу и употреблению фразеологические обороты, которые являются семантически членимыми и состоят целиком из слов со свободным значением: *любви все возрасты покорны* [5].

Характерной чертой фразеологических единиц являются также особенности их формы и значения. Фразеологические единицы обладают набором свойств, дающих возможность изменять структуру и семантику, сохраняя при этом их целостность. Данная особенность позволяет сделать вывод, что фразеологические единицы занимают определенную нишу в современном языковом континууме [6]. К числу этих особенностей относятся такие свойства фразеологизмов, как устойчивость морфологического и синтаксического строения, воспроизводимость сочетания в определенном лексико-грамматическом составе, а также членимость, т.е. сохранение внешних границ между частями фразеологизма.

Трансформированный фразеологизм в заголовке выступает в роли ассоциативного элемента, при помощи которого наша память находит нужную информацию, связывая измененное выражение и исходное [7]. При изменении фразеологизма создается языковая игра, рождается новый смысл, но смысловой каркас остается. Этот смысловой каркас являет собой рациональное состояние фразеологизма, т.е. объективный, всеобщий характер.

Чаще всего под трансформацией понимается любое отклонение от общепринятой нормы, а также импровизированное изменение с целью придания большей экспрессии. Трансформация расширяет границы авторской мысли, помогает проявить творческие способности [8]. Кроме того, ввиду ограниченности человеческой памяти, формирование новых названий и терминов не может быть бесконечным. Наиболее рациональным при этом является преобразование привычных выражений, которое делает речь более разнообразной и яркой.

Фразеологические единицы обладают набором свойств, делающих возможными изменения в структуре и семантике этих единиц без разрушения их целостности и в то же время выделяющих особое место фразеологизмов в системе языка. Эта специфика проявляется в таких характеристиках фразеологизмов, как устойчивость морфологического и синтаксического строения,

воспроизводимость словосочетания в определенном лексико-грамматическом составе, а также разделяемость, т.е. сохранение внешних границ между частями фразеологизма.

Грамматическая расчлененность делает возможным разнообразные структурные и комбинаторные изменения в их составе, в то время как свойства воспроизводимости и устойчивости вместе с присущей фразеологии в целом системной консервативностью и невосприимчивостью к языковым изменениям препятствуют, по крайней мере, в узуальном употреблении, таким изменениям.

Вследствие жесткой закреплённости значения фразеологического оборота за определенным сочетанием слов или словоформ «любая модификация в составе фразеологизма осознается говорящим как новообразование, лежащее за пределами системы языка точно так же, как и неологизмы лексические» [8, с. 24]. По этой причине трансформированные фразеологические единицы приобретают новые экспрессивные свойства, которые позволяют использовать их в стилистических целях.

Особенности стилистической окраски и степень выразительности трансформированных фразеологических единиц обусловлены характером трансформаций, которые могут изменять как форму, так и значения исходных фразеологизмов.

Такое изменение фразеологизмов служит «противоядием» от речевых штампов. Преобразуя фразеологизм, журналист повышает эффект сознательного воздействия на эмоции и чувства аудитории. При трансформации изменяется стилистическая окраска фразеологизма. В результате трансформации фразеологизма заголовок получается броским, притягивающим к себе внимание.

Наиболее активно трансформируются фразеологизмы, которые с точки зрения их семантической слитности являются фразеологическими выражениями: пословицы, поговорки, известные фрагменты литературных произведений, песен и т.п., например: *Die Welt ist klein und wir sind groß* ‘Мир маленький, а мы большие’.

Преобразованиям могут быть подвергнута как семантика, так и структура словосочетаний.

Трансформация семантики фразеологизмов возможна потому, как они обладают внутренней формой [5], что позволяет авторам изменить устоявшийся образ и приспособить обобщенный, метафорический смысл того или иного выражения к конкретному контексту. При переводе фразеологизма данного вида лингвисты в первую очередь обращают внимание на контекст, так как в зависимости от него перевод может различаться.

Gasleitung beschädigt – Bauarbeiter hält Daumen drauf (WAZ.de). Приведенный пример газетного заголовка, в состав которого входит фразеологический оборот *hält Daumen drauf*, можно перевести следующим образом ‘Газопровод поврежден – строители **‘надеются на лучшее’**. В данном контексте фразеологизм имеет значение ‘надеяться на лучшее’. Но при использовании фразеологизма в его буквальном значении перевод будет следующим ‘держат палец вверх’.

Изменение состава фразеологизма также способствует усилению экспрессивности окраски речи. Лексическая трансформация предусматривает манипуляцию с одним или несколькими элементами: происходит замена компонента фразеологизма, например:

1:0! *Schalke sieht Licht im Schacht* '1:0! Шальке видит свет в конце тоннеля' (Stadtspiegel Gelsenkirchen, № 925).

В данном примере фразеологического оборота происходит трансформация с заменой *Licht im Schacht sehen* – *Licht am Ende des Tunnels sehen*. Здесь можно наблюдать образование по аналогии с общеупотребительным фразеологизмом нового, индивидуально-авторского фразеологизма. В основе замены лежит метафора *der Tunnel* – *der Schacht* 'туннель – шахта'.

Язык газет обладает свойством сочетать в себе две внешне противоречащие друг другу установки – стандарт и экспрессию. Газетный язык заполнен клише, задача которых – быстрое описание ситуации, даже, скорее, упоминание ее, первое приближение. Газеты обращаются к фоновым знаниям читателя или зрителя, от глубины которых зависит осмысление воспринятого. Становление фразеологизмов проходит в несколько этапов. Сначала некое словосочетание начинает служить для обозначения повторяющейся ситуации или ее части, затем происходит редукция до общего понятийного каркаса, без деталей. В конце концов связью между актуальным и этимологическим значением остается лишь образ-мотив, создающий ассоциации и вызывающий интерес у читателя. Фразеологическая игра, комбинации и вариации на тему традиционных фразеологизмов позволяют «упаковать» в краткой, емкой, звучащей, как слоган, фразе основную идею новости.

Можно сделать вывод, что основная задача фразеологизмов в публицистике – оказать влияние на эмоциональную сторону читателя и пробудить интерес к статье. Фразеологизмы в силу своей гибкой структуры – отличный инструмент для журналиста и, соответственно, объект для более глубокого изучения. Использование трансформированных фразеологизмов, в свою очередь, основано на узнавании известных всем фразеологизмов и их структурно-семантической природе. Преобразования могут затрагивать как внутреннюю, так и внешнюю форму фразеологизма. Трансформация семантики фразеологизма возможна потому, что они обладают внутренней формой, что дает возможность автору «оживить» стершийся образ и приспособить метафорический смысл определенного выражения к конкретным условиям контекста. Таким образом, трансформированные фразеологизмы сочетают в себе две противоречивые грани – традицию и новизну.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Fleischer, W.* Phraseologie der deutschen Gegenwartssprache / W. Fleischer. – 1. Aufl. – Leipzig : VEB Bibliogr. Inst., 1982. – 250 S.
2. *Зеленов, А. Н.* Фразеологизм в заголовке газетного текста: особенности речевой игры / А. Н. Зеленов // Фразеологизм в тексте и текст во фразеологизме: Четвертые Жуковские чтения : материалы Междунар. науч. симпозиума, Великий Новгород, 4–6 мая 2009 г. / НовГУ им. Ярослава Мудрого ; редкол. : В. И. Макаров (гл. ред.) [и др.]. – Великий Новгород, 2009. – С. 325–328.

3. *Ольшанский, И. Г.* О-568 Лексикология : Современный немецкий язык = Lexikologie. Die deutsche Gegenwartssprache / И. Г. Ольшанский, А. Е. Гусева. – М. : Издат. центр «Академия», 2005. – 416 с.
4. *Виноградов, В. В.* Лексикология и лексикография : избр. труды / В. В. Виноградов. – Минск : Наука, 1977. – 312 с.
5. *Жуков В. П.* Семантика фразеологических оборотов : учеб. пособие / В. П. Жуков. – М. : Просвещение, 1978. – 160 с.
6. *Телия, В. Н.* Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты / В. Н. Телия. – М. : Школа «Яз. рус. культуры», 1996. – 288 с.
7. *Гуссейнова, Т. С.* Трансформация фразеологических единиц как способ реализации газетной экспрессии (на материале центр. газет. 1990–1996 гг) : дис. ... канд. филол. наук. : 10. 02. 01 / Т. С. Гуссейнова ; Даг. гос. пед. ун-т. – Махачкала, 1997. – 188 с.
8. *Гуревич, С. М.* Газета: вчера, сегодня, завтра / С. М. Гуревич. – М. : Аспект-Пресс, 2004. – 288 с.

The article is based on the peculiarities of using phraseologisms in the journalistic style. The article describes the types of transformations of phraseologisms. It was described the main aspects that are important to consider for translating.

М. В. Андреева
Минск, МГЛУ

СТАТУС ФЕМИНИТИВОВ В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ ЯЗЫКЕ

В статье рассматривается функционирование феминитивов на современном этапе развития русского языка. Цель исследования – выявление статуса феминитивов, их структурно-семантических характеристик и особенностей функционирования в современном русском языке. Теоретическая значимость заключается в выявлении и описании статуса и семантических особенностей феминитивов. Практическая значимость данной работы обусловлена тем, что в русском языке явление феминитивов не полностью закреплено и в некоторых случаях представляет собой нарушение литературной нормы. В результате исследования на основе лексикографических источников и разных типов текстов описаны основные структурно-семантические характеристики феминитивов; проанализирован функционально-стилистический потенциал феминитивов в современном русском языке.

Социальные изменения, связанные с изменениями в структуре общества, привели к определенному расшатыванию традиционных литературных норм. Это находит отражение не только в увеличении количества речевых ошибок, но и в существенном изменении словарного состава языка. Во многих языках начинают появляться или более активно использоваться лексемы женского рода, образованные от эквивалентного обозначения мужского рода. Эта проблема особенно актуальна для такого языка, как русский, где грамматическая оппозиция мужского и женского рода играет важную роль.

Целью данного исследования является выявление статуса феминитивов, их структурно-семантических характеристик и особенностей функционирования в современном русском языке.

В ходе исследования были поставлены следующие задачи: составить картотеку феминитивов в современном русском языке; на основе лексикографических источников и разных типов текстов описать основные структурно-семантические характеристики феминитивов; проанализировать функционально-стилистический потенциал феминитивов в современном русском языке; провести социолингвистический эксперимент с целью выявления статуса феминитивов в современном русском языке.

Лексикографические справочники не фиксируют термин *феминитивы* [1; 2]. Анализ научно-популярных и собственно публицистических текстов позволяет определить это понятие следующим образом: **феминитивы** – это слова женского рода, альтернативные или парные аналогичным понятиям мужского рода, относящимся ко всем людям независимо от их пола: *летчик – летчица, писатель – писательница, профессор – профессорша* [3].

В русском языке на современном этапе его развития мы можем наблюдать образование и активное использование лексем-наименований женского рода, образованных от лексем-наименований мужского рода, которые в языке считаются нарушением литературной нормы. Такие слова не закреплены в словарях и по своей сути являются неологизмами, поскольку люди создают их с целью обозначения женщин наименованиями женского рода, стараясь не употреблять грамматически верные и устоявшиеся варианты. Одним из наиболее простых способов достичь подобной цели является создание лексем женского рода из уже существующих слов мужского рода. Такой способ образования феминитивов также дает возможность показать все большую занятость женщин в профессиях, которые ранее традиционно считались мужскими. Эта тенденция с каждым годом становится все заметнее и показывает меняющееся отношение людей к отражению женщин в языке в целом и к феминитивам в частности. Учитывая данное явление, мы можем также дать следующее определение:

Феминитив (феминатив) – форма женского рода имени существительного, образованная от формы мужского рода имени существительного и используемая для обозначения и называния статуса, рода деятельности, профессии женщины:

- а) *спортсменка, учительница, красавица, отличница, герцогиня;*
- б) *директриса, секретарша, вахтерша, кассирша, генеральша;*
- в) *ректорка, докторка, фотографка, профессорка, дизайнерка.*

В данной работе нами будут использоваться оба определения.

Русский язык традиционно не допускает использования подобных наименований в пределах официально-делового стиля, однако публицистические тексты, особенно электронные средства массовой коммуникации, фиксируют активные процессы в образовании и использовании феминитивов русского языка. Нами были проанализированы слова-наименования женщин, извлеченные методом сплошной выборки из «Нового словаря русского языка.

Толково-словообразовательного» Т. Ф. Ефремовой [4] и публицистических текстов (на материале изданий «Караван историй» [5], «Комсомольская правда в Беларуси» [6], «СБ. Беларусь сегодня» [7], «Я – специалист по кадрам» [8]). В результате анализа было установлено, что:

- наименования должностей чаще используются в форме мужского рода, тогда как наименования, показывающие статус женщины, могут употребляться и в женском роде: *специалист*, но *жительница*, *гражданка*;

- использование феминитивов в названиях должностей зависит от их характера. Например, *начальник*, *юрист*, но *работница*, *уборщица*. Названия высоких должностей и званий будут, скорее, представлены в форме мужского рода.

Сопоставив значение выявленных в публицистических текстах феминитивов с проанализированными ранее лексемами на основе словарных статей, мы смогли представить классификацию данных лексических единиц по функционально-стилистической закреплённости в современном русском языке:

- а) нейтральные феминитивы: *спортсменка*, *учительница*, *отличница*, *красавица*, *герцогиня*, *поэтесса*, *машинистка*, *писательница*, *воспитательница*, *продащица*, *акушерка*, *любовница*, *госпожа*, *стюардесса*, *лётчица*, *бортпроводница*, *жительница*, *студентка*, *аспирантка*, *работница*, *гражданка*, *актриса*, *певица*, *старшеклассница*, *уборщица*, *декабристка*, *психопатка*, *любимица*, *правительница*;

- б) разговорные феминитивы: *директриса*, *вахтерша*, *касси́рша*, *генеральша*, *докторша*, *профессорша*, *лекторша*, *пловчиха*, *секретарша*, *монархиня*;

- в) феминитивы-неологизмы: *ректорка*, *докторка*, *докторесса*, *фотографка*, *профессорка*, *дизайнерка*, *дизайнерша*, *лекторка*, *поэтка*, *бизнесменка*, *бизнесвумен*, *педагогиня*, *призерка*.

Классификация феминитивов с учетом степени закреплённости в языке позволяет представить их статистический анализ, показывающий отношения слов разных категорий друг к другу. 56 % выбранных слов являются закреплёнными в языке и зафиксированными в словаре, 19 % – относятся к словам, имеющим помету «разговорное/просторечное», 25 % – составляют феминитивы-неологизмы. Таким образом, соотношение феминитивов-нововведений, в словаре не обнаруженных, и зафиксированных в словаре феминитивов (без помет и с пометой «разговорное/просторечное») составляет 1:4.

По результатам анализа можно увидеть, что большая часть представленных слов так или иначе закрепились в языке. Феминитивы-нововведения (неологизмы), тем не менее, составляют достаточно обширную часть употребляемой лексики, которая, несмотря на то, что на данный момент не соответствует литературным нормам русского языка, является важным отражением мировоззрения его носителей. Таким образом, считаем необходимым более детально исследовать феминитивы с целью проследить их развитие и определить статус в современном русском языке.

Из значений использованных нами слов мы смогли выделить 3 основные категории употребления феминитивов: статус, должность и качественная характеристика/состояние. Распределив феминитивы из картотеки по данным категориям, мы получили следующие результаты:

а) качественная характеристика/состояние: *отличница, психопатка, любимица, декабристка, красавица*;

б) статус: *герцогиня, любовница, госпожа, правительница, жительница, гражданка, студентка, аспирантка, старшеклассница, генеральша, профессора, монархиня, докторша, призерка*;

в) должность/профессия: *учительница, поэтесса, машинистка, писательница, воспитательница, продащица, акушерка, стюардесса, летчица, бортпроводница, работница, актриса, певица, уборщица, спортсменка, правительница, директриса, вахтерша, кассирша, докторша, профессорша, лекторша, пловчиха, секретарша, монархиня, ректорка, докторка, докторесса, фотографа, профессорка, дизайнерка, дизайнерша, лекторка, поэтка, бизнесменка, бизнесвумен, педагогиня*.

В некоторых случаях однозначно определить семантические признаки не представляется возможным в силу полисемии данных лексем, к примеру, слово *докторша* имеет значения 'женский род к существительному *доктор*' с пометой «разговорное» и устаревшее значение 'жена доктора'. В первом случае слово можно отнести к категории «профессия», во втором – к категории «статус».

Большинство слов относятся к категории «должность/профессия». На наш взгляд, данное явление подтверждается фактом идентификации человека как личности через его профессию. Таким же способом подтверждения личности становится и гендер. В случае, когда грамматический мужской род используется для обозначения и биологического мужского, и биологического женского родов, данная идентификация становится неполной. Использование феминитива – парного или альтернативного наименования мужскому роду – в данном случае является именно способом более полной самоидентификации лиц женского пола.

Для того чтобы оценить функционально-стилистический потенциал феминитивов, мы проанализировали их значения, зафиксированные в «Новом словаре русского языка. Толково-словообразовательном» Т. Ф. Ефремовой и установили ряд случаев отсутствия феминитива в данном лексикографическом источнике. Были представлены следующие варианты:

а) феминитивы, значение которых мотивировано формой мужского рода, не имеющие помет: *спортсменка – спортсмен, учительница – учитель, отличница – отличник, поэтесса – поэт, летчица – летчик, писательница – писатель, воспитательница – воспитатель, продащица – продавец, бортпроводница – бортпроводник, стюардесса – стюард, жительница – житель, студентка – студент, аспирантка – аспирант, работница – работник, гражданка – гражданин, актриса – актер, певица – певец, старшеклассница – старшеклассник, уборщица – уборщик, правительница – правитель, психопатка – психопат, любимица – любимец*;

б) феминитивы, значение которых не мотивировано формой мужского рода, не имеющие помет: *красавица* – «красивая женщина; употребляется как ласково-фамильярное обращение к девушке, женщине», *герцогиня* – «жена или незамужняя дочь герцога», *машинистка* – «женщина, работающая на пишущей машинке; швея, работающая на швейной машине», *акушерка* – «женщина (обычно со специальным образованием), оказывающая помощь при родах», *любовница* – «женщина, которая находится в половой связи с мужчиной, но не состоит в браке с ним», *декабристка* – «жена декабриста, добровольно отправившаяся в Сибирь к месту каторги или ссылки мужа»;

в) феминитивы, имеющие помету «разговорно-просторечное»: *директриса, секретарша, вахтерша, кассирша, генеральша, докторша, профессорша, лекторша, пловчиха, монархиня*;

г) феминитивы, не зафиксированные в словаре: *ректорка, докторка, докторесса, фотографка, профессорка, дизайнерка, дизайнерша, лекторка, поэтка, бизнесменка, бизнесвумен, педагогиня, призерка*.

Такие слова, как *красавица, декабристка* имеют также и нейтрализованное значение. *Красавица* может использоваться как фамильярное обращение к женщине, *декабристкой* сейчас можно назвать женщину, готовую пожертвовать многим ради любимого человека. Такое нейтрализованное значение дает возможность относить подобные слова к группе «феминитивы, имеющие помету “разговорно-просторечное”», несмотря на то, что такой пометы у основного значения слов в словарной статье не имеется.

Как было сказано ранее, большая часть проанализированных слов закрепились в языке и не вызывает вопросов у носителей языка ни по своему значению, ни по употреблению (*учительница, спортсменка*). Те же наименования, которые не являются признанными литературной нормой, все еще содержат в себе различные оттенки значений (*кассирша, докторша*), делая их постоянное употребление стилистически окрашенным и несущим определенный посыл. Тем не менее, если сравнить способы образования феминитивов, анализируя слова без стилистических помет и с пометами, можно заметить, что их словообразовательные модели сходны (в образовании подобных номинаций лиц женского пола участвуют суффиксы: *-к-, -ш-, -иц-, -ниц-, -ин-, -есс-* и др.) Это значит, что данные незафиксированные словарями феминитивы-неологизмы в будущем могут изменить свой статус.

Таким образом, в целом результаты проведенного сопоставительного исследования позволяют заключить, что в русском языке функционирование феминитивов имеет свою специфику, обусловленную причинами возникновения, развития и реакцией на них носителей языка.

ЛИТЕРАТУРА

1. Энциклопедический словарь-справочник лингвистических терминов и понятий. Русский язык / А. Н. Тихонов [и др.] ; по общ. ред. А. Н. Тихонова. – М. : Флинта : Наука, 2008. – Т. 2. – 816 с.

2. *Стариченок, В. Д.* Большой лингвистический словарь / В. Д. Стариченок. – Ростов н/Д : Феникс, 2008. – 811[1] с.
3. Словарь гендерных терминов / сост. З. В. Шевченко [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://a-z-gender.net/feminitivy.html>. – Дата доступа : 15.05.2019.
4. *Ефремова, Т. Ф.* Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный [Электронный ресурс]. – М. : Рус. яз., 2000. – Режим доступа : <https://www.efremova.info/>. – Дата доступа : 15.05.2019.
5. Караван историй [Электронный ресурс]. – Минск, 2020. – № 1. – Режим доступа : <https://7days.ru/caravan/2020/1/>. – Дата доступа : 10.05.2020.
6. Комсомольская правда в Белоруссии [Электронный ресурс]. – Минск, 2020. – № 12. – Режим доступа : <http://belkiosk.by/issues/39921>. – Дата доступа : 15.05.2020.
7. СБ. Беларусь сегодня [Электронный ресурс]. – Минск, 2020. – № 12. – Режим доступа : <https://www.sb.by/archive/21012020/>. – Дата доступа : 15.05.2020.
8. Я – специалист по кадрам [Электронный ресурс]. – Минск, 2019. – № 23. – Режим доступа : <https://www.spok.by/izdaniya/ya-spok/23-2019>. – Дата доступа : 15.05.2020.

The article discusses the relevancy of using gender-specific nouns of feminine gender in modern Russian. National and cultural features of gender relations determine the feasibility of conducting a survey that allows us to identify the status of feminines at the present stage and to some extent predict possible variants of the functioning of this group of lexemes in the Russian language.

В. А. Дениховская
Минск, МГЛУ

ЯЗЫКОВЫЕ СРЕДСТВА СОЗДАНИЯ ОБРАЗНОСТИ В СОВРЕМЕННОМ АНГЛОЯЗЫЧНОМ КИНОДИСКУРСЕ

В статье рассматриваются особенности использования прагматически маркированных языковых средств в одном из наиболее популярных жанров современного кинодискурса – ситуативной комедии. В результате контекстуального и количественного анализа автором были выявлены наиболее и наименее часто используемые лексико-стилистические приемы, а также определены функции, которые они выполняют в исследуемом жанре англоязычного кинодискурса.

Кинематограф, несомненно, занял лидирующие позиции по степени влияния на аудиторию, оттеснив литературу. Передача художественной информации все чаще приобретает кинематографическую форму. Соответственно, произведения кинодискурса становятся объектом изучения целого ряда наук, в том числе и лингвистики. Кинодискурс интенсивно исследуется психологией, философией, социологией, семиотикой, теорией и практикой перевода. В лингвистике сложный язык кинофильма рассматривается в качестве особой разновидности текста. В научной литературе используются соотносительные термины *кинодискурс*, *кинотекст*, *кинодиалог*. Термин *кинодискурс* выступает самым емким понятием в этом ряду.

Вопрос о соотношении текста и дискурса всегда являлся спорным. Неоспоримо лишь одно: текст и дискурс – это смежные понятия. Как показывает обзор научной литературы, большинство определений дискурса дается через текст: «Дискурс – это текст». В лингвистике традиционно термином *текст* обозначают не только зафиксированный либо записанный текст, но и любое кем-то созданное «речевое произведение» любой протяженности – от однословной реплики до целого рассказа, поэмы или книги. Текст является законченным фиксированным сообщением.

Текст может быть выражен как в устной, так и в письменной форме. К его особенностям можно отнести цельность и связность. Согласно с утверждением Т. ван Дейка, текст представляет собой целостный и законченный по форме и содержанию образец речевой коммуникации носителей языка [1].

Дискурс – это последовательность предложений, связная речь (устная или письменная), которая выходит за рамки единичного предложения и является культурно обусловленной. Под дискурсом понимается когнитивный процесс, связанный с реальным речепроизводством, т.е. текста, который предстает в качестве конечного результата речевой деятельности, выливающегося в определенную законченную и зафиксированную форму. Дискурс – это речь, «погруженная в жизнь» [2].

XXI век – это эпоха, когда форма становится превыше содержания. Способы выражения идеи зачастую выше, чем сама идея. Именно в этом аспекте большую роль играют языковые средства, которые авторы используют для создания образности в своих произведениях.

Стилистические средства и приемы, являясь одним из эффективных языковых способов формирования образа героя в кинематографе, обладают способностью к созданию емкой характеристики за счет наличия широкой семантической вариативности. Известно, что стилистические средства играют очень важную роль как в создании художественного образа героев, так и в более полном раскрытии образа автора в художественном тексте, своеобразия его картины мира.

Стремление донести до адресата не только денотативное содержание ситуации, но также сопровождающие ее эмоционально-оценочные характеристики побуждает автора использовать в речемыслительной деятельности (т.е. тексте) языковые средства, которые наиболее адекватно соответствуют поставленной цели.

Актуальность исследования определяется необходимостью теоретического осмысления англоязычного художественного кинодискурса и практики его перевода, изучения стилистического влияния на кинотекст и создания образности языковых средств. Оно актуально не только в силу большой распространенности данного явления, но также учитывая его важность для отражения окружающей действительности в языке и речи.

Цель настоящего исследования – показать механизм функционирования стилистических средств и приемов, участвующих в конструировании образов героев в кинотексте сериала. Поставленная цель достигалась путем изучения стилистических средств, используемых в кинотексте; рассмотрения вопроса

передачи образа киногероя стилистическими средствами в современных исследованиях; сопоставления языковых средства образности, частотности их использования в телесериале; проведения анализа кинофраз сериала и установлении, какими именно средствами осуществляется построение образов героев, а также их роли в актуализации определенных качеств и черт характера персонажей.

Научная новизна обосновывается определением потенциала стилистических средств и приемов при конструировании образов в современном англоязычном кинотексте.

На каждом этапе развития средств экранной выразительности можно наблюдать доминирование тех или иных стилистических приемов, и чаще всего это является следствием творческого использования новой техники и новых технологий создания аудиовизуального продукта, освоения специфических средств выразительности, присущих лишь экранному искусству.

Материалом исследования послужили языковые средства создания образности, использованные в сериале «How I Met Your Mother». В работе применялись методы контекстуального, структурно-семантического анализа, прием количественного подсчета. На основе анализа было выявлено значительное количество средств создания образности (более 80 номинаций). Выразительные средства в диалогах выполняют разные функции, основная из которых – оживление речи. В представленной ниже таблице приводятся результаты количественного анализа употребительности лексико-стилистических средств в отобранном материале.

Частотность употребления лексико-стилистических средств
в англоязычной ситуативной комедии

Выразительные средства	Частотность употребления, %
Аллюзия	1,25
Антономазия	6,25
Гипербола	11,25
Идиомы	2,5
Ирония	7,5
Каламбур	1,25
Метафора	26,25
Оксюморон	1,25
Перифраз	3,75
Словообразование	1,25
Сравнение	13,75
Эвфемизм	1,25
Эпитет	20

Установлено, что самым распространенным средством в сериале является метафора (26,25 % от общего числа проанализированных средств). Это обусловлено тем, что именно метафора показывает характер персонажа,

раскрывая внутренний мир героя, передает образ персонажа интереснее и легче, чем большинство других техник. Она представляет собой доминирующую основу в построении образа, так как наиболее полно отображает характер и взгляд на мир героев.

Метафора не только усиливает зримость и наглядность изображаемого, но и передает неповторимость, индивидуальность предметов или явлений, проявляя при этом глубину и характер собственного ассоциативно-образного мышления, видения мира, меру таланта. Например, один из главных героев, Тед, немного занудный. С первой серий он решает, что пора завести семью. Это привело к множеству неудачных отношений. Следующая метафора раскрывает его очередную неудачную попытку понравиться девушке, в которую он влюблен: *I'm going to be a mushroom cloud of casual.*

Робин – юная девушка, приехавшая в Нью-Йорк из Канады и мечтающая стать всемирно известной журналисткой. Ее цель – посвятить себя только карьере, поэтому знакомства с молодыми людьми ее мало интересуют: *Oh, please, I'm so sick of the meat market scene.*

Барни – лучший друг Теда, который постоянно пытается ему помочь советами, как построить отношения с девушками. В данной метафоре раскрывается герой как «человек, любящий посумасшествовать, а потом сесть и посмотреть, что из этого получилось»: *Ted, you've been living your whole life in a seat belt, it's time to unclick.*

Наименее частотные выражения, встретившиеся в кинофильме, – аллюзия и оксюморон. Это объясняется тем, что для дешифровки аллюзии часто требуются глубокие знания исторического и культурного контекста конкретного региона или всего мира. Комедийные сериалы по своей прагматике направлены скорее на развлечение аудитории, а не на ее образование. В силу этого данное лексико-стилистическое средство является наименее частотным. Исключения составляют такие выражения, как, например, *The roof is on fire!*, которое является общеизвестным и стало частью культуры или разговорной речи.

Оксюморон же обладает очень высокой степенью выразительности, что достигается путем сопоставления несопоставимого. Данный эффект более характерен художественному дискурсу, в том числе и в рамках художественных фильмов. Ситуативная комедия как жанр воссоздает ситуации из повседневной жизни. Следовательно, часто используемые оксюмороны выбивались бы из общей стилистической картины исследуемого жанра: *That's great, Ted – you'll be the most casual stalker ever.* В данном контексте оксюморон подчеркивает противоречивое психологическое состояние, выраженное в предельно лаконичной форме.

Средства речевой выразительности делают речь наглядной, так как воздействуют не только понятийно, но и образно, т.е. дают зрительную, слуховую информацию. Эмоциональная, экспрессивная речь воспринимается быстрее, находит более глубокий эмоциональный отклик, вызывает сопереживание и лучше сохраняется в памяти.

Эпитеты усиливают выразительность, образность языка произведения, придают художественную, поэтическую яркость речи, обогащают содержание высказывания, выделяют характерную черту или качество предмета, или явления, подчеркивают его индивидуальный признак; создают живое представление о предмете. Они оценивают предмет или явление, вызывают определенное эмоциональное отношение и помогают увидеть авторское отношение к окружающему миру. В следующем примере эпитет способствует усилению выразительности, а также придает яркость высказыванию: *You were telling this story in **excruciating** details.*

Сравнение же помогает более точно представить предмет или явление, увидеть в предмете новые, скрытые стороны, придавая описанию особую наглядность: *Dating you is like winning the lottery? Guys are like the subway. You miss one, another one comes along in 5 minutes.*

Использование гиперболы позволяет путем преувеличения резко усиливать выразительность изображаемого, придавать мыслям необычную форму и яркую эмоциональную окраску, оценочность, эмоциональную убедительность. Она может также использоваться как средство создания комических образов: *As I walked up to that door, **a million thoughts** raced through my mind. That night Marshall had a **ton of studying** to do.*

Антономазия является разновидностью метонимии и предполагает, что настоящее название или имя заменяется словом либо выражением, обозначающим часть, важную особенность предмета или указывающим на его отношение к чему-либо еще. Она проявляется также в использовании имени собственного в качестве нарицательного: *I get recognized one time and I start thinking I'm **Julia Roberts**.* Имя актрисы употребляется в данном контексте в качестве имени нарицательного, указывая на известность и общую узнаваемость личности. В следующем предложении антономазия используется в качестве выражения, обозначающего деятельность данного человека: *Ah, **coat wench**, do not uncheck that man's jacket!*

Проанализированный материал показывает, что образные средства языка оживляют речь в кинофильме. Разнообразие приемов словесного выражения, усиление экспрессивности, сопровождающей даже простейшую тему, при одновременной общепонятности служат одним из принципов составления диалогов в фильме. Также стоит заметить, что при неумелом употреблении средств речевой выразительности могут возникнуть стилистические ошибки, которые приведут к искажению и потери смысла.

Как свидетельствуют результаты исследования, стилистические средства в кинотексте обладают огромным потенциалом для конструирования образа киногероя. Прежде всего, это зависит от их информационной емкости, которая нередко подкрепляется невербальным фоном. Нередко в одной и той же кинофразе встречаются различные сочетания стилистических средств, поскольку определенный регламент не всегда дает достаточно времени для передачи основного мотива.

ЛИТЕРАТУРА

1. Дейк, Т. А. ван. Язык. Познание. Коммуникация: пер. с англ. / сост. В. В. Петрова; под ред. В. И. Герасимова; вступ. ст. Ю. Н. Караулова и В. В. Петрова. – М. : Прогресс, 1989. – 312 с.
2. Арутюнова, Н. Д. Дискурс / Н. Д. Арутюнова // Языкознание. Большой энциклопедический словарь / гл. ред. В. Н. Ярцева. – 2-е изд. – М. : Большая Рос. энцикл., 1998. – С. 136–137.

The article deals with the language means of creating imagery in the film discourse. The results elucidate the capacity of corresponding lexical units to add some logical, emotive and expressive information to the utterance.

Ю. В. Долмат
Минск, МГЛУ

СЕМАНТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ СОЧЕТАНИЙ РУССКИХ И АНГЛИЙСКИХ ИМЕН ПРИЛАГАТЕЛЬНЫХ СО СЛОВОМ *СВОБОДА*

В данной работе сопоставляются русские и английские имена прилагательные, сочетающиеся со словом *свобода*, с целью выявления структурно-семантических особенностей сочетаний русских и английских имен прилагательных с данным словом.

Проблема свободы является одной из важных и сложных, которая волновала многих мыслителей на протяжении многовековой истории человечества, будучи своего рода загадкой, которую из века в век пытаются разгадать многие поколения людей.

Понятие *свобода* многогранно, емко, исторически изменчиво и противоречиво. Существует множество его определений в толковых словарях русского и английского языков. Так, в толковом словаре русского языка под редакцией А. П. Евгеньевой выделяется 9 значений, определяющих понятие *свобода*: 1. Способность человека действовать в соответствии со своими интересами и целями, опираясь на познание объективной необходимости; 2. Отсутствие политического и экономического гнета, отсутствие стеснений, ограничений и общественно-политической жизни и деятельности общества в целом; 3. Отсутствие крепостной зависимости, рабства; 4. Состояние того, кто не находится в заключении, в неволе; 5. Личная независимость, самостоятельность, отсутствие зависимости от кого-, чего-либо или связи с кем-, чем-либо мешающим, стесняющим; 6. Возможность действовать в какой-либо области без ограничений, запретов, беспрепятственно; 7. Легкость, отсутствие затруднений в чем-л; 8. Непринужденность, отсутствие связанности; 9. Свободное, незанятое время; досуг [1, с. 53].

В свою очередь, в толковом словаре под редакцией С. И. Ожегова выделяется 4 значения, определяющих понятие *свобода*: 1. В философии: возможность проявления субъектом своей воли на основе осознания законов

развития природы и общества; 2. Отсутствие стеснений и ограничений, связывающих общественно-политическую жизнь и деятельность какого-н. класса, всего общества или его членов. *Свобода совести* (право исповедовать любую религию или не придерживаться никакого вероисповедания), *свобода слова, свобода печати, свобода личности* (неприкосновенность личности, жилища, тайна переписки, телефонных и телеграфных сообщений, ~ совести), *свобода собраний, митингов*; 3. Вообще отсутствие каких-н. ограничений, стеснений в чём-н. *Дать детям больше свободы*; 4. Состояние того, кто не находится в заключении, в неволе. *Выпустить на свободу* [2].

В толковых словарях английского языка также выделяется множество значений, определяющих данное понятие. Так, в Oxford Advanced Learner's Dictionary of Current English выделяют 5 значений, определяющих понятие *свобода* 'freedom': 1. the power of right to act, speak, think as one wants; a state of not being unrestricted 'иметь право действовать, говорить то, что человек хочет; не быть ограниченным в чем-либо'; 2. The state of not being imprisoned 'не находиться в заключении'; 3. The state of not being subject to or affected by 'не подвергаться воздействию чего-либо'; 4. A special privilege or right of access, especially that of full citizenship of a city granted to a public figure as an honour 'особая привилегия или право доступа, предоставляемое общественному деятелю в качестве чести'; 5. Familiarity or openness in speech or behavior 'фамилльярность или открытость в речи или поведении' [3].

В свою очередь, в Longman Advanced American Dictionary существует 7 значений, определяющих понятие *свобода* 'freedom': 1. the right to do what you want without being controlled or restricted by the government, police 'право делать то, что вы хотите, не будучи контролируемым или ограниченным правительством, полицией'; 2. freedom of speech/religion; the legal right to say what you want, choose your own religion 'свобода слова /религии; законное право говорить то, что вы хотите, выбирать свою собственную религию'; 3. the state of being free and allowed to do what you want 'состояние свободы и позволения делать то, что вы хотите'; 4. the state of being free because you are not in prison 'состояние свободы, потому что вы не в тюрьме'; 5. freedom from something that makes you worried, unhappy, afraid 'свобода от чего-то, что заставляет вас волноваться, чувствовать себя несчастным, бояться'; 6. the right or ability to choose whatever you want to do or have 'право или способность выбирать все, что вы хотите делать или иметь'; 7. the availability to everyone of information that a government has about people and organizations 'доступность для всех информации, которую правительство имеет о людях и организациях' [4].

Таким образом, анализ значений, определяющих понятие *свобода* в русском и английском языках, показал, что в русском языке первое значение (способность человека действовать в соответствии со своими интересами и целями, опираясь на познание объективной необходимости) эквивалентно также первому лексико-семантическому варианту в английском языке (the power of right to act, speak, think as one wants; a state of not being

unrestricted ‘иметь право действовать, говорить то, что человек хочет; не быть ограниченным в чем-либо’). Также лексико-семантический вариант № 4 в русском языке (состояние того, кто не находится в заключении, в неволе) эквивалентен лексико-семантическому варианту № 2 в английском языке (the state of not being imprisoned ‘не находиться в заключении’). Лексико-семантический вариант № 6 в русском языке (возможность действовать в какой-либо области без ограничений, запретов) эквивалентен двум лексико-семантическим вариантам в английском языке: the right to do what you want without being controlled or restricted by the government, police ‘право делать то, что вы хотите, не будучи контролируемым или ограниченным правительством, полицией’; the power of right to act, speak, think as one wants; a state of not being unrestricted ‘иметь право действовать, говорить то, что человек хочет; не быть ограниченным в чем-либо’.

Именно в области прилагательного наиболее очевидна абстрагирующая анализирующая мыслительная деятельность человека. Проникая в лингвистическую природу прилагательных, изучая механизмы номинации в сфере адъективных признаков слов, определяется лингвистический статус данной категории лексических единиц.

Категория адъективных слов, семантической основой которых является качество, характеризуется как обозначающая качество, свойство, признак, атрибут. Трудности, связанные с описанием адъективной лексики, связаны с ее особым номинативным характером. Прилагательные призваны дать названия качествам, свойствам, признакам и атрибутам, присущим предметам и явлениям реального мира и составляющим своеобразную и важную для человеческого бытия и познания категорию – категорию качества [5].

Особенно трудно выделение имени прилагательного в английском языке, где единственной морфологической приметой данного класса слов является в основном наличие степеней сравнения, которую имеют не все адъективные слова. Категория имени прилагательного, особенно в английском языке, оказывается классом слов, в который могут быть включены разные типы слов, начиная от артиклей, местоименных слов различных групп, числительных, составляющих разряд так называемой ограничительной лексики, слов, разделяющих многие характеристики имени существительного [5].

Материалом для выявления семантических особенностей русских и английских имен прилагательных в роли определений *свободы* послужили более 100 русских и английских имен прилагательных, сочетающихся со словом *свобода*, включая индивидуально-авторские употребления (*бодрая, весёлая, новорожденная, просвещенная, убогая*), а также определения бытового и терминологического характера: *академическая, буржуазная, демократическая, крестьянская, народная, политическая, социалистическая, экономическая*.

В лексических значениях русских имен прилагательных были выявлены семы, на основании которых систематизируются исследуемые единицы: сема ‘продолжительность во времени’: *вечная, временная, мимолетная, призрачная*; сема ‘отсутствие ограничений’: *абсолютная, безбрежная, безграничная, безу-*

словная, бесконтрольная, исключительная, полная, совершенная, неограниченная, полноценная; сема 'желанный, оберегаемый': дорогая, драгоценная, желанная, заветная, золотая, любимая, неприкосновенная, нерушимая; сема 'настоящий': действительная, истинная, настоящая, подлинная. На основании семы 'ненастоящий' можно объединить следующие имена прилагательные: ложная, мнимая, фальшивая. На основании семы 'охватывающий всех' можно объединить следующие имена прилагательные: всемирная, всеобщая, народная, национальная, общественная. На основании семы 'благородный, благополучный' можно объединить следующие имена прилагательные: благоденственная, благотворная, святая, священная.

Выделяется группа индивидуально-авторских прилагательных, сочетающихся со словом *свобода*: бодрая, весёлая, новорожденная, просвещенная, убогая, а также определений бытового и терминологического характера: академическая, буржуазная, внутренняя, гражданская, демократическая, душевная, интеллектуальная, крестьянская, литературная, личная, моральная, народная, национальная, нравственная – общественная, политическая, социалистическая, творческая, физическая, экономическая.

В свою очередь, анализ английских имен прилагательных, сочетающихся с понятием *свобода*, показал, что 13 английских лексических единиц соответствуют русским прилагательным, выявленным в ходе исследования: *absolute* 'абсолютная', *total* 'полная', *full* 'полная, полноправная', *perfect* 'совершенная', *academic* 'академическая', *internal* 'внутренняя', *intellectual* 'интеллектуальная', *personal* 'личная', *social* 'общественная', *political* 'политическая', *creative* 'творческая', *economic* 'экономическая', *real* 'действительная, настоящая'.

Установлено, что 15 английских прилагательных сочетаются со словом *свобода*, но не имеют соответствующего русского эквивалента: *maximum* 'максимальная', *complete* 'полная', *considerable* 'значительная', *great* 'великая', *comparative* 'сравнительная', *relative* 'относительная', *basic* 'основная', *fundamental* 'фундаментальная', *individual* 'индивидуальная', *new-found* 'вновь обретенная', *artistic* 'художественная', *press* 'свобода прессы', *religious* 'религиозная', *sexual* 'сексуальная', *human* 'человеческая'.

Были выявлены семы, на основании которых систематизируются исследуемые лексические единицы: сема 'lack of restrictions' ('отсутствие ограничений'): *absolute*, *full*, *total*, *maximum*, *complete*; сема 'real' ('реальная'): *real*, *basic*; сема 'creative' ('творческая'): *creative*, *artistic*.

В ходе исследования было обнаружено, что несколько синонимичных русских прилагательных переводятся на английский язык одним словом. Например, прилагательные *абсолютная*, *безусловная* соответствуют английскому прилагательному *absolute*. Прилагательные *безбрежная*, *безграничная* переводятся на английский *boundless*. Английское прилагательное *precious* имеет два соответствия в русском языке: *дорогая*, *драгоценная*. *Полноценная*, *полноправная* свобода переводятся на английский язык *full freedom*. *Настоящая*, *действительная* свобода переводятся на английский язык одним прилагательным – *real*.

В ходе анализа было обнаружено, что некоторые значения в русском языке эквивалентны значениям данного слова в английском языке. Например, лексико-семантический вариант № 4 в русском языке (состояние того, кто не находится в заключении, в неволе) эквивалентен лексико-семантическому варианту № 2 в английском языке (the state of not being imprisoned ‘не находится в заключении’). Главная трудность описания семантики прилагательных, вызванная их функциональными особенностями, заключается в описании отдельного значения, которое предполагает не столько перечисление носителей признака и сочетание данного прилагательного с определяемыми им существительными, а отвлечение признака его носителей, установление инварианта признака. Необходимо отметить, что прилагательные, именуя особую область реальной действительности – сферу свойств, признаков, качеств, мыслимых в отвлечении от объектов, предметов, явлений, ими характеризуемых, формируют отдельный слой лексики и отличаются от других типов лексических единиц прежде всего своей содержательной основой.

ЛИТЕРАТУРА

1. Словарь русского языка : в 4 т. / РАН, Ин-т лингвистических исследований; под ред. А. П. Евгеньевой. – 4-е изд., стер. – М. : Рус. яз., Полиграфресурсы, 1999. – Т. 4: С–Я. – 1999. – 800 с.
2. Ожегов, С. И. Толковый словарь русского языка : Ок. 65 000 слов и фразеологических выражений / С. И. Ожегов; под ред. проф. Л. И. Скворцова. – 26-е изд., перераб. и доп. – М. : ООО «Издательство Оникс»: ООО «Издательство «Мир и Образование», 2008. – 736 с.
3. Hornby, A. S. Oxford Advanced Learner's Dictionary of Current English / A. S. Hornby. – Oxford : Oxford Univ. Press, 2010. – 917 p.
4. Longman Advanced American Dictionary. – Pearson English Language Teaching, 2004. – 535 p.
5. Харитончик, З. А. Имена прилагательные в лексико-семантической системе современного английского языка / З. А. Харитончик. – Минск : Выш. шк., 1986. – 96 с.

In this work, Russian and English adjectives are compared, combined with the word freedom. The purpose of the study is to identify the structural and semantic features of the combinations of Russian and English adjectives with the word freedom.

Д. И. Кирилова
Минск, МГЛУ

СЕМАНТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ АНГЛИЙСКИХ И РУССКИХ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ С КЛЮЧЕВЫМИ КОМПОНЕНТАМИ ‘ДОБРО’ И ‘ЗЛО’

Статья посвящена сопоставительному анализу английских и русских фразеологических единиц, связанных с осмыслением добра и зла. Цель исследования – выявить семантические особенности и особенности системной организации русских и английских

фразеологизмов, репрезентирующих добро и зло в сопоставительном аспекте. В результате структурно-семантического анализа выявляются общие черты и различия в структуре, семантике и функционировании фразеологических единиц о добре и зле в английском и русском языках.

Фразеологический состав языка является наиболее специфической для языка частью лексикона. Постоянно пополняясь новыми единицами, фразеологические единицы отражают культурно-исторический опыт народа, особенности развития данного языка. «Фразеологическая единица – общее название семантически связанных сочетаний слов и предложений, которые, в отличие от сходных с ними по форме синтаксических структур, не производятся в соответствии с общими закономерностями выбора и комбинации слов при организации высказывания, а воспроизводятся в речи в фиксированном соотношении семантической структуры и определенного лексико-грамматического состава» [2].

Данная статья посвящена структурно-семантическому анализу английских и русских фразеологизмов с ключевыми компонентами ‘добро’ и ‘зло’. Исследование фразеологических средств, которые связаны с осмыслением добра и зла, актуально с точки зрения выражения в них этических и моральных ценностей, присущих обоим народам. Анализ фразеологического значения, структурно-семантических компонентов и экспрессивно-оценочных коннотаций позволяет выявить их сходство, основанное на универсальности человеческого мышления, что находит свое подтверждение и на языковом уровне.

Добро и *зло* являются главными смысловыми понятиями в национальной культуре народа. *Добро* и *зло* выступают центральными категориями этики и философии: в них выражаются представления о собственно человеческом бытии, через них человек определяется в своем существовании, они служат мерилom положительной и отрицательной картины мира. Именно через призму этих понятий происходит оценка поступков человека, всей его деятельности.

Среди фразеологизмов, связанных с осмыслением добра и зла, можно выделить несколько групп по их значению: 1) зло проявляется в чертах характера и в поведении человека; 2) зло отражается во внешнем облике человека; 3) зло как результат обстоятельств; 4) добро проявляется в добрых поступках человека; 5) добро проявляется в положительных чертах характера человека; 6) добро – это благо, данное богом. Всего выявлено 120 русских и английских фразеологизмов, связанных с осмыслением добра и зла, из которых 15 английских фразеологизмов содержат в своем составе лексему *devil*, но сами они не связаны со злом (группа 7) и 2 фразеологизма, которые содержат лексему *good*, но обладают негативной характеристикой (группа 8).

1. К первой группе можно отнести такие единицы, которые выражают значение ‘зло проявляется в чертах характера и в поведении человека’. Выявлено 45 фразеологизмов.

Cast a bone between – ‘брось кость между’ (здесь и далее перевод наш. – Д. К.) [1], русский эквивалент: ‘сеять вражду’ [1];

wish evil to somebody – ‘желать кому-то зла’ [1], русский эквивалент: ‘желать кому-либо неудачи; недоброжелательно, недружелюбно относиться к кому-либо’ [1];

cut to the bone – ‘вырезать до кости’ [1], русский эквивалент: ‘глубоко уязвить, ранить в самое сердце’ [1];

do somebody a bad turn – ‘сделать плохой поворот’ [1], русский эквивалент: ‘подложить свинью’ [1];

cast dirt at somebody – ‘забросать кого-либо грязью’ [1], русский эквивалент: ‘очернить кого-либо’ [1];

evil life – ‘злая жизнь’ [1], русский эквивалент: ‘распутная жизнь’ [1];

make a beast of oneself – ‘сделать из себя зверя’ [1], русский эквивалент: ‘вести себя безобразно’ [1];

to dig a pit for someone – ‘рыть кому-то яму’ [1], русский эквивалент: ‘стараться навредить кому-то, замышлять что-то’ [1];

give smb. hell – ‘дать кому-либо ад’ [1], русский эквивалент: ‘бранить кого-либо’, ‘стоит всыпать кому-либо по первое число’ [1];

to cast a stone at somebody – ‘бросить в кого-нибудь камень’ [1], русский эквивалент: ‘бросить камень в кого-либо, порочить, обвинять’ [1];

he that spares the bad injures the good – ‘тот, кто щадит плохое, вредит хорошему’ [1], русский эквивалент: ‘тот, кто щадит плохое, губит хорошее’ [1];

cut to the heart – ‘ударить в самое сердце’ [1], русский эквивалент: ‘ранить в самое сердце, задевать чьи-либо чувства’ [1];

burst somebody's boiler – ‘лопнуть чей-то котел’ [1], русский эквивалент: ‘довести кого-либо до беды’ [1];

put somebody in the cart – ‘посадить кого-нибудь в повозку’ [1], русский эквивалент: ‘поставить в тяжелое положение’ [1];

the cloven foot – ‘раздвоенная нога’ [1], русский эквивалент: ‘дьявольский характер, плохой характер’ [1];

come all to pieces – ‘развалиться на части’ [1], русский эквивалент: ‘опуститься, потерять облик человеческий’ [1];

to get out of hand – ‘выйти от рук’ [1], русский эквивалент: ‘от рук отбиться’ [1];

to go out of line – ‘сойти с линии’ [1], русский эквивалент: ‘нарушить привычные нормы поведения’ [1].

Таким образом, можно сделать вывод, что фразеологизмы данной группы имеют схожее значение, похожую внутреннюю форму, схожую лексику, отличаются они только синтаксической структурой и звуковым оформлением.

2. Во вторую группу входят фразеологизмы, которые выражают значение ‘зло как результат обстоятельств’. Выявлено 12 фразеологизмов.

Blood will be spilled – ‘прольется кровь’ [1], русский эквивалент: ‘добром дело не кончится’ [1];

eat the bread of affliction (humiliation, sorrows) – ‘есть хлеб скорби’ [1], русский эквивалент: ‘хлебнуть горя’ [1];

fall on evil days – ‘попадать в злые дни’ [3], русский эквивалент: ‘попасть в полосу неудач, хлебнуть горя’ [3];

the ills that flesh is heir to – ‘беда, что плоть наследует’ [1], русский эквивалент: ‘невзгоды, удары судьбы, неудачи’ [1];

under the harrow – ‘под бороной’ [3], русский эквивалент: ‘в беде, в бедственном положении’ [3].

Русские фразеологизмы второй тематической группы лаконичны, сходство же английских и русских фразеологизмов проявляется в использовании схожих синтаксических структур.

3. Далее рассмотрим английские и русские фразеологизмы, которые выражают значение ‘зло отражается во внешнем облике человека’. Выявлено 16 фразеологизмов.

As cross as a bear – ‘злой как медведь’ [1], русский эквивалент: ‘не на шутку рассерженный’; ‘зол как черт; смотрит зверем’ [1];

black as night (as sin, as thunder, as a thunder cloud) – ‘черный как ночь’ [1], русский эквивалент: ‘мрачнее тучи, туча тучей’ [1];

like the devil looking over Lincoln – ‘как дьявол смотрит на Линкольна’ [1], русский эквивалент: ‘мрачно, злобно смотреть’ [1];

look murder at smb – ‘смотреть как убийца на кого-либо’ [1], русский эквивалент: ‘гневно смотреть на кого-либо’ [1];

ugly as sin – ‘некрасивый как грех’ [1], русский эквивалент: ‘страшен как смертный грех’ [1].

Следует отметить, что в русских фразеологизмах обобщенное образное значение создается за счет использования народной, разговорной лексики. В английском фразеологизме *like the devil looking over Lincoln* употребляется имя собственное. Сходство данных фразеологизмов проявляется в использовании сравнения «as – как».

4. В четвертую группу входят фразеологизмы, которые выражают значение ‘добро проявляется в добрых поступках человека’. Выявлено 14 фразеологизмов.

Bury the hatchet – ‘похоронить топор’ [1], русский эквивалент: ‘заключить мир’ [1];

do good – ‘делать добро’ [1], русский эквивалент: ‘быть полезным кому-либо, оказывать помощь’ [1];

treat something white – ‘угостить чем-либо белым’ [1], русский эквивалент: ‘хорошо обращаться’ [1];

come (go) to the rescue – ‘прийти на помощь’ [1], русский эквивалент: ‘приходить на помощь, помогать’ [4];

sow the good seed – ‘сеять доброе зерно’ [1], русский эквивалент: ‘сеять доброе’ [1];

to do yeoman's service – ‘оказать услугу Йомена’ [1], русский эквивалент: ‘оказать добрую услугу, помощь’ [1].

5. В пятую группу входят фразеологизмы, которые выражают значение ‘добро проявляется в положительных чертах характера человека’. Выявлено 8 фразеологизмов.

As good as pie – ‘хорош, как пирог’ [3], русский эквивалент: ‘очень добрый’ [3];

a big heart – ‘большое сердце’ [1], русский эквивалент: ‘доброе сердце’ [1];

a kind soul – ‘добрая душа’ [1], русский эквивалент: ‘добрая душа’ [1];

one would not hurt a fly – ‘никто и мухи не обидит’ [3], русский эквивалент: ‘он и мухи не обидит’ [3].

Необходимо отметить, что в английских фразеологизмах наблюдается использование сравнения. На примере этих фразеологизмов можно наблюдать некоторую общность менталитета английского и русского народа, а именно: добро проявляется в чертах характера и в поведении человека. Кроме того, как английские, так и русские фразеологизмы с этим значением имеют прозрачную внутреннюю форму и одинаковое синтаксическое построение.

6. В шестую группу входят фразеологизмы, которые выражают значение ‘добро – это благо, данное богом’. Выявлено 8 фразеологизмов.

An angel of mercy – ‘ангел милосердия’ [1], русский эквивалент: ‘ангел милосердия’ [1];

by the grace of God – ‘по милости Божьей’ [1], русский эквивалент: ‘по милости Божьей’ [1];

guardian angel – ‘ангел-хранитель’ [1], русский эквивалент: ‘ангел-хранитель’ [1];

happy hunting ground – ‘счастливые охотничьи угодья’ [1], русский эквивалент: ‘рай’ [1].

Общим источником происхождения данных фразеологизмов является текст Библии, который приводит к образованию полных эквивалентов. В приведенных фразеологизмах наблюдается одинаковый порядок слов.

7. В английском языке существуют фразеологизмы, которые содержат в своем составе лексему *devil*, но сами они не связаны со злом, в них ничего не говорится о плохих поступках.

Attorney-General's Devil – ‘дьявол Генерального прокурора’ [1], значение: ‘младший советник казначейства’;

blue devils – ‘синие дьяволы’ [1], значения: 1) ‘уныние’; 2) ‘белая горячка’;

devil among the tailors – ‘дьявол среди портных’ [3], значения: 1) ‘работа кипит’; 2) ‘переполох’;

devil and all – ‘дьявол и всё’ [1], значения: ‘полностью’, ‘целиком’;

devil's bedposts – ‘спинка кровати дьявола’ [1], значение: ‘четверка пик’;

devil's bones – ‘кости дьявола’ [1], значение: ‘игральные кости’;

devil's books – ‘книги дьявола’ [3], значение: ‘карты’;

devil's dozen – ‘чертова дюжина’ [3], значение: ‘чертова дюжина’;

devil's own luck – ‘дьявольская удача’ [1], значение: ‘необыкновенное счастье’;

like devil – ‘как дьявол’ [1], значение: ‘крайне, чрезмерно’;

the devil's advocate – ‘адвокат дьявола’ [1], значение: ‘придира; завзятый спорщик’;

to attorn to the Devil – ‘сдаться дьяволу’ [1], значение: ‘отдаться (в руки) дьявола’;

between the devil and the deep sea – ‘между дьяволом и глубоким морем’ [1], значения: ‘в безвыходном положении’; ‘между двух огней’;

to hold a candle to the devil – ‘поставить свечку дьяволу’ [3], значение: ‘свернуть с пути истинного’;

cajole the devil – ‘задобрить дьявола’ [1], значение: ‘одурачить самого дьявола’.

8. Особый интерес вызывают фразеологизмы, имеющие противоположную оценочную модальность. Например, были выявлены выражения с негативной характеристикой, содержащие лексему *good*:

good riddance – ‘избавление’ [1], значение: ‘скатертью дорога’;

good for nothing – ‘хорошо для ничего’ [1], значение: ‘никчемный’.

Таким образом, данные выражения противоположны по своему значению семантике слова *good*. Примечательно, что подобных противоречий во фразеологизмах с лексемой *bad* не выявлено. *Bad* – это всегда негативная характеристика, а *good* может выражать как позитивную характеристику, так и негативную в составе фразеологизмов.

Фразеологизмы с ключевыми компонентами ‘добро’ и ‘зло’ наглядно демонстрируют как общее, так и различное в оценке поведения человека, что находит отражение в национальной языковой картине мира.

ЛИТЕРАТУРА

1. Кунин, А. В. Большой англо-русский фразеологический словарь / А. В. Кунин. – М. : Рус. яз., 1984. – 944 с.
2. Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В. Н. Ярцева. – М. : Сов. энцикл., 1990. – 685 с.
3. Лубенская, С. И. Русско-английский фразеологический словарь / С. И. Лубенская. – М. : Яз. рус. культуры, 1997. – 1056 с.
4. Тихонов, А. Н. Фразеологический словарь русского языка / А. Н. Тихонов. – М. : Рус. яз. – Медия, 2007. – 344 с.

The article is devoted to the comparative analysis of English and Russian phraseological units related to the understanding of good and evil. As a result of the structural and semantic analysis, the common features and differences in the structure, semantics and functioning of phraseological units about good and evil in English and Russian are revealed.

Ю. С. Ласуга
Минск, МГЛУ

ЯЗЫКОВЫЕ СРЕДСТВА СОЗДАНИЯ КОМИЧЕСКОГО ЭФФЕКТА В СОВРЕМЕННОМ АНГЛОЯЗЫЧНОМ КИНОДИСКУРСЕ

В статье предпринята попытка рассмотреть практическую сторону такого явления, как кинодискурс, а также выявить, посредством каких языковых средств создается комический эффект, на материале 10 серий ситуационной комедии «Теория большого взрыва». Анализ основывался на использовании таких сатирических приемов, как ирония и сарказм,

а также принципов вежливости Дж. Лича и Г. Грайса. В ходе исследования было выявлено, что сарказм и ирония как фундаментальные жанрообразующие элементы кинокомедии реализуются посредством нарушения максим вежливости П. Грайса и Дж. Лича, что является основополагающим принципом всех ситуационных комедий.

Соотношение понятий *текст* и *дискурс* вызывает множество споров в современной лингвистике, а ведь оно имеет принципиальное значение для трактовки этих понятий, которая, кстати, также далеко не однозначна. Как показывает обзор научной литературы, большинство определений дискурса дается через текст. Однако существуют работы, где термины *текст* и *дискурс* используются как тождественные, взаимозаменяемые. Но, по мнению большинства лингвистов, это неправомерно в силу хотя бы того, что нецелесообразно обозначать одно явление разными терминами. Несмотря на различные трактовки текста, большинство ученых совершенно справедливо охватывают понятием *текст* и письменную, и устную формы реализации речи. Важными для решения вопроса соотношения текста и дискурса является определение существенных определяющих признаков текста, что будет способствовать более осмысленному разведению этих понятий. По замечанию В. Е. Чернявской, на уровне анализа текста «устанавливается коммуникативная функция текста, его коммуникативные центры, выявляется, что сообщается в тексте, кому адресовано сообщение, как актуализируется в текстовой ткани адресат, каковы стратегии тематического развертывания, обеспечивающие связь отдельных высказываний между собой и их тематическую прогрессию, как актуализируются определенные сегменты знания и т.п.» [1]. Анализ дискурса начинается «с проецирования на элементы содержательно-смысловой и композиционно-речевой организации текста психологических, политических, национально-культурных, прагматических и других факторов» Таким образом, в центре внимания дискурсивного анализа – максимально объемная интерпретация текста, достигаемая посредством привлечения в ход интерпретации экстралингвистического контекста, основанная на учете когнитивных процессов порождения и восприятия текста, прагматических параметров, связи с другими текстами.

Анализ научной литературы по исследуемой проблеме позволил заключить, что и текст, и дискурс правомерно считать результатами речевой деятельности. Дискурс понимается нами как максимальная единица текста, предмет дискурсивного анализа. Дискурс, таким образом, будет обладать всеми текстовыми признаками, но рассматриваться они будут под призмой дискурс-анализа, т.е. с учетом механизмов порождения и восприятия текста, коммуникативной ситуации, а также в свете широкого экстралингвистического и интертекстуального контекста. Вместе с таким пониманием не следует отказываться от трактовки дискурса как определенной совокупности текстов, с тем лишь уточнением, что это совокупность текстов дискурсивного уровня, то есть уровня дискурсивного анализа.

Существует несколько подходов к выделению типов дискурса. Так, например, *объектный подход*, который указывает на тему дискурса, иными словами, о чем идет речь, открывает возможность для выделения бесконеч-

ного количества его разновидностей – экономический, экологический, гастрономический и многие другие предметно ориентированные типы общения. *Субъектный подход*, который направлен на определение участника общения, весьма разнообразен. В качестве исходной единицы анализа в таких случаях рассматривается коммуникативная ситуация, в рамках которой обычно выделяются ее участники, системообразующая цель дискурса, ценности, коммуникативные стратегии, жанры и дискурсивные формулы. Субъектный подход к пониманию дискурса дает возможность объяснить специфику осуществления общения с позиций той или иной социальной группы. Так, выделяют богемный, буржуазный, криминальный и другие виды дискурса. *Инструментальный подход*, который направлен на определение способов осуществления коммуникации, позволяет в новом свете рассмотреть те характеристики общения, которые в традиционной системно-структурной лингвистике относились преимущественно к ведению стилистики. Центральным моментом в описании дискурса с этих позиций является тональность общения – его эмоционально-стилевой модус, определяемый культурно и ситуативно заданными установками коммуникантов.

Кинодискурс как отдельный вид дискурса стал объектом лингвистического изучения в конце XIX–начале XX столетия. Кинодискурс является многогранным лингвистическим феноменом, который вызывает неоднозначную реакцию среди лингвистов в этой области. Так, например, некоторые языковеды дают определение данному термину, не отображая при этом его семиотические характеристики: «кинодискурс – кинотекст, а также сам кинофильм, интерпретация фильма кинозрителями и тот смысл, что вложили в него создатели кинофильма, режиссеры и сценаристы» [2]. Другие же рассматривают понятие кинодискурс с точки зрения семиотики. Так, например, С. С. Назмутдинова рассматривает кинодискурс как «семиотически осложненный динамичный процесс взаимодействия автора и кинореципиента, протекающий в межкультурном и межкультурном пространстве с помощью средств киноязыка, обладающего свойствами синтаксичности, вербально-визуальной сцепленности элементов, интертекстуальности, множественности адресанта, контекстуальности значения, иконической точности, синтетичности» [3]. Из всего сказанного следует вывод о том, что специалисты в этой области еще не пришли к единому мнению об определении термина *кинодискурс*, однако стоит отметить, что благодаря огромному влиянию кинематографа на особенности восприятия мира современным человеком и на развитие языка, интерес лингвистов к исследованию кинодискурса возрастает.

С целью рассмотреть практическую сторону кинодискурса нами было проведено исследование по определению языковых средств создания комического эффекта в англоязычном кинодискурсе на материале 10 серий ситуационной комедии «Теория большого взрыва». Мы проанализировали возможные нарушения в общении героев, которые могут привести к неудачному

акту коммуникации и тем самым вызвать комический эффект. Анализ основывался на использовании таких сатирических приемов, как ирония и сарказм, а также принципах вежливости Дж. Лича и Г. Грайса, которые непосредственно связаны со случаями вышеупомянутых приемов. Принцип вежливости Лича принадлежит речевому этикету и представляет собой совокупность ряда максим. Всего Дж. Лич выделяет шесть максим вежливости: *такта, вежливости, одобрения, скромности, согласия и симпатии*. Г. Грайс рассмотрел принцип вежливости с другой стороны и таким образом ввел четыре постулата коммуникации: *количества, качества, релевантности и ясности*. Считается, что соблюдение всех данных максим сделает коммуникацию приятной для всех ее участников.

Однако для создания комического эффекта авторы ситуационной комедии часто нарушают данные максимы. Так, на основании 10 просмотренных серий ситуационной комедии «Теория большого взрыва» можно сделать вывод, что всего было нарушено 46 максим по Дж. Личу и 35 по Г. Грайсу. Например:

– *We'll just bring it up ourselves.*

– *I hardly think so.*

– *Why not?*

– *Well, we don't have a dolly, or lifting belts or any measurable upper-body strength.*

– *We don't need strength – we're physicists. We are the intellectual descendants of Archimedes.*

– *Archimedes would be so proud.*

В данном примере мы можем наблюдать нарушение максимы *такта* по Личу, подразумевающей несоблюдение границ личной сферы, например, частная жизнь, индивидуальные предпочтения, что создает возможные преграды для удачного акта коммуникации. Данное нарушение ярко представлено в приведенном выше примере: Шелдон в своем саркастическом высказывании *Archimedes would be so proud* задевает достоинства Леонарда, тем самым отмечая его неспособность выполнить задачу. Помимо нарушения максимы такты, наблюдается также нарушение максимы *согласия*, иными словами, максимы неоппозиционности, которая предполагает отказ от конфликтной ситуации во имя решения более серьезной задачи – «снятия конфликта» путем взаимной коррекции коммуникативных тактик собеседников.

С точки зрения Г. Грайса, происходит нарушение максимы *ясности*, которая предполагает избегать непонятных выражений, а также двусмысленности в высказывании. Однако Шелдон, прибегая к упоминанию Архимеда в своей фразе, вызывает некую двусмысленность и неясность.

Таким образом, анализ десяти первых серий ситуационной комедии «Теория большого взрыва» позволил сделать вывод, что из 23 юмористических диалогов общее количество диалогов с сарказмом и иронией составило 20.

Что касается нарушений принципов вежливости по Личу, стоит отметить, что чаще всего нарушались максимы *симпатии* ($16/23 = 0.69$), а также *такта* ($10/23 = 0.43$). Довольно частыми были нарушения максим *согласия* ($10/23 = 0.43$), *одобрения* ($8/23 = 0.34$). Нарушение максимы *великодушия* встретилось лишь единожды ($1/23 = 0.04$). Общее количество диалогов с сарказмом и иронией в первых десяти сериях составило 20. Рассмотрев нарушения максим по Грайсу, можно сделать вывод, что самым частым было нарушение максимы *ясности* ($12/23 = 0.52$). Довольно часто были нарушены *максимы релевантности* ($10/23 = 0.43$), *количества* ($7/23 = 0.3$) и *качества* ($5/23 = 0.21$).

Таким образом, можно сделать вывод, что сарказм и ирония – основные жанрообразующие признаки ситуационной комедии, которые являются неотъемлемыми элементами создания комического эффекта. В силу своей направленности ирония близка сарказму, однако крайне важным является определение их различий, которые заключаются в форме и цели донесения информации: в то время как сарказм – это завуалированная форма, цель которой оскорбить, обидеть, причинить боль человеку и указать на превосходство говорящего над слушающими его глупцами, ирония используется, чтобы показать яркий контраст понятий с целью доброго юмора.

ЛИТЕРАТУРА

1. Чернявская, В. Е. Лигвистика текста. Лингвистика дискурса : учеб. пособие / В. Е. Чернявская. – М. : Флинта : Наука, 2013. – 208 с.
2. Казакова, А. И. Особенности формирования фразеологической семантики в дискурсивном пространстве отечественного киноискусства : автореф. дис. ... канд. филол. наук / А. И. Казакова. – Астрахань, 2014. – 22 с.
3. Назмутдинова, С. С. Гармония как переводческая категория (на материале русского, английского, французского кинодискурса) : автореф. дис. ... канд. филол. наук / С. С. Назмутдинова. – Тверь, 2004. – 18 с.

Film discourse being a comprehensive linguistic phenomenon has stirred a number of controversies among today's linguists. Having analyzed the sitcom "The Big Bang Theory" it was pointed out that the cases of sarcasm and irony being basic genre-defining features, as well as violation of Grice's and Leech's maxims of conversations aimed at effective communication are fundamental principle of all sitcoms.

К. В. Павлова
Минск, МГЛУ

КОННОТАТИВНЫЕ СМЫСЛЫ ЛЕКСИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ С КОМПОНЕНТОМ-ОРНИТОНИМОМ

В статье дается подробное определение понятию *орнитоним*, рассматриваются переносные значения и метафоричные смыслы выражений с компонентом-орнитонимом в своем составе. Особое внимание уделяется выявлению характерных особенностей выражений с компонентом-орнитонимом, присущих для каждого языка; определены варианты употребления лексических единиц с компонентом-орнитонимом, различные для национальных языковых картин мира русских и англичан.

Прежде всего, каждый язык является национальным средством общения, а в мышлении каждого народа концептуализируется свой национальный образ мира. Национальная языковая картина мира отображает исторический опыт отдельно взятого народа, реализующийся в самобытности и национально-культурном своеобразии мироощущения этого народа. Данное мироощущение опосредуется в языке, в словесности, в письменном дискурсе, оно отображается в речи людей. Так произошло и с классом орнитонимов. Птицы крепко закрепились в сознании людей, что без особого труда прослеживается в лексическом фонде любого языка мира: *денег куры не клюют; носиться как курица с яйцом; лучшие синица в руках, чем журавль в небе; пугана ворона куста боится; ни пава ни ворона* и др.

Изучая коннотативные смыслы лексических единиц с компонентом орнитонимом, следует начать с самого понятия *орнитоним*. Орнитоним (от греч. *ornis (ornitos)* ‘птица’, *onima* ‘имя, название’) – это номинативная единица, представленная отдельным словом или сочетанием слов, которая служит для выделения, индивидуализации и идентификации именуемой птицы среди других птиц [1, л. 25]. Как и значение любого другого слова, значение орнитонима представляет собой «элемент структуры знаковой ситуации, который обеспечивает ассоциативную связь плана выражения лексической единицы с ее денотатом и ее понятием» [1, л. 13]. В нашем случае под денотатом понимается как отдельная птица, так и их филогенетическая общность, а понятие выступает как представление о денотате в пределах языковой или социальной общности.

Денотат наименований птиц имеет комплексную структуру: он представлен совокупностью грамматических, лексико-грамматических, категориально-лексических, дифференциальных и потенциальных сем, связанных, как правило, отношениями уточнения.

Коннотативный компонент как добавочная информация по отношению к понятию, как часть значения, определенное отношением участников акта общения к предмету речи, представлен в системе орнитонимов достаточно обширно, особенно в формах, служащих для выражения эмотивно-оценочных характеристик наименований. Примечательно, что некоторые птицы в определенном языке используются только с положительной коннотацией, другие – с отрицательной. А уже в другом иностранном языке мы можем наблюдать противоположную ситуацию.

В зависимости от определенных факторов некоторые орнитонимы чаще других употребляются в различных жанрах народного творчества русских и англичан. Логично, что наименования домашних птиц, а также птиц, находящихся рядом с человеком на протяжении своей жизни, стали базой для образования различных фразеологических и паремиологических единиц еще с древних времен. Например, в заговорах, обладавших гипнотическим воздействием на человека, широко использовались образы следующих птиц: *С гуся вода, с лебедя вода, а с тебя, мое дитяtko, худоба* (русский знахарский заговор болезней); *A haggister's flesh renewth thy blood and helpeth thy bewitched soul* ‘сорочья плоть обновляет твою кровь, помогает твоей

околдованной душе' – приговаривали в графстве Кент над головой ведьмы или колдуна [2]. Другим источником мистических образов птиц можно считать поверия. Многие из них сохранились до наших дней: *аист поселился на крыше* – к прибавлению в семействе, *ворон вьется над головой* – к несчастью, *кукушка кукует* – отсчитывает годы жизни. Некоторые народные приметы также основаны на наблюдениях за птицами: *увидел грача – весну встречай; увидел скворца – знай: весна у крыльца; ласточка весну начинает, соловей лето кончает*.

Переносное значение орнитонимов чаще всего представляет собой антропоморфную метафору. Из живых существ только животные и птицы подобно человеку обладают собственными повадками, каждому из них присущ собственный образ жизни и тип поведения, поэтому в поисках подходящей характеристики человека мы часто обращаемся к миру пернатых в частности. Например, в языковой картине русских *воробей* часто ассоциируется с робким, трусливым человеком, *кукушка* – с безответственной матерью, *жаворонок* – с человеком, привыкшим вставать рано, а *сова*, наоборот, – с человеком, привыкшим к ночному образу жизни. В то время как у англичан, например, *гусь* ассоциируется с глупым человеком, *павлин* – с тщеславным, *сова* – с мудрецом, а *ястреб* – с беспощадным человеком.

Названия одних и тех же животных в разных языках подразумевают нередко совершенно противоположные качества, характеризуют людей по различным, иногда даже прямо противоположным признакам. Орнитонимные метафоры представляют собой мини-фрагменты национальных картин мира. Так, например, в национальной языковой картине мира русских *ворона* ассоциируется с дьявольским отродьем, а иногда и вовсе с миром мертвых, в то время как у англичан – с долговечностью бытия.

В ходе работы было выявлено, что преобладающие коннотации в национальной языковой картине мира русских – презрительная, ироническая и ласковая. Отрицательно характеризуют человека следующие орнитонимы: *воробей* (робкий, трусливый человек), *ворона* (разиня, рохля, зевака), *гусь* (человек «себе на уме»), *индюк* (надутый, важный человек), *кукушка* (безответственная мать), *курица* (неповоротливая баба), *петух* (задира, драчун), *попугай* (дурачок), *синица* (хилый, слабый человек), *сорока* (болтушка).

Метафоры переносного значения этих орнитонимов строятся на особенностях внешнего вида птиц (*индюк* – надутый, *курица* – неуклюжая, *павлин* – пестрый) или их повадок (*курица* – опекает птенцов, *петух* – драчливый, *попугай* – воспроизводит звуки) (*носиться как курица с яйцом; мокрая курица, а тоже петушится; ни пава ни ворона*).

Что касается компаративного анализа с английским языком: совпадение символа и образа переносного значения наблюдается в 60 % случаев (130 единиц из 223). Например, переносное значение таких орнитонимов, как *голубь*, *лебедь*, *сова*, *сорока* и др., совпадает в национальных языковых картинах мира русских и англичан. Полученные данные свидетельствуют о связи современных переносных значений названий птиц в английском языке с древней символикой птиц.

Образование лексических значений в языке не только может осуществляться на основе специфических для каждого языка психологических ассоциаций, но и подвержено сильному влиянию религиозной и мифологической символики, что в свою очередь обуславливается верованиями и обычаями этих народов, мифологическими, мистическими и ритуальными образами. С древних времен символизм мышления по отношению к миру природы, свойственный в первую очередь широким слоям населения, нашел свое языковое проявление в фольклоре. Там появились образы-символы, немалую часть среди которых составляли птицы. Орнитонимы, обладающие рядом религиозных и национально-культурных связей, вызывали сложную цепь ассоциаций слушателя, что приводило к осознанию символа, стоящего за образом птицы: *Тогда по русской земле редко пахари покрикивали, но часто вороны граяли, трупы меж собой деля...* (Слово о полку Игореве). В приведенном отрывке лексема *вороны* употреблена в прямом значении, но имеет и символический смысл – ‘смерть’. Такая символика уходит корнями в славянские предания, где *ворон* рассматривался как посланник из мира мертвых [3].

В современный период языкового существования символы реализуются орнитонимами в контекстах с повышенной эмоциональностью: *Никакой поэзии нет. Все давно умерло, – и люди и искусство. А Россия – падала, и стаи воронов на ней, на вороньем пиру* (А. Толстой. Хождение по мукам).

В результате изучения в ходе данной работы 105 русских и английских фразеологических единиц с компонентом-орнитонимом и 118 паремиологических единиц мы пришли к следующим выводам.

Как показывает материал, в устойчивых выражениях чаще всего участвуют названия птиц, имеющие переносные языковые значения, а значит, ранее подвергавшиеся метафоризации в языке. Однако степень фразеологической активности таких слов неодинакова. Выделим орнитонимы, образующие наибольшее количество фразеологических единиц.

В русском языке это следующие названия птиц: *аист, воробей, ворон, ворона, выхухоль, галка, глухарь, голубь, горобец, гусь, дрозд, дятел, жаворонок, журавль, индюк, кукушка, курица, ласточка, лебедь, орел, петух, попугай, птица, селезень, синица, скворец, сова, сокол, соловей, сорока, сорокопут, сыч, тетерев, утка, феникс, филин, цыпленок, чайка.*

Традиционно метафоризируемыми в английском языке являются следующие названия птиц: *albatross* ‘альбатрос’, *bird* ‘птица’, *blackbird* ‘черный дрозд’, *bunting* ‘овсянка’, *buzzard* ‘канюк’, *chicken* ‘курица’, *cock* ‘петух’, *coot* ‘лысуха’, *crow* ‘ворона’, *cuckoo* ‘кукушка’, *dove* ‘голубь’, *duck* ‘утка’, *duckling* ‘утенок’, *eagle* ‘орел’, *falcon* ‘сокол’, *goose* ‘гусь’, *hawk* ‘ястреб’, *hen* ‘курица’, *jackdaw* ‘галка’, *lark* ‘жаворонок’, *magpie* ‘сорока’, *nightingale* ‘соловей’, *ostrich* ‘страус’, *owl* ‘сова’, *parrot* ‘попугай’, *peacock* ‘павлин’, *phoenix* ‘феникс’, *pigeon* ‘голубь’, *raven* ‘ворон’, *robin* ‘малиновка’, *sparrow* ‘воробей’, *swallow* ‘ласточка’, *swan* ‘лебедь’, *turkey* ‘индюк’. Из них чаще встречаются обороты с названиями таких птиц: *ворона, голубь, гусь, курица, лебедь, орел, петух, птица, сова, утка, цыпленок.*

В зону редкого употребления (до 15 случаев) попали орнитонимы *сова, орел, ястреб, лебедь*. В зоне умеренного употребления (от 15 до 50 случаев) – *голубь, курица, цыпленок, ворона, перо, гусь, утка, яйцо*. В зоне частого употребления (от 50 до 70 случаев) – орнитонимы *петух* и *птица*, наиболее часто встречающиеся в составе английских фразеологических единиц. *Птица* – слово, с которым образуется больше всего русских и английских фразеологических и паремиологических единиц. В семантике его переносного значения присутствует обобщающая сема ‘человек’, она же реализуется во фразеологически связанном значении.

Коннотация – неотъемлемая часть фразеологического значения. Фразеологизмы русского языка исключительно богаты эмоциональными оттенками смысла. Среди них встречаются иронические (*от ворон отстал, а к павам не пристал; журавль не каша, еда не наша*), шутливые (*гусь свинье не товарищ; задать дрозда*), презрительные (*мокрая курица, старый сыч*), бранные (*сонная тетеря*) и модальные выражения (*цыплят поосени считают; бей сороку и ворону – доберешься и до белого лебедя*). В связанных оборотах нашла свое выражение душа русского человека, относящегося ко всему, что происходит вокруг, с легким юмором и иронией.

Английские выражения чаще всего носят поучительный характер: *birds of a feather flock together* ‘птицы одной стаи держатся вместе’; *as the old cockcrowsso does the young* ‘как старый петух кукарекает, так и молодой’. Распространенными типами коннотации являются также ироничная (*the older the goose the harder to pluck* ‘чем старше гусь, тем труднее его ощипать’), шутливая (*seekahareinahen’snest* ‘искать зайца в гнезде курицы’) и презрительная (*ahen-pecked husband* ‘муж под пятой жены’).

В составе большинства фразеологических единиц орнитонимы играют ведущую роль в построении образной ситуации. Фразеологические метафоры строятся на реальных сюжетах из жизни птиц (*ворон ворону глаз не выклюет*) или вымышленных ситуациях (*возродиться как феникс из пепла*).

Таким образом, с точки зрения семантики общенациональные орнитонимы представляют собой благодатное поле для исследования. Древняя символика птиц, фольклорно-обрядовый символизм орнитонимов, антропоморфизм их переносного значения – вот семантические универсалии, благодаря которым складываются неповторимые фрагменты национальных языковых картин мира русских и англичан.

На основе полученных в работе данных можно говорить о связи современного переносного значения орнитонима с древней символикой птицы в рамках национальных картин мира как русских, так и англичан. Птицы были использованы в различных обрядах и церемониях, в результате чего сформировались их символические образы. Этот процесс отразился в языке через наделение орнитонимов мистическим смыслом. Впервые названия птиц, содержащие мистико-символическую коннотацию, появились, видимо, в устном народном творчестве. В современный период языкового существования символы реализуются орнитонимами в контекстах с повышенной экспрессией.

Обобщая сказанное, отметим, что соединение факторов внутриязыкового и внеязыкового характера привело к появлению групп орнитонимов с оригинальным номинативным и коннотативным наполнением, отражающим свойственные этим этносам языковые картины мира. Культурно маркированные орнитонимные метафоры «обладают свойством «навязывать» говорящему на данном языке специфический взгляд на мир – взгляд, являющийся результатом того, что метафорные обозначения, «вплетаясь» в концептную систему отражения мира, «окрашивают» ее в соответствии с национально-культурными традициями и самой способностью языка называть невидимый мир тем или иным способом» [4]. Приведенные в данной работе факты свидетельствуют о культурном и языковом сходстве русской и английской наций в области употребления орнитонимов, что обусловлено влиянием общих языческих и христианских приоритетов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Симакова, О. Б. Лексико-семантическая группа «Орнитонимы» (на материале русского и французского языков): дис. ... канд. филол. наук / О. Б. Симакова. – Пенза : ПГПУ им. В. Г. Белинского, 2003. – 293 л.
2. Halliwell-Phillips, J. Q. A Dictionary of Archaic and Provincial Words, Obsolete Phrases, Proverbs and Ancient Customs / J. Q. Halliwell-Phillips. – Lnd., 1855. – 953 p.
3. Гура, А. В. Символика животных в славянской народной традиции / А. В. Гура. – М. : Индрик, 1997. – 912 с.
4. Телия, В. Н. Коннотативный аспект семантики номинативных единиц / В. Н. Телия. – М. : Наука, 1986. – 141 с.

The article presents a detailed definition of the term "ornithonym", studies the figurative and metaphorical meanings of expressions with a component-ornithonym in its composition. Special attention is paid to identifying specific characteristics of expressions with a component-ornithonym common for both languages.

А. Ю. Погорельская
Минск, МГЛУ

ФУНКЦИОНАЛЬНО-СТИЛИСТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ В АНГЛО- И РУССКОЯЗЫЧНОМ МЕДИАДИСКУРСЕ

В статье представлены результаты сравнительного анализа употребления фразеологических единиц в англоязычном и русскоязычном медийном дискурсе. Установлено, что к основным особенностям использования фразеологических единиц в медийном дискурсе можно отнести частотное употребление фразеологических единств ввиду возможности применения большого числа трансформаций и более редкое использование фразеологических сращений и сочетаний, что объясняется практической невозможностью использования трансформаций без ущерба для смыслового содержания фразеологизма.

Исследование особенностей функционирования фразеологизмов в медийном дискурсе вызывает интерес ввиду стандартизированного характера фразеологических единиц, с одной стороны, и ориентированности медийного дискурса на словотворчество, оригинальность и избегание клишированности в подаче материала – другой. В этом контексте представляется актуальным изучить причины, по которым в медийном дискурсе англоязычного и русскоязычного пространства преобладают те или иные типы фразеологических оборотов, а также проанализировать функции фразеологических единиц, которые они выполняют в текстах медийного дискурса. Немаловажным было также рассмотреть усиление определенных функций в связи с употреблением различного рода трансформаций.

Лингвисты предлагают различные решения проблемы соотношения понятий *текст* и *дискурс*. В научной среде текст и дискурс рассматриваются как самостоятельные явления, однако некоторые ученые предлагают не разделять данные понятия, а рассматривать их как родовые категории. Подобная точка зрения на отношения текста и дискурса позволяет понять тот факт, что тексты, которые создаются человеком внутри какого-либо коммуникативно-опосредованного акта, и составляют понятие дискурса. В данной работе мы будем опираться на терминологию дискурса и, вслед за Т. Г. Добросклонской, в качестве рабочего определения выбираем определение медийного дискурса как «функционально-обусловленного типа дискурса, который понимается как совокупность речевых практик и продуктов речевой деятельности в сфере массовой коммуникации во всем богатстве и сложности их взаимодействия» [1].

В массмедиальном дискурсе выделяют следующие цели: описательная, регулирующая, оценочная, прогнозирующая, воздействующая. К дискурсивным признакам текстов массовой коммуникации относят: гипертекстуальность, интертекстуальность, креолизованность. Данный тип дискурса характеризуется употреблением определенных языковых средств: аффиксальное словообразование, словосложение, аббревиация, заимствования, новая, устаревшая и сниженная лексика, фразеологизмы, метафоры, средства прямой и косвенной оценки предметов и явлений действительности, экспрессивные синтаксические конструкции, которые придают ему особую выразительность и высокую информативность.

Одним из языковых средств создания образности и придания массмедийному дискурсу особой экспрессивности являются фразеологизмы. В рамках данного исследования мы используем определение фразеологической единицы В. М. Мокиенко как «относительно устойчивое, воспроизводимое, экспрессивное сочетание лексем, обладающее (как правило) целостным значением» [2, с. 80].

В процессе развития теоретических исследований во фразеологии было создано множество классификаций фразеологических единиц по разным критериям. Одной из первых, до сих пор часто употребляемой и цитированной классификацией является разделение фразеологического состава языка на три типа оборотов по степени семантической слитности ФЕ: фразеологические сращения, фразеологические единства, фразеологические сочетания. Однако единой классификации фразеологических единиц не существует.

В ходе дисследования нами были проанализированы статьи известных британских и американских периодических изданий: the Guardian, the Washington Post, the New York Times, the Daily Telegraph, the Independent и другие. Для анализа мы использовали рубрики Opinion, Voices, Lifestyle и Culture. В целом нами были изучены 52 статьи и выделены 38 фразеологических единиц, что в процентном соотношении составляет 0,73 единицы на каждую изученную статью. Из них 6 фразеологических единиц представляют собой фразеологические сращения, что составляет 16 % от общего числа фразеологизмов; 28 фразеологических единиц, или 74 %, – фразеологические единства и 4 фразеологические единицы, или 10 %, – фразеологические сочетания.

Согласно приведенной нами статистике, наиболее частотными являются фразеологические единства. Одной из причин их частого употребления служит, по нашему мнению, способность составляющих их частей отделяться друг от друга вставками других слов. Фразеологические единства не представляют собой совершенно застывшую массу – авторы могут изменять составляющие фразеологического оборота с целью достижения определенного эффекта. Например, при анализе статей мы столкнулись с такими фразеологическими оборотами, как *two bites of cherry: He could have avoided much costly admin by copying the Welsh scheme in the first place – but then he wouldn't have had **two bites of the cherry*** ‘Он мог бы избежать дорогостоящего администрирования, скопировав сперва Уэльскую систему – но тогда бы он не смог убить **двух зайцев одним ружьем**’. В данном случае автор изменяет число существительного с единственного на множественное: вместо *a second bite of cherry* использует *two bites of cherry*. Фразеологизм *a second bite of cherry* употребляется в значении второго шанса, второй попытки, которая предоставляется после того, как первая попытка провалилась. Соответственно, замена фразеологического оборота на *two bites of cherry* представляет собой креативный способ привлечь внимание читателя, в то же время изменение структуры фразеологизма не мешает читателю понять значение фразеологического оборота и вспомнить оригинальную структуру.

К другим видоизменениям структуры фразеологического оборота, с которыми мы столкнулись, относятся расширение структуры фразеологической единицы: *After a three-month **battle of wills** between the commission and Downing Street, Townsley has at least withdrawn his name from the list of nominations, blaming “media abuse”* ‘После трехмесячной **войны интересов** между комиссией и Даунинг Стрит Таунсли, по крайней мере, вычеркнул свое имя из списка номинаций, возлагая всю вину на злоупотребления СМИ’. В данном случае мы наблюдаем расширение структуры за счет прилагательного *three-month* и определения *between the commission and Downing Street*, следующего за фразеологическим оборотом. Расширение структуры позволяет предоставить больший объем информации, чем простая базовая структура фразеологизма. Оригинальная структура остается нетронутой, в то же время за счет

употребления определений фразеологический оборот становится будто неотъемлемой частью текста; или, напротив, ее сужение: *No wonder the Department of Health gives itself a clean bill when it comes to its handling of the contaminated blood scandal which condemned thousands of haemophiliacs to death and prolonged illness from HIV and hepatitis C* 'Неудивительно, что министерство здравоохранения **говорит о своей непричастности** к скандалу о зараженной крови, из-за которой умерли тысячи больных гемофилией, выросло число заболевших ВИЧ и гепатитом С' (вместо *a clean bill of health*) – в данном случае мы наблюдаем опущение предложной группы *of health*, что никак не влияет на понимание смысла фразеологического оборота *to give a clean bill of health* (гарантия качества, доказательство отсутствия неисправностей, правильной, хорошей работы чего-либо). Автор «полагается» на осведомленность читателя: зачастую одной части фразеологического оборота достаточно для воспроизведения всей его структуры. Часто такой прием используется в заголовках, что привлекает внимание читателя и заставляет его прочитать всю статью. Авторы публикаций, созданных для читателя интеллектуального, подготовленного к общению на сложные, политические темы, рассчитывают на языковую компетенцию адресатов речи; замещение глагола в структуре фразеологической единицы: *So profitable has the business become, and such are the prospects as NHS hospitals lay off staff and cut back operations, the private equity industry – never slow to spot a fast buck – is stepping in* 'Бизнес стал приносить большой доход, перспективы также благоприятные по причине того, что больницы Национальной службы здравоохранения увольняют персонал и сокращают количество операций, в то время как индустрия прямых инвестиций, никогда не преминувшая **заработать легкие деньги**, входит в игру' (вместо *to make a fast buck*). Замещение глагола в данном фразеологическом обороте придает ему новый оттенок значения. Структура фразеологического оборота видоизменена, тем не менее не составляет труда определить оригинальную структуру фразеологизма, что важно для понимания роли замещения глагола в данном фразеологическом обороте; комбинация двух частично идентичных фразеологических единиц: *It's a miracle. I am over the hill... I mean the moon* 'Это чудо. Я на седьмом небе от **молодости**. То есть, я имею в виду, от **счастья**'.

Фразеологические единицы в публицистике выполняют разнообразные функции, связанные, в первую очередь, с функциями самой публицистики. Они воздействуют на читателя, оказывают влияние на эмоциональную сферу психики и поведение получателя информации, стимулируют прочтение материала, включают прогнозирующие механизмы, выполняют различные прагматические функции: юмористическую/ироническую: *It's a miracle. I am over the hill ... I mean the moon*. В данном случае юмористический эффект достигается благодаря комбинации двух идентичных по форме, но разных по значению, фразеологизмов: фразеологизм *over the hill* имеет значение 'оставить лучшие годы позади; быть пожилым', фразеологический оборот

over the moon употребляется в значении ‘быть на седьмом небе от счастья’. Автор приравнивает один фразеологизм к другому, не равному ему по значению, благодаря этому и удастся достичь юмористического эффекта. ***From broomsticks to bling: Emma Watson sparkles in Cannes*** ‘От метлы до мишуры: Эмма Уотсон блистает в Каннах’. Юмористического эффекта в этом случае удастся достичь благодаря тому, что фразеологизм *from broomstick to bling* относится и к героине фильма, и к актрисе как таковой одновременно: словом *broomstick* идет отсылка к роли в кино, словом *bling* – к жизни актрисы; характеризующую/оценочную: *On the other hand events in Serbia are providing many side-splitting laughs in the smoke-filled coffee shops of Pristina* ‘С другой стороны, события в Сербии дают повод громовому смеху в закопченных кофейнях Приштины’. Характеризующая функция может проявлять себя как описательная, предоставляющая характеристику предмету или явлению: *side-splitting laughs*; в то же время она может выступать в роли оценочной функции, дающей положительную или отрицательную оценку событию или факту: *They love this guy because he's a straight arrow, he's level-headed, and he's going to do the right thing for our country* ‘Им нравится этот парень, потому что он неподкупный, рассудительный, и он принесет благо нашей стране’. В данном случае благодаря использованию фразеологизма *straight arrow* дается положительная оценка личности, указанной в статье.

Однако наибольший прагматический эффект достигается в случае окказиональных трансформаций. Все приемы нестандартного употребления фразеологических оборотов применяются для придания им большей выразительности; являются креативным способом привлечь внимание зрителя. Это достигается благодаря тому, что структура фразеологизма видоизменяется, что придает фразеологическому обороту новые оттенки значения, или акцентирует внимание читателя, служит побуждением прочитать статью до конца (*but then he wouldn't have had two bites of the cherry; the private equity industry – never slow to spot a fast buck – is stepping in*). Окказиональное изменение их формы и содержания всегда мотивировано коммуникативно-прагматическими факторами: желанием привлечь внимание читателя к определенной проблеме, дать положительную или отрицательную оценку событию или факту, высмеять поступок или происшествие; что объясняет феномен вариативности фразеологических единиц и в заголовках публицистических текстов, и в самих текстах: использование различного рода трансформаций, окказиональных видоизменений формы и содержания, а также является отличительной чертой современного публицистического стиля. Наиболее часто окказиональные фразеологизмы функционируют в жанрах эссе, статьи, политического ток-шоу, обозрения. В коммуникативных ситуациях, где реализуются произведения вышеперечисленных жанров, ярко проявляются «образы авторов», начиная от их позиций, взглядов на какую-либо проблему, комментирования различных вопросов и заканчивая выражением индивидуальности через язык.

Таким образом, частотность употребления фразеологических единств можно объяснить легкостью видоизменения их морфологической и синтаксической структур, что позволяет создавать новые оттенки значений и служит средством создания яркой образности.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Добросклонская, Т. Г.* Массмедийный дискурс как объект научного описания / Т. Г. Добросклонская // Научные ведомости БелГУ. Сер. : Гуманит. науки. – 2014. – № 13 (184). – Вып. 22. – С. 187.
2. *Мокиенко, В. М.* Загадки русской фразеологии / В. М. Мокиенко. – СПб., 2005. – 256 с.

The article presents the results of the comparative analysis aimed to elucidate the specificity of use of phraseological unit in English and Russian media discourse. The author endeavors to explain the reasons for transformation of phraseological units in modern media discourse.

ОТНОШЕНИЯ ЯЗЫКОВЫХ ЗНАКОВ В ВЫСКАЗЫВАНИИ И ДИСКУРСЕ

О. А. Артемова, Се Цзисин

Минск, МГЛУ

ЛИЧНЫЙ ДЕЙКСИС В КИТАЙСКОМ И РУССКОМ ЯЗЫКАХ: СРАВНИТЕЛЬНО-СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЙ АСПЕКТ

В статье представляются общие и различные семантико-прагматические характеристики личного дейксиса и формы проявления его национальной специфики в китайском и русском языках.

Проблемы национальной специфики речевого общения в последнее время привлекают внимание лингвистов, психологов, философов и антропологов, этнографов и специалистов по теории и методике обучения иностранному языку. Увеличение интенсивности межкультурных и межъязыковых контактов в конце прошлого столетия привело к необходимости комплексного осмысления проблем коммуникации людей, принадлежащих к различным культурам и говорящих на разных языках.

Одним из базовых компонентов любого коммуникативного поведения является дейксис – «указание как значение или функция языковой единицы для актуализации компонентов ситуации речи и денотативного содержания высказывания» [4, с. 128]. Универсальность и обязательное присутствие дейксиса в коммуникации относят его анализ к приоритетным задачам современных лингвистических исследований.

Среди трех основных типов указания – персонального (личного), пространственного и темпорального, особое значение придается именно личному дейксису как обязательной категории дискурса, которая связывает воедино языковые единицы с внеязыковой действительностью через указание на структуру его персональной организации, обеспечивая тем самым его семантическую и лингвопрагматическую целостность.

Несмотря на давние традиции исследования личного дейксиса и интенсивность его современных разработок за рубежом, в китайском языкознании изучение этой категории ведется в основном в рамках теории вежливости [14; 15; 16; 17; 18] и прагматической эмпатии [19], что обуславливает актуальность данного исследования.

Личный дейксис базируется на грамматической категории лица, которая обозначает отношение субъекта действия, процесса, качества или объекта к говорящему [6]. Традиционно указание на лицо соотносится с системой личных местоимений. Эта система отражает универсальную классификацию объектов действительности по их отношению к говорящему, выраженному 1-м лицом (говорящий). 2-е лицо указывает на того, к кому обращена речь говорящего (адресат / собеседник). 3-е лицо указывает на лицо или предмет,

которые не являются ни говорящим, ни адресатом, но присутствуют в речевой ситуации и воспринимают ее слухом или зрением или выступают предметом речи [1, с. 18].

Нерешенным остается вопрос об отнесении этих единиц к лексической или грамматической системе языка. Это обусловлено двойственностью их семантики – наличием собственного внеконтекстного, постоянного значения и ситуативного, дейктического значения. Одни исследователи считают, что личные местоимения – это грамматические элементы, полностью автономные грамматикализованные корни, которые не содержат никаких лексических сем [5, с. 265; 9, с. 255]. Их «функция заключается в представлении говорящего или слушающего как индивида, взятого в его единственности» [10, с. 32]. Другие исследователи относят личные местоимения к особому классу слов на границе лексики и грамматики [10; 11]. Согласно третьей точке зрения, которую разделяем и мы, местоимения – особый класс «указательных слов» [11; 13], находящихся «на пересечении кода и сообщения» [12, с. 98] и обладающих индексальной референцией, денотат которых постоянно меняется в зависимости от субъекта говорения, обстановки и ситуации речи. Благодаря данной особенности эти единицы получают способность быть в речи «субститутами» [3, с. 150], «индексами» [8, с. 59], «индикаторами» [15], «шифтерами» [12, с. 98].

Лексическое значение личных местоимений формируется грамматической категорией лица, обозначающей отношение субъекта действия, процесса, качества или объекта к говорящему. Отношения между 1-м, 2-м и 3-м лицами неоднородны и получают различную трактовку. Так, по мнению Э. Бенвениста, распределение личных местоимений по лицам коммуникативно обусловлено: 1-е и 2-е лица возникают только в «реальности речи» [2, с. 286]. 3-е лицо представляет собой неограниченное количество субъектов.

С точки зрения А. В. Кравченко, в основе разграничения 1-го, 2-го и 3-го лица лежит перцептивный фактор, определяющий степень интеграции объектов указания в пространственный предел субъекта речи: *ты* – ‘включенный в речевую ситуацию объект действительности, находящийся в слуховом поле восприятия говорящего’, *он / она / оно* – ‘включенный в речевую ситуацию объект действительности, находящийся в зрительном поле восприятия говорящего’ [7, с. 109], и *я* как центр личного пространства говорящего в противопоставление остальному миру. На наш взгляд, прагматический и перцептивный факторы взаимодополняют друг друга: границы аудиовизуального поля говорящего, безусловно, оказывают влияние на структурирование им речевой ситуации и употребление личных местоимений.

Сопоставительный анализ китайских и русских средств выражения личного дейксиса показал обусловленность способов актуализации данного типа указания морфологическим типом языка. Преимущественная флективность русского языка предопределяет выражение личного дейксиса, наряду с личными местоимениями (1-е лицо *я, мы*, 2-е лицо *ты, вы, Вы*, 3-е лицо *он, она, оно, они*), окончаниями личных форм глагола (1-е лицо: *я читаю*, 2-е лицо: *ты читаешь*, 3-е лицо: *он читает*). Изолирующий тип китайского

языка с отсутствием словоизменения, грамматической значимостью порядка слов и слабым противопоставлением знаменательных и служебных слов обуславливает выражение личного дейксиса преимущественно личными местоимениями: 1-е лицо (我 ‘я’, 我们 ‘мы без тебя’, 咱们 ‘мы с тобой’), 2-е лицо (你 ‘ты’, 您 ‘Вы’, 你们 ‘вы’), 3-е лицо (他 ‘он’, 她 ‘она’, 它 ‘оно’, 他们 ‘они м.р.’, 她们 ‘они ж.р.’, 它们 ‘они с.р.’).

Прагматически в китайском и русском языках личные местоимения – яркий этикетный знак для установления контакта и регулирования социальных взаимоотношений. Предлагаемое говорящим адресату распределение ролей и тип общения – 1-е лицо – сам говорящий, 2-е лицо – собеседник, 3-е лицо – лица, не участвующие в коммуникации – позволяет соотносить дискурс с реальным адресатом речи – адресативность, устанавливая соотношение между своей точкой зрения и чужой – интерсубъективность, включать собеседника в свое личное пространство (инклюзивность) или исключать его (эксклюзивность) и обязательно маркировать социальный статус адресата в зависимости от межличностных отношений и степени формальности коммуникации (你 ‘ты’ и 您 ‘Вы’).

Для китайского личного дейксиса характерно выражение категории инклюзивности семантикой местоимения мн. ч. 1-го лица 咱们 ‘мы (с тобой)’ и наличие специальных форм местоимений 3-го лица мн. ч., которые различаются по родам: 他们 ‘они м. р.’, 她们 ‘они ж. р.’ и 它们 ‘они с. р.’. Русскому личному дейксису свойственно выражение категории инклюзивности конструкцией с поглощенным референтом *мы с тобой* и экстраспекция – описание ситуации с позиций нескольких участников одновременно (*Вот он я*).

Национальная специфика систем личного дейксиса двух языков эксплицируется его лингвокультурной и социокультурной самобытностью. Лингвокультурная самобытность личного дейксиса в китайском языке манифестируется большей степенью проявления коллективного начала – семантической общности индивидуума и социума по сравнению с русским языком, о чем свидетельствует наличие специальной формы 1-го лица мн. ч. 咱们 ‘мы (с тобой)’. Социокультурная специфика личного дейксиса в китайском языке определяется:

а) прагматической эмпатией – значительной степенью близости собеседников и постановкой себя на место другого индивидуума (замена 我 ‘я’ на 我 ‘мы’);

б) соблюдением четких социальных и рангово-иерархических различий, выработанных в ходе тысячелетней истории и относящихся к традиционным ценностям китайской культуры, предписывающих говорящему возвеличивать роль и статус собеседника, приуменьшая свою роль и занижая свой статус. Об этом свидетельствует употребление местоимения 您 ‘Вы’ вместо «докторского мы» в русском языке в ситуации общения пациента и врача: 你感觉怎么样? ‘Как **вы** себя чувствуете?’.

Таким образом, установленные сходства в семантике и прагматике китайского и русского личного дейксиса предопределяются единством биологической и психической организации человека и универсальными механизмами познания действительности. Различия систем личного дейксиса в сопоставляемых языках обусловлены структурной разнотипностью сопоставляемых языков (флективный русский язык и изолирующий китайский язык), гетерогенными культурно-историческими условиями развития данных лингвосообществ и конвенциональными нормами вербального взаимодействия их представителей.

ЛИТЕРАТУРА

1. Арутюнова, Н. Д. Типы языковых значений: Оценка. Событие. Факт / Н. Д. Арутюнова. – М. : Наука, 1988. – 341 с.
2. Бенвенист, Э. Общая лингвистика / Э. Бенвенист. – М. : Прогресс, 1998. – 447 с.
3. Блумфилд, Л. Язык / Л. Блумфилд. – М. : Прогресс, 1968. – 607 с.
4. Виноградов, В. А. Дейксис / В. А. Виноградов // Лингвистический энциклопедический словарь. – М. : Сов. энцикл., 1990. – С. 128.
5. Виноградов, В. В. Русский язык: грамматическое учение о слове / В. В. Виноградов ; под ред. Г. А. Золотовой. – М. : Рус. яз., 2001. – 720 с.
6. Володин, А. П. Лицо / А. П. Володин // Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В. Н. Ярцева. – 2-е изд., доп. – М. : Большая рос. энцикл., 2002. – С. 271–272.
7. Кравченко, А. В. Вопросы теории указательности: Эгоцентричность. Дейкитичность. Индексальность / А. В. Кравченко. – Иркутск : Изд-во Иркут. ун-та, 1992. – 210 с.,
8. Пирс, Ч. С. Логические основания теории знаков / Ч. С. Пирс. – СПб. : Алетейя, 2000. – 672 с.
9. Плуныян, В. А. Общая морфология. Введение в проблематику / В. А. Плуныян. – М. : Едиториал УРСС, 2003. – 384 с.,
10. Селивёрстова, О. Н. Местоимения в языке и речи / О. Н. Селивёрстова. – М. : Наука, 1988. – 151 с.
11. Химик, В. В. Категория субъективности и ее выражение в русском языке / В. В. Химик. – Л. : Изд-во Ленингр. ун-та, 1990. – 184 с.
12. Якобсон, Р. О. Шифтеры, глагольные категории и русский глагол / Р. О. Якобсон // Принципы типологического анализа языков различного строя. – М., 1972. – С. 95–113.
13. Brugman, K. Die Demonstrativ pronomina der indogermanischen Verben / K. Brugman. – Leipzig : Gruyter, 1904. – 144 p.
14. Cheung, C. Politeness Strategies of Chinese and American speakers / C. Cheung // LCOM Papers. – 2009. – № 1. – P. 1–8.
15. Collinson, W. E. Indication. A Study of Demonstratives, Articles, and Other «Indicators» / W. E. Collinson // Linguistic Society of America. – 1937. – № 17. – 128 p.

16. *Gu, Y.* Politeness Principle in Human Communication / Y. Gu // *Studies in Sociology of Science*. – 2013. – № 4(3). – P. 54–57.
17. *Hu, H.* The Chinese concepts of face / H. Hu // *American Antropologist*. – 1944. – № 46 (1). – P. 45–64.
18. *Ran, Y.* The Pragmatic Stance of Person Deixis, its Empathic and De-empathic Functions in Interpersonal [Electronic resource] / Y. Ran. – Mode of access : <http://www.fltr.ac.cn/EN/abstract/abstract8562.shtml>. – Date of access : 13.04.2020.
19. *Ziran, He.* Pragmatic Empathy in Verbal Communication. *Foreign Language Teaching and Research*. – 1991. – № 4. – P. 1–15.

The article presents common and different semantic and pragmatic characteristics of personal deixis and the forms of manifestation of its national specificity in the Chinese and Russian languages.

А. А. Куц
Минск, МГЛУ

ФУНКЦИОНАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ СЛОВА *VICTORY* В ТЕКСТАХ ГАЗЕТНО-ПУБЛИЦИСТИЧЕСКОГО СТИЛЯ

В статье обосновывается положение, согласно которому сочетание слов определено их лексическим фоном. Лексический фон – это элемент семантики слова, который отвечает за накопление и хранение духовных ценностей национальной культуры народа. Приводятся фрагменты лексического фона слова *victory* на основании анализа семантических долей, которые, в свою очередь, выявляются согласно анализу функциональных особенностей слова *victory* в текстах газетно-публицистического стиля. Исследование выполнено на материале 118 словоупотреблений существительного *victory*, извлеченных из 100 контекстов газетно-публицистического стиля. Источниками послужили тексты интернет-изданий “The Guardian” и “The Daily Telegraph”.

«Язык является семиотической системой с двукратным означиванием единиц – в системе и в речи» [1, с. 39], это означает, что слово в системе и речи, шире тексте, отличается по объему и содержанию семного состава. Более того, содержание не тождественно самому себе в различных ситуациях употребления слова. Лексическое значение какого-либо слова в системе, то есть языке, предстает в качестве «квазиобъекта»: оно обобщенное, идеализированное. Значение слова отражает общие и существенные признаки предмета, познанные в общественной практике людей [2, с. 20]. Собственно такое значение представлено в словарных дефинициях. Многие семы слова, отсутствующие в словарных дефинициях, регулярно проявляются только в определенных контекстах употребления слова [3, с. 67]. Таким образом в тексте конкретизируется семантика слова, происходит его овеществление. В тексте возникает существенное приращение смысла и такие качества, которых не было в структуре [4, с. 22]. Согласно Е. М. Верещагину и В. Г. Костомарову,

семема (план содержания слова) членима и состоит из понятийных и непонятийных семантических долей (СД). Те СД, которые обеспечивают классификацию предмета, называются понятийными, а совокупность непонятийных СД именуется *лексическим фоном*. Такие непонятийные семы «входят в значение, но не участвуют в опосредованной языком классифицирующей деятельности человека» [5, с. 73]. Лексический фон – это «тот элемент семантики слова, благодаря которому, язык выступает в качестве одного из хранителей духовных ценностей национальной культуры» [6, с. 2]. «Фон слова не бывает предметом лексикографического отражения» [6, с. 204]. Выявление понятийных и непонятийных СД, относящихся к плану содержания слова, осуществляется через анализ функционирования слова в речи. Сопоставление знака в языке и речи по их семному составу показывает, что их различает и что их объединяет. Таким образом, непонятийные СД могут быть выявлены двумя способами: внутриязыковым – путем сопоставления значения в языке со значениями, актуализированными в тексте, и межъязыковым – путем сопоставления значений слова одного языка со словом другого языка на уровне языка и текста.

Ключевым положением данной статьи является следующее: «сочетание слов в осмысленной фразе обусловлено их лексическим фоном» [6, с. 50]. Поэтому основной целью данной работы выступает выявление лексического фона слова *victory*, функционирующего в газетно-публицистических текстах, на основании анализа вторичных значений. Разнообразная актуализация любого слова может быть реализована в текстах газетно-публицистического стиля. «Подтверждающие ссылки на газеты и журналы имеют ту же доказательную силу, что и ссылки на другие авторитетные тексты» [5, с. 433]. Газетные тексты в силу своей ежедневной актуальности способны оперативно фиксировать в языке все значимые события и явления, а также отношение нации к ним. Исследование выполнено на материале 100 контекстов газетно-публицистического стиля, в которых было выявлено 118 словоупотреблений существительного *victory*. Источниками послужили тексты интернет-изданий “The Guardian” [7] и “The Daily Telegraph” [8].

Установление лексического фона слова *victory* проводилось на основании сопоставительного анализа лексико-семантических вариантов (ЛСВ) слова, представленных в Оксфордском словаре английского языка 1961 года [9], а также его современной электронной онлайн-версии [10]. Так, в Оксфордском словаре английского языка 1961 года ЛСВ представлены следующим образом: 1. *The position or state of having overcome an enemy or adversary in combat, battle, war; supremacy or superiority achieved as the result of an armed conflict* ‘Положение или состояние в результате преодоления врага или противника в бою, битве, войне; превосходство или господство, достигнутые в результате вооруженного конфликта’ (тут и далее перевод наш. – К. А.). 2. *An instance or occasion of overcoming an adversary in battle, etc.; a triumph gained by force of arms* ‘случай одоления противника в бою и т.д.; триумф, достигнутый силой оружия’. 3. *Supremacy or superiority, triumph or ultimate success, in any contest, struggle or enterprise* ‘превосходство или перевес, триумф или оконча-

тельный успех в любом соревновании, борьбе или предприятии'. 4. *The Roman goddess representing or typifying victory; a figure or statue of this* 'римская богиня, представляющая или символизирующая победу; ее фигура или статуя, символизирующая победу' [6, с. 187–188]. Сопоставив данные ЛСВ слова *victory* с ЛСВ современной электронной версией этого издания [10], мы выявили существенные отличия, например, в отличие от четырех перечисленных значений печатного словаря в современной версии издания представлены всего два значения: *'an act of defeating an enemy or opponent in a battle, game, or other competition'* 'преодоление врага или противника в битве, игре или другом соревновании'[10], а во втором значении слово *victory* является именем собственным: *'the flagship of Lord Nelson at the Battle of Trafalgar, launched in 1765. It has been restored, and is now on display in dry dock at Portsmouth'* 'корабль-флагман лорда Нельсона, спущенный на воду 1765 году и принимавший участие в Трафальгарском сражении. Восстановлен и теперь демонстрируется в старом доке в Портсмуте'[10]. Таким образом, мы видим, что в старой версии печатного издания два значения имеют семы связывающие победу с военными действиями, соответственно, эта тема являлась более важной в языковой картине мира носителей британского варианта языка того времени, сейчас же три первых значения интегрированы в одно.

В результате анализа ста контекстов было зафиксировано неотмеченное в словарных дефинициях значение слова *victory* – 'марка мотоциклов, производимых компанией Victory Motorcycles': *The Victory brand is still not familiar to all motorcyclists but it's gaining a reputation for high quality and reliability, topping JD Power ownership satisfaction surveys in the US, where the bikes are made* 'Бренд Victory все еще не знаком всем мотоциклистам, но он завоевывает репутацию высокого качества и надежности, возглавляя опросы удовлетворенности владельцев JD Power в США, где производятся мотоциклы' [8]. В следующем контексте слово *victory* употребляется в значении 'компания по производству мотоциклов': *Before its unveiling the Octane was hyped as the first of a new breed of high-performance machine from Victory, which has been repositioned as the brand of "American muscle"* 'До своей презентации модель мотоцикла "Octane" позиционировалась в качестве новой линейки самых высокопроизводительных мотоциклов от компании "Victory", которая в дальнейшем была переименована в бренд "American muscle"[8]. Ни в одном из ста контекстов не было выявлено употребления слова *victory* ни в значении 'римской богини', ни в значении 'корабля-флагмана лорда Нельсона'.

Процесс вербализации мысли, опосредованный лексическим фоном, выглядит следующим образом: в сознании, помимо актуализации самого слова, актуализируется и соответствующая СД фона этого слова. Так, если для высказывания о победе потребовалась СД 'наименование лиц, достигших победы', человек ищет способы ее вербализации, иначе, варианты словесного облачения данной СД [6, с.101–102] : *winner, champion, player, performer, rider, team, GM, rival*. Также возможно выделить фон 'лицо, стремящееся к победе': *candidate, nominee, favourite*. Субъект в словарных дефинициях слова *victory* имплицитен, но в тексте он становится эксплицитным, так как

победа есть результат именно человеческих усилий. На этом основании оправдано выделение фрагмента лексического фона 'наименования участников победы'.

Следующие примеры дали основание заключить, что лексический фон слова *victory* позволяет определить границы осмысленной коммуникации и ее языковую форму. Если говорящих интересует 'формат проведения мероприятий, которые организуются для реализации явления победы', то во фразах актуализируется одна из многих фоновых СД – *victory in an auction, election victories, victory in the race, victory in the World Cup, victory in the World Trials, victory in UK Championships, victory in the Pacific Life Open, victory in the Commonwealth Games, victory in the Tour de France* и так далее.

Такой фрагмент лексического фона, как 'выражение отношения говорящего к победе', актуализируется семантическими долями в ЛСВ определений к слову *victory*, выраженных именами прилагательными. В зависимости от характера взаимодействия дескриптивных и оценочных элементов в семантике прилагательных, было выявлено три типа групп прилагательных. К первой группе относятся слова с «четко ориентированной дескриптивной семантикой»: *famous victory* 'всеобщезвестная победа' (тут и далее перевод наш. – К. А.), *6–5 victory* 'победа со счетом 6–5', *World Cup final victory* 'победа в финальном этапе Кубка мира', *long-overdue victory* 'победа, которую окружающие слишком долго ждали', *unlikely victory* 'победа, вероятность достижения которой была низка', *memorable victory* 'победа, которая остается долго в памяти народа'. В единицах второго типа «дескрипция и оценка представлены дискретно»: *one of the great victories* 'одна из величайших побед', *landslide victory* 'блестящая победа на выборах с огромным перевесом голосов'. В третьей группе «в семантической структуре прилагательных нельзя отделить дескриптивное значение от оценочного»: *most emotional victory* 'вызывающая сильные эмоции победа', *thrilling victory* 'захватывающая победа', *a thoroughly professional victory* 'в высшей степени профессиональная победа'. Преимущественно все СД содержат положительно оценивающий победу признак, отрицательные признаки представлены в меньшей степени: *tortuous victory* 'победа, к которой пришли извилистым путем', *costly victory* 'победа, доставшаяся дорогой ценой' [4, с. 107–108].

Результат победы оценивается отрицательно либо не получает одобрения, если победа была достигнута нечестным путем: *However, his victory was marred by complaints from the world's top tennis players that the Scotsman had been given preferential treatment* 'Однако его победа была омрачена жалобами ведущих теннисистов мира на то, что шотландцу подсуживали' [8].

В качестве 'наград за победу' выступают наименования материальных вещей, титулов, всеобщее одобрение: *grand prix, to win the £1000 first prize, to be awarded the title, win the seat, become the biggest party in history, to host the 2014 Commonwealth Game almost, to be headlined by every newspaper, to etch ones name into the record book, to be awarded the Military Cross*.

Фрагмент лексического фона 'физические и моральные усилия' представлен следующими СД: *dug out victory*, в данном фразовом глаголе глагол *to dig* имеет свое основное прямое значение 'копать', т.е. 'прилагать физи-

ческие усилия для разрыхления земли’, таким образом вся фраза переводится как ‘победа, доставшаяся ценой больших усилий’, *costly victory* ‘победа, доставшаяся дорогой ценой’, *to chase down victory* ‘неустанно стремиться достигнуть победы’, *full-blooded victories* ‘яркие победы/победы, ради которых было затрачено много усилий’, *as he recovered from his five set victory* ‘когда он восстановил силы после победы в пяти сетах’, *mental strength that underpinned victories* ‘моральная стойкость, лежавшая в основе побед’, *victory over Australia the previous week was no flash in the pan* ‘победа над Австралией не была случайностью’, *a thoroughly professional victory* ‘победа, доставшаяся благодаря владению тщательно отработанными профессиональными навыками’. В контекстах было выявлено, что к слову *victory* приложимы атрибуты *landslide* ‘победа, достигнутая подавляющим большинством голосов за одну партию или кандидата на выборах’ и *narrow* ‘обозначает или относится к победе, которая достигнута только с очень небольшим отрывом’. Примечательно то, что в русском языке нет эквивалентов данным фразам.

Во фрагменте лексического фона ‘эмоциональное состояние человека’ были выявлены следующие СД: *it feels pretty good, emotions have run the highest, mixed reaction to Brown's victory, unexpected victory, a hugely disappointing victory, it all feels a bit unrealistic, It is a bit overwhelming, to be truly humbled*.

Таким образом, в словаре значение слова представлено кратким определением, достаточным для понимания самого слова и его употребления. Из этого следует, что от словаря нельзя требовать сведений для всестороннего знакомства с самим называемым предметом, иными словами, фон слова не является предметом лексикографического отражения. Однако семантика слова лексическим понятием не исчерпывается, для этого необходимо обращаться к контексту, так как сочетание слов в осмысленной фразе определяется их лексическим фоном. На основании 118 словоупотреблений слова *victory* в 100 контекстах газетно-публицистического стиля были установлены следующие фрагменты лексического фона, представленные следующими СД: ‘марка мотоциклов’, ‘компания по производству мотоциклов’, ‘наименование лиц, достигших победы’, ‘лицо, стремящееся к победе’, ‘формат проведения мероприятий, которые организуются для реализации явления победы’, ‘выражение отношения говорящего к победе’, ‘награда за победу’, ‘эмоциональное состояние человека’, ‘физические и моральных усилия’.

ЛИТЕРАТУРА

1. Уфимцева, А. А. Семантический аспект языковых знаков / А. А. Уфимцева // Принципы и методы семантических исследований / Ин-т языкознания АН СССР ; отв. ред. В. Н. Ярцева. – М. : Наука, 1976. – С. 31–46.
2. Степанов, Ю. С. Основы общего языкознания : учеб. пособие для студентов филол. специальностей пед. ин-тов / Ю. С. Степанов. – 2-е изд., перераб. – М. : Просвещение, 1975. – 271 с.
3. Попова, З. Д. Когнитивная лингвистика / З. Д. Попова, И. А. Стернин, – М. : Восток–Запад АСТ, 2007. – 314 с.

4. Романовская, А. А. Системная организация лексики: взаимодействие дескрипции и оценки / А. А. Романовская. – Минск : МГЛУ, 2013. – 131 с.
5. Верещагин, Е. М. Язык и культура / Е. М. Верещагин, В. Г. Костомаров ; под ред. Ю. С. Степанова. – М. : Гос. ин-т рус. яз. им. А. С. Пушкина : Индрик, 2005. – 1040 с.
6. Верещагин, Е. М. Лингвострановедческая теория слова / Е. М. Верещагин, В. Г. Костомаров. – М. : Рус. Яз., 1980. – 320 с.
7. The Guardian [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://www.theguardian.com/uk-news/>. – Дата доступа : 24.06.2020.
8. The Daily Telegraph [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://www.telegraph.co.uk/>. – Дата доступа : 24.06.2020.
9. The Oxford English dictionary : in 12 vol. / ed. : Ф. Р. James, Al. Murray. – Oxford : Oxford Univ. Press, 1961. – XII vol.
10. The Oxford English Dictionary [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://www.lexico.com/>. – Дата доступа : 24.06.2020.

The article substantiates the position that a combination of words is due to their lexical background. Lexical background is an element of word semantics that is responsible for the accumulation and preservation of people's national culture values. The article presents fragments of the lexical background of the word *victory* based on the analysis of semantic shares.

В. А. Медюлянова
Минск, МГЛУ

СРЕДСТВА ДЕЙКСИСА. СПОСОБЫ УКАЗАНИЯ НА ЛИЦО В ЯПОНСКОМ ЯЗЫКЕ

В исследованиях дейксиса традиционно выделяются эксплицитный и имплицитный способы указания. Однако для характеристики указания в японском языке выделение двух способов оказывается недостаточным. В статье обосновывается косвенный имплицитный способ указания на лицо, занимающий промежуточную позицию между прямым эксплицитным и собственно имплицитным способами и имеющий широкое применение в японском языке.

Как отмечает В. А. Виноградов, «дейксис – универсальное свойство языка, но виды и способы выражения дейксиса в различных языках варьируют» [1]. Способы выражения дейксиса определяются средствами, служащими для реализации дейктической функции.

Средства дейксиса осуществляют дейктическую референцию, отличительной чертой которой является ее привязка к условиям текущего или воссозданного речевого акта, вследствие чего референт доступен для чувственного восприятия адресатом в различных речевых режимах [1; 2; 3]. Данная особенность нашла отражение в определениях дейктиков, существующих в лингвистической литературе. Согласно А. И. Стернину, «дейктические слова – это слова, дающие относительную характеристику чувственно воспринимаемых

в речевой или воссозданной ситуации предметов и осуществляющие одновременно указание на центр координации (субъект или объект), относительно которого характеризуется данный предмет» [4, с. 48]. Адресат находится в одном пространстве и моменте во времени с говорящим, благодаря чему он способен обратить внимание на конкретный объект действительности и соотнести с ним слово, произнесенное говорящим.

Однако в некоторых ситуациях общения его участники удалены друг от друга во времени и пространстве (разговор по телефону, переписка и т.д.), соответственно, физические координаты речевого акта у говорящего и адресата могут частично не совпадать. При этом дейктики не утрачивают своего референциального значения, но для их правильной интерпретации на смену ситуативному (экстралингвистическому) контексту, обусловленному одинаковыми координатами речевого акта, приходят лингвистические факторы. Поэтому при определении дейктиков представляется более целесообразным говорить о едином **поле сообщения**, либо коммуникативном поле, включающем в зависимости от способа и содержания коммуникации объединенность либо общей внеязыковой действительностью, либо общим лингвистическим контекстом, либо и тем и другим одновременно.

Опираясь на вышесказанное, мы определяем дейктики как языковые единицы, осуществляющие дейктическую референцию, т.е. выполняющие функцию указания говорящим на определенный предмет, позволяющие адресату идентифицировать его посредством чувственного восприятия в условиях единого поля сообщения. Применительно к персональному дейксису (далее ПД) данное определение подразумевает следующее: в процессе общения говорящий и слушающий актуализируются дейктическими средствами в пределах единого поля сообщения. За пределами коммуникативного поля дейктики неспособны нести функцию указания и поэтому теряют всякий смысл.

Исходя из данного определения в группу средств ПД, в первую очередь, попадают личные и притяжательные местоимения, поскольку а) они не называют лицо, а указывают на него, т.е. осуществляют дейктическую функцию; б) идентифицировать указанное ими лицо можно только конситуативно; в) они специально предназначены для указания на лицо, для них названная функция является ведущей.

Еще одним специальным дейктическим средством, прямым назначением которого есть осуществление персональной ориентации, является в ряде языков грамматическая категория лица глагола, которая вместе с личными и притяжательными местоимениями образует группу прямых личных дейктиков.

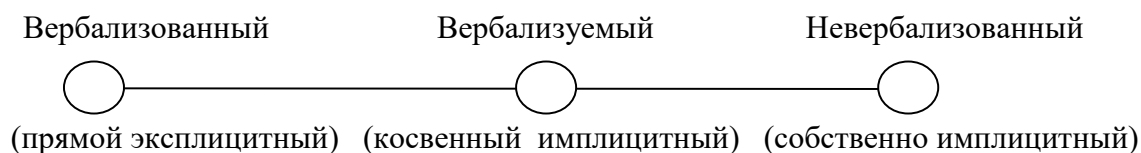
Как отмечалось ранее, средства дейксиса определяют способы его реализации. Исследователи дейксиса выделяют два способа указания: эксплицитный (с помощью формальных показателей, например, префиксальных морфем) и формально не маркированный имплицитный способ [5, с. 54]. Однако такое понимание эксплицитности и имплицитности представляется узким, не отражающим некоторых нюансов, возникающих при передаче

дейктических смыслов в речи. Например, личные местоимения не являются формальными показателями лица, однако указание на лицо с их использованием относится к эксплицитному способу. Поэтому представляется необходимым более подробно рассмотреть понятия эксплицитного и имплицитного в лингвистике.

Данные категории являются предметом изучения лингвистической семантики, в которой эксплицитный или прямо выраженный смысл противопоставляется имплицитному или непрямо, опосредованно выраженному смыслу [6]. При этом имплицитное содержание есть содержание выраженное, но особым неявным образом. Если какой-либо смысл не выражен, значит, он отсутствует [7, с. 11]. При таком подходе эксплицитный способ выражения фактически отождествляется с прямым, а имплицитный – с косвенным.

Существуют и иные точки зрения, позволяющие более точно классифицировать способы передачи смысла. Так, А. Н. Баранов при анализе скрытого содержания текста в целях лингвистической экспертизы обращает внимание на разноплановость имплицитной информации. Он указывает на то, что имплицитная информация может быть обязательной и факультативной, вербализуемой и невербализуемой [8, с. 44]. Представляется также важным замечание А. Н. Баранова о том, что «степень эксплицитности/имплицитности <...> очевидно, не бинарна, а градуальна» [Там же, с. 47].

В целях описания языковых способов указания на лицо представляется целесообразным привести следующую классификацию способов передачи дейктического смысла. Данная шкала позволяет в некоторой степени отобразить градуальный характер выраженности дейктического содержания, передаваемого в высказывании.

Следует отметить, что прямые личные дейктики всегда эксплицитны. Поэтому использование в речи прямых дейктиков (личных местоимений и личных форм глагола) определяет **прямой эксплицитный способ** указания на лицо.

Иные дейктические средства нельзя отнести к прямым и эксплицитным, поскольку, имея иное предназначение, они эксплицируют другие отношения в языке, но в речи могут косвенно указывать на лицо. Поэтому мы называем их косвенными дейктиками, реализующими в речи опосредованное указание на лицо (**косвенный имплицитный способ**). При этом вербализуемость по аналогии с интерпретацией А. Н. Баранова понимается как возможность безошибочно воспроизвести скрытый в языковых конструкциях дейктический смысл высказыванием, содержащим прямое эксплицитное указание.

Указание на лицо без использования каких бы то ни было формальных показателей либо иных вербально выраженных средств, содержащих указание на закодированное говорящим лицо, представляет собой **собственно имплицитный**

цитный способ указания. Лицо при этом декодируется с помощью контекста в связке с невербальными средствами коммуникации, что может приводить к вариативности интерпретации дейктического смысла.

В результате многочисленных исследований дейксиса сформировалось устойчивое мнение считать местоимения и личные формы глаголов основными средствами ПД. Прямой эксплицитный способ указания на лицо получил подробнейшее освещение при исследовании дейктических механизмов. Вместе с тем данное мнение представляется правильным лишь в отношении языков с четкой парадигмой личных местоимений и достаточной частотностью их использования в речи. Что касается японского языка, личные местоимения в нем не образуют строгих противопоставлений по каким-либо параметрам. Кроме того, в сравнении с русским языком личные местоимения в японском языке употребляются значительно реже [9, с. 109–110], а категория лица глагола отсутствует. Следовательно, можно предположить, что в японском языке получили развитие иные способы обозначить участников коммуникации, чем глагольно-местоименный дейксис.

Кроме местоимений, к дейктическим представляется возможным отнести ряд иных средств, в частности, бенефактив, гоноратив, а также иные грамматические конструкции, способствующие установлению объекта указания. При этом следует подчеркнуть, что названные средства не относятся к дейктическим в системе языка, поскольку они имеют иные первичные функции. Однако в речи в силу различных оснований, которые будут рассмотрены ниже, данные средства могут неявно указывать на лицо. Поэтому мы называем их косвенными дейктиками, реализующими в речи косвенный имплицитный ПД (далее косвенный ПД).

Понятие косвенного ПД очень актуально для японского языка и встречается в работах японоведов [10]. Так В. Д. Ли на примере категории вежливости поясняет, что косвенные средства «не подменяют категорию лица, а именно ориентируют информацию об участниках коммуникативного акта в координатах я/мы – ты/вы – он/она/они» [Там же, с. 131]. При косвенном способе указания денотат – лицо также подлежит домысливанию, однако, в отличие от собственно имплицитного способа, не только с опорой на контекст, но и с помощью других языковых категорий, представленных в семантико-грамматической структуре предложения и содержащих намеки на закодированное говорящим лицо. Для иллюстрации косвенного ПД сравним следующие примеры на русском языке.

(1) *Сядьте и немного подождите, пожалуйста.*

(2) *Нужно сесть и немного подождать.*

(3) *Сидеть!*

В примере (1) роль агенса эксплицирована личным окончанием императивных глаголов, которые прямо указывают на 2-е лицо – собеседника (прямой эксплицитный ПД). В примере (2) лицо не представляется возможным установить без отсылки к контексту сообщения, потенциальным агенсом может выступать как говорящий, так и адресат (собственно имплицитный ПД).

В примере (3) глагол в неличной форме *сидеть* является морфологически неотмеченным императивом, косвенным маркером которого является интонация. Императив, в свою очередь, есть косвенным маркером лица, который соотносит агенса в семантической структуре предложения с адресатом речи, а контекст и невербальные средства (взгляд, обращенный на собеседника) позволяет окончательно установить подразумеваемое лицо.

Состав средств, реализующих косвенное указание, неоднороден по тому, какая связь устанавливается между дейктиком и денотатом, им обозначаемым. Нами установлено, что по характеру связи между последними косвенный способ может быть представлен в следующих его трех подтипах:

1. Указание на лицо посредством обозначения его характеристик либо отношения к лицу, обусловленному данными характеристиками. Как правило, этим целям служит номинативная референция с помощью терминов социального статуса, имен собственных, социально маркированной лексики. В следующем диалоге между матерью и дочерью указание на лицо производится в том числе посредством номинативной референции. Список условных обозначений приводится в конце статьи.

(4) *Дочь: Toki doki sabishii.*

[иногда + одинокий]. ‘Иногда мне одиноко’.

(5) *Мать: Datta ra Marie wo aishite-kureru hito to yarinaoshita ra yoi. Aka-chan wa mama ga mendou wo mite-ageru.*

[COP.PST + COND + Мариэ + ACC + любить CNV + BEN.PRS + человек + с + делать заново PST + COND + хорошо. Ребенок + TOP + мама + NOM + присматривать CNV + BEN.PRS]. ‘Поэтому лучше тебе начать все с начала с человеком, который любил бы тебя. А я помогала бы присматривать за ребенком’.

В приведенном диалоге вместо личных местоимений я и ты используются термин родства *mama* ‘мама’ и имя собственное *Marie* ‘Мариэ’.

2. Указание не на само лицо, а на его наличие в денотативной ситуации. Такой способ реализуется преимущественно средствами грамматического уровня, которыми вводится дополнительный актант в семантическую структуру глагола с указанием направленности действия на себя либо на собеседника. В японском языке к данному подтипу можно отнести указание при помощи бенефактивной конструкции, которая вводит в ситуацию выгододавателя (бенефактора) и выгодополучателя (бенефицианта). Рассмотрим следующий пример одной и той же вопросительной фразы с бенефактивом в (6) и без него в (7):

(6) *Kantoku no shiryō wo soroete-oite-kureru?*

[режиссер + GEN + материалы + ACC + собирать.CNV + AUX.O.CNV + BEN.PRS] ‘Подготовишь мне материалы по режиссеру?’;

(7) *Kantoku no shiryō wo soroete-oku?*

[режиссер + GEN + материалы + ACC + собирать.CNV + AUX.O.PRS] ‘Подготовить материалы по режиссеру?’ либо ‘Будешь готовить материалы по режиссеру?’.

В примере косвенного указания (6) бенефактивная конструкция вводит в денотативную ситуацию бенефицианта, которым выступает говорящий. Исключение бенефактива из предложения приводит к изменению расстановки семантических ролей и к вариативной интерпретации собственно имплицитного в (7) указания на лицо.

3. Указание на одно лицо посредством исключения другого лица из денотативной ситуации. В качестве примера из японского языка можно привести показатели категории эвиденциальности, прямым назначением которых является маркирование способа получения информации говорящим. Их использование позволяет исключить автора высказывания из круга потенциальных производителей действия в денотативной ситуации. Это обусловлено так называемым эффектом первого лица [11, р. 237], который налагает некоторые ограничения на использование эвиденциальных маркеров с субъектом 1-го лица. В диалогическом общении исключение 1-го лица из числа референтов косвенно указывает на предиктируемое 2-е либо 3-е лицо. Рассмотрим следующий короткий отрывок из журналистского интервью:

(8) Репортер: *Go-shujin to wa kono ken de o-hanashi ni narimashita ka?*

[HON + муж + с + TOP + этот + дело + INS + HON + разговор + DAT + статья.ADR.PST + Q] ‘Вы обсуждали это происшествие с вашим мужем?’;

(9) Мариэ: *Iie...shigoto ga isogashii mitai de...*

[нет...работа + NOM + занятый + похоже + COP.CNV] ‘Он очень занят работой’.

В приведенном диалоге эксплицитное указание на лицо не производится. В ответной реплике использован лексический маркер эвиденциальности *mitai* ‘похоже, по-видимому’, позволивший исключить следующий возможный вариант перевода ‘Нет... Я очень занята работой’. Дальнейшее сужение круга референтов и правильное определение денотата муж Мариэ, выраженного в переводе местоимением 3-го лица, стало возможным благодаря ближайшему лингвистическому контексту, а именно содержанию предшествующего вопроса.

Таким образом, можно утверждать, что лицо в японском языке кодируется следующими языковыми способами: прямым эксплицитным, косвенным имплицитным и собственно имплицитным способами. Прямой эксплицитный способ реализуется личными местоимениями, косвенный имплицитный способ – иными средствами различных языковых уровней, специально не предназначенных для указания, но в речи выполняющих дейктическую функцию с опорой на контекст; собственно имплицитный способ никак не вербализует указание на лицо, которое декодируется исключительно с помощью контекста и невербальных средств.

УСЛОВНЫЕ ОБОЗНАЧЕНИЯ

ACC – аккузатив

ADR – адрессив, нейтрально-вежливый стиль

AUX.O – вспомогательный глагол подготовительного действия *oku*

BEN – бенефактив

CNV – деепричастная форма

COND – условная форма
 COP – связка
 DAT – датив
 GEN – генитив
 HON – гоноратив
 INS – инструменталис
 NEG – отрицание
 NOM – номинатив
 PRG – прогрессив
 PRS – настоящее-будущее время
 PST – прошедшее время
 Q – вопросительная частица
 TOP – топик

ЛИТЕРАТУРА

1. *Виноградов, В. А.* Дейксис/Языкознание. Большой энциклопедический словарь / В. А. Виноградов ; гл. ред. В. Н. Ярцева. – 2-е изд. – М. : Большая Рос. энцикл., 1998. – 685 с.
2. *Кацнельсон, С. Д.* Содержание слова, значение и обозначение / С. Д. Кацнельсон; под общ. ред. В. М. Жирмунского, М. М. Гухман, С. Д. Кацнельсона. – Изд. 3-е. – М. : Едиториал УРСС, 2011. – 112 с.
3. *Кибрик, А. А.* Дейксис [Электронный ресурс] / А. А. Кибрик // Энциклопедия Кругосвет. – Режим доступа : http://www.krugosvet.ru/enc/gumanitarnye_nauki/lingvistika/DEKSIS.html?page=0,3. – Дата доступа : 16.05.2020.
4. *Стернин, И. А.* К проблеме дейктических функций слова / И. А. Стернин // Теоретические и прикладные проблемы языкознания : избр. работы. – Изд. 2-е. – М. – Берлин : Директ-Медиа, 2015. – С. 40–54.
5. *Ерзинкян, Е. Л.* Дейктичность как категориальная характеристика лексико-грамматического класса слов / Е. Л. Ерзинкян / Русский язык и литература в научной парадигме XXI века : материалы междунар. научн. конф. – Ереван : Изд-во ЕГУ, 2011. – 402 с.
6. *Безуглая, Л. Р.* Терминосистема имплицитности в лингвистике / Л. Р. Безуглая // Вісн. Харків. нац. ун-та ім. В. Н. Каразіна. – 2016. – № 83. – С. 6–16.
7. *Федосюк, М. Ю.* Неявные способы передачи информации в тексте / М. Ю. Федосюк. – М. : Изд-во МГПИ им. В. И. Ленина, 1988. – 84 с.
8. *Баранов, А. Н.* Лингвистическая экспертиза текста: теория и практика : учеб. пособие / А. Н. Баранов. – М. : Флинта : Наука 2007. – 592 с.
9. *Головнин, И. В.* Грамматика современного японского языка / И. В. Головнин. – М. : Изд-во МГУ, 1986. – 316 с.
10. *Ли, В. Д.* К проблеме выражения личных значений в японском языке / В. Д. Ли. – Журн. Изв. Восточ. ин-та. – Владивосток, 2002. – С. 130–135.
11. *Aikhenvald, A. Y.* Evidentiality / A. Y. Aikhenvald. – N. Y. : Oxford Univ. Press, 2004.

This article clarifies the definition of deiktics with the understanding of a unified message field, taken into account. The concepts of explicit and implicit ways of deixis are specified, the indirect way of pointing to a person that is widely used in Japanese is substantiated.

ДИРЕКЦИОНАЛЬНЫЕ ПРЕДЛОГИ КАК СРЕДСТВО ЯЗЫКОВОЙ КОМПРЕССИИ (на материале немецкого и русского языков)

В статье рассматриваются коммуникативные свойства конструкций с дирекциональными предлогами в немецком и русском языках. Выявлено, что важным коммуникативным свойством этих конструкций является представление информации в сжатой форме за счет имплицитирования дополнительных смыслов. Рассматриваются механизмы и условия, обеспечивающие осуществление языковой компрессии с помощью дирекциональных предлогов. Установлено, что важным условием декодирования имплицитной информации являются знания о характеристиках и предназначении соотносимых объектов. Выявлено, что дирекциональные предлоги используются для описания статических пространственных ситуаций, привнося в них динамический компонент.

Конструкции с предлогами служат для описания в пространстве положения объектов (т.е. локализуемых объектов), которое определяется относительно других объектов (т.е. локализующих объектов). Местоположение может определяться в статике (в состоянии покоя) или в динамике (при перемещении в пространстве). В исследованиях по пространственной лингвистике все пространственные предлоги подразделяют на 3 группы: предлоги, которые описывают положение объектов только в состоянии покоя (например, *стены внутри дома/die Wände innerhalb des Hauses*); предлоги, которые описывают положение объектов как в статике, так и в динамике (например, *он работает в кабинете/er arbeitet in dem Arbeitszimmer* и *он вошел в кабинет/er trat in das Arbeitszimmer ein*); предлоги, которые используются для описания перемещения (например, *он вышел из кабинета/er ging aus dem Arbeitszimmer*).

Исследователи семантики пространственных предлогов отмечают также, что конструкции с этими предлогами обладают высокой информативной емкостью: они способны передавать информацию в сжатой форме и легко трансформируются в предложения [1; 2; 3]. Например, выражение *он читает книгу в кресле* означает он читает книгу, при этом сидит в кресле [3, с. 28]. Кроме этого, они могут имплицитировать различные дополнительные смыслы, которые выводятся на основании значений всех членов конструкции. Например, конструкция *держат под дверью* означает заставлять кого-то ждать, а конструкция *стоять под дверью* сообщает, что локализуемый объект ожидает, чтобы войти; конструкции *сидеть за рулем, за компьютером* сообщают о функциональной взаимосвязи локализуемого и локализующего объекта [Там же, с. 25].

В настоящей работе рассматриваются коммуникативные свойства конструкций с дирекциональными предлогами.

В исследованиях, посвященных дирекциональным предлогам указывается, что данные предлоги, ориентируя в пространстве относительно локализующего объекта, указывают на этот объект как на источник (*он уходит из комнаты/*

er geht aus dem Zimmer), путь (я иду *no gorodu/ich gehe durch die Stadt*) или цель перемещения (*они побежали к дому/sie liefen zum Haus*) локализуемого объекта [4; 5; 6]. Они передают также информацию о топологических отношениях (ВКЛЮЧЕНИЕ, КОНТАКТ, БЛИЗКОЕ РАСПОЛОЖЕНИЕ, НЕОПРЕДЕЛЕННАЯ ЛОКАЛИЗАЦИЯ) между локализуемым и локализующим объектами до начала и в процессе перемещения, либо о возможности данных отношений по завершении перемещения (например, в конструкции *выйти из комнаты* сообщается информация о том, что локализующий и локализуемый объекты состояли в отношении включения в прошлом) [6; 7]. Они могут сообщать о функциональной связи между объектами (например, конструкция *идти с моря* сообщает, что кто-то был на море, купался, действие закончилось) и т.п. [7].

Таким образом, в семантику дирекционального предлога входят разнообразные признаки, которые он актуализирует в различных комбинациях при описании той или иной ситуации.

Способность дирекциональных предлогов актуализировать отдельные компоненты своего значения позволяет конструкциям с данными предлогами передавать информацию в сжатой форме, имплицитно различая различные дополнительные смыслы. Немаловажную роль при этом играют знания говорящего и адресата о характеристиках и предназначении соотносимых объектов. Так, дирекциональный предлог русского языка *из-за* и предлог немецкого языка *von*, употребляясь с наименованиями предметов мебели, некоторых приборов, сообщают о функциональном взаимодействии соотносимых в пространстве объектов в прошлом и соответственно о его прекращении после начала движения (например, конструкции *встать из-за стола/vom Tisch aufstehen* означают закончить принимать пищу или работать, так как стол, в зависимости от его вида, предназначен для приема пищи или работы):

(1) *А то еще: из-за стола вставать с чувством легкого голода...* (Андрей Волос. Недвижимость (2000) // «Новый Мир», 2001)¹;

(2) *Noch als man von Tische aufstand, hatte er ihn im Munde.* ‘Когда встали из-за стола, он все еще не прожевал их’ (Thomas Mann. Der Zauberberg (1924) | Томас Манн. Волшебная гора (В. Станевич, 1959)).

Рассмотрим еще один пример:

(3) *То есть такой провинциальный Прометей-раздолбай пришел, взял томик собрания сочинений Марининой, зачитался, от волнения закурил, бросил, конечно, мимо урны тлеющий окурок, который и мог стать источником* (Известия2).

В данном примере в выражении *бросил окурок мимо урны* имплицитно сразу несколько смыслов, которые выводятся на основании значения предлога *мимо* и знания о предназначении объекта *урна*. Например,

¹ Источниками примеров в настоящей работе служат данные исследовательского корпуса Л. А. Тарасевич (см. описание корпуса в [6]), основной и параллельный корпуса Национального корпуса русского языка. Для примеров, приводимых из корпуса Л. А. Тарасевич, указывается только название газеты; ссылки на Национальный корпус русского языка даются в соответствии с рекомендациями, приведенными на сайте данного корпуса.

в «Толковом словаре Ушакова онлайн» для слова *урна* приведена дефиниция: «металлический сосуд или деревянный ящик для окурков и другого мусора, устанавливаемый на улицах, в общественных помещениях» [8], т.е. объект, который предназначен для того, чтобы окурки бросали в него. Указание предлогом *мимо* на отсутствие контакта между соотносимыми объектами имплицитно сразу несколько смыслов: человек бросал окурки в урну и не попал и, тем самым, подчеркивается его увлеченность чтением – был настолько увлечен, что не мог оторваться и посмотреть, куда бросает окурки.

Конструкции с дирекциональными предлогами способны также кодировать и статические отношения. Данные предлоги не употребляются с глаголами положения (например, ****стоять из* и т.п.), однако они способны описывать ситуации, не связанные с перемещением.

Установлено, что, употребляясь в конструкциях с глаголами звучания (например, *раздаваться/ertönen, звучать/klingen*), речевой деятельности (например, *говорить/sagen, рассказывать/erzählen*), восприятия (например, *видеть/sehen, слышать/hören*), интеллектуальной деятельности (например, *узнавать/erfahren, считать/zählen, учить/lernen*), созидательной деятельности (например, *писать/schreiben, строить/bauen*), социальной деятельности (например, *торговать/handeln, покупать/kaufen*), социальных отношений (например, *увольнять/entlassen, организовывать/organisieren*), бытия и существования (например, *жить/leben, исчезать/verschwinden*), дирекциональные предлоги актуализируют только один компонент своего значения – указывают на локализирующий объект как на источник (начало), путь (способ) совершения либо границу действия, обозначаемого глаголом.

Так, предлоги русского языка *из, от, с* и их корреляты в немецком языке *aus, von* характеризуют локализирующий объект как источник (отправную точку) обозначаемого употребляемым в конструкции глаголов действия. Рассмотрим примеры.

(4) Если песня звучит **из** хрипых колонок ближайшего киоска, это – русский хит (Огонек).

(5) **из** Лондона мне удастся заключить договор в Париже: я снимаюсь в фильме "деньги" по роману Золя (Независимая газета).

(6) Пианист Тигран Алиханов **со** сцены не видит, сколько народу набилось на балкон, даже в проходах стоят, как только на заезжих знаменитостях бывало (Независимая газета).

(7) Das mexikanische Fernsehen berichtete **aus** Guatemala-Stadt... 'Как сообщает мексиканское телевидение из Гватемалы...' (taz1).

(8) **von** einer Stahlplattform vor der Insel **aus** beobachtete der Brite in dem einen Jahr etwa 15 Atomtests 'со стальной платформы перед островом британец наблюдал около 15 испытаний ядерного оружия в год' (taz3).

Конструкции с предлогами русского языка *по, через, сквозь* и их коррелятом в немецком языке предлогом *durch* характеризуют локализирующий объект как область распространения действия (пример (9)), как путь (каким образом или с помощью чего осуществляется действие) (примеры (10), (11)), либо как препятствие для его осуществления (пример (12)).

(9) *Как если бы полчаса назад во время моего интервью в его кабинете стояло подслушивающее устройство и транслировало ответы директора по цехам* (Известия).

(10) *Я стою на крепостной стене рavelина и с интересом осматриваю окрестности* **через** *мощный морской бинокль, установленный на специальную треногу* (Московский комсомолец).

(11) *Ein fünfjähriges und ein zweijähriges Kind konnten sich* **durch** *ein Küchenfenster retten, drei andere Kinder erlitten Rauchvergiftungen* ‘Дети пяти и двух лет смогли спастись **через** кухонное окно, трое других детей пострадали от отравления дымом’ (taz3).

(12) *"Es sei denn", fügt er hinzu und versucht, durch seinen spitzen Bart gewinnend zu lächeln, "die Dame selbst will das nicht."* ‘Если, конечно, – добавляет он, пытаясь победно улыбнуться **сквозь** свою остроконечную бороду, – сама дама этого не хочет’ (taz92).

Конструкции с предлогом русского языка *до* и его коррелятом в немецком языке *bis* указывают на границу (предельность) обозначаемого глаголом действия:

(13) *И его голос, голос правды о строящемся социализме в стране пролетарской диктатуры, звучит до самых далеких краев* (А. С. Серафимович. Воспоминания о Горьком (1946–1948)).

(14) *Alexander der Croße zählte, um sich nicht zu unüberlegten Taten hinreißen zu lassen, jedes mal erst bis dreißig.* ‘Александр Македонский, чтобы не совершать необдуманных поступков, прежде чем что-то сделать, всегда считал **до** тридцати’ (Erich Kästner. Pünktchen und Anton (1931)).

В ходе исследования установлено, что при описании стативных отношений при помощи конструкций с дирекциональными предлогами осуществляется компрессия информации в целях языковой экономии. Так, в примерах (5), (7), конструкции *из Лондона, aus Guatemala-Stadt* ‘из Гватемалы’ обозначают, что субъект действия находился при этом в Лондоне vs Гватемале и не покидал их границ, в примере (8) выражение *von einer Stahlplattform beobachteten* ‘наблюдать со стальной платформы’ – наблюдать за каким-то действием, при этом находится на платформе. Выражение *konnten sich durch ein Küchenfenster retten* ‘смогли спастись через кухонное окно’ в примере (11) означает, что дети вылезли из помещения через кухонное окно на улицу и тем самым смогли спасти себе жизнь и т.п.

Таким образом, проведенное исследование показало, что конструкции с дирекциональными предлогами являются эффективным средством языковой компрессии как в русском, так и в немецком языке. Представляя собой свернутые пропозиции, конструкции с данной подгруппой пространственных предлогов способны имплицировать разнообразные дополнительные смыслы, привнося в статические ситуации динамический компонент. При этом важным условием для языковой компрессии с помощью этих предлогов является знание говорящего и адресата о характеристиках и предназначении соотносимых объектов.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Grißhaber, W.* Die relationierende Prozedur: zu Grammatik und Pragmatik lokaler Präpositionen und ihrer Verwendung durch türkische Deutschlerner / W. Grißhaber. – Münster [etc.] : Waxmann, 1999. – IV, 286 S.
2. *Droop, H. G.* Das präpositionale Attribut: grammatische Darstellung und Korpusanalyse / H. G. Droop. – Tübingen : G. Narr, 1977. – 358 S.
3. *Тарасевич, Л. А.* Коммуникативные эффекты локативных предложных конструкций (на материале немецкого и русского языков) / Л. А. Тарасевич // Вестн. МГЛУ. Сер. 1, Филология. – 2015. – № 6. – С. 24–30.
4. *Jackendoff, R. S.* Semantics and cognition / R. S. Jackendoff. – Cambridge : MIT Press, 1990. – XIII, 283 p.
5. *Svorou, S.* The grammar of space / S. Svorou. – Amsterdam : J. Benjamins Publ. Co, 1993. – XIV, 277 p.
6. *Тарасевич, Л. А.* Пространственные предлоги в немецком и русском языках: семантика и функционирование : дис. ... д-ра филол. наук : 10.02.20 / Л. А. Тарасевич. – Минск, 2016. – 284 л.
7. *Толкачёва, О. В.* Репрезентация начала перемещения в семантике предлогов (на материале немецкого и русского языков) / О. В. Толкачёва // Вестн. Мазыр. дзярж. пед. ун-та. – 2020. – № 1. – С. 143–151
8. Толковый словарь Ушакова онлайн [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://ushakovdictionary.ru>. – Дата доступа : 25.04.2020.

Constructions with directional prepositions are an effective means of language compression in both Russian and German. In addition to describing movement in space, these constructions can imply various additional meanings. As collapsed propositions, they can describe static situations by adding a dynamic component to them. An important role for the implementation of language compression plays the knowledge of the speaker and the addressee about the characteristics and purpose of the related objects.

Ю. В. Долмат
Минск, МГЛУ

СТРУКТУРНО-СЕМАНТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ АДЪЕКТИВНЫХ СЛОВСОЧЕТАНИЙ С КЛЮЧЕВЫМ КОМПОНЕНТОМ *СВОБОДА* В РУССКОМ И АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКАХ

В данной работе сопоставляются адъективные словосочетания с ключевым компонентом *свобода*, отобранные методом сплошной выборки из корпусов русских и английских текстов. Цель исследования – выявление структурно-семантических особенностей адъективных словосочетаний с ключевым компонентом *свобода* в русском и английском языках.

Для успешного процесса коммуникации недостаточно только одного знания слов, правил их формирования и распознавания их смысла. Важнейшим аспектом лексических единиц является способность слов сочетаться друг с другом. Особую роль играют адъективные словосочетания.

Словосочетание, наряду с предложением, является основной единицей синтаксиса. Словосочетание – это такое соединение слов, которое образует грамматическое единство, обнаруживаемое зависимостью одних из этих слов от других [4, с. 274]. Как и всякая синтаксическая единица, словосочетание – в определенном своем лексическом наполнении – предстает в предложении, в составе текста или вне предложения в качестве именуемой единицы (в названиях, заголовках, надписях). Одной из важнейших проблем, возникающих при исследовании природы словосочетания, является вопрос о тех связях, которые лежат в основе объединения его компонентов в единое грамматическое и смысловое целое. Словоформы, составляющие словосочетание, находятся в определенных синтаксических отношениях: атрибутивных, объектных, обстоятельственных [2].

Цель исследования – выявление структурно-семантических особенностей адъективных словосочетаний с ключевым компонентом свобода в русском и английском языках.

Материалом исследования послужили 133 русских и 111 английских атрибутивных словосочетаний с ключевым компонентом свобода, отобранных методом сплошной выборки из корпусов русских и английских текстов.

Одну из важнейших ролей в системе языка играют атрибутивные группы. Они отображают качества, признаки и свойства, которые относятся к предметам, тем самым устанавливая, по каким нормам и параметрам мы выделяем вещи из класса.

Синтаксической моделью, чаще всего употребляемой для выражения атрибутивных отношений, является модель «прилагательное + существительное». В любом словосочетании с конкретным именем лексическое значение существительного содержит в себе сему, указывающую на возможность или необходимость признака, которая реализуется с помощью зависимого компонента – прилагательного. Прилагательное характеризуется общим категориальным значением качества, свойства, признака. Оно включается в сферу обозначения предметов или явлений через взаимодействие с существительными, выражая признак: *долгожданная свобода, счастливая свобода*. В современном русском языке господствующим членом словосочетания бывают почти исключительно качественные прилагательные. Подчиненные члены обозначают или объекты, на которые распространяется признак, или меру проявления признака, или его качественную характеристику, или различные обстоятельства проявления, обнаружения признака. В адъективных словосочетаниях выражаются объектные и различные виды релятивных (обстоятельственных) отношений.

Атрибутивные сочетания представляют собой один из наиболее распространенных типов словосочетаний в английском языке. Атрибутивными сочетаниями является группа, которая состоит из определяющего слова и определяемого существительного.

Свободное атрибутивное словосочетание представляет собой двучлен (реже трехчлен), у которого оба его компонента – стержневой и зависимый – соединены с помощью синтаксической (атрибутивной) подчинительной связи [1].

Следует заметить, что атрибутивные словосочетания в русском и английском языке имеют существенные различия. Особую сложность для перевода представляют сочетания «существительное + существительное» не только потому, что в русском языке такие атрибутивные сочетания не имеют структурного соответствия, но и потому, что семантические отношения между существительными, составляющими эти словосочетания, могут быть очень разнообразными. Так, словосочетание типа *noun + noun*, в котором первый член атрибутивного словосочетания выражен именем существительным, может быть переведен на русский язык следующим образом: именем прилагательным (*secret freedom* – *тайная свобода*), существительным в родительном падеже (*press freedom* – *свобода прессы*, *broadcasting freedom* – *свобода вещания*), именем существительным в притяжательном падеже (*Denmark's freedom* – *свобода Дании*).

В русском языке распространены структурные модели типа «прил. + сущ.» (*всемирная свобода*, *полная свобода*, *настоящая свобода*); «сущ. + сущ.» (*свобода слова*, *свобода выбора*, *свобода печати*, *свобода вероисповедания*).

В английском им соответствуют: либо атрибутивные «прил. + сущ.» (*democratic freedom* ‘демократическая свобода’, *new freedom* ‘новая свобода’, *religious freedom* ‘религиозная свобода’); либо субстантивные атрибутивные «сущ. + сущ.» (*press freedom* ‘свобода прессы’, *broadcasting freedom* ‘свобода вещания’) структуры.

Можно выделить пять *типов* атрибутивных словосочетаний.

- **Тип с согласованием:** *real freedom* ‘настоящая свобода’, *total freedom* ‘полная свобода’, *full freedom* ‘полная свобода’, *perfect freedom* ‘совершенная свобода’. К данному типу словосочетаний относятся такие сочетания, у которых зависимый компонент, который находится в препозиции к стержневому компоненту, имеет способность уподобляться ему, т.е. может быть согласовано.

- **Тип с управлением:** *press freedom* ‘свобода прессы’, *reading freedom* ‘свобода чтения’. В данном типе словосочетаний стержневым компонентом является существительное, а зависимым компонентом также существительное в родительном падеже.

В процессе изучения художественного текста нередко возникает проблема восприятия адъективных словосочетаний. Они играют важную роль в процессе мыслительной деятельности человека: с одной стороны, с помощью определения, фиксирующего некоторую характеристику объекта, осуществляется объединение отдельных объектов в единый класс (процесс категоризации), с другой – происходит деление множества однородных объектов на подмножества (процесс классификации).

Так, методом выборки из корпуса русских текстов было выявлено 133 атрибутивных словосочетания с ключевым компонентом *свобода* (68 – в публицистических текстах и 65 – в художественных). В свою очередь, в корпусе английских текстов было найдено 111 атрибутивных словосочетаний с ключевым компонентом *свобода* (40 – в публицистических текстах и 71 – в художественных).

Данные словосочетания были распределены по следующим группам:

Словосочетания из русскоязычных текстов:

1) «прил. + сущ.»: *абсолютная свобода, истинная свобода, народная свобода, определенная свобода, полнейшая свобода, суровая свобода, творческая свобода*;

2) «сущ. + сущ.»: *свобода воды, свобода воли, свобода пленных, свобода слова, свобода чтения, свобода языка, свобода рынка, свобода слуха, свобода самовыражения, свобода собраний*;

3) «сущ. + инф.»: *свобода выполнять, свобода распространять, свобода улучшать*.

Словосочетания из англоязычных текстов:

1) «прил. + сущ.»: *academic freedom* 'академическая свобода', *considerable freedom* 'значительная свобода', *creative freedom* 'творческая свобода', *total freedom* 'полная свобода';

2) «сущ. + сущ.»: *broadcasting freedom* 'свобода вещания', *press freedom* 'свобода прессы', *reading freedom* 'свобода чтения';

3) «сущ. + инф.»: *freedom to go on to the offensive* 'свобода перейти в наступление', *freedom to operate* 'свобода действий', *freedom to spend money* 'свобода тратить деньги', *freedom to travel* 'свобода передвижения';

4) «сущ. + предлог. + сущ.»: *freedom of association* 'свобода ассоциации', *freedom of choice* 'свобода выбора', *freedom of conscience* 'свобода совести', *freedom of television* 'свобода телевидения', *freedom of travel* 'свобода передвижения'.

С целью выявления закономерностей употребления слова *свобода*, были проанализированы тексты разных стилей: публицистические и художественные.

Так, 16 русских словосочетаний, построенные по модели «прил. + сущ.», имеют эквиваленты в английском языке: абсолютная свобода – *ultimate freedom*, большая свобода – *greater freedom*, внезапная свобода – *sudden freedom*, гражданская свобода – *civic freedom*, демократическая свобода, *democratic freedom*, дикая свобода – *wild freedom*, индивидуальная свобода – *individual freedom*, личная свобода – *personal freedom*, настоящая свобода – *real freedom*, неограниченная свобода – *unfettered freedom*, определенная свобода – *certain, defined freedom*, относительная свобода – *relative freedom*, полная свобода – *complete freedom*, последняя свобода – *final freedom*, творческая свобода – *creative freedom*, политическая свобода – *political freedom*.

Также было обнаружено 11 русских словосочетаний, образованных по модели «сущ. + сущ.», имеющих английские эквиваленты. Некоторым русским словосочетаниям соответствуют сразу несколько английских: свобода выбора – *freedom of choice*, свобода действий – *freedom of action, freedom to operate*, свобода информации – *freedom of information*, свобода маневра – *freedom of manoeuvre*, свобода мысли – *freedom of thought*, свобода передвижения – *freedom to travel, freedom of movement, freedom of travel*, свобода печати, прессы – *freedom of the Press, press freedom*, свобода совести – *freedom of conscience*, свобода торговли – *freedom of commerce*, свобода слова – *freedom of speech, freedom of expression*, свобода чтения – *reading freedom*.

Некоторые русские словосочетания имеют эквиваленты в английском языке в виде словосочетаний, построенные по разным моделям:

- свобода действий «сущ. + предлог. + сущ.» – *freedom of choice* и «сущ. + инф.» – *freedom to operate*;
- свобода передвижения – «сущ. + инф.» *freedom to travel*, «сущ. + предлог. + сущ.» *freedom of movement*;
- свобода печати – «сущ. + предлог. + сущ.» – *freedom of the Press*, «сущ. + сущ.» *press freedom*

Таким образом, из 133 проанализированных словосочетаний 27 имеют эквиваленты найденным английским словосочетаниям. Например, свобода выбора – *freedom of choice*, относительная свобода – *relative freedom*, свобода информации – *freedom of information*, полная свобода – *complete freedom*, творческая свобода – *creative freedom*. Некоторые русские словосочетания имеют сразу несколько соответствий. Например, свобода действий – *freedom of action*, *freedom to operate*, определенная свобода – *certain, defined freedom*.

Также среди русских словосочетаний, отобранных из публицистических текстов, можно выделить следующие: *Корейская свобода*, *несокрушимая свобода*, *неслыханная свобода*, *профессиональная свобода*, *психологическая свобода*, *техническая свобода*, *условная свобода*, *свобода действий*, *свобода духа*, *свобода Европы*. Данные словосочетания отличаются от выявленных из художественных текстов: *горластая свобода*, *желанная свобода*, *железная свобода*, *золотая свобода*, *молодая свобода*, *мрачная свобода*, *резвая свобода*, *свобода пленных*.

Среди английских словосочетаний, отобранных из публицистических текстов, можно выделить следующие: *commercial freedom* ‘коммерческая свобода’, *communal freedom* ‘общественная свобода’, *managerial freedom* ‘управленческая свобода’, *unstructured freedom* ‘неструктурированная свобода’, *freedom of newspapers* ‘свобода газет’. Кроме того, можно выделить словосочетания, выявленные из художественных текстов: *aristocratic freedom* ‘аристократическая свобода’, *enlarged freedom* ‘расширенная свобода’, *eventual freedom* ‘возможная свобода’, *profoundest freedom* ‘глубочайшая свобода’, *vertiginous freedom* ‘головокружительная свобода’, *freedom of action* ‘свобода действий’.

Таким образом, словосочетание – это единица синтаксиса более низкого уровня, чем предложение. Словосочетание лишено супraseгментных элементов, присущих предложению, и в отличие от предложения не имеет коммуникативной направленности. Оно не может «перейти» в предложение, стать предложением: это единицы разного синтаксического качества, с разными синтаксическими признаками. Одну из важнейших ролей в системе языка играют атрибутивные группы. Они отображают качества, признаки и свойства, которые относятся к предметам, тем самым устанавливая, по каким нормам и параметрам мы выделяем вещи из класса.

ЛИТЕРАТУРА

1. Аракин, В. Д. Сравнительная типология английского и русского языков / В. Д. Аракин. – М. : ФИЗМАТЛИТ, 2005. – 232 с.
2. Именное словосочетание – Русский язык [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://russkiiyazyk.ru/sintaksis/imennye-slovosochetaniia.html>. – Дата доступа : 17.03.2020.
3. Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. – Режим доступа : https://go.mail.ru/redir?type=sr&redir=eJzLKCKpsNLXLY8v1ysqLU7OLyrIL0oEMvUZGAzNDAwtTMxNDUwY3j3V1avvpZk9KDpZJAzNwcAAksSmw&src=34f6416&via_page=1&user_type=14&oqid=de3bd3f1b4b5fe8d. – Дата доступа : 07.09.2020.
4. Синтаксис русского языка / А. А. Шахматов ; вступ. ст. Е. В. Клобукова; ред. и коммент. Е. С. Истриной. – 3-е изд. – М. : Эдиториал УРСС, 2001. – 626 с.
5. British National Corpus (BNC) [Электронный ресурс]. – Режим доступа : https://go.mail.ru/redir?type=sr&redir=eJzLKCKpKLbS1y8vL9dLzUvPySzO0E3OLyrIL0rUyy9K10_KS9ZnYDA0MzC0MDE3MjNiKDcU_fimdqPlfIMJvXOTL5YDAPE_F1w&src=516dc86&via_page=1&user_type=14&oqid=de3b97b857759dd. – Дата доступа : 07.09.2020.

This study compares adjective phrases with the key component of freedom, selected by continuous sampling from the corpus of Russian and English texts. The purpose of the study is to identify the structural and semantic features of adjective phrases with the key component freedom in Russian and English.

К. В. Павлова
Минск, МГЛУ

ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИЕ И ПАРЕМИОЛОГИЧЕСКИЕ ВЫРАЖЕНИЯ С КОМПОНЕНТОМ-ОРНИТОНИМОМ В РУССКОМ И АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКАХ

В статье рассмотрены наиболее распространенные фразеологизмы и поговорки языковых картин мира русских и англичан в компаративном аспекте. Особое внимание уделяется лингвистическим приемам создания образных ситуаций. В результате исследования были выявлены характерные общие и различные черты фразеологизмов и поговорок с компонентом-орнитонимом.

Национальные языковые картины мира русских и англичан богаты своим разнообразием. Важное место в их составах занимают слова и выражения с компонентом-орнитонимом, что подтверждают данные справочных изданий [1; 7; 8; 9; 10; 11; 12], а также многочисленные исследования, посвященные рассмотрению данного вопроса (см., например, [2; 3; 4; 5; 6]). В ходе исследования были подвергнуты анализу 105 русских и английских фразеологиче-

ских единиц с компонентом-орнитонимом и 118 паремиологических единиц. В результате анализа были установлены следующие лингвистические особенности.

В составе большинства выражений с компонентом-орнитонимом название орнитонима играет ведущую роль в построении образной ситуации. Фразеологические метафоры могут строиться на реальных сюжетах из жизни птиц (*ворон ворону глаз не выклюет*) или же на вымышленных ситуациях (*возродиться как феникс из пепла*).

Одним из самых распространенных лингвистических приемов с выражениями с компонентом-орнитонимом является преувеличение. Выделяют преувеличение количества (*денег куры не клюют*), качества (*жить как птицы небесные, петь как соловей, innocent like a dove* ‘невинный как голубь’, *live like fighting cocks* ‘жить как дерущиеся петухи’), дальности (*куда ворон костей не заносил*).

Преуменьшение – другой распространенный прием построения метафор: *воробью по колено, есть притча короче носа птичья, с гульки нос, duck’s egg* ‘утиное яйцо’ – полный ноль.

Употребление несопоставимых по размеру объектов создает в некоторых выражениях эффект гротеска: *разложить воробья на двенадцать блюд, стрелять из пушки по воробьям, kill two birds with one stone* ‘убить двух птиц одним камнем’ [3, с. 85].

Контраст – один из наиболее интересных приемов создания образных ситуаций. Обращая внимание на сходство и различие образности орнитонимов, рассмотрим русские и английские фразеологические и паремиологические выражения, в которых названия птиц находятся на позициях контраста. Сначала приведем русскую пословицу, а затем ее английское соответствие.

1. *Ни пави ни ворона*. Эта фразеологическая единица включает повторяющийся союз *ни...ни...*, посредством которого две птицы (*павлин и ворона*) ставятся в положение контраста. Фразеологизм *ни пави ни ворона* означает ‘иметь сомнительное социальное положение’, а каждая птица является символом определенного социального слоя: *павлин* – высшего, *ворона* – низшего. Такая символика обусловлена переносным значением орнитонимов: *павлин* – надменный человек, нередко в пышной, особенно чужой, одежде; *ворона* – нерасторопный, вялый человек, разиня, рохля, зевака.

Противопоставление *павлина вороне* традиционно в русской фразеологии. Оно встречается в следующих фразеологических единицах: *ворона в павлиньих перьях; от ворон отстал, а к павам не пристал* [5].

В английском языке для передачи разного положения в обществе служат орнитонимы *peacock* ‘павлин’ и *sparrow* ‘воробей’, также находясь в позиции контраста [12].

Выражение *neither peacock nor sparrow* – эквивалент русского фразеологизма *ни пави ни ворона*. В несколько видоизмененном виде эта пара встречается в английской пословице *jackdaw in peacock’s feathers* ‘галка

в павлиньих перьях'. В русском языке ей соответствует пословица *ворона в павлиньих перьях*. Их значение – несоответствие пышной внешности (перья павлина) скудному внутреннему миру (англ. – воробей, галка; рус. – ворона). Однако смысл социального положения в этих пословицах не выражен.

В английском же языке контраст между социальными слоями может также передаваться при помощи орнитонимов *hawk* 'ястреб' – *buzzard* 'канюк'. Например: ФЕ *between hawk and buzzard* 'между ястребом и канюком' означает, что человек не принадлежит ни к высшему, ни к низшему социальному слою [11]. Таким образом, этот фразеологизм является английским соответствием русского *ни пава ни ворона*.

Ястреб у англичан символизирует высшее положение в обществе. *Канюк* считается самым незначительным по размеру представителем семейства грифов. Переносное значение этого орнитонима – никчемный, глупый или неграмотный человек – вошло в употребление после пьесы Дрейдена (Dryden) «Hind and Panther» 'Лань и пантера', в которой прозвище *канюк* носит мистер Барнет (Mr. Burnet) – глупый, вождедеющий субъект.

Противопоставление *ястреб* – *канюк* встречается в следующих выражениях: *neither hawk nor buzzard* 'ни ястреб ни канюк' и *buzzard called hawk by courtesy* 'канюк, названный ястребом из учтивости', которое означает 'человек, достоинства и ранг которого завышены из льстивых побуждений'.

Таким образом, контраст «высокое – низкое социальное положение» может передаваться противопоставлением следующих птиц-символов: *павлин* – *ворона* в русском языке и двух пар: *peacock* – *sparrow* 'павлин – воробей' и *hawk* – *buzzard* 'ястреб – канюк' в английском.

2. *Вороне соколом не бывать*. Этот фразеологизм означает 'разгильдяю не под силу то, что может сделать молодец'. Контраст *ворона* – *сокол* в русской фразеологии основан на противоположных переносных значениях. *Сокол* – молодец, блестящий, перспективный молодой человек. В выражении *вороне соколом не бывать* орнитонимы символизируют соответственно разгильдяйство, трусость и слабость, контрастирующие с доблестью, храбростью и силой [3, с. 67].

Противопоставление *вороны* и *сокола* встречается во многих русских фразеологизмах. Например: *был бы сокол, а вороны налетят; видом сокол, а голосом ворона; грач соколу добыча, а лягушка вороне; как ни бодрись ворона, а до сокола далеко; мертвым соколом и вороны не затравишь; на чужой стороне и сокола зовут вороной; не пугай сокола вороной; плох сокол, что ворона с места сбила/что на воронье место сел; сокол с лёту хватает, а ворона и сидячего не поймает*.

В английской фразеологии *ворона* 'crow' не противопоставляется *соколу* 'falcon'. Однако оппозиция трусости и доблести встречается в английском языке и выражается через названия двух животных *dog* 'собака' и *lion* 'лев'. Она представлена во фразеологизме *a living dog is better than a dead lion* 'живая собака лучше мертвого льва' и его вариантах: *better a live ass than a dead lion* 'живой осел лучше мертвого льва'; *live donkeys are better than a dead lions* 'живые ослы лучше мертвых львов' [10].

Русскому фразеологизму с контрастом «ворона – сокол» *залетела ворона в высокие хоромы, не боится ясного сокола* соответствуют английские *the mouse lordships where a cat is not* ‘мышь правит там, где нет кота’ и *when the cat is away the mice will play* ‘там, где нет кота, играют мыши’. Контраст «мышь – кот» как символов слабости и силы встречается и в русской фразеологии.

3. *Не петь курице петухом, не быть бабе мужиком*. Традиционное для русского фольклора противопоставление «курица – петух» подразумевает «женщина – мужчина» и обычно иронично толкуется как «наличие недостатков – наличие достоинств». Выражения с участием этой пары строятся по следующему сюжету: курица хочет стать петухом, но не может, а если и может, то это приносит беду. Например: *бывает и курица петухом поет; курице не петь петухом, а и петь, так на свою голову*. В положительном смысле эти фразеологизмы означают, что хорошо то, что не противоречит природному укладу вещей.

Англичане так же, как и русские, ассоциируют *петуха* ‘cock’ и *курицу* ‘hen’ с мужчиной и женщиной. Например, выражения *cock-and-hen club* ‘клуб петуха и курицы’ в американском английском означает «клуб, куда допускаются и мужчины, и женщины». Сленговое выражение *hen party* ‘куриная вечеринка’ означает вечеринку, на которую собираются женщины, чтобы посплетничать [12].

При совпадении символики орнитонимов *курица* и *петух* во фразеологизмах русского и английского языков в последнем нет их противопоставления.

4. *Лучше синица в руках, чем журавль в небе*. *Синица* выступает в качестве символа малого, но реального прироста, *журавль* – большого, но сомнительного. Эта пословица имеет несколько вариантов: *синица в руках лучше соловья в лесу; лучше голубь на тарелке, чем глухарь на току*. В первом из них синица противопоставляется соловью как певчая птица. Известно, что *соловей* – первый певец из всего птичьего царства. *Синица* в этом отношении не представляет никакой ценности. Тем не менее доступность этой птицы делает ее ценнее для человека. Во втором варианте *голубь* и *глухарь* сравниваются по вкусовым качествам.

Английские эквиваленты этих русских пословиц – выражения *better an egg today than a hen tomorrow* ‘лучше яйцо сегодня, чем курица завтра’ и *a bird in the hand is worth two in the bush* ‘птица в руке стоит двух в кустах’. Они содержат противопоставление количества, с помощью которого подчеркивается предпочтение малой пользы большой, но менее реальной.

5. *Променять кукушку на ястреба*. Выражение означает «променять меньшее зло на большее». Его смысловой центр – противопоставление *кукушки* (меньшего зла) и *ястреба* (большого зла). Символика этих птиц неслучайна. С точки зрения русских, *кукушка* не только бесполезна в хозяйстве, но и является злой птицей, так как предсказывает трагические события. *Ястреб* еще хуже, поскольку он ворует с подворий цыплят

и мелкую домашнюю птицу. В одной русской пословице утверждается, что поменять этих двух птиц нелегко: *и старую кукушку на ястреба не поменять* [2, с. 45].

Английское выражение *give a lark to catch a kite* ‘отдать жаворонка, а поймать коршуна’ содержит на первый взгляд тот же образ, что и русское, то есть обмен одной птицы на другую. Однако поскольку противопоставляются *жаворонок* и *коршун*, то есть птица с положительными свойствами (у англичан – вестник весны, веселый) и хищник, все выражение имеет слегка видоизмененный смысл: быть в хорошем положении, а оказаться в плохом, даже опасном, спровоцировав его своими действиями.

6. *За обедом соловей, а после обеда воробей*. Пословица употребляется, когда говорят о человеке, любящем похвалиться, но ничего не значащем на деле. Впечатления от пения двух птиц очень различны: пение *соловья* будит в нас прекрасные чувства, а чириканье *воробья* настолько привычно, что мы его не замечаем. Переносные значения названий птиц таковы: «соловей» – пустобай, хвальбун (например, *заливаться соловьем*); «воробей» – робкий, трусливый, незаметный человек. Следовательно, образ, создаваемый при помощи контраста орнитонимов, – это человек, «великий» на словах, но незначительный на деле.

Эквивалентами этого выражения в английском языке являются пословицы: *actions speak louder than words* ‘действия говорят громче, чем слова’, *a bully is always a coward* ‘задира всегда трус’, *easier said than done* ‘легче сказать, чем сделать’. Примечательно, что данные выражения не содержат птичьих образов.

7. *Индюшки от воробья не распознает*. Выражение обозначает отсутствие в человеке элементарной наблюдательности, поскольку птицы, упомянутые в пословице, значительно отличаются по размерам.

Английская пословица *to know a hawk from a handsaw* ‘отличить ястреба от цапли’ включает двух хищных птиц, сильно отличающихся как по внешнему облику и размерам, так и по повадкам. *Ястреб*, в отличие от *цапли*, считается опасным хищником, поэтому способность различать этих птиц может быть сравнима с чутьем опасности. Такого оттенка значения в русском выражении не наблюдается.

8. *Полетели за море гуси, прилетели тож не лебеди*. *Гуси – лебеди* – традиционное в русском фольклоре связывание двух водоплавающих птиц, обладающих формальным внешним сходством (перепончатые лапы, белое оперение, длинная шея и т.д.), но различных с эстетической точки зрения. *Гусь* – неловкий, некрасивый, в переносном смысле «неотесанный человек». *Лебедь* – грациозная, красивая птица. В связи с этим русская пословица означает, что чужая сторона не меняет людей ни внешне, ни внутренне.

Противопоставление *goose – swan* ‘гусь – лебедь’ в английской фразеологии имеет иную образную составляющую, чем в русской. Контраст «неуклюжесть» – «красота» видоизменяется, приобретая смысл «неприглядная реальность» – «красивые мечты». Например, *turn one's geese into swans* ‘обратить своих гусей в лебедей’ – приукрасить, выдать желаемое за действительное, иногда – соврать; *count all one's geese as swans* ‘принять всех своих

гусей за лебедей' – переоценить, ошибиться; *his geese are swans* 'его гуси – лебеди' – он преувеличивает или привирает. Все эти выражения характеризуют уход от реальности в мечты [11].

9. *Стрелял в воробья, а попал в журавля*. Смысл пословицы зависит от противопоставления двух птиц: маленького *воробья* и значительного по размеру *журавля*. «Стрелять в воробья» – начать дело, не ожидая большого результата (параллель с выражением *стрелять из пушки по воробьям*); «попасть в журавля» – получить значимый результат. Выражение содержит идею неожиданности, так как намерение не соответствовало результату, превзошедшему ожидания.

Эквивалентное английское выражение имеет другой оттенок значения из-за контрастирования иных птиц. *Shoot at a pigeon and kill a crow* 'стрелять в голубя, а попасть в ворону'. В пословице задуманное действие заканчивается неудачей из-за неумелых действий, причем идея неожиданности, выраженная в русском соответствии, превращается в отсутствие необходимых умений в английском.

Контраст двух птиц в данном случае повлиял на смысловое различие сходных по структуре, но варьирующихся по значению фразеологизмов.

Обобщая все доводы упомянутые выше, контрастирование двух объектов (например, птиц) – распространенный как в русской, так и в английской фразеологии стилистический прием, помогающий образнее выразить идею оборота. Русско-английские фразеологические соответствия данного типа варьируются по лексическому составу и передаваемому значению. Полных аналогов обнаружено не было. Это свидетельствует о том, что системы образов в двух языках формировались обособленно. Тем не менее можно выделить частично сходные контрастные пары: *петух – курица* (*cock – hen*); *гуси – лебеди* (*geese – swans*). В русском и английском языках эти птицы передают различные оттенки смысла.

Некоторые контрастные пары не имеют соответствий в рассматриваемых языках. Они – результат самобытного видения мира говорящими на данном языке. Это следующие контрасты: *сокол – ворона* (символы доблести и трусости), *журавль – синица* (большой и малый доход), *соловей – воробей* (певец – пустобай, трусишка), *hawk – buzzard* (ястреб – канюк как символы высокого и сомнительного статуса).

Орнитонимы – одна из интереснейших групп лексики, поскольку они являются не только носителями типологических черт языка, но и излюбленными средствами языковой и речевой выразительности. Образно говоря, в названиях птиц находит свое выражение мощный и гибкий и меткий народный ум. Фразеологические и паремиологические выражения с компонентом-орнитонимом в русском и английском языках обладают значительной долей самобытной образности. Это логически объяснимо, поскольку национальные языковые картины мира у русских и англичан, имея некоторые сходства, являются различными.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Кунин, А. В.* Англо-русский фразеологический словарь : в 2 кн. / А. В. Кунин. – 3-е изд., испр. – М. : Сов. энциклопедия, 1967. – 1214 с.
2. *Гура, А. В.* Символика животных в славянской народной традиции / А. В. Гура. – М. : Индрик, 1997. – 912 с.
3. *Костина, Н. Ю.* Русские и английские названия птиц: опыт системно-сопоставительного описания / Н. Ю. Костина. – Пенза : ПГПУ, 2012. – 165 с.
4. *Постовалова, В. И.* Картина мира в жизнедеятельности человека / В. И. Постовалова // Роль человеческого фактора в языке: язык и картина мира / отв. ред. Б. А. Серебренников. – М., 1988. – 216 с.
5. *Симакова, О. Б.* Лексико-семантическая группа «Орнитонимы» (на материале русского и французского языков) : дис. ... канд. филол. наук / О. Б. Симакова. – Пенза, 2003. – 293 л.
6. *Телия, В. Н.* Коннотативный аспект семантики номинативных единиц / В. Н. Телия. – М. : Наука, 1986. – 141 с.
7. *Даль, В. И.* Толковый словарь живого великорусского языка : в 4 т. / В. И. Даль. – М. : Рус. яз., 1978. – 555 с.
8. Толковый словарь русского языка с включением сведений о происхождении слов / под ред. Н. Ю. Шведовой. – М. : Азбуковник, 2007. – 1175 с.
9. Collins Pocket Guide. Birds of Britain and Europe. – London : Harper Collins Publ., 1995. – 384 p.
10. *Brewer, E. Cobham* The Dictionary of Phrase and Fable / E. Brewer, – Revis. ed. – London. : Cassel, 1963. – 970 p.
11. *Halliwel-Phillips, J. Q.* A Dictionary of Archaic and Provincial Words, Obsolete Phrases, Proverbs and Ancient Customs / J. Q. Halliwel-Phillips. – London., 1855. – 953 p.
12. Roget's Thesaurus of English Words and Phrases. – Penguin Books, 1984. – 775 p.

The article considers the most common phraseological and paremiological expressions of the Russian and English language pictures in comparative aspect. Special attention is paid to linguistic techniques for creating imaginative situations.

МОДЕЛИ РЕЧЕВОГО ПОВЕДЕНИЯ В РАЗЛИЧНЫХ ТИПАХ ДИСКУРСА

И. В. Лешкевич
Минск, МГЛУ

СПОСОБЫ ВЫРАЖЕНИЯ СКРЫТОГО СМЫСЛА В АНГЛОЯЗЫЧНОЙ РЕЦЕНЗИИ

Рассматривается оппозиция «смысл – значение», а также уточняется понятие «скрытый смысл» и его типы. Выделяются способы репрезентации скрытого оценочного смысла в англоязычной кинорецензии, а именно: косвенные и риторические вопросы, фразеологизмы, метафоры и т.д.

На современном этапе развития общества необходимость осуществления эффективной коммуникации, в том числе межкультурной, и конвенциональность этикета, в условиях которого говорящие вынуждены оперировать скрытыми смыслами и формировать новые этикетные формулы, вовлекает в языковую игру все общество и тем самым определяет необходимость проведения лингвистических исследований, связанных с категорией «скрытый смысл». Цель настоящего исследования состоит в выявлении особенностей выражения скрытого смысла в медиарецензии – источнике информации о книгах, театральных постановках и фильмах. Материалом данного исследования служат 50 кинорецензий из англоязычных периодических изданий за 2015–2020 гг.: «The Observer», «The Guardian», «The Times» и др.

Вопросом разграничения понятий «смысл» – «значение» занимаются ученые различных научных направлений: философии (Г. Фреге, Р. И. Павленис, Л. Витгенштейн и др.), психологии (Л. С. Выготский, А. Р. Лурия, А. Н. Леонтьев), лингвистики (М. М. Бахтин, А. В. Бондарко, Г. И. Богин, А. А. Потебня и др.). Впервые он был поставлен Г. Фреге. Согласно его концепции всякое имя обозначает некоторый предмет (называемый значением) и выражает некоторый смысл, определенным образом характеризующий значение имени [1]. В свою очередь Л. Витгенштейн полагал, что «имя (простой знак) лишено смысла, оно обладает только референцией. Но стоит имени появиться в пропозиции, в конкретном употреблении, как смысл его как бы проговаривается наружу» [2, с. 79–128].

Для психологического понимания «значения» и «смысла» характерно их разделение по принципу объективности/субъективности отражения объективной действительности. По мнению Л. С. Выготского, смысл слова – это первичная реальность и для говорящего, и для слушающего. Он уникален (принадлежит определенной личности и определенным обстоятельствам) и неисчерпаем, ибо за ним стоят понимание мира и внутреннее строение личности в целом. В то же время он социально ориентирован и социально подкрепляем. Социально закрепляющаяся «часть» смысла, отлагающаяся

в социальном языковом опыте, в «коллективной памяти», составляет языковое значение. Таким образом, значение слова (языковое значение) – это абстракция различных смыслов данного слова, употребляемого разными людьми в разных контекстах, и одновременно это социальный норматив означивания, «технический аппарат» построения смысла [3].

В логической семантике общее значение языковых выражений расщепляют на две части: предметное значение и смысл. Предметным значением некоторого выражения называют тот предмет или класс предметов, который обозначается данным выражением. Вместе с тем каждое выражение несет в себе мысленное содержание – смысл. Р. И. Павиленис в своей работе помещает смысл в экстралингвистическую сферу, сферу так называемых концептуальных систем и определяет его как «внутреннее содержание, значение чего-либо, то, что может быть понято» [4, с. 129].

Работая над проблемой разведения значения и смысла, А. А. Потебня, различал языковую форму слова – «ближайшее значение» и его внеязыковое содержание – «дальнейшее значение», проявляющееся как актуальный речевой смысл [5]. У М. М. Бахтина противопоставление «значение – смысл» имеет дополнительные признаки. Исследователь говорит о смысле высказывания и о значении слова: высказывание как единица речевого общения в отличие от языковых единиц имеет не значение, а смысл [6, с. 305]. В. П. Литвинов в своих исследованиях рассматривает значение как «принадлежащее языку средство для выражения внеязыкового смысла», а смысл как «любую информацию, получаемую в процессе отражения объективной действительности в человеческом сознании» [7, с. 23].

Таким образом, значение и смысл четко разграничиваются: смысл всегда ситуационен, обусловлен контекстом, принадлежит речи и первичен по отношению к значению, которое внеконтекстно, неситуационно, принадлежит языку, производно от смысла, социально институционализировано и формулируется, в отличие от смыслов, создаваемых всеми и каждым, исключительно составителями словарей [8, с. 9]. Э. Д. Сулейменова, противопоставляя смысл и значение как язык и речь, подчеркивает, что они «формируются и функционируют только в единстве, будучи взаимосвязаны не только генетически, но и функционально» [9, с. 144].

Особая проблема – это понимания скрытого смысла. Согласно концепции А. Бондарко, скрытый смысл – это та информация, которая передается говорящим и воспринимается слушающим «на основе выражаемого языковыми средствами содержания, взаимодействующего с контекстом и речевой ситуацией, с существующими в данных условиях речи элементами опыта и знаний говорящего и слушающего» [10, с. 105].

С точки зрения Г. П. Щедровицкого, на уровне простой коммуникации скрытый смысл заключен в самих процессах понимания, соотносящихся и связывающих элементы высказывания-сообщения друг с другом с элементами восстанавливаемой ситуации. Смысл создается и восстанавливается человеком, понимающим текст сообщения. Множество разных ситуативных смыслов выражается через наборы элементарных значений и последующую

организацию их в структуры. Конструкции значений и принципы соотношения и совмещения их друг с другом используются индивидами в качестве «строительных лесов» при понимании разнообразных сообщений [11, с. 212].

Стоит отметить, что многие лингвисты (Дж. Остин, Дж. Серль, Е. В. Падучева, А. Вежбицкая) признавали, что в ряде случаев понять, с какой целью употребляется высказывание, можно только на основании ««мощного» контекста», который представляет собой двустороннее образование – план выражения и план содержания. У. Чейф также указывает на то, что существует «приобретение словом некоторого семантического признака под влиянием контекста» [12, с. 55]. Ситуация является более всеобъемлющим понятием: она включает наряду с широким контекстом, в котором происходит описываемое событие, оценку личности собеседника и структуры его мнений, а также такие нелингвистические каналы коммуникации, как ритм речи, интонация, выражение лица и телодвижения говорящего [13, с. 150].

Вопрос осознания скрытого смысла достаточно противоречив. Так, согласно одной точке зрения знание о скрытых смыслах содержится в концептуальной системе каждого языка, на основе которой носитель языка реализует определенный потенциал употребляемого им языкового выражения [4, с. 62]. В соответствии с другой – для его понимания необходимо «языковое чутье» [14, с. 218].

Однако Е. В. Падучева утверждает, что при наличии некоторой аномальности в высказывании нельзя добиться достаточной ясности и точности на основе обращения к человеческой интуиции [15, с. 194]. Таким образом, существует большая вероятность двойственной, неоднозначной интерпретации скрытого смысла в свете субъективности человеческого мышления и употребления языка.

По мнению И. В. Арнольд, в построении теории скрытых смыслов основополагающим становится противопоставление опущенных в тексте смыслов (недоговоренность) добавленным (косвенные речевые акты, метафоры) [16, с. 212]. В результате выделяются такие типы скрытых смыслов, как инклюзивные смыслы – смыслы-усложнения, относящиеся к прагматическому уровню высказывания и эксклюзивные – смыслы-продолжения, развивающие высказывание и легко включающиеся в структуру текста [17, с. 231].

Скрытые смыслы дифференцируются на лингвистические и нелингвистические (воздействие «вертикального контекста», «фоновых знаний» и т.д.) (Л. А. Исаева); дискретные (скрытая информация может быть однозначно сформулирована в виде конкретного утверждения) и недискретные (может быть реконструирован только общий смысл, без конкретизации утверждения) (А. Н. Баранов). В рамках данной статьи представлены результаты исследования скрытого оценочного смысла в англоязычной кинорецензии. Установлено, что он может быть выражен следующими способами:

1) упоминание фоновой информации (иных фильмов, актеров, ролей, наград): *The other movie it clearly resembles is Barry Jenkins's Moonlight* 'Другой фильм, который он явно напоминает, – это «Лунный свет» Барри Дженкинса' (здесь и далее перевод наш. – И. Л.) (The Guardian. 16.01.2020);

*Arthur has a physical and psychological resemblance to **Freddie Quell**, the misfit drifter Phoenix played in “The Master”* ‘Артур имеет физическое и психологическое сходство с Фредди Куэллом, неудачником и бродягой, которого Феникс сыграл в фильме «Мастер»’ (The New York Times. 03.10.2019); *Bong Joon-ho’s satirical suspense thriller Parasite <...> won **the Palme d’Or in Cannes** last year* ‘Сатирический саспенс-триллер Пон Джун-хо «Паразиты» <...> в прошлом году получил Золотую пальмовую ветвь в Каннах’ (The Guardian. 07.02.2020);

2) косвенные и риторические вопросы *You might wonder how this could be the work of the same Todd Phillips who directed “The Hangover”* ‘Вы можете спросить, как это могло быть работой одного и того же Тодда Филлипса, который снял фильм «Мальчишник в Вегасе»’ (The New York Times. 03.10.2019); *How Do You Solve a Problem Like ‘Emma’?* ‘Как вы решаете такую проблему, как «Эмма?»’ (The Guardian. 14.02.2020);

3) фразеологизмы: *He <...> **works up the nerve** to go onstage; a parable that can’t **get its story straight*** ‘Он <...> набирается смелости, чтобы выйти на сцену; притча, которая не может изложить свою историю прямо’ (The New York Times. 03.10.2019);

4) метафоры: *A whole **family of cuckoos** in a brand new nest* ‘Целое семейство кукушек в новом гнезде’ (The New York Times. 03.10.2019); *...audiences will have **to recalibrate their antennae*** ‘...зрители должны будут перенастроить свои антенны’ (The Guardian. 16.01.2020).

В ходе анализа англоязычной кинокритики выявлено, что наиболее распространенный скрытый смысл – общеоценочный негативный. Он зачастую может быть сформулирован лишь приблизительно в виде некоторого развернутого вероятностного описания, а однозначно определяется только оценка – неодобрительная или, реже, одобрительная. Таким образом, кинокритика выполняет функцию эстетического воздействия на читателя в том числе благодаря существованию в ней пласта скрытой информации, который достраивается читателем с опорой на контекст и ситуацию, а также имеющиеся в его сознании пресуппозитивные компоненты и «глобальный вертикальный контекст».

ЛИТЕРАТУРА

1. *Фреге, Г. Избранные работы* / Г. Фреге. – М. : Дом интеллектуальной кн., 1997. – 159 с.
2. *Витгенштейн, Л. Философские исследования* / Л. Витгенштейн // Новое в зарубежной лингвистике. – М., 1985. – Вып. 16. – С. 79–128.
3. *Выготский, Л. С. Мышление и речь* / Л. С. Выготский. – М. ; Л. : Соцэкгиз, 1934. – 362 с.
4. *Павиленис, Р. И. Проблема смысла: современный логико-философский анализ языка* / Р. И. Павиленис ; под ред. Д. П. Горского. – М. : Мысль, 1983. – 286 с.

5. *Потебня, А. А.* Мысль и знак / А. А. Потебня. – М. : Лабиринт, 1999. – 300 с.
6. *Бахтин, М. М.* Эстетика словесного творчества / М. М. Бахтин. – М. : Искусство, 1979. – 423 с.
7. *Литвинов, В. П.* Типологический метод в лингвистической семантике / В. П. Литвинов. – Ростов-н/Д. : РГУ, 1986. – 168 с.
8. *Богин, Г. И.* Переход смыслов в значения / Г. И. Богин // Понимание и рефлексия. – Тверь, 1994. – Ч. 2. – С. 8–16.
9. *Сулейменова, Э. Д.* Понятие смысла в современной лингвистике / Э. Д. Сулейменова. – Алма-Ата : Мектеп, 1989. – 160 с.
10. *Бондарко, А. В.* Принципы функциональной грамматики и вопросы аспектологии / А. В. Бондарко. – 3-е изд., стер. – М. : УРСС, 2003. – 208 с.
11. *Щедровицкий, Г. П.* Избранные труды / Г. П. Щедровицкий. – М. : Изд-во шк. культ. политики, 1995. – 759 с.
12. *Чейф, У. Л.* Память и вербализация прошлого опыта / У. Л. Чейф // Новое в зарубежной лингвистике. – М., 1983. – Вып. 12 : Прикладная лингвистика. – С. 35–73.
13. *Романов, А. А.* Системный анализ регулятивных средств диалогического общения / А. А. Романов ; АН СССР, Ин-т языкознания. – М. : [Б. и.], 1988. – 183 с.
14. *Грайс, Г.* Логика и речевое общение / Г. Грайс // Новое в зарубежной лингвистике. – М., 1985. – Вып. 16 : Лингвистическая прагматика. – С. 217–237.
15. *Падучева, Е. В.* Высказывание и его соотнесенность с действительностью / Е. В. Падучева. – М. : УРСС, 2002. – 288 с.
16. *Арнольд, И. В.* Стилистика современного английского языка / И. В. Арнольд. – 3-е изд. перераб., доп. – М. : Просвещение, 1990. – 300 с.
17. *Масленникова, А. А.* Лингвистическая интерпретация скрытых смыслов / А. А. Масленникова. – СПб. : Изд-во СПб. ун-та, 1999. – 260 с.

The paper presents the study of the notion meaning in general as well as the clarification of hidden meaning and its types. The ways of expressing hidden evaluative meanings in English-language film reviews have been revealed.

А. В. Бельская
Минск, МГЛУ

МОДАЛЬНЫЕ МОДИФИКАТОРЫ КАК ЯЗЫКОВЫЕ СРЕДСТВА ВЫРАЖЕНИЯ НЕГАТИВНОЙ ВЕЖЛИВОСТИ В ВЫСКАЗЫВАНИЯХ КОММУНИКАНТОВ МЕДИЙНЫХ ИНТЕРВЬЮ

Данная статья посвящена модальным модификаторам как средствам выражения негативной вежливости в высказываниях коммуникантов медийных интервью на английском, испанском и белорусском языках. Автор осуществляет сравнение модификаторов на трех языках и определяет общие и различные средства выражения негативной вежливости.

После анализа был сделан вывод: английский и испанский языки гораздо более широко используют модальные модификаторы и тем самым снижают прямолинейность высказываний, в то время как в белорусской коммуникации высказывания оказываются более прямыми.

Сегодня, благодаря расширению межкультурных контактов, участниками коммуникации все чаще становятся представители разных лингвокультурных общностей. Их успешное общение предопределяется не только владением языком, но и знанием национально-культурной специфики речевого и неречевого поведения, доминантных особенностей коммуникации, знанием социально-культурных норм, национальных систем вежливости. Незнание всех данных категорий может вызвать культурный шок, стать причиной неудач и провалов в межличностном общении и привести к возникновению конфликтных ситуаций [3].

Большинство сложностей межкультурной коммуникации возникает именно от того, что собеседники не умеют взаимодействовать, т.е. демонстрировать свое отношение друг к другу в соответствии с нормами данного общества и конкретными ожиданиями партнера. Национально-культурные особенности поведения коммуникантов в данном типе общения связаны с тем, что в разных культурах существует свое понимание вежливости. Вежливость представляет собой категорию коммуникативного сознания и является отражением национального менталитета. Она является неотъемлемым компонентом межкультурной коммуникативной компетенции и тем системообразующим стержнем, который регулирует коммуникативное поведение людей. Знание национальных особенностей данной категории – ключ к пониманию многих особенностей коммуникативного поведения народа, игнорирование которых затрудняет общение и порождает многочисленные стереотипы [1].

Взгляд на вежливость как на систему стратегий представляется наиболее значимым в теории П. Браун и С. Левинсона, выделяющих два типа вежливости – позитивную и негативную. Первая основана на сближении, вторая – на дистанцировании. Каждый из этих типов вежливости представляет собой систему коммуникативных стратегий, при помощи которых достигаются основные цели вежливого общения. Каждая стратегия включает в себя определенный набор языковых средств выражения вежливости [2].

В данной статье мы хотим обратиться к модальным модификаторам как языковым средствам выражения негативной вежливости в высказываниях коммуникантов медийных интервью на материале английского, испанского белорусского языков. Нами были проанализированы 60 медийных интервью и получены следующие результаты. Все процентные данные приведены в сравнении языков друг с другом.

Лексические и лексико-синтаксические средства смягчения, или модификаторы, отличаются разнообразием как с точки зрения синтаксической формы, так и семантики. Это могут быть единицы, ориентированные на говорящего (*I think/I suppose/I am wondering*) либо на слушающего (*Do you think/Would you mind*), минимизаторы (*just a second, a spot, a little, a bit*),

маркеры вежливости (*please, kindly, sweetly*), лексические заполнители пауз (*well, now well, so*), конечные формативы, используемые для подтверждения согласия собеседника и взаимопонимания (*right, will you, would you*) и т.п.

В проанализированных интервью на английском языке были использованы следующие единицы, ориентированные на говорящего: *I think* (33), *I guess* (4), *personally* (4), *I mean* (6), *for me* (24), *I believe* (2), *I don't think* (8). Единицы, ориентированные на говорящего составили 34 % в сравнении с другими языками. Данные единицы служат важным средством снижения прямолинейности высказывания, с их помощью говорящий субъективизирует свое мнение и оценку. Эти единицы были использованы для выражения стратегии «выражайтесь косвенно»:

Oh, yeah. And he would go fast. I mean it was really exciting. I never thought of it as desolate. It never occurred to me. I guess I didn't know there was anything else. ‘О, да. И он пойдет быстро. Я имею в виду, это было действительно захватывающе. Я никогда не думал об этом как о чем-то пустынном. Это никогда не приходило мне в голову. Я думаю, я не знал, что было что-то еще’ (здесь и далее перевод наш. – А. Б.);

I was personally very moved by the story of the 38 planes that had to make emergency landings in Newfoundland during the 9/11 crisis. ‘Лично я был очень тронут историей о 38 самолетах, которые должны были совершать экстренные посадки в Ньюфаундленде во время кризиса 11 сентября’;

For me, it's about coming out of oneself. ‘Для меня это значит выйти из себя’.

Единицы, ориентированные на слушающего, такие как *do you think* (9 раз – 70 %), были использованы для выражения стратегии «задавайте вопросы, будьте уклончивы» и «предоставляйте слушающему выбор, возможность не совершать действие»:

Do you think, for those who haven't seen the original L Word, that this is a great jumping-on point? ‘Считаете ли вы, что для тех, кто не видел оригинальное L Word, это отличная отправная точка?’;

Минимизаторы *a bit* (4), *just* (47), *a little* (9) в интервью использовались для сведения импозиции к минимуму в стратегии «минимизируйте степень вмешательства». Они составили 50 % в сравнении с другими проанализированными языками:

This was 1957, though... I'm a bit surprised by the way it looks now. ‘Это был 1957 год, хотя... Я немного удивлен тем, как это выглядит сейчас’;

If I had committed to that much, then I should try a little bit further. ‘Если бы я взял на себя обязательство так много, то я должен попытаться немного дальше’.

Маркеры вежливости, *please* (2), лексические заполнители пауз, *well* (15), *you know* (9), *so* (2), конечные формативы, *right* (4), были использованы для смягчения прямолинейности и выражения косвенности. Маркеры вежливости были использованы только в английском языке, поэтому составили 100 %:

Oh, God, don't, please. Isn't that over? ‘О Боже, пожалуйста, не надо. Разве это не конец?’;

Well, there was no place in which anyone said we're at all concerned about Jeanine Cummins. 'Ну, нигде не было места, где кто-то говорил, что мы вообще беспокоимся о Джанин Камминс'.

Среди модальных модификаторов выделяется также группа единиц со значением сомнения, предположительности, сожаления: *possibly* (3), *maybe* (14), *probably* (5). Данные модификаторы были использованы для выражений стратегий «будьте пессимистом» и «будьте уклончивы»:

*I felt that every opportunity I was getting was **possibly** the last, so I made the most of each one.* 'Я чувствовал, что каждая возможность, которую я получал, была, возможно, последней, поэтому я максимально использовал каждую из них';

*Oh yeah, totally. It's just something I feel like I always have to overcome. I should **probably** have more fun with it.* 'Ах да, полностью. Я чувствую, что мне всегда нужно это преодолевать. Мне, наверное, стоит повеселиться с этим'.

В испанском языке модальные модификаторы используются для смягчения прямолинейности и выражения уклончивости. В проанализированных интервью они выражаются с помощью нескольких средств. Это:

а) минимизаторы: *un momento* (5), *un poco* (24), *sólo* (25) – 46 %:

*P. La película se lamenta de que vivimos en un mundo que ha perdido la magia por culpa de la tecnología. ¿No cree que una afirmación como ésa por parte de Pixar, un emporio de la tecnología, es **un poco** rara?* 'Фильм оплакивает, что мы живем в мире, который утратил свою магию из-за технологий. Вам не кажется, что подобное утверждение Pixar, технологического предприятия, немного странно?';

Sólo tengo 400.000 seguidores en Instagram, pero lleno mis conciertos. ¿Qué es más importante? 'У меня только 400 000 подписчиков в Instagram, но я собираю свои концерты. Что может быть важнее?';

б) единицы, ориентированные на говорящего, смягчающие конструкции, которая показывают, что говорящий не берет на себя полной ответственности за достоверность информации: *creo que* (думаю, что) (43), *parece que* (кажется, что) (13), *a mí* (мне) (36) – 39 %:

*Sí. **Creo** que el feminismo es sobre todo una cuestión de detalle.* 'Да, я думаю, что феминизм – это прежде всего вопрос деталей';

*A **mí me parece que** es lo bonito, porque de alguna manera hace que no te sientas cómodo estando sentado.* 'Мне кажется, что это прекрасная вещь, потому что почему-то это заставляет вас не чувствовать себя комфортно, сидя';

в) другие смягчающие выражения: *quizás* (15), *bastante* (15), *a lo mejor* (2), *más o menos* (2), *probablemente* (возможно) (4) – 37 %:

Quizás, la clave esté en gestionar de una forma correcta estos equilibrios de poder y pensar en las vulnerabilidades ajenas como responsabilidades sociales para tejer una red de cuidados más sana. 'Возможно, ключ заключается в том, чтобы правильно управлять этими балансами сил и рассматривать уязвимости других людей как социальные обязанности для создания более здоровой сети здравоохранения';

Probablemente, esta sea una de las razones principales que luego me ha llevado a pensar y escribir directamente en castellano. ‘Это, вероятно, одна из главных причин, которые позже заставили меня думать и писать прямо на испанском’.

В интервью на белорусском интервью модальные модификаторы выражаются с помощью следующих средств.

1. Единицы, ориентированные на говорящего: (я) *думаю* (20), *мне здаецца* (23), (я) *лічу* (9), *па-мойму* (1), *на мой погляд* (8), *мне падаецца* (4) – 27 %:

Дрэнна. Думаю, гэта нацыянальная рыса. Мы правялі два драматургічныя конкурсы;

Мне здаецца, калі ў камандзе панібрацкія адносіны, гэта крыху выбівае з каляіны.

Данные единицы служат важным средством снижения прямолинейности высказывания, с их помощью говорящий субъективизирует свое мнение и оценку. Эти единицы были использованы для выражения стратегии «выражайтесь косвенно».

2. Единицы, ориентированные на слушающего, такие как (як) *вы думаеце* (4 раза – 30 %), были использованы для выражения стратегии «задавайте вопросы, будьте уклончивы» и «предоставляйте слушающему выбор, возможность не совершать действие»:

Вы думаеце, гэта залежыць не толькі ад таго, што прапануе тэатр, але і ад самога гледача?

3. Группа единиц со значением сомнения, предположительности: *напэўна* (15), *магчыма* (25), *мабыць* (3) – 42 %. Данные модификаторы были использованы для выражений стратегий «будьте пессимистом» и «будьте уклончивы»:

І мне, напэўна, пашанцавала, што ўсё склалася такім чынам – трапіў да яе. Оля настаянна настойвала на тым, каб я выходзіў з зоны камфорту;

Магчыма, у жыцці быў перыяд, калі даводзілася разбірацца ў сабе, і з духам Трыксцера вы пазнаёміліся асабіста?;

У асноўным з цікавасцю, таму што гэта, мабыць, не самы распаўсюджаны занятак, і многія не зусім уяўляюць, што насамрэч стаіць за ім.

4. Минимизаторы *трохі* (2), *толькі* (3) – 4 % – в интервью использовались для сведения импозиции к минимуму в стратегии «минимизируйте степень вмешательства»:

Свабода выяўлялася толькі ў гэтым?;

Ну трохі зараблялі і на кінастудыі, хоць і ў эпизодычных ролях. Радые – таксама мой другі дом, там я праводзіла не менш часу, чым у тэатры.

В ходе анализа было установлено, что для всех трех языков характерно употребление модальных модификаторов. Как мы можем видеть, единицы, ориентированные на говорящего, минимизаторы и группы единиц со значением сомнения, предположительности и сожаления встречаются во всех проанализированных языках. Наибольшее различие мы можем видеть в количестве минимизаторов: в белорусском языке их встретилось всего лишь 5 (4 %), в то время как в английском и испанском 60 (50 %) и 54 (46 %)

соответственно. Также белорусский язык показывает наименьшие показатели по количеству единиц, ориентированных на говорящего, однако лидирует по показателям группы единиц со значением сомнения, предположительности и сожаления.

Единицы, ориентированные на слушателя, встретились лишь в двух языках в небольшом количестве: в английском 9 (70 %) раз и в белорусском 4 (30 %) раза.

Маркеры вежливости, лексические заполнители пауз и конечные формативы оказались характерны только для интервью на английском языке.

В целом, наибольшее количество модальных модификаторов было отмечено в интервью на английском языке – 204 (40 %). Чуть ниже по показателям оказался испанский – 184 (37 %). И заметно ниже оказался белорусский язык – 117 (23 %). Таким образом мы можем сделать вывод, что английский и испанский языки гораздо более широко используют модальные модификаторы и тем самым снижают прямолинейность высказываний, в то время как в белорусской коммуникации высказывания оказываются более прямыми.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Карпилович, Т. П.* Основы прагматики : пособие для студентов высш. учеб. заведений, обучающихся по специальности 1-23 01 02-05 «Лингвистическое обеспечение межкультурных коммуникаций (внешнеэкономические связи)» / Т. П. Карпилович, И. В. Лешкевич, Т. Н. Гребень. – Минск : МГЛУ, 2014. – 92 с.
2. *Ларина, Т. В.* Категория вежливости и стиль коммуникации : Сопоставление английских и русских лингвокультурных традиций / Т. В. Ларина. – М. : Языки слав. культур, 2009. – 512 с.
3. *Формановская, Н. И.* Культура общения и речевой этикет / Н. И. Формановская. – М. : ИКАР, 2005. – 2-е изд. – 250 с.

This article is devoted to modal modifiers as a means of expressing negative politeness in the statements of communicants of media interviews in English, Spanish and Belarusian. The article compares modifiers in three languages and identifies common and different means of expressing negative politeness.

А. И. Голоцевич
Минск, МГЛУ

ВЛИЯНИЕ СМИ И ИНТЕРНЕТ-СРЕДЫ НА ИНДИВИДУАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ КАЧЕСТВА ПОДРОСТКА

Статья посвящена проблеме интернет-зависимости среди молодежи, которая набирает все большие обороты в современном обществе. В век компьютерных технологий и Интернета актуальным становится вопрос интернет-зависимости. Данная проблема приобретает важность в связи с ростом количества пользователей Сети во всем мире. Интернет забирает больше времени у своих пользователей и становится настолько доминирующим,

что с годами у них прогрессирует снижение способности к волевому контролю над посещением Сети. В статье рассматриваются особенности личности, способствующие формированию зависимости. Прослеживаются особенности молодого поколения в Глобальной сети. Приведены психологические особенности личностей, предрасположенных к интернет-зависимости. Практическая значимость работы состоит в том, что материалы и основные результаты исследования могут быть приняты во внимание в процессе преподавания, при создании специализированных курсов по формированию информационной культуры старшеклассников вне учебного времени.

Главной и важной отличительной чертой в подростковом возрасте отводится стремлению индивида получить значимый для него социальный статус, с помощью которого он сможет занять достойное положение среди сверстников. И немаловажным является утверждение себя и достижение признания окружающими людьми как личности.

В процессе социализации посредством обучения и воспитания, происходит целенаправленное создание условий для формирования качеств личности, способствующих успешному вхождению в социум. Одной из основных задач процесса социализации является содействие саморазвитию личности.

Проведенный анализ психолого-педагогической литературы показывает, что проблема социализации личности носит ярко выраженный исторический характер, выступая одной из «вечных» для образовательной и воспитательной практики. Несмотря на то, что в решении данной проблемы накоплен значительный опыт, в современных условиях развития постиндустриального мира она получила качественно новый оттенок, связанный с необходимостью разработки механизмов и средств адаптации каждого ребенка к реалиям быстро развивающегося мира.

Поэтому социализация в процессе формирования личности школьника составляет одну из важнейших задач современного общества постиндустриального типа.

Большое влияние на социализацию детей, особенно в юношеском возрасте, оказывают средства массовой информации, молодежная субкультура, неформальное общение в микросоциуме.

Также стоит отметить негативную сторону информационной культуры. Старшеклассники могут столкнуться с информационной неразборчивостью, а также информационной перегрузкой, что влияет на эффективное обучение и понимание. В настоящее время главной проблемой является интернет-зависимость. В последние годы она приобрела поистине впечатляющий размах. Являясь неисчерпаемым источником информации, Интернет привлекает детей возможностью узнать, увидеть, найти все что угодно. Имея ввиду подростков, в некоторых случаях можно говорить о наличии психологических сложностей. И у каждой из них есть свои причины. Они проявляются в проблемных отношениях в семье, в трудностях с учебой, что может привести к тому, что подросток выбирает «более совершенную» виртуальную жизнь.

Информационная культура становится важнейшим фактором благополучной учебной деятельности, а также социальной защищенности личности в информационном обществе. Особо актуально формирование информацион-

ной культуры в подростковом возрасте, и, как утверждает Е. Д. Божович, именно тогда начинают развиваться те внутренние процессы, которые приводят в конце подросткового возраста к формированию самостоятельных и устойчивых взглядов, оценок, относительно устойчивой системы отношения к окружающему миру и самому себе. В процессе внеклассной работы старшеклассники проявляют такие качества, как гибкость, открытость, мобильность и способность оперативно реагировать на поступающую извне информацию. Это способствует саморазвитию человека, а также его дальнейшей эффективной самореализации в обществе, полноценному участию в различных областях деятельности в условиях информационного общества.

Важнейшим фактором, определяющим развитие всех сфер культуры и общества в целом, становятся новые технологии. В этой связи А. С. Кармин отмечает: «Когда общество повышает уровень технологической культуры, не заботясь о культуре духовной, то это грозит забвением духовных ценностей» [1], поэтому современная информационная культура, являясь частью общей культуры личности и неотъемлемой частью информационного общества и образования, нуждается в детальном анализе и комплексном изучении.

В настоящее время данная проблема находится под пристальным вниманием исследователей, хотя и является мало изученной, поскольку она приобрела актуальность только в последнее время, что связано с переходом от индустриального общества к информационному. Различные аспекты формирования информационной культуры были отражены в трудах следующих ученых: О. С. Ахметова, С. А. Бочан, С. В. Карпенко, И. С. Козаков, Т. В. Кузминич, Н. В. Лопатина, Е. В. Мартынова, С. И. Михаэлус, А. Г. Селевко, Г. В. Скорик и др.

Стоит заметить, что огромную роль в социализации старшеклассников играет Интернет, предоставляя безграничные возможности поиска информации, общения. А с детьми старшего школьного возраста, если и стала такая проблема, нужно разбираться более глубоко. Часто старшеклассники уходят в виртуальную жизнь из-за проблем в реальной жизни, в основном это проблемы психологического характера. В виртуальности ребенок ищет и получает то, что не может по каким-то причинам получить в реальном мире.

Опыт информатизации человечества оборачивается для него новыми угрозами. Прежде всего, существуют такие опасности, как виртуализация и обесценивание знаний, манипуляция сознанием, превращение человека в ненасытного потребителя информации, а всего социума и сферы образования в глобальный рынок информационных услуг.

Исследование, проведенное психологом А. Б. Викентьевой, показало, что распространенность интернет-зависимости сходна с распространенностью патологической азартности и охватывает от 1 до 5 % пользователей Интернета. Основную опасность для больных информационной зависимостью представляет стресс, вызванный избыточностью данных. Зависимость от Интернета или от информации может сказываться на состоянии человека не менее пагубно, чем любое другое заболевание.

Еще одной опасностью мира информационных технологий, которую выделяют ученые (Д. Гроссман, Г. дэ Гаэтано), являются компьютерные игры. Наиболее распространенными и любимыми видами являются 3D Action и Logic. Первоначальный смысл игр заключался в своеобразном отдыхе от монотонной будничной жизни. Но иногда этот отдых перерастает в психологическую зависимость от компьютера. Многие ученые считают, что только ролевые игры способны сформировать устойчивую психологическую зависимость, так как только в случае с ролевыми играми мы наблюдаем некий «эго-распад» на «Я» виртуальное и «Я» реальное, нарастание диссонанса между которыми влечет усиление дезадаптации и нарушения в сфере психических состояний. Возрастной контингент увлекающихся компьютерными играми находятся в рамках от 10 до 40 лет, большинство составляет молодежь до 18 лет [2, с. 361].

Занимающийся изучением игрологии Т. Бокарев признает, что компьютерные игры оказывают негативное влияние на игроков и вызывают зависимость, возникающую из-за сильного воздействия на органы чувств человека. Т. Бокарев также отметил, что в современных компьютерных играх слишком много жестокости, которая может травмировать детскую психику. У игроков возникает протест против реального мира, который в отличие от виртуального не позволяет им полностью воплотить свое желание.

Овладение информационной культурой – это путь универсализации качеств человека, который способствует реальному пониманию человеком самого себя, своего места и своей роли. Сегодня информационная культура становится одним из важных показателей общей культуры личности.

Умение извлекать информацию из различных источников является одним из ведущих. С каждым днем прибавляется все больше и больше информации, которая может не нести в себе никакой ценности. А пользователь должен обладать умением извлекать и добывать именно ту информацию, которая ему необходима, чтобы позднее предоставлять ее в понятном виде [3, с. 57]. Важной особенностью является умение эффективно использовать полученную информацию и умение ранжировать ее по степени адекватности и важности.

Таким образом, информационная культура школьников – это часть общей культуры личности, включающая систему представлений об информационной картине мира, умений в области информационно-коммуникационных технологий и потребностей в их использовании, знаний правовых и этических норм поведения в информационном пространстве, творческий подход к осуществлению информационной деятельности, а также наличие развитой информационной рефлексии.

Сегодня информатизация общества оказывает воздействие на все сферы жизнедеятельности человека. С каждым днем кардинально меняется образ жизни, поведение, деятельность, образ мыслей людей. И все это происходит под влиянием информационной культуры. Информатизация современного общества актуализировала проблемы формирования культурно развитой личности, способной к работе с большими потоками информации [4, с. 3].

Современная информационная культура собрала в себе все свои предыдущие формы и соединила их в единое целое. Объектом изучения информационной культуры является система информационных взаимодействий общества и человека. В качестве субъекта называется процесс гармонизации внутреннего состояния человека в процессе создания и потребления информации.

Старший подростковый возраст исследуется и характеризуется в специальной литературе. Во-первых, как граница детства. Во-вторых, как граница взросления с радикальными переменами социальных ролей. Период старшего подросткового возраста можно определить как период взросления [5, с. 264].

Подростковый возраст является переломным, переходным и критически трудным возрастом как для родителей, педагогов, так и для самих подростков.

Психологические особенности подросткового возраста, по мнению различных авторов, рассматриваются как кризисные и связаны с перестройкой в трех основных сферах: телесной, психологической и социальной [6, с. 178]. На телесном уровне происходят существенные гормональные изменения, на социальном уровне подросток занимает промежуточное положение между ребенком и взрослым, на психологическом – подростковый возраст характеризуется формированием самосознания.

В развитии эмоциональной сферы старшеклассника происходят различные изменения. Нервная системы становится более уравновешенной. Юноши становятся менее раздражительными и более оптимистичными и жизнерадостными. Главной отличительной особенностью этого возраста является достаточно высокая избирательность юношеских эмоций. Эмоциональное состояние старшего школьника, его настроение характеризуется устойчивостью. В большей степени оно определяется факторами внешней среды, а в меньшей степени настроение зависит от нервной системы. Несмотря на это, старшему школьному возрасту свойственна повышенная эмоциональность.

Старшие школьники являются наиболее активными пользователями и создателями электронной информации. От освоения компьютерных игр различного характера до анализа данных в информационных сетевых ресурсах. И часто они не задумываются о возможных негативных последствиях своей информационной деятельности [7, с. 62].

Ученые из Brigham Young University провели исследование, в котором установили, что рост популярности виртуальных развлечений способствует резкому падению качества отношений и частоты общения с родителями и ровесниками. Молодые люди тратят свободное время не на важные социальные контакты, а на компьютерное хобби, из-за чего снижается доверие к семье и меньше внимания обращается на поддержку друзей и любовь близкого человека, констатируют психологи. Уже известны случаи в США и в Европе, когда под воздействием компьютерных игр и развращающей информации из Интернета старшеклассники в школе расстреливали своих одноклассников, а потом убивали себя. Всем известен также случай в Японии, когда воздействие спецэффектов, примененных в мультфильме «Покемон», привело к самоубийствам детей [8].

Определенный уровень информационной культуры необходим каждому школьнику, выпускнику школы независимо от того, какую сферу профессиональной деятельности он выберет, а также как сложится его дальнейшая жизнь.

Анализ литературы свидетельствует о том, что познавательный интерес старшеклассников в основном распространяется на игровую и развлекательную области. У них отсутствует какое-либо желание овладеть способами поиска, передачи, преобразования и хранения информации. В результате этого у старшеклассников пропадает желание овладеть информационной культурой как личностным качеством. Это связано со слабым процессом информатизации образования, а также с тем, что потенциал компьютерной среды используется довольно слабо. А именно возможность электронных библиотек, компьютерных программ, которые работают в режиме обучения, тренировки и контроля [9, с. 141].

Стоит подчеркнуть, что современное образование должно быть направлено не просто на повышение уровня образованности человека, а на формирование иного образа и способа мышления, типа интеллекта, которое приспособлено к быстро меняющимся социальным и информационным реалиям окружающего мира.

Старшему школьнику как будущему специалисту, которому предстоит жить в информационном обществе, следует овладеть необходимой информацией и приемами программирования. Но, в первую очередь, ему необходимо научиться рационально использовать информацию и информационные технологии для поддержания своего творческого и интеллектуального потенциала [10, с. 82]. Он должен эффективно применять полученные знания для принятия важных и ответственных решений.

ЛИТЕРАТУРА

1. Кармин, А. С. Философия культуры в информационном обществе: проблемы и перспективы // Вопросы философии. – 2006. – № 2. – С. 52–60.
2. Гроссман, Д. Ребенок и компьютер / Д. Гроссман. – Клин, 2007. – 448 с.
3. Сухина, В. Ф. Человек в мире информатики / В. Ф. Сухина. – М. : Радио и связь, 1992. – 111 с.
4. Семенюк, Э. П. Информационная культура общества и прогресс информатики / Э. П. Семенюк // НТИ. Сер. 1. – 1994. – № 7. – С. 3.
5. Семенюк, Л. М. Хрестоматия по возрастной психологии : учеб. пособие для студентов / Л. М. Семенюк [и др.] ; под ред. Д. И. Фельдштейна. – Изд. 2-е, доп. – М. : Ин-т практ. психологии, 1996. – 304 с.
6. Кон, И. С. Психология старшеклассника : пособие для учителя / И. С. Кон. – М., 1982. – 208 с.
7. Захарова, И. Г. Информационные технологии в образовании / И. Г. Захарова. – М. : Сентябрь, 2003. – 192 с.
8. Хромов, Л. И. Информационный тоталитаризм [Электронный ресурс] / Л. И. Хромов // Журнал «Российская Федерация сегодня». – 2008. – № 14. – Режим доступа : <http://www.nauka.com/mod/shop/productID/16029>. – Дата доступа : 27.04.2020.

9. Полат, Е. С. Метод проектов. Современная гимназия: взгляд теоретика и практика / Е. С. Полат. – М. : ВЛАДОС, 2000. – 347 с.
10. Новоковшинов, Ю. А. Воспитание информационной культуры / Ю. А. Новоковшинов. – М. : Нар. образование, 2003. – 123 с.

In this paper the problem of Internet addiction among young people is analyzed. The article presents the psychological characteristics of individuals predisposed to Internet addiction. The practical significance of the work is that the materials and main results of the research can be taken into account in the teaching process.

Е. С. Гридина
Минск, МГЛУ

ОСОБЕННОСТИ РЕАЛИЗАЦИИ ПРИНЦИПОВ КОММУНИКАТИВНОЙ КООПЕРАЦИИ В СОВРЕМЕННЫХ СИТКОМАХ НА АНГЛИЙСКОМ И РУССКОМ ЯЗЫКАХ

Целью исследования, представленного в статье, было установление особенностей реализации принципов коммуникативной кооперации в современной ситуативной комедии на английском и русском языках.

В результате проведенного анализа установлено, что наиболее часто нарушаемыми максимами в современной англоязычной ситуативной комедии являются максимы одобрения, количества, такта, релевантности, качества, симпатии, скромности, согласия и вежливости. Также определены закономерности актуализации выявленных особенностей в дискурсе на английском и русском языках, а именно: употребление отрицательных местоимения и частиц, многочисленных отрицаний, лексического повтора, эвфемизации, лексико-синтаксического параллелизма, использование параллельных конструкций, ненормативной лексики, идиом, гипербол, иронии или сарказма, наличие принципа линейности в общении, игнорирование когезии и когерентности, буквальное понимание слов, употребленных в переносном значении и игнорирование сценариев и формул вежливости.

В современном мире каждому человеку необходимо владеть принципами коммуникативной кооперации для обеспечения успешной коммуникации в различных ситуациях. Однако очевидно, что данные принципы являются идеальными моделями и в реальной коммуникации отступления от них довольно часты, что может привести к различным отрицательным последствиям. Принципы коммуникации взаимосвязаны и взаимообусловлены. В данном исследовании рассматривается использование принципов, обозначается выявление нарушений и их причин, а также описываются и анализируются языковые средства, используемые для передачи нарушения максим. Кроме этого, в данной работе исследуются особенности перевода нарушений принципов коммуникативной кооперации на русский язык.

Целью работы является установление особенностей реализации принципов коммуникативной кооперации в современной ситуативной комедии на английском и русском языках.

Материалом для данного исследования послужили 10 серий первого сезона американского комедийного телесериала «Теория большого взрыва» (длительность – 202 минуты, общая продолжительность сезона – 343 минуты), а также перевод аудиовизуальных текстов, выполненных студией дубляжа «Кураж – Бамбей».

В результате проведенного анализа было установлено, что средняя частотность нарушения максим составляет 1–2 максимы за эпизод. Большую/меньшую частотность нарушения максим можно объяснить тематикой каждой из серий. Посмотрев лишь несколько серий, несложно сделать вывод, что в данном сериале показаны достаточно комичные диалоги и ситуации. Режиссер сериала присвоил каждому эпизоду отдельную тему и название; следует отметить, что любая ситуация, какой бы грустной или неприятной для героев сериала она ни была, сопровождается шутками, иронией, хвастовством и тому подобным, что, в свою очередь, приводит к постоянному нарушению максим. Но зрителям интересно и весело, так как необходимая режиссеру комичность достигнута и неважно, какими средствами. Все это придает неповторимый стиль сериалу и выглядит очень уместным.

В некоторой степени частотность нарушения максим обусловлена присутствием главных героев в эпизодах, ведь каждому герою характерно определенное, присущее именно им поведение в сериале. Каждый герой ведет себя по-разному, но зная всех героев и их характер, иногда можно предугадать, как они поведут себя в различных, показанных в сериале, ситуациях.

Так, например, если в серии есть Шелдон, то, зная его, можно предположить, что будут нарушены, в первую очередь, максимы релевантности и количества, поскольку всем зрителям известно о его постоянных комментариях не по теме диалога и комментирование происходящего больше, чем это следует. Также, будет нарушена максима скромности, потому как мы знаем, как относится к себе Шелдон и какого высокого мнения он о своих знаниях и достижениях. К этому можно добавить нарушение максим такта, согласия и великодушия, потому что он обычно преследует свои интересы в диалогах и делает лишь так, как ему удобно, редко нехотя отступая от своих правил, тем самым ставя собеседников в неловкое положение, что иногда и вовсе приводит к завершению коммуникации. Нетрудно заметить, что Шелдон – очень яркий, неповторимый персонаж и каждый диалог с ним комичен и интересен для зрителей.

Если в эпизоде присутствует Леонард, то часто наблюдается нарушение максимы качества, потому что одним из его излюбленных занятий является ирония в отношении поведения, высказываний или каких-либо действий Шелдона.

Если в эпизоде есть Раджеш, то можно предположить нарушение максимы такта, поскольку все любят издеваться над ним и шутить о его неспособности говорить в присутствии красивых девушек. Раджеш любит отпускать обидные и нетактичные комментарии в адрес присутствующих.

Если в эпизоде мы видим Говарда, то наблюдается нарушение максимы скромности, так как он любит акцентировать внимание и говорить о своих способностях.

Если в эпизоде присутствует Пенни, часто нарушается максима качества и такта, так как она любит шутить над парнями и иногда резко реагировать на поведение и высказывания Шелдона и Раджеша.

Соответственно, присутствие всех этих персонажей в эпизоде вместе, подразумевает еще большее количество нарушений.

Рассмотрим особенности реализации наиболее часто нарушаемых максим на примерах.

– *On top of everything else, I'm all gross from moving and my stupid shower doesn't even work.*

– *Our shower works.*

– *Really? Would it be totally weird if I used it?*

– *Yes.*

– *No*

– *Ко всему прочему, меня достал этот переезд, и душ у меня не работает.*

– *У нас работает.*

– *Может, я им воспользуюсь?*

– *Да.*

– *Нет.*

В данном диалоге один из собеседников рассказывает, что у него не работает душ. И, когда ему отвечают, что душ работает, он спрашивает, можно ли воспользоваться им. В ответ один собеседник разрешает это сделать, а другой запрещает. Для начала необходимо отметить, что в большинстве случаев один из участников диалога, высказывающий неодобрение, использует отрицание, которое является инструментом для того, чтобы выразить несогласие или нежелание делать что-то, запретить что-либо. Отрицание в приведенных примерах выражается лексическими средствами. Чаще всего это краткие ответы, где используется отрицательное местоимение *no*. На русский язык отрицание переводится отрицательной частицей *нет*, которая используется для контраста с частицей *да*.

В следующем примере можно видеть, что, когда один собеседник спрашивает другого, не хочет ли тот узнать что-то интересное о помидорах, в ответ он слышит отказ. Здесь сначала используется отрицательное местоимение *no*, которое стоит перед отрицательной частицей *not* в сочетании с наречием для усиления отрицания – *no, not really*, для которого в русском языке нет прямого эквивалента. При переводе на русский язык используется многочисленное отрицание для передачи того же эффекта:

– *You want to hear an interesting thing about tomatoes?*

– *No, not really.*

– *Хэй, хочешь узнать кое-что интересное о помидорах?*

– *А, нет, нет, правда, нет.*

Нарушение максимы симпатии может осуществляться посредством повторяющегося междометия *bla* в предложении, которое означает что-то пустое, бессмысленное. Иными словами, то, что говорится, является скучным

или неважным. Оно указывает на пренебрежительное отношение собеседника к предмету разговора. На русский язык оно также переводится междометием *бла*.

– Are you even listening to me?	– Ты хоть слушаешь меня
– Of course, I'm listening. Blah, blah, hopeless Penny delusion...	вообще?
– Okay, then.	– Конечно, слушаю. Бла, бла, безнадежность, Пенни заблуждение, бла, бла, бла.
	– Ну, ладно.

При реализации максимы такта в следующем диалоге мы можем наблюдать, что один участник переживает, что девушка, которая ему нравится, целуется с другим. Его друг, вместо того, чтобы поддержать его, начинает развивать данную тему, чем еще больше расстраивает своего собеседника. Нарушение максимы такта происходит в результате лексического повтора ключевого слова (существительного *поцелуй*) для развития темы, которую развивать в данном случае неуместно.

– What's the matter?	– Да что случилось-то?
– I'm fine. Penny's fine. The guy she's kissing is really fine.	– Я в порядке. И Пенни в порядке. Парень, целующий ее, тоже очень даже в порядке.
– Kissing, what kind of kissing? Cheeks? Lips? Chaste? French?	– А целует как? Ну, в щечку? В губы? По-французски?
– What is wrong with you?	– Да что с тобой такое, а?
– I'm a romantic.	– Я романтик.

Нарушение максимы такта может происходить и в результате использования лексических единиц, которые в естественном общении эвфемизируются. Например:

– You have lost so much weight. That must have been difficult for you because you were so, so fat. Do you remember?	– Ты так похудела, я хочу сказать. Это, должно быть, было так тяжело для тебя, ведь ты была такой толстой. Ты помнишь?
– Yes, I do.	– Да, я помню.
– Of course you do. Who could forget being that fat?	– Конечно, помнишь. Кто может забыть, если он был настолько толстым?
– I've been trying.	– Я вот пытаюсь.

В данной ситуации обсуждается телосложение одного из говорящих. Один собеседник делает комплимент другому, говоря о похудении, однако затем он начинает вести себя некорректно, спрашивая о том, помнит ли

собеседник, каким толстым он был. Здесь также наблюдается лексический повтор существительного *fat* для развития темы, которую также развивать в данном случае неуместно.

Среди языковых средств актуализации пренебрежения максимой такта можно выделить лексико-синтаксический параллелизм:

– *Anyway, I've learned my lesson. She's out of my league, I'm done with her. Got my work, one day I'll win the Nobel Prize and then I'll die alone.*

– *Don't think like that. You're not going to die alone.*

– *Thank you, Sheldon. You're a good friend.*

– *And you're certainly not going to win a Nobel Prize.*

– *В любом случае, это послужит мне уроком. Она не для меня, я в полете. Но однажды я получу Нобелевскую премию и умру один.*

– *Не думай так, ты не умрешь в одиночестве.*

– *Спасибо, Шелдон, ты настоящий друг.*

– *И ты точно не получишь Нобелевскую премию.*

В представленном диалоге максима такта нарушается как следствие использования параллельных конструкций *you're not going to*, первая из которых направлена на приободрение собеседника, а вторая демонстрирует намеренный отказ от косвенного выражения своего мнения, что способствует созданию своего рода контраста.

Нарушение максимы такта при помощи контраста, создаваемого прямолинейным использованием лексических единиц со значением особенностей физиологии (*snore, sinus infection, apnoe*) в сочетании с модальными глаголами в вежливых конструкциях (*you might want; probably it is..., but it could be...*) можно проследить в следующем примере:

– *You came into my apartment last night while I was sleeping?!*

– *Yes, but only to clean.*

– *Really more to organize. You're not actually dirty, per se.*

– *Give me back my key.*

– *I'm very, very sorry.*

– *Do you understand how creepy this is?*

– *Oh, yes, we discussed it at length last night.*

– *In my apartment, while I was sleeping?!*

– *And snoring. And that's probably just a sinus infection. But it could be sleep apnea. You might want to see an otolaryngologist. A throat doctor.*

– *Вы были у меня это ночью, когда я спала, да?!*

– *Да, но только для уборки.*

– *Хотя больше для организации. По существу, у тебя там даже и не грязно.*

– *Верните мне мой ключ.*

– *Мне очень-очень жаль.*

– *Ты хоть понимаешь, насколько это ужасно?*

– *Да, мы обсуждали это ночью.*

– *В моей квартире, когда я спала?!*

– *И храпела, кстати. Хотя я думаю, это всего лишь насморк. А может, это была апноя во сне. Ты должна показаться отоларингологу. Ну, проще говоря, ЛОРу.*

При нарушении максимы одобрения мы можем наблюдать наличие ненормативной лексики оскорблений, использование которых нарушает личные границы собеседника.

– *I shower twice a day and wash my hands as often as I can.*

– *Really? So do I.*

– *But you're a dentist. He's nuts.*

– *Я моюсь дважды в день и мою руки так часто, как только могу.*

– *Правда? Я тоже.*

– *Да, но ты дантист, а он чокнутый.*

В данном случае используется идиома *somebody is nuts*. А на русский это переводится просто грубым просторечием *чокнутый*.

Примечательно, что для нарушения рассматриваемой максимы зачастую используется выражение *no offense* ‘без обид’, однако не в прямом значении с целью извинения за свои резкие слова, а, напротив, для усиления оскорбления:

– *Look, if you weren't happy with my presentation then maybe you should have given it - with me!*

– *As I have explained repeatedly, unlike you, I don't need validation from lesser minds. No offense.*

– *Смотри, если ты не доволен моей презентацией, то мог бы со мной ее представить!*

– *Я неоднократно объяснял. В отличие от тебя, мне не нужно признание низших умов. Ребят, без обид, правда.*

С этой же целью используются и гиперболы:

– *Great Caesar's ghost, look at this place.*

– *So Penny's a little messy.*

– *A little messy? The Mandelbrot set of complex numbers is a little messy. This is chaos.*

– *Великий Цезарь, посмотри на это место.*

– *Ну что же, у Пенни небольшой беспорядок.*

– *Небольшой беспорядок? Формула Мунтельброта всего лишь кучка цифр, если это небольшой беспорядок. Это хаос.*

Вследствие частого использования иронии и нарушения максимы качества один собеседник, который иронизирует над другим, задает вопрос *You think?*. Этот вопрос является ответной реакцией на уточнение собеседника, правильно ли он распознал иронию/сарказм. Иными словами, здесь имеет место быть ответ иронией на иронию, или иронией на сарказм.

– *I have to say I slept splendidly. Granted, not long, but just deeply and well.*

– *I'm not surprised. A well-known folk cure for insomnia is to break in your neighbor's apartment and clean.*

– *Sarcasm?*

– *You think?*

– *Я должен сказать, я очень хорошо выспался. Недолго, конечно, но очень крепко и умиротворенно.*

– *Не удивлен. Ведь это народное средство от бессонницы, вломиться в квартиру соседки и убрать в ней.*

– *Сарказм, да?*

– *Думаешь?*

Наиболее частотным маркером нарушения максимы количества является повелительное предложение с глаголом *listen*, сигнализирующим о предстоящей необходимости слушать больше, чем необходимо, иначе говоря, маркером лишней информации.

– *What exactly do you think's going on between us?*

– *I'm not sure, but I think I'm about to discover how the banana felt.*

– *Listen, neither of us are neuroscientists, but we both understand the biochemistry of sex. I mean, dopamine in our brains is released across synapses, causing pleasure. You stick electrodes in a rat's brain, give him an orgasm button, he'll push that thing until he starves to death.*

– *А что конкретно, ты думаешь, происходит у нас с тобой?*

– *Я не уверен, но, кажется, я сейчас ощутил, как упал банан.*

– *Слушай, мы конечно не нейрологи, но мы оба понимаем биохимию секса. То есть допамин в нашем мозгу распространяется по синапсам, вызывая наслаждение. То есть ты крепишь электродик к крысе, нажимаешь кнопку оргазм, потом она сама будет жать ее, пока не умрет от голода.*

Максима релевантности в диалогах между героями нарушается вследствие того, что один из собеседников намеренно придерживается принципа линейности в общении, т.е. развивает и реагирует на последнюю в предыдущей реплике идею/полнозначное слово:

– *God, you know, 4 years I lived with him. 4 years... that's like as long as high school.*

– *It took you 4 years to get through high school?*

– *It just... I can't believe I trusted him.*

– *Боже, я прожила с ним 4 года. 4 года. Столько учатся в бакалавриате.*

– *Тебе потребовалось целых 4 года на это?*

– *Я не могу поверить, что верила ему, доверяла.*

В этом примере можно видеть, что один собеседник сравнивает промежуток времени равный 4 годам, который он прожил с кем-то, с периодом обучения в бакалавриате. Другой участник разговора в ответ на это уходит от непосредственной темы и задает вопрос о длительности обучения в бакалавриате.

Еще одной техникой, используемой для нарушения максимы релевантности, является игнорирование когезии и когерентности в диалоге.

– *What did she mean by that?! Was that just a generic platitude, or was that a subtle bid for attention?*

– *You know why this hamburger surpasses the Big Boy? This is a single-decker hamburger, whereas the Big Boy is a double-decker. This has a much more satisfying meat-to-bun-to-condiment ratio.*

– *Что она хотела этим сказать? Это была обычная формальность или намек на внимание?*

– *Ты знаешь, почему этот гамбургер лучше Биг Боя? Это одноэтажный, а Биг Бой двухэтажный гамбургер. У этого коэффициент отношения мяса к хлебу более высокий.*

Здесь мы можем заметить, что один собеседник уточняет, правильно ли он проинтерпретировал поведение знакомого им обоим человека. В ответ на это второй собеседник начинает рассуждать о гамбургерах, что, очевидно, никак не соотносится с темой разговора, а также с заданным ему вопросом. Таким образом, максима релевантности нарушается вследствие отсутствия тематической связности, так как отсутствуют общие ключевые слова, или слова одной тематической группы (в первом случае речь об интерпретации чьего-то поведения, а в ответе – о гамбургерах).

Нарушение рассматриваемой максимы также может происходить в результате намеренного игнорирования одним из собеседников контекста общения и, как следствие, буквального понимания слов и выражений, использованных в переносном смысле.

– *I need some guinea pigs.*

– *There's a lab animal supply company in Reseda you could try. But if your research is going to have human applications, may I suggest white mice instead. Their brain chemistry is far closer to ours.*

– *Мне нужно несколько морских свинок.*

– *А, отлично, есть компания по поставкам животных в Резеде, можешь попробовать до них дозвониться. Но, если твои исследования будут использоваться для людей, я могу предложить белых мышей, у них химический состав мозга гораздо ближе к нашему.*

Здесь нарушение максимы происходит из-за расхождения в понимании смыслов: переносный смысл слова *морская свинка* воспринимается буквально.

В приведенном ниже диалоге один собеседник просит совета у другого. В конечном счете он получает неподходящий совет. Это обусловлено тем, что его просьба воспринимается буквально с намеренным акцентом на линейности развертывания диалога, т.е. не в значении 'что мне нужно было сказать, чтобы не ранить ее чувства', а 'как бы я объяснил свой уход'.

– *What was I supposed to say?*

– *You could have told her the truth.*

– *That would have hurt her feelings.*

– *Is that a relevant factor?*

– *Yes.*

– *Then I suppose you could've agreed to go.*

– *And what would I have said afterwards?*

– *I would suggest something to the effect of: singing is neither an appropriate vocation nor avocation for you, and if you disagree, I'd recommend you have a CAT scan to look for a tumor pressing on the cognitive processing centers of your brain.*

– *И что я должен был сказать?*

– *Ты мог бы сказать ей правду.*

– *Это бы задело ее чувства.*

– *Это существенный фактор в данном случае?*

– *Да.*

– *Я полагаю, ты должен был просто уйти тогда.*

– *А что после этого я бы ей сказал?*

– *Я думаю, подошло бы: пение не подходит тебе ни как профессия, ни как хобби, и если ты не согласна, то советую сделать рентгенограмму мозга, поискать опухоль, давящую на центр мозга, отвечающий за распознавательный процесс.*

В примере можно видеть, что в английском варианте используются вежливые, «мягкие» формы совета с глаголом *would*, несмотря на то, что сама рекомендация весьма грубая. А в русскоязычном переводе все передается достаточно прямолинейно, без смягчающей частицы *бы*.

Среди наиболее распространенных способов вербализации нарушения максимы скромности следует отметить игнорирование сценариев и формул вежливости. В частности в ответ на комплимент герои могут не отреагировать благодарностью, а продолжить восхвалять себя:

– <i>Boy, you're really smart.</i>	– Да, ты действительно умный
– <i>Yeah, I'm a frickin' genius.</i>	парень.
– <i>Leonard, you are so great. Why</i>	– Я долбаный гений.
<i>can't all guys be like you?</i>	– Леонард, ты такой
– <i>Because if all guys were like me,</i>	замечательный. Почему все ребята
<i>the human race couldn't survive.</i>	не могут быть такими, как ты?
	– Потому что, если бы все
	ребята были такими, как я,
	человеческая раса не смогла бы
	выжить.

На основании проведенного анализа было установлено, что нарушение принципов коммуникации зависит от различных факторов: необоснованно отрицательной реакции на просьбу; открытого нежелания слушать собеседника и игнорирования предложения поддержать беседу; слишком затянутых высказываний одного из собеседников; высокомерия собеседника; вследствие наличия в диалоге дополнительной информации, которая не относится к примеру разговора, а также, в тех случаях, когда собеседники говорят лишь то, что они думают и ведут себя крайне невежливо по отношению к другим участникам диалога, издеваются друг на другом, используя иронию и намеренно говоря неправду, когда собеседники намеренно входят в конфликт и не пытаются его решить каким-либо образом.

В некоторой степени, частотность нарушения максим обусловлена присутствием главных героев в эпизодах, так как каждому герою характерно определенное, присущее именно им поведение в сериале. Важно отметить, что причиной столь частотных нарушений максим в сериале также является и создание эффекта комичности, так как «Теория большого взрыва» – это комедийный телесериал и режиссеру успешно удастся достичь желаемого результата путем постоянного нарушения принципов коммуникации в диалогах.

The article deals with the peculiarities of communicative behavior of the characters in a modern sitcom. The results of the analysis elucidate which maxims of cooperation are frequently ignored in English and which language means are used to render the corresponding effect in Russian.

А. С. Латушкина
Минск, МГЛУ

ОСОБЕННОСТИ КОММУНИКАТИВНОГО ПОВЕДЕНИЯ В АНГЛОЯЗЫЧНЫХ СИТКОМАХ

В данной статье идет речь о коммуникативном поведении в кинодискурсе, а именно в американском ситкоме «Теория большого взрыва». Представлены особенности обозначенного коммуникативного поведения и его отличия от коммуникативного поведения в дискурсе реального общения. Проанализированы данные особенности. Представлены стилистические и грамматические приемы, использованные для достижения этих особенностей.

Вопрос о соотношении понятий *текст* и *дискурс* сложен в современной лингвистике. После сравнения терминов *текст* и *дискурс*, а также их взаимосвязи, стало очевидно, что, несмотря на свою смежность, данные понятия не являются синонимичными. Существуют многочисленные определения понятия *дискурс*, однако наиболее точным его определением является следующее: дискурс – связный текст, взятый в совокупности с экстралингвистическими факторами. Одной из многочисленных точек зрения на данный вопрос является рассмотрение текста как базовой единицы дискурса или одной из сфер его существования. В данном подходе дискурс рассматривается как процесс, а текст – как зафиксированный результат происходящего в дискурсе. Будучи более актуальным дискурс представляет собой уникальное стечение обстоятельств, при которых и для которых он был создан, таких как коммуникативные намерения, взаимоотношения говорящих, общий стилистический климат высказывания и др. В то время как текст является материальным объектом и занимает в дискурсе особое положение результата коммуникации.

В зависимости от точки зрения, с которой рассматривается дискурс, существуют различные подходы к его изучению. Одним из таких подходов является рассмотрение дискурса с точки зрения социолингвистики. На данной точке зрения основывается типология дискурса, предложенная В. И. Карасиком. Он подразделяет дискурс на персональный и институциональный, в котором говорящий выступает как представитель определенного социального института. Институциональный дискурс далее подразделяется на дискурсы отдельных социальных институтов, например, кинодискурс, т.е. связный текст, являющийся компонентом кинофильма или телесериала в совокупности с его невербальными компонентами. Каждый фильм или телесериал является уникальным примером кинодискурса. Объектом данной работы стал кинодискурс американского ситкома «Теория большого взрыва», в котором нами было рассмотрено коммуникативное поведение главных героев.

Понятие *коммуникативное поведение* определяется И. А. Стерниным как «реализуемые в коммуникации правила и традиции общения той или иной лингвокультурной общности». Существует три разновидности коммуникативного поведения: национальное (межкультурное), групповое и лич-

ностное. В настоящей работе рассматривается личностное коммуникативное поведение. Коммуникативное поведение тесно связано с дискурсом, в рамках которого оно существует.

На основе анализа кинодискурса 15 серий американского ситкома «Теория большого взрыва» были выделены особенности коммуникативного поведения героев, которые впоследствии были разделены на две группы: общие особенности и особенности отдельных героев.

Что касается общих особенностей, то первой из них является стремительность коммуникации. Для достижения эффекта стремительности коммуникации используется большое количество эллиптических и неполных предложений, а также быстрая смена реплик героев.

Howard: Is that how her perfume smells? Raj: Intoxicating, isn't it?

Второй особенностью является преувеличенность коммуникации. На фоне языковой экономии, а именно использования эллиптических и неполных предложений, мы можем наблюдать некоторую информативную избыточность в виде обсуждения деталей, которые в естественных условиях общения не упоминаются ввиду того, что они уже известны собеседникам.

Например, в одной из серий Пенни и Леонард очень подробно обсуждают тот факт, что Леонарда стошнило по дороге домой, хотя эта информация известна им обоим. Однако зрителю этот эпизод показан не был:

Penny: You did throw up. Isn't that the sign of concussion? Leonard: Yes, but I get car sick, too... Sorry about your car, by the way. P: Oh, no. It's fine, you got the most of it out of the window. L: The poor guy on bike.

Ситком (ситуативная комедия) – разновидность комедийных радио- или телепрограмм. Следовательно, одной из особенностей данного жанра является наличие большого количества юмора, что не характерно для живого общения. Для достижения юмористического эффекта используются различные способы, в данном случае рассматривается употребление героями различных стилистических приемов в речи.

Довольно часто используются повторы:

Penny: Oh, hi! Leonard: Hi! Sheldon: Hi! L: Hi! S: Hi! P: Hi?

Частым явлением в речи героев являются аллюзии к популярной культуре. В частности, к известным фильмам:

Gablehouser: We're having a small welcoming party this afternoon for Mr. Kim, who's agreed to join us here at the University. Sheldon: Of course, he has, the oracle told us little Neo was the one. You can see the Matrix, can't you?

Также необходимо отметить, что в целом знание массовой культуры и владение фоновой информацией о стране, в которой развивается действие ситкома (в данном случае США, а именно штат Калифорния), является важным фактором для дешифровки и понимания. Ведь аллюзии к популярной культуре, а также американские реалии довольно часто встречаются в ситкоме.

Еще одним стилистическим приемом достижения комического эффекта является использование эпифоры:

Howard's mother: Howard, it's the phone! Howard: Yeah, I know it's the phone, I hear the phone!

Эпифора употребляется, чтобы подчеркнуть абсурдность и комичность ситуации.

Необходимо отметить, что в речи героев часто используются риторические вопросы, что также способствует достижению комического эффекта:

«I have an IQ of 187. Don't you imagine that if there was a way for me to have soup at home I would have thought of it?».

Использование риторических вопросов подчеркивает очевидность произнесенного говорящим, а также акцентирует внимание на некоторых его характеристиках.

Еще одним часто используемым в ситкоме стилистическим приемом является ирония:

Sheldon: Thanks for clarification!

Для достижения юмористического эффекта используются и другие стилистические приемы, такие как рифма:

Leonard: If you could have stopped it could go well. Sheldon: If I could've I would've;

аллитерация:

«Shower, shirt, shoes and let's shove off»;

и каламбуры:

«See a Penny, pick her up and all the day you'll have good luck!».

В данном примере каламбур строится на том, что одну из героинь зовут Пенни, что совпадает с названием монеты.

Что касается коммуникативного поведения отдельных героев, то их личностное коммуникативное поведение, как и реальных людей, напрямую зависит от их характеров и пережитого опыта, что находит прямое отражение в их коммуникативном поведении, например, через использование определенных типов лексики или стилистических приемов.

Так, неуверенность Леонарда в себе приводит к использованию повторов, а также гипербол:

Penny: You are so great. Why can't all guys be like you? Leonard: Because if all guys were like me the human race couldn't survive.

В случаях, когда Леонард волнуется, его речи свойственно нарушение регистра общения, т.е. он переходит из регистра непринужденной беседы, в котором он себя чувствует очень неуверенно, в регистр официального общения, в котором он чувствует себя состоявшимся и, следовательно, уверенным:

Leonard: Do you have any plans for dinner? Penny: You mean dinner tonight? L: There's an inherent ambiguity in the word 'dinner'. Technically it refers to the largest meal of the day whenever it is consumed, so to clarify here, by dinner I mean supper.

Зачастую, стараясь замаскировать собственное смущение и неуверенность в себе, герой использует антонимию и пытается акцентировать антонимическую замену посредством образности, а именно, через сравнение с первым попавшимся на глаза предметом:

«We are not a couple. We're singles, two singles. Like those individually wrapped slices of cheese that... We're friends».

В данном случае герой использует антонимы *couple – singles* (*пара – поодиночке*) и в попытке подчеркнуть антонимию неудачно сравнивает себя и Пенни с кусочками сыра в индивидуальной обертке.

Что касается Говарда, его чересчур высокая самооценка также приводит к возникновению определенных особенностей коммуникативного поведения. Например, он говорит о себе в третьем лице:

«Wolowitz has a solution».

Делается это исключительно для того, чтобы возвысить себя среди других присутствующих, показать свою значимость и, в данном случае, незаменимость.

Говард всегда старается произвести впечатление и упомянуть в разговоре все свои достоинства:

Howard: Bon douche. Penny: I'm sorry? Howard: It's French for good shower. It's a sentiment I can express in six languages.

На данном примере мы видим, что в первые же минуты после знакомства с Пенни он упоминает о знании нескольких иностранных языков.

В основном это происходит именно при общении с женщинами. Герой пытается показать свою мужественность, используя лексику определенной тематической группы, а именно все то, что в обществе принято относить к маскулинности:

«What would you recommend for someone who worked up a man-sized appetite from a morning of weight training and cardio-funk».

Еще одной особенностью коммуникативного поведения героя является то, что часто в разговоре с женщинами он использует французские слова или цитирует поэтические произведения, для того чтобы создать вокруг себя романтический образ. Ведь французский язык, как и поэзия, считаются неотъемлемыми атрибутами романтика:

Leonard: This is Penny, she lives across the hall from Sheldon and I. Howard: And walks in quiet beauty like the night...

Таким образом, можно сказать, что в своем коммуникативном поведении он старается акцентировать внимание на двух стереотипно привлекательных для женщин образах мужчин – мачо и романтик.

Особенностью коммуникативного поведения Шелдона является его наивность, что выражается в непонимании им иронии и сарказма:

Penny: Oh, the Doppler effect! Sheldon: You see, people get it!

Однако, несмотря на то, что герой не понимает иронии, сам он отлично владеет этим стилистическим приемом. Например, когда Леонард собирается поговорить с высоким человеком, Шелдон акцентирует внимание на его небольшом росте:

«Are you going to wait until he sits down or are you going to stand on a coffee table?».

Другой отличительной чертой Шелдона можно назвать его высокомерие, ведь он считает себя лучше всех и не боится обидеть кого-либо, произнося первое, что придет ему в голову:

Sheldon: You are lucky. You're talking to one of 3 men in the western hemisphere who is capable of following that train of thought. Leonard: Well, what do you think? S: I said I could follow it, I didn't say I cared.

Шелдон многословен. Также отличительной чертой его коммуникативного поведения является специфический подбор лексики. В своей повседневной речи он использует формальную и научную лексику, что является неуместным:

«He's engaging in reductio-ad-absurdum. It's the logical fallacy of extending someone's argument to ridiculous proportions and then criticizing the result, and I do not appreciate it».

Еще одной особенностью коммуникативного поведения героя является то, что он все воспринимает буквально:

Penny: I need some guinea pigs. Sheldon: Okay, there's a lab animal supply company in Reseda you could try, but if your research is going to have human applications may I suggest white mice instead, their brain chemistry is far closer to ours... Leonard: What's up? Penny: Well, I finally convinced the restaurant to give me a bar tending shift, so I need to practice making drinks.

В данном примере он не понимает переносного значения выражения *guinea pigs* («подопытные кролики») и воспринимает его прямо.

Таким образом, можно сказать, что герой все воспринимает в формальном ключе, т.е. он всегда пребывает в академическом дискурсе и не умеет переключаться с одного типа дискурса на другой.

Что касается еще одного героя – Раджа, то главной особенностью его коммуникативного поведения в проанализированных сериях является то, что этот герой часто обращает внимание на то, что он иностранец и говорит о проявлениях расизма в свою сторону:

Leonard: The only way we can play teams at this point is if we cut Raj in half. Raj: Oh, sure, cut the foreigner in half, there's a billion more where he came from.

Герой делает это, чтобы показать, что не позволит себя обидеть, хотя очевидно, что он очень ранимый.

Еще одной особенностью этого персонажа является то, что он использует довольно много типично «женской» лексики:

«Well, we'll see how your noxious gas fares against my cinnamon-apple scented aromatherapy candles».

В завершение отметим, что важной особенностью коммуникативного поведения героев является то, что оно зачастую изменяется в зависимости от обстановки и круга людей, в котором они находятся.

In the article the peculiarities of the communicational behavior of the characters of the English-language sitcom are described. The stylistic and grammatical means used in the communicational behavior are described.

О. С. Брагарник-Станкевич
Минск, БГУ

МЕЖЪЯЗЫКОВАЯ ЭКВИВАЛЕНТНОСТЬ ГЛАГОЛОВ, ОБОЗНАЧАЮЩИХ ЖИЗНЬ ЖИВОТНЫХ И ИХ ПОЯВЛЕНИЕ НА СВЕТ

В статье рассматривается межъязыковая эквивалентность глаголов, обозначающих жизнь животных и районы их обитания и распространения, а также глаголы, обозначающие способ размножения, появления на свет детенышей животных. Указанные глаголы относим к бестиальным глаголам, имеющим ряд функционально-семантических особенностей, у которых не всегда есть готовое соответствие в словаре или имеется несколько вариантов перевода.

Бестиальная глагольная лексика представляет собой многообразие глагольных единиц различной семантики, требующих систематизации. В семантике бестиальных глаголов фиксируются все знания человека об особенностях животного мира.

Семантический состав бестиальных глаголов довольно неоднороден. Основным критерием включения в данную глагольную группу той или иной лексической единицы выступает тот факт, что предикаты такого рода в своем семантическом составе имеют специализированную сему субъекта, которая выражается названием животного. Это и отличает данную группу глаголов от других семантических глагольных групп, поскольку она не включает в себя большое количество абстрактных сем (например, глаголы движения, глаголы состояния, глаголы отношения, каузативные глаголы и т.д.), а только субстанциональные семы, обозначающие основные признаки предметов-участников обозначаемой глаголом ситуации [1, с. 19]. Здесь и далее под понятием *животное* подразумеваем любой живой организм, который самостоятельно двигается, обладает сенсорным восприятием, принимает пищу (кроме человека).

В данной статье рассмотрим межъязыковую эквивалентность **глаголов, обозначающих жизнь животных** и районы их обитания и распространения, т.е. глаголы, обозначающие процесс биологического существования, а также глаголы, обозначающие переход от биологического несуществования к биологическому существованию либо каузирование этого перехода, т.е. **глаголы, обозначающие способ размножения, появления на свет детенышей**.

В русском языке группа предикатов, **обозначающих жизнь животных и районы их обитания и распространения**, представлена такими единицами, как:

акклиматизировать, акклиматизироваться (приспособиться к жизненным условиям); *бактеризовать, бактеризоваться; вестись, водиться* (плодиться, жить); *гнездиться* (устраивать гнезда, жить гнездами, о птицах); *размножаться, размножиться* (увеличится в количестве, производить на свет себе подобных); *червить* (откладывать яйца, о пчелах), *вить* (гнезда, о птицах) [2];

Примеры употребления глаголов такого рода:

Многие домохозяйева кормят [голубей] хлебными зернами, ставят им полки для гнезд, и всякий хозяин считает благоприятным знаком, если голуби хорошо ведутся у него на дворе [3, с. 169];

В нашем болотистом, низменном крае внятеро больше бы дичи велось, кабы сетями ее не ловили [4, с. 156];

Начавшие гнездоваться грачи, разбуженные непогодью, срываются с гнезд и с тревожным граем долго летают над селом [5];

Рабочие пчелы полетели за взятком, а матка червила [6, с. 692].

В английском языке:

nest (создавать гнезда); *colonize* (жить или расти в большом количестве в определенной области); *multiply* (воспроизводиться в больших количествах); *naturalize* (приспособиться к новым условиям существования); *settle* (освоить территорию); *desert* (покинуть местообитания); *survive* (продолжать жить или существовать); *fan out* (распространяться); *infest* (существовать в большом количестве в определенном месте); *live* (существовать); *localize* (ограничиться определенной областью проживания); *metamorphose* (изменяться); *migrate* (перемещаться из одной части в другую); *resettle* (переселяться).

Примеры употребления глаголов такого рода:

Bats had colonized the ruins.

Dinosaurs did not manage to survive through years.

Kangaroos are still not naturalized in the USA.

Swallows migrate south in winter.

The bird fanned out its tail feathers.

Среди всех семантических групп бестиальной глагольной лексики данная группа является одной из малочисленных и составляет 2 % от общего числа бестиальных глаголов русского языка. В английском языке данная группа представлена большей лексической вариативностью и составляет 4 % от общего числа бестиальных глаголов английского языка [7, с. 39–40].

В английском языке данная семантическая подгруппа глаголов представлена шире, чем в русском языке, однако при осуществлении перевода такого рода предикатов с русского языка на английский сложно подобрать точные эквиваленты в английском языке. В этом случае переводчик дает описательный перевод, поскольку прямых аналогов в английском нет. Например, *акклиматизироваться* (приспособиться к жизненным условиям) – *to get acclimatized to sth*; *вестись, водиться* (плодиться, жить) – *to live in certain areas of habitation, to be found*; *червить* (откладывать яйца, о пчелах) – *to oviposit, to lay eggs*.

Английская группа глаголов данного семантического подраздела шире по значению лексических единиц, в нее входящих: сюда включаются глаголы освоения территории (*colonize, settle, desert, fan out, localize, infest*), глаголы изменения места жительства (*migrate, resettle*), а также глаголы образа жизни животных (*metamorphose, naturalize, nest*).

Глаголы, обозначающие способ размножения, появления на свет детенышей, в русском языке представлены такими глаголами, как:

воспроизводить, воспроизводиться (размножаясь, создавать себе подобных); *выклеваться, вылупиться, проклевываться, проклевываться, проклюнуться* (выйти из яйца); *выметать* (отложить икру); *выроиться* (образовать новый рой); *высидеть, гнездоваться* (вывести птенцов); *жеребиться, ожеребиться, ожеребиться* (рожать жеребенка); *котиться* (о кошке, овце, зайчихе); *наметаться* (отложить икру, о рыбах); *наплодить, наплодиться* (произвести на свет в большом количестве); *нереститься* (откладывать икру, о рыбах); *объягниться, оягниться, ягниться* (рожать ягненка); *оценить, оценить* (рожать щенков); *пороситься* (рожать поросят); *телиться* (рожать теленка); *щениться* (рожать щенков) [2];

Приведем примеры употребления такого рода глаголов:

Из яиц индюшек вдруг выклевались орлята [8, с. 300–301];

Изжелта-коричневый, на днях только вылупившийся из яйца, он [утенок] еще таил в пушке живое тепло [9, с. 50];

Волишебница [лошадь] ожеребила Любезного и тем щедро вознаградила Капитона Аверыныча за все претерпленные им хлопоты [10, с. 11];

Начавшие гнездоваться грачи разбуженные непогодью, срываются с гнезд и с тревожным граем долго летают над селом [5];

Эта лошадь наплодила колхозу уйму наследников. Уже и у внушек Зори были свои внуки, а сама Зоря жеребилась каждый год [11, с. 360];

Закон этот [о запрещении охоты на соболей] имел целью дать зверьку отдых от постоянного преследования и дать возможность вновь наплодиться [12, с. 29];

У меня во дворе четыре коровушки, и никогда не бывало, чтобы все разом телились [13, с. 147].

Рассмотрим английские глаголы:

hatch (вылупляться); *lay* (откладывать яйца); *calve* (родить теленка); *farrow* (рожать); *foal* (родить жеребенка); *lamb* (родить ягненка); *procreate* (производить потомство); *reproduce* (воспроизводить себя); *spawn* (откладывать яйца); *whelp* (рожать щенят); *mate, copulate* (совокупляться); *pair* (собираться вместе, чтобы размножаться); *breed* (заниматься сексом и производить молодь); *incubate* (сидеть на яйцах); *brood* (выводиться из яиц); *ejaculate* (когда эякулирует мужское животное, сперма выходит через половой член); *gestate* (расти в матке); *hybridize* (совокупляться с животным другого вида); *impregnate* (сделать беременной); *inseminate* (помещать сперму в женское животное); *interbreed* (скрещиваться); *mount* (оседлать спину женского животного, чтобы заняться сексом); *ovulate* (производить яйцеклетку); *produce* (воспроизводиться); *rupture* (разрастаться в куколку); *sire* (становиться половозрелым животным) [14].

Приведем примеры употребления такого рода глаголов:

The cuckoo lays its eggs in other birds' nests.

Do foxes ever mate with dogs?

Many animals breed only at certain times of the year.

Most reptiles reproduce by laying eggs on land.

По количественному составу глаголы данной семантической группы составляют 4 % от всех бестиальных предикатов в русском языке и 9 % в английском языке [7, с. 52–53].

Аналогами при процессе перевода указанной группы глаголов будут выступать следующие пары:

Вывестись (появиться на свет) – *to grow, to raise*; *вылуниться* (выйти из яйца) – *to hatch*; *выклевываться, вылуниться* (о птенцах) – *to peck out, to hatch*; *воспроизводить, воспроизводиться* (размножаясь, создавать себе подобных), *наплодить, наплодиться* (произвести на свет в большом количестве) – *to multiply, to propagate, to reproduce, to breed, to spawn, to pullulate, to reproduce oneself, to hatch, to foal, to calve*; *жеребиться, ожеребиться, ожеребиться* (рожать жеребенка) – *to foal*; *объягниться, оягниться, ягниться* (рожать ягненка), *телиться* (рожать теленка) – *to calve, to fawn*; *выметать, наметаться, нереститься* (отложить икру) – *to spawn*; *котиться* (о кошке, овце, зайчихе) – *to kitten*; *оценить, оценить* (рожать щенков) – *to whelp*; *пороситься* (рожать поросят) – *to farrow* и т.д.

Большинство глаголов, связанных с видо-родовым производством на свет животных, имеют полные эквиваленты в английском языке (*calve, farrow, foal, lamb, spawn*). Стоит отметить, что данная семантическая подгруппа в английском языке значительно расширяет свой количественный состав за счет глаголов, описывающих сам процесс воспроизведения потомства (*mate, copulate, pair, breed, impregnate, inseminate, mount, sire*), в то время как в русской аналогичной группе такого рода предикаты не представлены [Там же, с. 53–54].

Таким образом, русские бестиальные глаголы имеют ряд функционально-семантических особенностей и не всегда имеют готовое соответствие в словаре или имеют несколько вариантов перевода. Достижение межязыковой эквивалентности в данном случае – задача переводчика, который, устанавливая корреляцию между указанными в словарных статьях значениями, а также исходя из условий контекста, представляет адекватный перевод.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гайсина, Р. М. Значение и синтагматика глаголов : на материале глаголов отношения : пособие / Р. М. Гайсина. – Уфа : Башк. гос. ун-т, 1980. – 79 с.
2. Словарь русского языка : в 4 т. / Акад. наук СССР, Ин-т рус. яз. ; подгот. Л. П. Алекторовой [и др.] ; гл. ред. А. П. Евгеньева. – 2-е изд., испр. и доп. – М. : Рус. яз., 1981–1984. – 4 т.
3. Аксаков, С. Т. Записки ружейного охотника Оренбургской губернии / С. Т. Аксаков. – М. : Сов. Россия, 1987. – 528 с.
4. Некрасов, Н. А. Избранные произведения / Н. А. Некрасов. – М. : Моск. рабочий, 1959. – 672 с.
5. Шишков, В. Я. Угрюм-река [Электронный ресурс] / В. Я. Шишков // Книги Google. – Режим доступа : <https://books.google.by/books>. – Дата доступа : 20.05.2020.

6. *Пришвин, М. М.* Собрание сочинений : в 6 т. / М. М. Пришвин. – М. : Гослитиздат, 1956–1957. – Т. 4 : Очерки и рассказы, 1905–1954. – 1957. – 845 с.
7. *Брагарник-Станкевич, О. С.* Бестиальные глаголы русского и английского языков : сопоставительно-типологический и лексикографический аспекты : дис. ... канд. фил. наук : 10.02.20 / О. С. Брагарник-Станкевич. – Минск, 2017. – 359 л.
8. *Куприн, А. И.* Собрание сочинений : в 9 т. / А. И. Куприн. – М. : Правда, 1964. – Т. 5 : Произведения, 1908–1913. – 419 с.
9. *Шолохов, М. А.* Собрание сочинений : в 9 т. / М. А. Шолохов. – М. : Худож. лит., 1965–1969. – Т. 5, кн. 4 – 1965. – 503 с.
10. *Эртель, А. И.* Гарденины, их дворня, приверженцы и враги [Электронный ресурс] / А. И. Эртель // Profilib : электрон. б-ка кн. – Режим доступа : <https://profilib.com/chtenie/127426/aleksandr-ertel-gardeniny-ikh-dvornya-priverzhentsy-i-vragi-11.php>. – Дата доступа : 20.07.2019.
11. *Белов, В. И.* Повести и рассказы / В. И. Белов. – М. : Худож. лит., 1984. – 543 с.
12. *Арсеньев, В. К.* Охота на соболя [Электронный ресурс] / В. К. Арсеньев // Iknigi.net : электрон. б-ка кн. – Режим доступа : <http://iknigi.net/avtor-vladimir-arsenev/126518-skvoz-taygu-sbornik-vladimir-arsenev/read/page-29.html>. – Дата доступа : 16.04.2020.
13. *Салтыков-Щедрин, М. Е.* Собрание сочинений : в 20 т. / М. Е. Салтыков-Щедрин ; ред. кол. : С. А. Макашин (глав. ред.) [и др.]. – М. : Худож. лит., 1965–1977. – Т. 17 : Пошехонская старина, 1887–1889 ; Забытые слова, 1889 ; Автобиографии, 1858–1889. – 1975. – 624 с.
14. Oxford Dictionaries [Electronic resource]. – Mode of access : <http://www.oxforddictionaries.com/>. – Date of access : 20.04.2020.

The article describes interlanguage equivalence of verbs denoting the life of animals, their habitation and reproduction. These verbs are attributed as bestial verbs that have a number of functional-semantic features that do not always make dictionary correspondence or have several translation options.

Е. И. Будникова, А. А. Акушко
Минск, МГЛУ

«ГОВОРЯЩИЙ» ОНОМАСТИКОН ИРОНИЧЕСКОГО ФЭНТЕЗИ: АСПЕКТЫ ПЕРЕВОДА (на материале антропонимов произведения «Going Postal» Т. Пратчетта)

Статья посвящена анализу специфики внутренней формы семантически наполненных авторских антропонимов в ироническом фэнтези на примере произведения «Going Postal» Т. Пратчетта, выявлению наиболее предпочтительных способов перевода данного пласта лексики на русский язык и установлению типов формально-содержательных связей между единицами оригинала и их переводческими соответствиями.

Ономастическое пространство художественных произведений, прежде всего произведений в жанре фэнтези является плодотворной почвой для самых разных изысканий в области лексической семантики, когнитивной лингвистики и лингвокультурологии, поскольку предоставляет возможность проследить, какими языковыми средствами оперирует номинатор для создания имен существительных вымышленного мира и как в этот процесс вовлекаются фоновые знания и культурный опыт носителей языка. Не менее интересным, чем анализ способов создания авторских онимов, является и изучение способов перевода данного пласта лексики, что подтверждается наличием многих исследований, посвященных этой проблематике [1; 2; 3; 4; 5; 6; 7].

Целью настоящей статьи является изучение специфики внутренней формы авторских имен собственных, в частности антропонимов, в произведениях жанра иронического фэнтези, выявление наиболее действенных переводческих приемов, используемых при передаче данных единиц с английского на русский язык, а также установление типов формальных и содержательных связей между исходными и переводными онимами. В качестве материала исследования взяты авторские антропонимы в романе известного писателя-фантаста Т. Пратчетта «Going Postal» и их переводные соответствия в двух русскоязычных переводах книги: «Опочтарение» (перевод Р. Кутузова, далее – *РК*) и «Держи марку» (перевод Е. Шульги, далее – *ЕШ*).

Ироническое фэнтези, как отмечается многими исследователями, характеризуется гротескным смешением реального и выдуманного, что воплощается, в частности, в использовании «говорящих» имен, ряд из которых создаются сочетанием известного (аллюзий к объектам реального мира, привычных языковых формул) и неожиданного (трансформаций форм слов, необычных сочетаний элементов). Примером может служить номинация-идеоним *Sektober-fest*, означающая фестиваль так называемого секонд-хенд пива в вымышленном мире Убервальд, созданном Т. Пратчеттом [8]. При очевидной отсылке к баварскому празднику Октоберфест (нем. *Oktoberfest*), при понятности и привычности способа конструирования этой единицы (словосложение), все же в структуре имени есть явные отклонения от нормы (трансформация формы слова), что и делает эту номинацию авторской и в некотором смысле иронической.

При передаче семантически наполненного авторского ономастического иронического фэнтези на другой язык для сохранения комического эффекта (или, по крайней мере, создания схожей ассоциации с единицей оригинала) переводчиками, как правило, выбирается одна из двух общих стратегий: форенизации (*foreignization*) или доместикации (*domestication*). Под форенизацией понимается стратегия перевода, при которой «читатель приближается к автору» [7, р. 62], зачастую за счет намеренного нарушения норм языка перевода. Так, частной реализацией стратегии форенизации является перевод антропонима-фамилии персонажа *Mutable* (англ. *mutable* ‘изменчивый, мутлирующий’) как *Переменьль* (*РК*). За основу переводчиком взято переводное соответствие единице *mutable*, к которому добавлен элемент [-ль], в результате чего окончание [-нль] придало фамилии некоторый колорит языка оригинала.

Перевод при помощи доместикации полностью приспособливает текст к культуре языка перевода, т.е. «автор приближается к читателю» [Там же]. В переводах исследуемых авторских онимов в произведении «Going Postal» прием доместикации, как правило, не используется масштабно, поскольку оба переводчика не ставили перед собой задачу полной адаптации художественного произведения к реалиям русскоязычной культуры. Так, например, хотя ряд антропонимов переведен калькированием, при котором единицам подбираются их русскоязычные соответствия, при этом, однако, во всех случаях сохранены и заимствованные элементы типа *Мистер: Mr. Saw – Мистер Пила, Mr. Showel – Мистер Лопата, Mr. Axe – Мистер Топор (РК)*. При адаптации произведения и, соответственно, более глубокой доместикации данные фамилии, вероятно, могли бы быть переведены как *Пилин, Лопатин, Топоров*.

Как показало проведенное исследование, «говорящие» антропонимы составляют подавляющее большинство авторских наименований людей в произведении «Going Postal». При этом, однако, степень «прозрачности» внутренней формы исследуемых единиц различается. Так, 85 % примеров (71 оним) характеризуется композициональностью внутренней формы (т.е. выводимостью общего значения из составляющих элементов) и отсутствием трансформаций, например, единицы *Mrs. Cake* (англ. *cake* ‘торт’), *F.G. Smallfinger* (англ. *small* ‘маленький’, *finger* ‘палец’), *Mr. Spanner* (англ. *spanner* ‘гаечный ключ’) (см. табл. 1).

Т а б л и ц а 1

Представленность антропонимов с разной спецификой внутренней формы
в исследуемом реестре

Специфика внутренней формы исследуемых антропонимов			
Композициональность	+	+	+
Трансформации	–	+	–
Множественность элементов	–	– / +	+
Количество единиц в реестре	71	7	5
Доля от общего числа	85 %	8 %	7 %

Отдельную группу антропонимов (7 единиц) составляют трансформированные единицы, внутренняя форма которых остается понятной, хотя ее декодирование может занять время. Таковыми, например, являются онимы типа *Whobblebury* = *whobble* (← англ. *wobble* ‘колебаться, шататься’) + *bury* (традиционное окончание многих английских названий местностей); *Otto Chriek* (← англ. *shriek* ‘крик’); *Devious H. Collabone* = *devious* ‘извилистый’ + *collabone* (← англ. *collarbone* ‘ключица’). Наконец, в 5 случаях при отсутствии трансформаций внутренняя форма антропонимов все же «читается» с трудом ввиду наличия многих элементов в составе, например, *Stronginthearm* = *strong* + *in* + *the* + *arm* (‘сильный в руках’); *Wheezy Halfsides* = *wheezy* ‘хриплый’ + *half* ‘половина’ + *sides* ‘сторона’.

Изучение переводных соответствий исследуемым единицам в двух версиях книги «Going Postal» на русском языке показало, что наиболее частым способом перевода «говорящих» антропонимов с английского на русский язык является сочетание **калькирования** и **транскрипции / транслитерации**. Данный прием применялся в 49 % переводных соответствий. Преимуществом приема видится возможность сохранения иноязычного звучания единицы перевода при одновременной передаче (или частичной передаче) внутренней формы единицы оригинала. Так, антропоним *Ethel Snake* был переведен как *Этель Змея* (РК) и *Этель Змейг* (ЕШ). В обоих случаях имя персонажа было транскрибировано, а фамилия переведена калькированием, во втором случае – с добавлением элемента [-йг], уподобляющего единицу перевода единице оригинала. Таким образом, обе переводные единицы несут необходимую смысловую нагрузку и, благодаря сохранению имени *Этель*, звучат как иностранные имена, во втором примере этот эффект лишь усиливается за счет окончания фамилии.

Вторым по частотности использования является прием **калькирования** в чистом виде (в 46 % переводных соответствий). Как отмечалось выше, поскольку исследуемые единицы различаются степенью сложности декодирования внутренней формы, различается и степень сложности в подборе смысловых эквивалентов единицам оригинала. Так, перевод простых антропонимов, образованных транспозицией имени нарицательного, является достаточно простой задачей (ср. *Mrs. Cake* = *Миссис Торт*). В то же время калькирование комплексных единиц с трансформированными элементами представляет больше трудностей. Примером может служить антропоним *Ponder Stibbons* – имя молодого ученого, которому автор приписывает признаки весьма пытливого ума (англ. *ponder* ‘обдумывать, размышлять’, *stibbons* ← возможно от англ. *stubborn* ‘упрямый’). Оба переводчика передали данный антропоним единицей *Думминг Тунс*, где элемент *Думминг* (← русск. *думать*) соответствует элементу *Ponder* (с добавлением окончания [-инг] для сохранения национального колорита), а элемент *Тунс* представляет собой смысловое развитие значения прилагательного *stubborn* ‘упрямый’, на которое косвенно указывает элемент *Stibbons*.

Окказиональными приемами при переводе исследуемых единиц являются **транскрипция** и **транслитерация** в чистом виде (4 %) и **компенсация** (0,6 %). Таким образом, очевидна ориентация обоих авторов переводов на сохранение смысловой нагрузки антропонимов, с одной стороны, и создание атмосферы погружения в некую причудливую культуру, напоминающую английскую или немецкую, с другой.

Второй линией анализа в данном исследовании является установление типов формально-содержательных связей между антропонимами оригинала и переводов. Было выявлено, что исследуемые исходные и переводные антропонимы характеризуются наличием разных типов содержательных связей. В большинстве проанализированных пар ‘исходная единица – переводная единица’ этим типом связи является **идентичность** или **синонимия**, при которой значения, закрепленные во внутренних формах исходной и переводной единицы, практически неотличимы по объему и содержанию. Так, 71 % перевод-

ных соответствий исследуемым антропонимам составляют единицы, идентичные по смыслу единицам оригинала (см. табл. 2): *Mrs. Cake* = *Миссис Торп*; *Mr. Spanner* = *Мистер Гаечный Ключ*; *Joe 'No Nose' Tozer* = *Джой 'Безносый' Тозер*; *Cheeseborough* = *Сырборо*; *Bloody Stupid Johnson* = *Чертовски Тупой Джонсон (РК)* и *Чертов Тупица Джонсон (ЕШ)*.

Т а б л и ц а 2

Представленность типов связей
между исходными и переводными единицами и их частями

Тип связи между ИЯ и ПЯ	Количество пар единиц	Доля в общем реестре
Идентичность, синонимия	118	71 %
Метонимия	42	25,4 %
Метафора	2	1,2 %
Гипербола	2	1,2 %
Антонимия	1	0,6 %
Паронимия	1	0,6 %

Однако в отдельных случаях наблюдается иной тип связи между значением единицы оригинала и переводного антропонима. Рассмотрим пример переводов антропонима *Moist von Lipwig*: *Мокрист фон Губвиг (РК)* и *Мокриц фон Липвиг (ЕШ)*. *Moist von Lipwig* – имя главного героя произведения, мошенника в бегах, назначенного на должность главного почтмейстера. Фамилия героя *von Lipwig* переведена в первом случае смешанным способом (калькой и транслитерацией), а во втором – простой транслитерацией. Именная же часть антропонима – *Moist* – дословно переводится как ‘влажный, мокрый’ и является прямой характеристикой героя, постоянно «ускользающего» из различных передраг. Если в переводе Р. Кутузова наблюдается соединение основы [мокp-] прилагательного *мокрый*, идентичного по значению с *moist*, и окончания [-ист], то в переводе Е. Шульги прослеживается отсылка к *мокрице*¹, которая также связана с влажностью и вызывает негативные ассоциации. Тем самым связь между внутренней формой *Moist* и *Мокриц* является **метонимической**, при которой внутри одного когнитивного домена смещается фокус с качества на объект, смежный с этим качеством (или обладающий им).

Другими примерами метонимической связи² между исходными и переводными единицами или их частями являются следующие номинации: (1) *Greenyhat* – *Сдушкомс (ЕШ)*, (2) *Josiah Doldrum* – *Джошуа Уныл (РК)* и *Джозайя Нытик (ЕШ)*, (3) *J. Lanugo Owlsbury* – *Дж. Пушок Совбери (РК)* и пр.

¹ Мокрицы – подотряд равноногих ракообразных; живут на суше (хотя некоторые и держатся преимущественно у берегов пресных или соленых вод) по большей части во влажных местах: под камнями, под лежащим на земле деревом, в погребках и т.п. (<https://ru.wikipedia.org/wiki/Мокрицы>).

² Метонимия здесь понимается в широком смысле, как когнитивный механизм и вид смысловой связи, основанной на смежности денотатов или значений внутри одного когнитивного домена. В этом понимании к метонимии относятся и случаи расширения и сужения значения.

Внутренняя форма антропонима *Greenyham* передает идею зеленой (протухшей) ветчины, которая в переводной единице трансформируется в идею чего-то с неприятным запахом. Таким образом, наблюдается генерализация (от вида мяса к неопределенному объекту) и смещение фокуса от цвета как показателя плохого качества к запаху, как такому же маркеру. Связь между *Doldrum* (← англ. *doldrums* ‘депрессия’), с одной стороны, и *Уныл* и *Нытик*, с другой, тоже метонимическая, по модели ‘качество / состояние’ – ‘субъект качества / состояния’. В примере (3) элемент *Lanugo* означает первичный волосяной покров, образованный очень тонкими волосами, покрывающими тело плода млекопитающих и человека (<https://wiki2.org/ru/Лануго>), что позволяет говорить о генерализации как процессе перехода от значения ‘lanugo’ к значению ‘пушок’ и метонимической связи между ними.

В целом, доля исходных и переводных единиц, связанных метонимической связью, составляет 25,4 % от общего числа проанализированных пар из исследуемого реестра. Отдельно следует отметить, что в ряде примеров комплексных номинаций наблюдается совмещение разных способов перевода их отдельных частей и / или наличие разных типов смысловых связей между ними. Например, в переводах антропонима *Reacher Gilt* (← англ. *reach* ‘достигать, добираться’; *gilt* ‘позолоченный’) обе части номинации переведены калькированием: *Взяткер Позолот (PK)* и *Хват Позолот (ЕШ)*. При этом между частями исходной и переводной единицы можно обнаружить разные содержательные связи: идентичность (*Gilt* и *Позолот*) и метонимия по моделям ‘общее – частное’ (*Reacher* ‘тот, кто достигает желаемого’ – *Взяткер* ‘тот, кто берет взятки’) и ‘действие – результат действия’ ([*reach*-] ‘достигать’ – *Хват* ← *хватать*).

Окказиональными типами смысловых связей, обнаруженными нами между исходными и переводными антропонимами, являются **метафора** (1,2 %), **гипербола** (1,2 %), **антонимия** (0,6 %). Например, антропоним *F. G. Smallfinger* переведен как *Ф. Г. Микропалец (PK)* и *Ф. Г. Спальчик (ЕШ)*. В первом случае наблюдается совмещение идентичности как типа смысловой связи между [*finger*] и [*палец*-] и гиперболы, усилившей значение [*small*] до [*микро*-]. Во втором случае имеет место переход от характеристики части тела (*small finger* ‘маленький палец’) к схожей характеристике субъекта (через аллюзию к персонажу *Мальчик-с-Пальчик*), что по сути является метафорой сходства.

Что касается формального типа связей между исследуемыми онимами, т.е. связей на основе общности формы единиц в английском и русских вариантах текста, элементы сходства форм присутствуют практически во всех проанализированных парах. Однако в единичном примере нами была обнаружена **паронимия**, при которой единица перевода создавалась по формальному сходству с буквальным переводом английского антропонима. Так, при переводе фамилии персонажа *Collabone* как *Ключик (ЕШ)* можно проследить цепочку ассоциаций: *collabone* – *collarbone* ‘ключица’ – *ключик*. Ввиду небольшой значимости смысловой нагрузки, заложенной в единицу оригинала (имя нельзя назвать в полной степени характеризующим), утрата этого значения в результате паронимической аттракции не является существенной для текста перевода.

Подводя итоги проведенного исследования можно отметить, что поскольку ключевой жанрообразующей особенностью фэнтези является автономный вторичный мир с уникальной географией, историей, культурой и даже языком, то авторские антропонимы как часть вымышленного ономастикона характеризуются, с одной стороны, тенденцией отклонения от языковой нормы и узуса. Ср., например, чересчур длинные для английского языка антропонимы *Ironfoundersson*, *Stronginthearm*, *Dragonbreath* и пр., трансформации слов типа *Horsefry* ← *horsefly*; *Upwright* ← *upright*; *Chriek* ← *shriek* и др. С другой стороны, исследуемые авторские антропонимы зачастую значимы не только как указатели, но и как характеристики персонажей, поэтому отличаются композициональностью внутренней формы и наличием понятных отсылочных элементов. При переводе таких семантически наполненных антропонимов первостепенной задачей является сохранение характеристики персонажа, заложенной автором во внутреннюю форму имени, что не должно, однако, приводить к полной доместикации единицы. Способами достижения этой цели является использование преимущественно такого переводческого приема, как калькирование (часто в сочетании с транскрипцией или транслитерацией). При этом отношения между единицей оригинала и перевода не ограничиваются отношениями смысловой идентичности или синонимии, но включают и такие типы связей, как метонимия (качество – субъект качества, общее – частное, частное – общее, действие – характеристика действия и др.), метафора, паронимия, антонимия и др.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ащенкова, Г. А. Антропонимы-кулинаронимы как аттрактивные элементы французской семиосферы / Г. А. Ащенкова // Семиометрия значимых смыслов : сб. науч. тр. – Иркутск : ИГЛУ, 2011. – С. 86–96.
2. Влахов, С. И. Непереводимое в переводе : учеб. пособие / С. И. Влахов, С. П. Флорин. – 4-е изд. – М. : Р. Валент, 2009. – 360 с.
3. Ермолович, Д. И. Имена собственные на стыке языков и культур / Д. И. Ермолович. – М. : Р. Валент, 2001. – 133 с.
4. Калашников, А. В. Перевод значимых имен собственных : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.20 / А. В. Калашников ; МГЛУ. – М., 2004. – 24 с.
5. Сидорова, О. Г. Антропоним в тексте перевода / О. Г. Сидорова // Изв. Уральск. гос. ун-та. – 2001. – № 20. – Вып. 4. – С. 256–257.
6. Сосновский, В. В. Особенности передачи имен собственных при переводе (на материале романов С. Шелдона и их переводов на русский язык) / В. В. Сосновский // Весці БДПУ. Сер. 1. – 2014. – № 4. – С. 57–60.
7. Venuti, L. The Translator's Invisibility : A History of Translation / L. Venuti. – N. Y. : Routledge, 1995. – 324 p.
8. Pratchett, T. Going Postal / T. Pratchett. – N. Y. : Harpertorch, 2004. – 411 p.

The article is devoted to the analysis of the inner form of «speaking» names created by T. Pratchett in his ironical fantasy novel «Going Postal», their possible strategies of translation into Russian and the types of formal and semantic connection between the original and translated names of persons.

Т. І. Гарановіч
Мінск, МДЛУ

БЕЛАРУСКІЯ СІНТАКСІЧНЫЯ ФРАЗЕАЛАГІЗМЫ СА СТРУКТУРАЙ ПАРАЎНАННЯ І ІХ АДПАВЕДНІКІ Ў АНГЛІЙСКОЙ МОВЕ

У артыкуле прадстаўлены вынікі супастаўляльнага даследавання беларускіх сінтаксічных фразеалагізмаў *N як N* і *чым не N* і іх семантычнага адпаведніка ў англійскай мове – мадэлі *as good a N as any*. Паколькі ў аснове семантыкі СФ ляжыць параўнанне, аналізуецца выражанасць у іх складзе элементаў яго лагічнай структуры – кампаранта, кампарата, падставы і кампаратар. Вылучаюцца і супастаўляюцца семантычныя варыянты СФ: выяўлена, што агульнае значэнне адпаведнасці кампаранта норме рэалізуецца розным чынам і ў семантыцы *N як N* прадстаўлена як нармальнасць або звычайнасць, у *чым не N* і *as good a N as any* – як адпаведнасць, прымальнасць, сапраўднасць. Разглядаецца суаднесенасць СФ з ацэнкай, а таксама іх прагматычная спецыфіка.

На фактычным матэрыяле Корпуса беларускай мовы [1] і Брытанскага нацыянальнага корпуса [2] намі праведзена супастаўляльнае даследаванне беларускіх сінтаксічных фразеалагізмаў (СФ) *N як N* і *чым не N* і іх англійскага семантычнага адпаведніка – СФ *as good a N as any*.

Па структуры *N як N* і *as good a N as any* з’яўляюцца параўнаннямі; *чым не N*, у адрозненне ад іх, выглядае не як вынік параўнання, які канстатуе падабенства, але як фармальнае выражэнне аднаго з этапаў гэтага працэса, на якім выяўляюцца адрозненні паміж аб’ектамі, што супастаўляюцца: *Чым ён не N? → Чым ён не адпавядае ўяўленню пра N? → Няма такой характарыстыкі, якой бы ён не адпавядаў. → Ён адпавядае найменню N па ўсіх характарыстыках. → Ён сапраўдны N*.

Для аналізу лагічнай структуры параўнанняў мы, услед за М. І. Канюшкевіч, ужываем тэрміны *кампарант* – аб’ект, які параўноўваецца; *кампарат* – аб’ект, з якім робіцца параўнанне; *падстава* – агульная прымета, на аснове якой канстатуецца падабенства, і *кампаратар* – сродак выражэння кампаратывнага значэння [3]. Элементы лагічнай структуры параўнання у СФ, якія выступаюць аб’ектам нашага даследавання, прадстаўлены розным чынам, што адлюстравана ў табл.

Фармальная выражанасць элементаў лагічнай структуры параўнання ў СФ
N як N, чым не N, as good a N as any

	кампарант	кампарат	падстава	кампаратар
<i>N як N</i>	+	+	—	+
<i>чым не N</i>	+ / —	+	—	—
<i>as good a N as any</i>	+	+	+	+

Мадэль *N як N* характарызуецца нязменным складам, у якім прадстаўлены тры элементы лагічнай структуры параўнання – кампарант, кампарат і кампаратар: *Маўляў, разумніца, выдатніца, адукацыя вышэйшая, а рыбай у шапіку гандлюеш. А па мне праца як праца, усё як ва ўсіх* (Т. Барысік)

(праца – кампарант, як – кампаратар, праца – кампарат). У СФ чым не *N* заўсёды фармальна выражаецца кампарат, таксама можа эксплікавацца кампарант: *Здаецца, ляжаць бы ды ляжаць. Чым не схованка* (В. Быкаў) (*схованка* – кампарат); *Чым ён не мужчына?* (В. Чаропка) (*ён* – кампарант, *мужчына* – кампарат). У структуры *as good a N as any* адлюстраваны ўсе чатыры элементы параўнання: *The target and the man had walked away up a tree-lined road. It was as good a place as any. No cars parked in the road, no pedestrians* (G. Seymour) ‘ахвяра і чалавек ішлі па абсаджанай дрэвамі дарозе. Гэта было такое ж адпаведнае месца, як любое іншае. Ніякіх аўтамабіляў, прыпаркаваных на дарозе, ніякіх пешаходаў’ (*as... as* – кампаратар, *good* – падстава, *place* – кампарант, *any* – кампарат).

У склад абедзвюх беларускіх мадэлей не ўваходзіць падстава параўнання, хоць яна можа эксплікавацца ў бліжэйшым атачэнні СФ, напрыклад: *Дом як дом, звычайны, сельскі. Жоўтыя сцены, накрыты шыферам дах, плот, які ледзь накрывіўся, пабудовы* (Звязда); *Віталікаў бацька вопытным вокам ацаніў Генадзя: хлопец вясковы, неразбэшчаны, старэйшы за сына. Што яшчэ трэба? Чым не падпора сыну ў мутным і непрадказальным гарадскім тлуме?* (С. Давідовіч). У першым прыкладзе падставай параўнання служыць знешні выгляд дома: дом звычайны, таму што ў яго жоўтыя сцены, накрыты шыферам дах, а вакол яго размешчаны плот і гаспадарчыя пабудовы. У другім прыкладзе адпаведнасць Генадзя як падпоры для Віталіка вынікае з яго сельскага паходжання, неразбэшчанасці і старэйшага ўзросту. У адрозненне ад беларускіх СФ, у англійскай мадэлі падстава ва ўсіх структурных варыянтах выражана прыметнікам *good* са значэннем ‘адпаведны, прымальны’, пры гэтым фармальная выражанасць падставы не праясняе, у чым заключаецца адпаведнасць і прымальнасць кампаранта.

Структурнай асаблівасцю СФ *N як N* з’яўляецца яго таўталагічнасць у тым сэнсе, што абедзве пазіцыі, абазначаныя ў формуле літарай *N*, займае адно і тое ж слова. Аднак такія фармальны паўтор не вядзе да семантычнай надмернасці, паколькі, па-першае, *N* у двюх пазіцыях маюць розную семантыку: *N* у першай абазначае канкрэтны *N*, у другой – любы іншы/усе астатнія *N*, такім чынам, маецца на ўвазе, што *гэты N такі ж самы, як любы іншы N: I наогул нічога ў ёй асаблівага – дзеўка як дзеўка; але гадамі падыходзіць – вось і нагода ўзмацніцца Кіеву і ўзмацніцца Полацку* (К. Тарасаў) = ‘гэта дзеўка такая ж, як усе іншыя дзеўкі’. Па-другое, СФ як ідыяматычная структура ўвогуле не інтэрпрэтуецца літаральна, а прыведзены прыклад з семантычнай структурай ‘гэта дзеўка такая ж, як усе іншыя’ значыць ‘дзеўка звычайная’.

Падобны па форме да *N як N* англійскі СФ *as good a N as any*, у якім кампарант, як і ў беларускай мове, супастаўляецца з аб’ектамі яго класа, да таўталагіі не адносіцца, таму што ў трох з чатырох вылучаных намі структурных варыянтах гэтай мадэлі (*subj + to be + as good a N as any*; *N + to be + as good as any*; *subj + predicate + as good a N as any*) кампарат выражаецца займеннікам *any*, такім чынам, *N* у гэтай пазіцыі не паўтараецца, і, напрыклад, сказ *It is as good a theory as any to explain share price movements* (The Times)

‘гэта такая ж адпаведная тэорыя, як любая іншая для тлумачэння змяненняў кошту акцый’ фактычна значыць *‘This theory is as good as any theory to explain share price movements’* ‘гэта тэорыя такая ж адпаведная, як любая іншая тэорыя для тлумачэння змяненняў кошту акцый’. У чацвёртым структурным варыянце СФ – *subj + to be + as good as any N* – дзейнік сказа, які з’яўляецца кампарантам, па сваёй семантыцы адносіцца да класу *N*, але абазначаецца іншай лексічнай адзінкай, напрыклад: *“Perhaps I like them because they’re not showy, they’re understated; they don’t demand attention like eagles or puffins.” This is as good as any reason to love curlews, Britain’s biggest wading bird* (The Daily Post) ‘Магчыма, яны мне падабаюцца таму, што яны не кідкія, яны недаацэненыя; яны не патрабуюць увагі, як арлы або тупікі. Гэта такая ж адпаведная, як і любая іншая прычына любіць краншнэпаў, самую вялікую ў Брытаніі хадзячую птушку’ (кампарант ‘прычына’ выражаны ў сказе ўказальным займеннікам *this* ‘гэта’).

Па семантыцы ўсе тры СФ, якія аналізуюцца ў нашым артыкуле, падобныя ў тым, што іх значэнні з’яўляюцца вынікам супастаўлення кампаранта з прадстаўнікамі/аб’ектамі яго класа, якое дазваляе выявіць іх падабенства і па гэтай прычыне канстатаваць адпаведнасць норме, аднак прадстаўлена гэта падабенства па-рознаму. СФ *N як N* абазначае нармальнасць або звычайнасць, структура яго значэння выглядае як ‘*N звычайны / нармальны*’: – *Махорка як махорка*, – *знарок абыякава сказаў я*. – *Масквы не ўбачыў, але горла дзярэ* (М. Стральцоў) = ‘махорка звычайная’; *Кеб і ў нас була зямля як зямля, а не пясок!* (І. Мележ) = ‘калі б у нас была нармальная зямля’. СФ *чым не N і as good a N as any* выражаюць адпаведнасць, прымальнасць, сапраўднасць, структура іх значэнняў выглядае як ‘*N адпаведны / сапраўдны*’: *Зноў жа Лук’янаў – чым не герой? Пад агонь лез* (В. Быкаў) = ‘Лук’янаў – сапраўдны герой’; *Ён жа таксама быў хлопец прыкметны. Вывучыўся на краўца, шыў мужчынскія касцюмы, штаны, кажухі. Чым не жаніх? А да таго ж ветлівы, прыгожы. Адзін толькі чуб чаго каштаваў!* (Свіслацкая газета) = ‘ён адпавядаў на ролю жаніха’; *When I reached the Old Street roundabout, it was time to pick an ultimate destination – which basically meant choosing somewhere to stay for the night. St James’s Park, famous for its bird-life, would be as good a place as any* (M. Falk) ‘калі я дайшоў да кальца Олд-стрыт, прыйшоў час выбіраць канцавы пункт майго маршруту, што па сутнасці значыла выбар месца для начлегу. Парк Сэнт-Джэймс, вядомы сваімі птушкамі, здаваўся такім жа адпаведным месцам, як любое іншае’ = ‘Парк Сэнт-Джэймс – гэта адпаведнае месца’. Акрамя значэння ‘адпаведнасць, прымальнасць’, СФ *чым не N* мае яшчэ адно – падабенства *N* з аб’ектамі іншага класа: *Яна баязліва злезла на дно сухой і пшчанай ямы, якая была ёй на плечы, і міжволі горка падумала: ну чым не магілка? Суха, утульна* (В. Быкаў) = ‘яма была падобна на магілу’. У гэтым значэнні можа ўжывацца і мадэль *as good a N as any*, губляючы пры гэтым характар фразеалагізма, паколькі інтэрпрэтуецца літаральна: *Army food might once have been something of a joke, but certainly not any more. The standards are as good as any first class hotel* (M. Dewar) ‘Армейская ежа, магчыма, некалі была тэмай для жартаў, але

напэўна больш ёй не з'яўляецца. Стандарты такія ж высокія, як і ў любым першакласным гатэлі' = 'якасць харчавання ў войску такая ж добрая, як у любым першакласным гатэлі'.

Сінтаксічныя фразеалагізмы, якія разглядаюцца ў артыкуле, таксама адрозніваюцца па здольнасці выражэння ацэнкі, пад чым мы разумеем наяўнасць або адсутнасць у іх семантыцы аксіялагічнага значэння агульнаацэначнага тыпу – выражэння ацэнкі па прымеце «добра-дрэнна» з пункту гледжання чалавека, які гаворыць [4]. Як *N* можа выражаць станоўчую і адмоўную ацэнку, а таксама не выражаць яе ўвогуле, і на гэтай падставе адносіцца намі да СФ недыферэнцаванай ацэнкі, пад якімі мы, паводле А. В. Вялічка, разумеем структуры, здольныя «характарызаваць аб'ект як станоўча, так і негатыўна» [5, с. 21]. Характар ацэначнага кампанента ў семантыцы беларускага СФ абумоўлены кантэкстам, у якім ён ужываецца, і не звязаны з лексічным напаўненнем *N*: *Проклятая гарэлка закланіла яму ўвесь свет. Быў хлопец як хлопец. Паслухмяны, гаспадарлівы. А гэта ж...* (З. Прыгодзіч) = 'ён быў нармальным хлопцам' – станоўчая ацэнка; *І што ў ім добрага? Голас як голас. Вось у нашу маладосць... памятаеце Абадзінскага? Во была галасіна!* (В. Мудроў) = 'голос звычайны, нічога асаблівага ў ім няма' – адмоўная ацэнка; *Мне казалі, што малако кожны дзень мае іншы смак. Неяк я паўдня карміў казу горкім палыном і не адчуў розніцы. Малако як малако* (А. Горват) = 'малако звычайнае' – з ацэнкай не суадносіцца. У СФ чым не *N* наяўнасць ацэначнага кампанента залежыць ад семантычнага варыянта. У значэнні 'адпаведнасць *N* характарыстыкам яго класа' чым не *N* можа выражаць станоўчую ацэнку або не выражаць ніякай і таму адносіцца да СФ недыферэнцаванай ацэнкі, пры гэтым характар ацэначнага кампанента вынікае з кантэксту і не залежыць ад лексічнага напаўнення *N*: *Алесь, незгарэлае каханне будзе сілкаваць энергіяй усё жыццё. Чым не вынік! Не будзе шчасця? Будзе творчая энергія!* (К. Травень) = 'гэта добры вынік' – станоўчая ацэнка; *Чым не людзі тыя ж самыя палешукі? Хіба да іх нельга зайсці?* (Я. Колас) = 'палешукі – такія ж людзі, як іншыя' – з ацэнкай не суадносіцца. У семантычным варыянце 'падабенства *N* да асоб або прадметаў іншага класа' СФ чым не *N* ацэнку не выражае: *Пуол быў задаволены сабою. Чым не супермэн з кіно? Падабалася яму такое жыццё, з рызыкай і небяспекай* (П. Місько) = 'Пуол быў падобны да супермэна з кіно', але не 'ён добры/дрэнны супермэн'. СФ *as good as N as any* з'яўляецца структурай, у якой семантыка адпаведнасці *N* асераднёнаму стандарту яго класа з ацэнкай не суадносіцца: *The old traditional method using well-rotted cow manure is as good as any* (Practical Fishkeeping) 'Стары традыцыйны метадад з выкарыстаннем добра перапрэлага каровінага гною такія ж прыдатныя, як любыя іншыя' = 'гэта адпаведны метадад'.

Структурай і семантыкай СФ абумоўлены іх прагматычныя асаблівасці. Так, у аснове значэнняў усіх трох мадэлей ляжыць параўнанне, якое служыць сродкам уплыву на адрасата. Гэты ўплыў вызначаецца, перш за ўсё, выбарам кампарата, ад якога залежыць успрыманне, ацэнка кампанента: напрыклад, аднапакаёвая кватэра прайграе ў параўнанні з трохпакаёвай, але здаецца больш

прывабным варыянтам, чым пакой у камуналцы. Калі б мы супастаўлялі кампарант з нашым уяўленнем пра яго ідэал, ён, верагодна, саступаў бы кампарату, наша ацэнка магла б быць негатыўнай; калі ж кампарант параўноўваецца з тыповым прадстаўніком свайго класа, як у СФ *Н як N, чым не N i as good a N as any*, ён прадстаўляецца не горшым, чым усе іншыя, што падводзіць да вываду аб яго нармальнасці і прымальнасці.

СФ *Н як N i as good a N as any* – гэта па сваёй структуры апавядальныя сказы, якія перадаюць думку аўтара дэкларатыўным спосабам. Яны *сцвярджаюць* звычайнасць або адпаведнасць кампаранта і прадстаўляюць іх як дадзенае. *Чым не N*, у адрозненні ад гэтых мадэлей, з’яўляецца пыталым сказам, чым, у сваю чаргу, абумоўлена яго прагматычная спецыфіка: пытанне дазваляе выказаць думку ў менш катэгарычнай у параўнанні са сцвярдальным сказам форме; яно структуруе працэс прыняцця рашэння, накіроўваючы нашы думкі і, такім чынам, вызначаючы дыяпазон магчымых адказаў [6]. СФ *чым не N* звычайна ўжываецца ў кантэксте довадаў, накіраваных на тое, каб падвесці адрасата да згоды з суразмоўцам. Пералічваючы аргументы «за», асоба, якая гаворыць, паказвае, што прычын не згаджацца няма: ***Чым не рыцарскі турнір чакае яго? Ёсць праціўнік, ёсць стрэмя пад нагой, ёсць меч у руцэ, ёсць гледачы – яны шумяць, хваляюцца, як шэрае неспакойнае мора*** (Л. Дайнека). Форма пытання дазваляе высветліць пазіцыю слухача, калі яна невядомая; даведацца пра прычыны нязгоды суразмоўцы; выказаць уласныя сумневы і развясць іх, атрымаўшы падтрымку свайго погляду ад суб’яседніка; падштурхнуць яго да разважання над праблемай, пытаючыся аб тым, пра што ён не задумваўся. Чалавек можа адрасаваць СФ і самому сабе, у такіх кантэкстах *чым не N* з’яўляецца элементам ўнутранага дыялогу, спосабам структуравання ўласных думак і разважанняў.

На аснове аналізу структурных, семантычных і прагматычных асаблівасцей беларускіх і англійскага сінтаксічных фразеалагізмаў з лагічнай структурай параўнання можна зрабіць наступныя **вывады**:

1. У аснове семантыкі ўсіх трох СФ ляжыць параўнанне, пры гэтым фармальна структуру параўнання маюць мадэлі *Н як N i as good a N as any*, а *чым не N* адлюстроўвае толькі адзін з яго этапаў.

2. Элементы лагічнай структуры параўнання ў СФ прадстаўлены парознаму: усе чатыры кампаненты ўваходзяць у склад толькі англійскай мадэлі; у СФ *Н як N* фармальна выражаны тры з іх – кампарант, кампарат і кампаратар; у мадэлі *чым не N* заўсёды прысутнічае кампарат і можа быць прадстаўлены кампарант. Ва ўсіх трох СФ абавязкова эксплікуецца кампарант. Падстава параўнання выражана толькі ў англійскім СФ.

3. Адметнасцю *Н як N* з’яўляецца фармальная таўталагічнасць, якая, аднак, не вядзе да семантычнай надмернасці па прычыне ідыяматычнасці СФ.

4. Адпаведнасць кампаранта норме прадстаўлена ў семантыцы СФ розным чынам: у *Н як N* – як нармальнасць або звычайнасць, у *чым не N i as good a N as any* – як адпаведнасць, прымальнасць, сапраўднасць. *Чым не N i as good a N as any* таксама могуць ужывацца ў значэнні ‘падабенства з аб’ектамі іншага класа’, у якім англійская мадэль губляе характар фразеалагізма.

5. *Н як N і чым не N* у першым значэнні належаць да СФ недыферэнцаванай ацэнкі, *чым не N* у другім семантычным варыянце і *as good a N as any* з ацэнкай не суадносяцца.

6. Прагматычная спецыфіка СФ абумоўлена тым, што ў аснове семантыкі ляжыць параўнанне са стандартам іх класа. Акрамя гэтага структура апавядальнага сказа СФ *Н як N і as good a N as any* дазваляе прадставіць звычайнасць або адпаведнасць кампаранта як дадзенае, а структура пыталнага сказа мадэлі *чым не N* – падвесці суразмоўцу да пажаданага адказу.

ЛІТАРАТУРА

1. Корпус беларускай мовы [Электронны рэсурс]. – Рэжым доступу : <https://bnkorporus.info/korpus.html>. – Дата доступу : 20.04.2020.
2. British National Corpus (BNC) [Electronic Resource]. – Mode of access : <https://www.english-corpora.org/bnc/>. – Date of access : 27.04.2020.
3. Конюшкевич, М. И. На шкале сходств и различий : категория сравнения в русском и белорусском языках / М. И. Конюшкевич. – Гродно : ГрГУ, 2018. – 435 с.
4. Арутюнова, Н. Д. Язык и мир человека / Н. Д. Арутюнова. – 2-е изд., испр. – М. : Языки русской культуры, 1999. – 896 с.
5. Величко, А. В. Когда есть о чем поговорить, или предложения фразеологизированной структуры в русской речи : учеб. пособие для иностранных учащихся / А. В. Величко. – СПб. : Златоуст, 2016. – 188 с.
6. Пратканис, Э. Р. Эпоха пропаганды : механизмы убеждения, повседневное использование и злоупотребление / Э. Р. Пратканис, Э. Аронсон. – 3-е междунар. изд. – СПб. : Прайм-Еврознак : Изд. дом «Нева» : М., Олма-пресс, 2002. – 380 с.

The article is devoted to a comparative analysis of structural, semantic and pragmatic characteristics of the Belarusian syntactic idioms *Н як N* and *чым не N* and their English correspondence *as good a N as any*. It has been determined that the semantics of the three of them is based on comparison, but the elements of its logical structure are represented in different ways. The idioms common meaning – correspondence of *N* to the norm – is expressed as normality and usualness by *Н як N* and as adequacy and acceptability by *чым не N* and *as good a N as any*. While Belarusian models belong to syntactic idioms of undifferentiated evaluation, the English structure is not associated with any.

И. Н. Галухина
Минск, МГЛУ

СЛОЖНОСТИ ПЕРЕВОДА КОМПЬЮТЕРНЫХ ИГР С АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА НА РУССКИЙ

В статье рассматриваются проблемы, связанные с локализацией англоязычных компьютерных игр для русскоязычных потребителей. В результате контекстуального и сравнительно-сопоставительного анализа существующего варианта текста локализации компьютерной игры Portal 2 и его оригинала автором выявлены и классифицированы наиболее часто допускаемые неточности при переводе и адаптации.

Индустрия компьютерных игр является одной из самых быстро развивающихся сфер, что является следствием широкой доступности мощных персональных компьютеров и игровых приставок, а также разнообразия жанров компьютерных игр, интерактивности и увлекательности подобного вида досуга. Рынок компьютерных игр стремительно расширяется, и выпускаемые продукты продаются во многих странах мира, а значит, требуют полной или частичной локализации в соответствии с культурными и языковыми особенностями получателей конечного продукта. Качество же локализации во многих случаях оставляет желать лучшего, так как для ее выполнения привлекаются специалисты, плохо знакомые с культурой и менталитетом страны переводящего языка, а зачастую и в недостаточном объеме владеющие как переводящим, так и исходным языком. К тому же имеет место недостаточная обратная связь от разработчиков игры и работа переводчика в сжатые сроки и/или в условиях недостатка контекста. Ввиду всего вышесказанного тема исследования на сегодняшний день является весьма актуальной.

Целью данного исследования является выявление типичных ошибок языковой локализации англоязычных компьютерных игр и формулирование рекомендаций по их предотвращению.

Материалом исследования послужили существующие варианты локализации компьютерной игры Portal 2.

Следует отметить, что наиболее часто под локализацией понимается перевод рекламных текстов, программного обеспечения и компьютерных игр с учетом культурных особенностей страны переводящего языка. При переводе происходит лишь замена текста на исходном языке эквивалентным текстом на переводящем языке. При локализации же могут потребоваться и другие преобразования.

Очевидно, что локализация требует от переводчика обладания более широким набором навыков, нежели простой перевод, и творческого подхода, а также умения при необходимости учитывать культурные особенности страны переводящего языка.

В рамках нашего исследования мы будем понимать языковую локализацию как процесс перевода и культурной адаптации различных продуктов, в частности компьютерных игр, к потребностям представителей различных стран и групп населения.

В ходе анализа было выявлено приблизительно 70 расхождений текстов ИЯ и ПЯ на текст объемом около 1650 слов. Мы разделили все несоответствия перевода оригиналу на четыре группы: фактические ошибки перевода, связанные с недостаточной компетентностью переводчика; фактические ошибки перевода, связанные с недостатком переводческого контекста; переводческие преобразования, диктуемые специфическими требованиями к локализации; прочие переводческие преобразования, не являющиеся ошибками перевода.

Для начала проанализируем название первой главы игры – «Courtesy call». В переводе глава носит название «Визит вежливости». Данный перевод является не совсем корректным в общем контексте игры и может быть непонятен игроку, так как не содержит в себе никакой связи с сюжетом. Название

главы является отсылкой к тексту автоматического сообщения, которое в первой сцене слышит главная героиня игры («*This courtesy call is to inform you that all test subjects should immediately vacate* [сообщение обрывается]»). Поскольку в английском языке словосочетание *courtesy call* может обозначать не только визит, но и телефонный звонок или иное уведомление, корректнее было бы подобрать для главы иное название, каким-либо образом отражающее происходящие события, как, к примеру, в испанской локализации (название главы на испанском – «*Despertares*», то есть «Пробуждения»; оно менее буквальное, но более подходящее по контексту). Данный же перевод, на наш взгляд, является неудачным.

Следующим серьезным расхождением в текстах перевода и оригинала является опущение названия лаборатории, в которой приходит в себя главная героиня игры (см. ниже).

In compliance with state and federal regulations, all testing candidates in the Aperture Science Extended Relaxation Center must be revived periodically for a mandatory physical and mental wellness exercise.	Все испытуемые в Центре продолжительной консервации должны регулярно пробуждаться и выполнять упражнения для поддержания физического и умственного здоровья.
---	--

Лаборатория носит название «Aperture Science», но в тексте русского перевода игры это название ни разу не фигурирует, ни в локализованном, ни в первоначальном виде. Для сравнения, в испанском переводе название приводится в неизменной форме. Оправданность данного опущения определить сложно: с одной стороны, название не несет в себе никакой важной для игрового процесса информации и его сложно локализовать. С другой стороны, лаборатория «Aperture» является важной частью внутриигрового мира, это название постоянно появляется на экранах загрузки, и даже незнакомый с первой частью серии игрок непременно упустит какую-то часть игрового мира, что влияет на погружение в игру и общее впечатление от продукта.

В этой же реплике можно увидеть еще два переводческих преобразования, которые приводят к частичной потере смысла и изменению стилистической окраски. Во-первых, целиком опущена часть *In compliance with state and federal regulations*. По всей видимости, это сделано для того, чтобы облегчить укладку текста в длительность реплики при дубляже, что также является одной из специфических задач полной локализации игры. Также название «Extended Relaxation Center» переведено как «Центр продолжительной консервации». По сюжету игры главная героиня находится в лаборатории в качестве испытуемой и пребывает в состоянии приостановленной жизнедеятельности, поэтому с фактической точки данный перевод не противоречит событиям игры. Однако, поскольку все внутриигровые сообщения в значительной мере построены на сарказме, более оправданным был бы не адаптированный вариант «консервация», а близкий к изначальному тексту вариант «продолжительный отдых», чтобы сохранить стилистическую окраску уведомления.

Далее мы можем рассмотреть следующую реплику:

Good morning. You have been in suspension for nine nine nine... nine nine ni- This courtesy call is to inform you that all test subjects should immediately vacate [FADES OUT]...	Доброе утро. Вы находились в консервации девять девять девять дев... Это сообщение зачитывается с целью уведомить вас, что все испытуемые должны немедленно покинуть [ЗАТИХАЕТ]...
---	--

Как мы видим, данное сообщение содержит в себе прямую отсылку к названию главы, «courtesy call», что никак не обыгрывается в русской локализации. Более того, по сюжету данное сообщение зачитывается в ситуации, когда лаборатория долгое время заброшена и практически разрушена, а обеспечивающий ее энергией ядерный реактор вот-вот взорвется. Как мы видим, в данном контексте выражение *courtesy call* также носит в себе оттенок сарказма, который никак не передается в русском переводе.

Среди других несоответствий в переводе, напрямую связанных с непониманием переводчиком сюжета игры и влияющих на восприятие происходящего игроком, можно отметить, например, следующие.

После пробуждения героини с ней через дверь разговаривает персонаж, подозревающий, что в комнате есть кто-то живой. Поскольку героиня ему не отвечает, персонаж никак не может знать, что протагонист женского пола. Однако в русском переводе он обращается к ней в женском роде, что противоречит логике событий. При этом предложением ранее в переводе фигурирует «испытуемый», а не «испытуемая».

Alright, look, okay, I'll be honest. You're the LAST test subject left. And if you DON'T help me, we're both going to die. Alright? I didn't want to say it, you dragged it out of me.	Ладно, слушай, говорю тебе прямо. Ты – последний <i>испытуемый</i> . И если ты мне не поможешь, мы оба умрем. Я не хотел тебе говорить, но ты из меня <i>вытянула</i> .
--	---

Позже по сюжету этот же персонаж перемещает камеру, в которой находится протагонистка, по воздуху между перекрытиями обрушенных этажей и периодически общается с героиней. Здесь в переводе есть несколько неточностей, затрудняющий понимание происходящего.

Oh, it's close... can you see? Am I gonna make it through? Have I got enough space?	О, уже близко... тебе видно? <i>Я пролезу?</i> Места хватит?
---	--

Речь идет не о том, пролезет ли в провал в стене сам персонаж (весьма миниатюрного размера), а о том, сможет ли он провести в отверстие всю камеру с главной героиней. В данном случае было бы корректнее перевести

данную реплику как «Мы пролезем?» или «Пролезет?», но не «Я пролезу?», так как это вызывает недоумение в связи с фактическими размерами персонажа. Та же самая ситуация повторяется и в переводе реплик ниже:

Agh, just... I just gotta get it through here... А, ведь надо как-то пройти.

Все та же ситуация: речь идет о том, как протащить по коридору камеру, в которой находится главная героиня.

Aggh, see, now I hit that one, I hit that one... А-а! Видишь, я ударился, я ударился...

Камера плохо поддается управлению и задевает одно из перекрытий комплекса. В условиях плохой видимости создается впечатление, что персонаж говорит о том, что он ударился обо что-то сам. Это не соответствует действительности и вызывает непонимание у игрока.

Позже в разговоре звучит реплика о том, что за стеной находится «всякое оборудование». Данный перевод является фактической ошибкой. По всей видимости, переводчик не был полностью знаком с сюжетом игры: речь идет не об абстрактном оборудовании, а о конкретном устройстве, играющем ключевую роль в прохождении, – порталной пушке. Об этой же пушке персонаж говорит буквально два предложения спустя, уточняя свою реплику («Remember: you're looking for a gun that makes holes»), поэтому перевод «всякое оборудование» в данном случае является некорректным.

On the other side of that wall is one of the old testing tracks. There's a piece of equipment in there we're gonna need to get out of here. За стеной находятся старые испытательные камеры. И там есть *всякое оборудование*, которое нам пригодится, если мы хотим отсюда выбраться.

Еще одним интересным случаем несоответствия перевода оригиналу является эпизод, где персонаж пытается протаранить стену камерой с главной героиней. По каким-то причинам текст субтитров в этой реплике не совпадает с текстом озвучки, поэтому мы имеем два варианта перевода одной и той же оригинальной реплики:

I'm going to attempt a <i>manual override</i> on this wall. Could get a bit technical! Hold on!	ТЕКСТ: Я постараюсь произвести <i>ручное вскрытие</i> . Это техническая процедура. Держись! ГОЛОС: Я постараюсь <i>взять управление на себя</i> . Возможно, это слишком технически звучит. Соберись с духом!
---	---

Как можно заметить, варианты достаточно сильно отличаются друг от друга, причем ни один из них не является достаточно адекватным с точки зрения перевода. Выражение *manual override* означает принудительный пере-

вод устройства на ручное управление, что применительно к тарану стены звучит комично. В текстовом варианте этот комизм отчасти сохранен, второй же вариант перевода является попросту непонятным и неуместным, как и перевод «hold on» как «соберись с духом» (текстовый вариант «держись» является гораздо более удачным). В переводе субтитров, однако, полностью потерял юмор второго предложения реплики: таран стены никак не связан с какими-либо техническими сложностями.

Присутствуют в тексте перевода и просто фактические ошибки, никак не связанные с непониманием сюжетной составляющей. К примеру, персонаж пытается заставить немую главную героиню сказать несколько слов, однако та только подпрыгивает на месте. После нескольких неудачных попыток наладить общение герои слышат сообщение с призывом начать эвакуацию, и звучит следующая реплика:

Okay, you know what? *That's close enough.* Just hold tight. Знаешь что, уже достаточно близко, просто держись.

В данном контексте эту фразу следовало перевести приблизительно как «Знаешь что, сойдет».

But don't be alarmed, alright? Although, if you do feel alarm, *try to hold onto that feeling* because that is the proper reaction to being told you have brain damage. Не стоит тревожиться. Хотя если возникнет чувство тревоги, *не нужно с ним бороться*. Это нормальная реакция на сообщение, что у тебя поврежден мозг.

Здесь выделенную часть реплики стоило бы перевести как «это хороший признак».

Подобные ошибки и несоответствия не влияют на сюжетную составляющую игры, однако снижают качество локализации в целом. Мы не будем рассматривать здесь все мелкие огрехи перевода, остановившись на наиболее заметных.

Анализ показал, что расхождения, входящие в одну из первых трех групп, отрицательно влияют на качество языковой локализации продукта, так как приводят к значительным потерям смысла. При этом мы учитывали, что преобразований, связанных со специфическими требованиями к процессу локализации (например, с укладкой текста в определенный тайминг или определенной длины текстовое поле), избежать затруднительно, однако некорректный перевод, связанный с недостатком контекста или некомпетентностью переводчика, может быть предотвращен. При этом данный тип ошибок составляет около половины всех расхождений текста ИЯ и ПЯ.

The article deals with the issue of video games localization for Russian speaking audience. The author singles out and groups most frequent cases of inadequate translation from English into Russia.

А. А. Горбачевич
Минск, МГЛУ

ПРАГМАТИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ ЗООМОРФНОЙ МЕТАФОРЫ В ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ТЕКСТАХ РУССКОГО И АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКОВ

В данной статье рассматриваются особенности функционирования зооморфизмов в литературных текстах, модели переноса наименований животных для описания черт человека. Сравниваются семантические и прагматические характеристики зооморфизмов в русском и английском языках.

Сходство человека и животного в строении тела, в практической деятельности и во взаимоотношениях между членами группы животных и человеческого коллектива, а также близость и взаимодействие человека и животного в окружающем мире в значительной степени обуславливают некий параллелизм между миром человека и миром животных. Люди еще с первобытных времен отождествляли себя с животными, а потому зооморфная метафора в языке – явление закономерное. Зооморфизмами, или зооморфными метафорами мы называем лексико-семантические варианты названий животных (включая названия птиц и насекомых), проецируемые на человека, характеризующие и оценивающие его под разными углами зрения, например, «лиса» – о хитром, лицемерном человеке.

Согласно мнению Е. Н. Ивановой, «истoki образа часто лежат в мифе о животном. Поэтому особый интерес для исследователей представляет круг зоонимов, маркированных мифологически. Вместе с тем логика образной номинации может опираться и на чисто бытовые, прагматические представления народа» [1, с. 180]. Истоки данного явления можно найти в тотемизме – одной из древнейших форм религии. О. М. Фрейденберг дает ему следующее определение: «Тотемизмом было названо своеобразное явление у нецивилизованных народов – объединение коллективов по признаку не кровного родства, а принадлежности к одному тотему – животному или растению, которое являлось якобы их общим родоначальником» [3, с. 302].

В отличие от метафор с исходной предметной семантикой зооморфизмы способны не только фиксировать наличие или отсутствие какого-либо свойства, но и выражать совокупность и единство разнообразных свойств («петух» – о мужчине, обычно молодом, задиристом, хвастливом, крикливом, дамском угоднике). По мнению Г. Н. Складневской, «с помощью зооморфизмов язык изобретает самые разнообразные характеристики человека, в подавляющем большинстве случаев пейоративные: внешности (байбак), психологические (змея), нравственные (скотина), социальные (букашка)» [2, с. 90].

Еще одной важной особенностью зооморфной лексики является ее культурная специфичность. Разные народы могут абсолютно по-разному относиться к одному и тому же животному. Тем не менее существует ряд совпадений, который может быть обусловлен целым рядом факторов, начиная

с общего источника (библейские и другие религиозные тексты, мифы, басни) и заканчивая подобными географическими и климатическими условиями жизни и объективными качествами животных.

Проанализировав 79 лексем русского языка и 75 английского, мы установили 46 случаев совпадения денотатов в русском и английском языках, что составило 59 % от общего числа слов. Из этих 46 случаев метафорические значения полностью совпали в 19 случаях (*гадюка* ‘viper’ – *злой и подлый человек*; *индюк* ‘turkey’ – *глупый, заносчивый, надменный человек*; *петух* ‘rooster’ – *вздорный человек, забияка*).

В 11 случаях переносное значение совпало частично, в 16 случаях переносные значения одних и тех же названий животных не совпали вовсе. Еще 33 зоонима в русском языке не нашли метафорического эквивалента в английском (*выдра* – *худая некрасивая женщина*, *ехидна* – *злой, язвительный, коварный человек*) и 29 зоонимов, имеющих вторичное значение в английском, не имеют такового в русском (*shrew* ‘землеройка’ – *злая неприятная женщина*; *gadfly* ‘овод’ – *человек, который раздражает или критикует других людей, чтобы заставить их что-то сделать*).

Наименованиями диких животных в русском языке в 37 % случаев метафорически описывается характер человека (*гиена* – *жадный и коварный человек*, *лиса* – *хитрый, лукавый, лживый человек*, *ехидна* – *злой, язвительный, коварный человек*), по 13 % приходится на описание внешности (*выдра* – *худая, некрасивая женщина*, *газель* – *стройная, грациозная девушка*) и поведения (*заяц* – *безбилетный пассажир*, *зритель*, *морж* – *любитель зимнего купания в реке, пруду и т.п.*). При этом еще 13 % зооморфных образов диких животных комбинируют в себе эти 2 значения (*слон* – *крупный, неуклюжий человек*). По 6 % приходится на социальный статус (*кит* – *тот, кто играет исключительно важную роль в каком-л. деле, на ком это дело держится*) и комбинации характера и внешности, характера и социального статуса.

Если же обратить внимание на зооморфизмы в английском языке, можно заметить, что большинство зооморфных метафор из группы диких животных (40 %) используются для метафорического отражения особенностей поведения (*monkey* ‘обезьяна’ – *живой и озорной человек, особенно ребенок*, *cougar* ‘пума’ – *женщина в возрасте, которая ищет сексуальных отношений с гораздо более молодым мужчиной*). 30 % описывают характер (*vixen* ‘лисица’ – *неприятная и злая женщина*), 15 % – социальный статус и род деятельности (*gopher* ‘суслик’ – *человек, чья работа – выполнять небольшие скучные задания для других людей, особенно в офисе или на съемочной площадке*), 10 % – внешность (*ape* ‘примат’ – *большой, некрасивый человек*) и 5 % – сочетание внешности и поведения (*gorilla* ‘горилла’ – *большой агрессивный человек*).

В лексико-семантической группе (ЛСГ) диких птиц 29 % случаев из проанализированных зооморфизмов характеризуют поведение человека (*жаворонок* – *человек, чувствующий себя утром, в первую половину дня бодрее, чем вечером*, *соловей* – *краснобай*), 22 % имеют только стилистические значения (*ласточка*, *лебедь* – *как ласковое обращение к женщине, ребенку*), 21 % – характер (*ворона* – *рассеянный, невнимательный человек*, *сыч* – *мрачный, угрюмый, нелюдимый человек*), 14 % – характер и внешность (*павлин* – *о человеке,*

уделяющем повышенное внимание своей внешности, одежде, держащемся высокомерно, заносчиво, сокол – юноша, мужчина, отличающиеся красотой, смелостью, удалью), по 7 % на внешность (нава – женщина с горделивой, величавой осанкой и плавной походкой) и интеллектуальные способности (тетеря – глупый или незадачливый человек).

Также, как и в русском, в английском языке в ЛСГ диких птиц большинство (50 %) проанализированных зооморфизмов употребляются для описания поведения человека (owl ‘сова’ – 1) человек, который выглядит или ведет себя, как сова, имеет величественные манеры; 2) человек, который ложится спать поздно ночью). По 10 % приходится на внешность (crow ‘ворона’ – старая некрасивая женщина), интеллектуальные способности (dodo ‘дронт’ – глупый человек), социальный статус и род деятельности (swan ‘лебедь’ – поэт), сочетание характера и поведения (vulture ‘стервятник’ – жадный, безжалостный человек, который пытается извлечь выгоду из неприятностей другого человека) и 10 % также имеют только стилистическое значение (dove ‘голубка’ – ласковое обращение).

ЛСГ «Домашние животные», хотя и занимает всего 28 % от общего количества зоонимических образов, является самой разнообразной группой в плане значений. Здесь можно найти метафорические описания внешности (26 % – кобыла – крупная женщина, буйвол – о грузном, толстом человеке), поведения (18 % – кот – похотливый мужчина, пес – тот, кто вызывает негодование, заслуживает презрение своим поведением, поступками), характера (17 % – овца – робкий, безответный человек, ягненок – тихий, кроткий человек), интеллектуальных способностей (9 % – баран, осел – глупый человек), состояния здоровья (4 % – кляча – изнуренный, больной человек) и комбинаций характера и внешности (9 % – бык – о крупном, здоровом, сильном (обычно упрямом) человеке), характера и поведения (4 % – собака – 1) человек, с излишним рвением охраняющий интересы кого-л., служащий кому-л., чему-л.; 2) злой, жестокий человек)) и внешности, поведения (13 % – лошадь – 1) крупная женщина; 2) тот, кто трудится много и напряженно, часто выполняя работу за других, поросенок – 1) неряшливый человек; замарашка; 2) непорядочный человек).

Данная ЛСГ является в английском языке одной из самых больших и самых разнообразной с точки зрения возможных вторичных значений. Зооморфизмы этой группы используются для описания внешности человека в 10 % случаев (cow ‘корова’ – большая, толстая и неопрятная женщина). 25 % метафорически характеризуют характер (hog ‘боров’ – эгоистичный, жадный или неряшливый человек), 20 % – поведение (stud ‘жеребец’ – сексуально активный мужчина), 15 % – социальный статус (mule ‘мул’ – человек, которому платят за незаконную перевозку наркотиков из одной страны в другую; guinea-pig ‘морская свинка’ – подопытный в медицинских или других экспериментах), по 10 % приходится на интеллектуальные способности (donkey ‘осел’ – глупый человек) и только стилистические значения (lambkin ‘ягненок’ – ласковое обращение) и по 5 % – на сочетания характера и внешности (pig ‘свинья’ – неприятный в некотором роде человек, жадный, недобрый или грязный) и характера, поведения (sheep ‘овца’ – кроткий и робкий человек, не проявляющий никакой инициативы).

50 % представителей группы «Домашние птицы» описывают характер (*гусь – тот, кто не вызывает доверия; ненадежный, плутоватый человек*), 25 % – поведение (*петух – вздорный человек, забияка*) и еще 25 % – внешность и поведение (*попугай – 1) человек в яркой, пестрой одежде; 2) человек, который, не имея собственного мнения, повторяет чужие слова*).

Образы домашних птиц в английском языке говорят преимущественно (58 %) о поведении человека (*rooster ‘петух’ – задиристый мужчина*). По 14 % приходится на интеллектуальные способности (*goose ‘гусь’ – глупый человек*), сочетание характера и поведения (*peacock ‘павлин’ – высокомерный мужчина, который любит одеваться или вести себя так, чтобы привлечь к себе внимание*), а также на только стилистические значения (*chick ‘цыпленок’ – обращение к молодой девушке*).

Образы рептилии в 50 % случаев говорят о поведении (*хамелеон – человек, легко меняющий свои взгляды, убеждения и т.п., черепаха – о крайне медлительном, нерасторопном человеке*), 33 % – о характере (*гадюка – подлый и злой человек, змея – коварный, хитрый, злой человек*) и 17 % – о внешности (*крокодил – об очень некрасивом человеке*).

50 % представителей группы рептилии в английском языке описывают характер (*snake ‘змея’ – коварный человек*), 33 % – поведение и 17 % – сочетание характера и поведения (*chameleon ‘хамелеон’ – переменчивый или ненадежный человек*).

В русском языке насекомые – 60 % – характер (*блоха – о ничтожном, пустом человеке*) и по 20 % на поведение (*стрекоза – непоседа, егоза (обычно о живом, подвижном ребенке)*) и комбинацию характера и поведения (*трутень – бездельник, ленивый, беспечный человек, живущий на чужой счет*).

В английском языке наименования насекомых используются для метафорического описания поведения человека в 67 % случаев (*drone ‘трутень’ – человек, который ничего не приносит в общество, живет за счет работы других*), 17 % и 16 % приходятся на интеллектуальные способности (*nit ‘гнида’ – очень глупый человек*) и характер (*louse ‘вошь’ – неприятный человек*).

В группе рыбы было представлено по 1 зооморфизму для описания характера (*рыба – вялый, бесстрастный, равнодушный ко всему человек*), характера и поведения (*акула – 1) тот, кто наживается на эксплуатации и ограблении кого-л., чего-л.; 2) тот, кто агрессивно настроен по отношению к кому-л.*) и 1 с только стилистическим значением (*рыбка – ласковое обращение к мужчине или женщине*).

В английском языке мы также нашли 3 зооморфных образа в группе рыбы: *fish ‘рыба’ – неэмоциональный человек, shark ‘акула’ – человек, который обманывает людей, давая плохие советы, trout ‘форель’ – надоедливая или злая старуха*.

В группе «Моллюски» в русском языке по одному образцу для характера (*слизняк – безвольный, бесхарактерный, ничтожный человек*) и комбинации внешности и поведения (*каракатица – неуклюжий, коротконогий человек*).

В английском моллюски также представлены двумя зооморфизмами, характеризующими характер и поведение человека: *slug* ‘слизняк’ – медлительный или ленивый человек и *snail* ‘улитка’, с идентичным значением.

Также и в русском, и в английском употребляются зооморфизмы из группы «Черви», причем в обоих языках в случае этих зооморфизмов метафорический перенос произошел по схожей модели и данные зооморфные образы употребляются в схожих контекстах для обозначения ничтожного человека (*worm* ‘червь’) и человека, который зависит от кого-то другого в материальном плане или получает прибыль от чужой работы (*leech* ‘пиявка’).

Группа «Членистоногие» представлена в русском языке одной лексемой *наук*, имеющей переносное значение ‘жестокый человек, эксплуатирующий чужой труд, вымогающий у другого последнее достояние’, следовательно, говорящей о комбинации характера и поведения.

Подводя итог, можно отметить, что проведенное исследование позволило описать довольно значимый для человека фрагмент языковой картины мира, поскольку зооморфная лексика отражает многовековые наблюдения человека над внешним видом и повадками животных, передает отношение людей к их «братьям меньшим», являясь тем самым культурно-информационным фондом в каждом языке. Таким образом, исследование зооморфных метафор дает возможность понять особенности языковой картины мира носителей разных языков, а также помогает глубже проникнуть в культурный код нации.

ЛИТЕРАТУРА

1. Иванова, Е. Н. Образы животных в предметной диалектной лексике русского языка / Е. Н. Иванова // Ономастика и диалектная лексика : сб. науч. тр. / Урал. гос. ун-т им. А. М. Горького ; под ред. С. Г. Галинова. – Екатеринбург, 1999. – Вып. 3. – С. 180–185.
2. Складеревская, Г. Н. Метафора в системе языка / Г. Н. Складеревская – СПб. : Наука, 1993. – 152 с.
3. Фрейденоберг, О. М. Миф и литература древности / О. М. Фрейденоберг. – 2-е изд., испр. и доп. – М. : Вост. лит., 1998. – 800 с.

This article deals with the particularities of the functioning of zoomorphisms in literary texts, models of transferring animal names to describe human traits, and comparing the semantic and pragmatic characteristics of zoomorphisms in the Russian language and the English language.

Д. И. Кирилова
Минск, МГЛУ

АНГЛИЙСКИЕ И РУССКИЕ ПАРЕМИИ О ДОБРЕ И ЗЛЕ В СОПОСТАВИТЕЛЬНОМ АСПЕКТЕ

Статья посвящена структурно-семантическому анализу единиц фразеологического типа с ключевыми компонентами ‘добро’ и ‘зло’. В работе рассматриваются примеры пословиц и поговорок, отражающих отношение русских и англичан к добру и злу. Исследование данных пословиц и поговорок актуально с точки зрения выражения в них моральных ценностей, присущих обоим народам. В результате структурно-семантического анализа выявлены как сходные черты паремий, так и их различия.

Пословицы и поговорки являются неотъемлемым атрибутом любого языка. Родившись в гуще народной жизни, они широко употребляются во всех сферах устной речи, в художественных произведениях, публицистике, средствах массовой информации, периодической печати. Паремии могут предоставить ключ к пониманию национального менталитета. Их изучение способствует пониманию образа мыслей и характера народа.

Паремии занимают особое место в языковой картине мира, поскольку они наиболее образно, аргументировано и лаконично позволяют выразить целый комплекс культурных смыслов, связанных с феноменом человека, человеческого сознания и человеческого общества. Причина особой роли паремий в выражении таких значимых для национальной культуры категорий заключается, прежде всего, в их богатом семантическом потенциале и объясняется рядом функционально-семантических особенностей, раскрывающих свойства паремий как языковых знаков особой природы [1].

Паремии, как единое целое, охватывают большую часть человеческого опыта. Они позволяют представить фрагмент языковой картины мира, национальный характер носителей разных языков.

Данная научная статья посвящена структурно-семантическому анализу английских и русских пословиц, поговорок, идиом, отражающих отношение англичан и русских к добру и злу.

«Поговорка – краткое изречение, нередко назидательного характера, имеющее, в отличие от пословицы, только буквальный план и в грамматическом отношении представляющее собой законченное предложение: *Про доброе дело говори смело*, а «пословица – краткое, устойчивое в речевом обиходе, как правило, ритмически организованное изречение назидательного характера, в котором зафиксирован многовековой опыт народа; имеет форму законченного предложения: *Добро творить – себя веселить*. Таким образом, как мы видим, пословицы и поговорки тесно связаны друг с другом, однако, имеют ряд существенных различий в содержании, структуре и семантике. Пословица обладает и прямым, и переносным планом, в отличие от поговорки, которая имеет только буквальный план значения [2].

Лингвокультурные концепты «добро» и «зло» представляют собой бинарную оппозицию и являются ключевыми концептами мировой культуры. Семантическое поле Добро/зло отражает философские категории человеческого сознания. Универсальные понятия, которые заключают в себе представление о добродетели и пороке, находят свое отражение в языке пословиц английского и русского народов, что свидетельствует о различии и особенностях их менталитета. «Добро – одно из наиболее общих понятий морального сознания и одна из важнейших категорий этики» [3]. Зло – «понятие морального сознания, которое служит наиболее обобщенным выражением представления о безнравственном, противоречащим требованиям морали, заслуживающим осуждения» [Там же].

Среди пословиц и поговорок, связанных с осмыслением добра и зла, (всего выявлено 220 пословиц и поговорок) можно выделить несколько групп по их значению: 1) *за добрым поступком следует благодарность*, 2) *доброта*

в людях ценится выше всего, 3) хорошая репутация – важнее всего, 4) нельзя отвечать злом на зло, 5) зло может приводить к добру, 6) плохая компания плохо влияет на человека, 7) дурная репутация становится известна сразу же.

Для того чтобы перейти к структурно-семантическому сопоставительному анализу, следует рассмотреть происхождение английских и русских пословиц и поговорок. Можно выделить такие основные источники возникновения пословиц и поговорок о добре и зле, как народные (174), литературные (23), библейские происхождения (15), заимствования (8).

На формирование пословичного фонда как английского, так и русского языков оказали влияние заимствования из других языков. Всего выявлено 8 половиц. Например, сравним английскую пословицу *Of two evils choose the lesser* [4] и ее русский эквивалент *Из двух зол выбирай наименьшее* [5]. Обе они восходят к латинскому изречению *duobus malis minimum eligendum*. Кроме того, можно проследить заимствования из китайского языка. Например, *Forget injuries, never forget Kindness* [4]. – *Забывай раны, никогда не забывай доброты* (перевод здесь и далее наш – Д. К.). Русский эквивалент данной пословицы: *Добро помни, а зло забывай* [Там же]. Таким образом, можно проследить, что общий источник происхождения приводит к образованию полных эквивалентов. В приведенных пословицах наблюдается одинаковый порядок слов.

Далее рассмотрим пословицы библейского происхождения. Всего выявлено 15 пословиц. Например, английская пословица *Hell is paved with good intentions* [6] имеет русский эквивалент *Благими намерениями дорога в ад вымощена* [7]. Эти пословицы отличаются лишь порядком слов, так как в английском языке порядок слов строго фиксированный, а в русском – свободный.

Рассмотрим пословицы библейского происхождения, которые не имеют аналога в английском языке. Например, *Добрым путем Бог правит; Доброму Бог помогает* [8]. Приведенные пословицы свидетельствуют о том, что «менталитет народа, как и его культура, представляет собой чрезвычайно неоднородное явление: наряду с национально-специфическими чертами, он включает межнациональные и универсальные, общечеловеческие черты» [9].

Необходимо отметить, что по своему происхождению английские и русские пословицы связаны с различными социальными группами. В английских пословицах прослеживается мировосприятие человека, который занимает определенное положение в обществе и дорожит своей репутацией [Там же]. Русские пословицы отражают в большей степени фольклорное творчество (174). Например, *За мое жито мне же и бито; За мое добро мне же в ребро; У Фили тили, Филю ж и побили* [7].

Анализ английских и русских пословиц и поговорок о добре и зле позволил распределить исследуемые единицы по следующим группам.

В первую группу можно отнести пословицы и поговорки, выражающие значение 'за добрым поступком следует благодарность'. *A good deed is never lost* [4]. – 'Хороший поступок никогда не теряется'. Русские эквиваленты: *Доброе дело без награды не остается; Добро всегда вспомнится; За доброе дело жди похвалы смело; Доброе добром поминают* [10].

Большое количество пословиц с данным значением подтверждает, что в менталитете русского человека доброе дело обязательно вознаграждается.

Далее рассмотрим пословицы и поговорки, выражающие значение 'доброта в людях ценится выше всего'. *Kind hearts are more than coronets* [3]. – 'Добрые сердца значат больше, чем короны'. Русские эквиваленты: *Добро не умрет, а зло пропадет; Сей добро, не кайся* [10]. Большинство из данных пословиц и поговорок содержит противопоставление, основанное на употреблении экспрессивно-значимых лексических компонентов.

В третью группу входят пословицы и поговорки, которые заключают в себе значение. *A good name is better than riches* [4]. – 'Доброе имя важнее богатства', *A good name is sooner lost than won* [Там же]. – 'Хорошую репутацию легче утратить, чем приобрести'. Русский эквивалент: *Золото и в грязи блеснит* [10]. В английских пословицах добрая репутация сравнивается с добрыми делами, а в русской пословице отсутствует упоминание о репутации.

Кроме того, существуют пословицы и поговорки, выражающие значение 'нельзя отвечать злом на зло'. *Two blacks do not make a white* [4]. – 'Черное на черное не дает белого (цвета)', *Two wrongs do not make a right* [9]. – 'Два плохих поступка не дают одного хорошего поступка'. Соответствующие русские пословицы: *Злом зла не поправишь; Злом зло не воздавай* [10] немногословны, носят поучительный характер.

В пятую группу можно отнести пословицы и поговорки, выражающие значение 'зло может приводить к добру'. *No joy without alloy* [4]. – 'Нет радости без огорчения', *Every cloud has a silver shining* [Там же]. – 'Есть у тучки светлая подкладка'. Русский эквивалент всех этих пословиц: *Нет худа без добра* [5].

Таким образом, как в английском, так и в русском языке есть пословицы и поговорки, которые выражают противоположное отношение к одному и тому же явлению, что свойственно противоречивости человеческого мышления.

В следующую группу примыкают пословицы и поговорки, которые выражают значение 'плохая компания плохо влияет на человека'. *Who keeps company with a wolf, will learn to howl* [4]. – 'Кто поддерживает компанию с волком, научится выть', *Evil communications corrupt manners* [Там же]. – 'Худые сообщества развращают нравы'. Русские соответствия: *С кем поведешься, от того и наберешься; С кем соль-хлеб водишь, на того и походишь* [10].

На примере этих пословиц можно проследить некоторую общность менталитета английского и русского народов, а именно, негативное влияние плохой компании на человека.

В седьмую группу следует отнести пословицы и поговорки, выражающие значение 'дурная слава становится известна сразу же'. *Good fame sleeps, bad fame creeps* [4]. – 'Добрая слава спит, а плохая ползет', *The ill fame has wings* [6]. – 'Дурная слава имеет крылья', *The ill fame has long legs* [9]. – 'Дурная слава имеет длинные ноги'. Всем этим английским пословицам и поговоркам соответствует одна русская пословица: *Добрая слава лежит, а худая бежит* [5].

Необходимо подчеркнуть, что английские и русские пословицы, выражающие данное значение, строятся на олицетворении. Кроме того, большее количество английских пословиц с этим значением показывает, что англичане обращают внимание на проблему дурной славы. В этом можно видеть выражение национально-культурной специфики менталитета английского народа.

Рассмотрев примеры пословиц и поговорок, существующих в английском и русском языках, мы обнаружили как сходные черты, присущие обоим культурам, так и различия. Общий источник происхождения пословиц и поговорок приводит к образованию полных эквивалентов в обоих языках. Экспрессивно-оценочная коннотация и образность как в английских, так и в русских пословицах создается за счет контраста, параллелизма синтаксических конструкций, нередко за счет включения необычных лексических компонентов.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Алефиренко, Н. Ф.* Фразеология и паремиология : учеб. пособие для бакалаврского уровня филологического образования / Н. Ф. Алефиренко, Н. Н. Семененко. – М. : Флинта : Наука, 2009. – 344 с.
2. Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В. Н. Ярцева. – М. : Сов. энцикл., 1990. – 685 с.
3. *Кон, И. С.* Словарь по этике / И. С. Кон. – 4-е изд. – М. : Политиздат, 1981. – 435 с.
4. *Smith, W. G.* The Oxford dictionary of English proverbs / W. Smith. – Oxford : Oxford University Press, 1970. – 930 p.
5. *Кусковская, С. Ф.* Русские пословицы и поговорки с соответствиями в английском языке / С. Ф. Кусковская. – Минск : Выш. шк., 1992. – 219 с.
6. *Райдаут, Р.* Толковый словарь английских пословиц / пер. А. П. Нехая [текст] / Р. Райдаут, К. Уиттинг. – СПб. : Лань, 1997. – 256 с.
7. *Зимин, В. И.* Пословицы и поговорки русского народа. Большой объяснительный словарь / В. И. Зимин, А. С. Спирин. – Ростов н/Д : Феникс, М. : Цитадель-трейд, 2006. – 544 с.
8. *Даль, В. И.* Пословицы русского народа : сб. : в 2 т. / В. И. Даль. – М., 1996. – 544 с.
9. *Иванова, Е. В.* Мир в английских и русских пословицах / Е. В. Иванова. – СПб. : ИД СПбГУ, 2006. – 280 с.
10. *Жуков, В. П.* Словарь русских пословиц и поговорок / В. П. Жуков. – М., 1991. – 534 с.

The examples of proverbs and sayings that reflect the attitude of Russian people and the English to good and evil are considered in the article. As a result of the structural and semantic analysis, both similar features of paroemias and their fundamental differences are revealed.

О КАТЕГОРИЗУЮЩЕЙ СПОСОБНОСТИ ЛОКАТИВНЫХ КОМПОЗИТОВ С 上 SHàng 'ВЕРХ'

Исследования языковых единиц с пространственной семантикой показывают, что с их помощью происходит языковая категоризация внеязыковой действительности. Используясь с именами физических объектов, языковые единицы с локативной семантикой приписывают им определенные пространственные характеристики. Например, предлоги, употребляясь с именами локализуемых объектов, могут относить их к категории вместилищ (*в, in*), вытянутых объектов (*вдоль, along*) и т.д. [1, с. 60–79]. Глаголы перемещения могут передавать информацию о форме перемещающегося субъекта, например, глагол *катиться* подразумевает, что субъект перемещения относится к категории объектов, имеющих круглую форму [2, с. 55–63]. Такой способностью в китайском языке обладают локативные композиты с 上 shàng 'верх' - 向上 xiàngshàng 'вверх, наверх, к', 朝上 cháoshàng 'вверх, сесть лицом к кому-то', 上方 shàngfāng 'верх, высь, небеса', 上端 shàngduān 'вверху, верхний конец', 上边 shàngbian 'верх, верхняя сторона; наверху, на, над, выше', 上面 shàngmian 'верх, наверху, на, над, поверх'. Категории, которые приписывают эти единицы физическим объектам, отличаются спецификой, которая обнаруживается при анализе спо-собов перевода данных единиц на русский и английский языки. Рассмотрим семантику этих единиц.

Локативный композит 向上 xiàngshàng 'вверх, наверх, к' сообщает о специфической форме объекта, перемещающегося вверх: стрела или угол, ориентированные вверх. Например, в контексте (1) композит 向上 xiàngshàng описывает траекторию движения стрел вверх, в результате которого они сложились в форме иероглифа 人 rén.

(1) 羿并不勒住马, 任它跑着, 一面却也拈弓搭箭, 只一发, 只听得铮的一声, 箭尖正触着箭尖, 在空中发出几点火花, 两枝箭便向上挤成一个“人”字, 又翻身落在地上了。[鲁迅 / 奔月 (1926)]. Yì bìngbù lēizhù mǎ, rèn tā pǎo zhe, yīmiàn què yě niān gōng dā jiàn, zhǐ yī fā, zhǐ tīng de zhēng de yīshēng, jiàn jiān zhèng chù zhe jiàn jiān, zài kōngzhōng fāchū jǐdiǎn huǒhuā, liǎng zhī jiàn biàn xiàngshàng jǐ chéng yī gè “rén” zì, yòu fānshēn luò zàidì shàng le. [Lu Xun / Ben yue / 1926].

(1a) Выхватив на ходу лук, он мгновенно заложил ответную стрелу, спустил тетиву и тут же услышал звон: рассыпав искры, стрелы ударились наконечниками, изогнулись углом **вверх** и, перевернувшись в воздухе, упали на землю. [дословно: 'создали иероглиф 人 rén'] [Лу Синь «Побег на луну» (перевод В. Сухорукова)].

(1b) Without reining in his horse, which was trotting along, Yi fitted an arrow to his bow and let fly. Zing! Two arrowheads collided, sparks flew into the air and the two shafts thrust **up** to form an inverted V before toppling over and falling to the ground. [Lu Xun “Fly to the Moon” (Yang Xianyi and Gladys Yang)][3].

В русском и английском языках соответствующая информация передается описательным способом: углом **вверх**, *thrust up to form an inverted V*. Анализ контекстов с 向上 *xiàngshàng* ‘вверх, наверх, к’ и изображений к ним позволяет сделать вывод о том, что стрелка, обращенная вверх, является, очевидно, прототипичной схематической формой объекта, перемещение которого вверх обозначается с помощью 向上 *xiàngshàng* (рис. 1, контекст (2)):

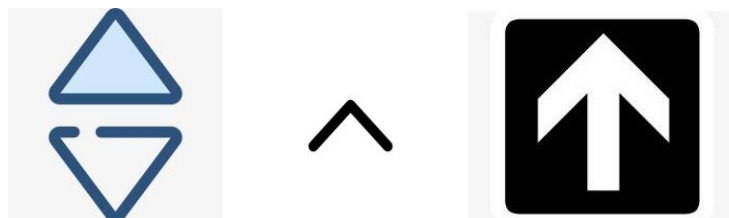

Рисунок 1. Изображения к контексту (2)

(2) 向上箭头的标志。 *Xiàngshàng jiàntóu de biāozhì*. Дословно: ‘Знак стрелка **вверх**.’ [4].

Такая схема усматривается и в изображениях на рисунках 2 и 3, о чем свидетельствуют описывающие их контексты (3) и (4).

(3) 手指向上指的表情图片。 *Shǒuzhǐ xiàngshàng zhǐ de biǎoqíng túpiàn*. ‘Изображение пальца, поднятого **вверх**.’

(4) 为什么做完引体向上脖子疼? *Wèishéme zuò wán yǐn tǐ xiàngshàng bózi téng*. ‘Почему болит шея после подтягиваний?’ [5].

Рисунок 2. Изображение к контексту (3)

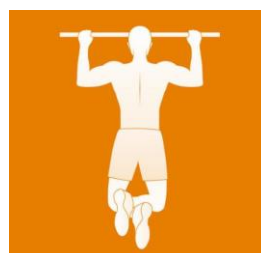

Рисунок 3. Изображение к контексту (4)

Локативный композит 朝上 *cháoshàng* ‘вверх, сесть лицом к кому-то’ профилирует квадратную форму физического объекта (пример (5), рисунок 4).

(5) 首先将方形至背面朝上, 将左右两个角折向中。 *Shǒuxiān jiāng fāngxíng zhì bèimiàn cháo shàng, jiāng zuǒyòu liǎng gè jiǎozhé xiàng zhōngxiàn*. Дословно: ‘Сначала поверните спинку квадрата **вверх** и загните левый и правый углы к центральной линии.’ [6].

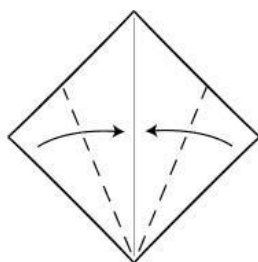

Рисунок 4. Изображение к контексту (5)

В примере (6a) композит **上方** *shàngfāng* ‘верх, высь, небеса’ (дословно: ‘верх сторона’) используется в качестве переводного эквивалента наречия *сверху*. Из внутренней формы этого композита следует, что, в отличие от наречия *сверху*, он не просто именуется направлением в пространстве, а представляет его как объект, располагающийся сторонами.

(6) *Сверху* ласково синело небо – а мне было так грустно... [И. С. Тургенев. «Первая любовь» (1860)].

(6a) **我们的上方是一片令人赏心悦目的碧空，可我却那么忧伤.....** [伊万·屠格涅夫 / 初恋 / (奉真 / 1998)]. *Wǒmen de shàngfāng shì yīpiàn lìngrén shǎng xīn yuè mùdì bìkōng, kě wǒ què nàme yōushāng...* [Y. Tùgényèfū / Chūliàn (Feng Zhen, 1998)].

(6b) **Overhead** the sun was radiantly blue – while I was so sorrowful.... [I. Turgenev “First Love” (Constance Black Garnett, 1897)].

В английском языке эта же пространственная ситуация обозначается с помощью наречия *overhead*.

Семантическим свойством локативных композитов **上端** *shàngduān* ‘вверху, верхний конец’, **上边** *shàngbian* ‘верх, верхняя сторона; наверху, на, над, выше’, **上面** *shàngmian* ‘верх, наверху, на, над, поверх’ является то, что эти языковые единицы задают более точные координаты местоположения в верхнем регионе. Одновременно с уточнением этих координат, данные композиты приписывают локализуемому объекту – Y-у – определенные пространственные характеристики: **上端** *shàngduān* ‘вверху, верхний конец’ категоризует Y как точку, маленький участок (пример (7), рис. 5), **上边** *shàngbian* ‘верх, верхняя сторона; наверху, на, над, выше’ профилирует наличие выделенного края, полосы с краю (пример (8), рис. 6), а **上面** *shàngmian* ‘верх, наверху, на, над, поверх’ сообщает о том, что Y является плоскостью, площадкой (пример (9), рис. 7).

(7) **上端的眉毛能拔掉吗?** *Shàngduān de méimáo néng bá diào ma?* Дословно: ‘Верхние брови можно ли выщипывать?’ [7].

Рисунок 5. Изображение к контексту (7)

(8) 车轮上边挡泥板, 所有车型都有现货原装正品。Chēlún *shàngbian* dǎng ní bǎn, suǒyǒu chēxíng dōu yǒu xiànhuò yuánzhuāng zhèngpǐn. ‘Брызговик **над** колесом, ко всем моделям имеются в наличии оригинальные запчасти.’ [8].

Рисунок 6. Изображение к контексту (8)

(9) 左边墙上面的木雕。Zuǒbiān qiáng *shàngmiàn* de mùdiāo. ‘Украшение из дерева **на** стене слева.’ [9].

Рисунок 7. Изображение к контексту (9)

Таким образом, исследование категоризирующего потенциала локативных композитов с 上 *shàng* ‘верх’ показало, что их свойства как маркеров категоризации сходны как со свойствами глаголов, так и со свойствами предлогов русского и английского языков. Подобно глаголам они сообщают о пространственных характеристиках перемещающихся субъектов, подобно предлогам – способны профилировать те или иные пространственные свойства локализуемых объектов. В целом для китайского языка можно констатировать наличие большего количества релевантных параметров пространства, которые учитываются при языковом кодировании пространственных ситуаций.

ЛИТЕРАТУРА

1. Тарасевич, Л. А. Семантика и функционирование предлогов с пространственным значением (на материале немецкого и русского языков) : монография / Л. А. Тарасевич. – Минск : МГЛУ, 2014. – С. 60–79.

2. *Набати, III*. Персидко-русские корреляты в системе базовых глаголов перемещения / III. Набати, Л. А. Тарасевич, З. А. Харинточик. – Минск : МГЛУ, 2016. – С. 55–63.
3. *Lu Xun*. Selected Stories of Lu Xun: The True Story of Ah Q, and Other Stories [Electronic resource] / Lu Xun. – Mode of access: <http://coldbacon.com/writing/luxun-calltoarms.html>. – Date of access: 28.02.2019.
4. 向上标志—百度图片 xiàngshàng Biāozhì – Bǎidù túpiàn [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://image.baidu.com/search/index?tn=baiduimage&ct=201326592&lm=-1&cl=2&ie=gb18030&word=%CF%F2%C9%CF&fr=ala&ala=1&alatpl=adress&pos=0&hs=2&xthttps=000000>. – Дата доступа: 27.02.2019.
5. 向上—百度图片 xiàngshàng – Bǎidù túpiàn [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://image.baidu.com/search/index?tn=baiduimage&ct=201326592&lm=-1&cl=2&ie=gb18030&word=%CF%F2%C9%CF&fr=ala&ala=1&alatpl=adress&pos=0&hs=2&xthttps=000000>. – Дата доступа: 24.01.2019.
6. 朝上—百度图片 cháoshàng – Bǎidù túpiàn [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://image.baidu.com/search/index?tn=baiduimage&ipn=r&ct=201326592&cl=2&lm=-1&st=-1&fm=result&fr=&sf=1&fmq=&pv=&ic=0&nc=1&z=0&hd=0&latest=0©right=0&se=&showtab=0&fb=0&width=&height=&face=0&istype=2&ie=utf-8&hs=2&ctd=&sid=&word=%E6%9C%9D%E4%B8%8A>. – Дата доступа: 14.01.2019.
7. 上端—百度图片 shàngduan – Bǎidù túpiàn [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://image.baidu.com/search/index?tn=baiduimage&ipn=r&ct=201326592&cl=2&lm=-1&st=-1&fm=result&fr=&sf=1&fmq=&pv=&ic=0&nc=1&z=0&hd=0&latest=0©right=0&se=&showtab=0&fb=0&width=&height=&face=0&istype=2&ie=utf-8&hs=2&ctd=&sid=&word=%E4%B8%8A%E7%AB%AF>. – Дата доступа: 14.01.2019.
8. 上边—百度图片 shàngbian – Bǎidù túpiàn [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://image.baidu.com/search/index?tn=baiduimage&ipn=r&ct=201326592&cl=2&lm=-1&st=-1&fm=result&fr=&sf=1&fmq=&pv=&ic=0&nc=1&z=0&hd=0&latest=0©right=0&se=&showtab=0&fb=0&width=&height=&face=0&istype=2&ie=utf-8&hs=2&ctd=&sid=&word=%E4%B8%8A%E8%BE%B9>. – Дата доступа: 27.02.2019.
9. 上面—百度图片 shàngmian – Bǎidù túpiàn [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://image.baidu.com/search/index?tn=baiduimage &ipn=r&ct=201326592&cl=2&fm=detail&lm=-1&hd=undefined&latest=undefined©right=undefined&st=-1&sf=2&fmq=1618602501918_R&fm=detail&pv=&ic=undefined&nc=1&z=0&se=&showtab=0&fb=0&width=undefined&height=undefined&face=0&istype=2&ie=utf-8&word=%E4%B8%8A%E9%9D%A2. – Дата доступа: 27.02.2019.

ПРОБЛЕМЫ АВТОМАТИЧЕСКОЙ ОБРАБОТКИ ТЕКСТОВ

Ю. Д. Голяк

Минск, ООО «АйЭйчЭс Глобал»

ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ ПРОЦЕССОР ДЛЯ АВТОМАТИЧЕСКОГО ДОПОЛНЕНИЯ ПОЛЬЗОВАТЕЛЬСКИХ ЗАПРОСОВ НА РУССКОМ ЯЗЫКЕ

В работе предлагается постановка задачи автодополнения пользовательского поискового запроса на русском языке для информационных систем с интерактивным пользовательским естественно-языковым интерфейсом и принципиальная схема ее решения с учетом предполагаемой «истории» поиска на базе текстов предметной области. Приводится классификация типов пользовательских запросов и их синтаксических структур, описывается функциональность базового лингвистического процессора, необходимого для решения целевой задачи, а также требования к дополнительному модулю формирования подсказок для предполагаемых запросов.

Постановка задачи и принципиальная схема ее решения

Автодополнение (автоматическое завершение, предиктивный ввод) пользовательского запроса, в дальнейшем QTA (Query Type-Ahead), является необходимой функциональностью практически в любых современных информационных системах с интерактивным пользовательским естественно-языковым (ЕЯ) интерфейсом. Суть этой процедуры состоит в следующем. Пусть вводимый пользователем запрос в определенный момент времени представляет собой цепочку

$$W_1 W_2 \dots W_n, (1),$$

где каждое W_i ; $i = 1, n - 1, n > 1$ является словом естественного языка, а W_n , $n \geq 1$ – словом либо префиксом слова. Задача автодополнения запроса вида (1), в определенной степени уже отображающего информационную потребность пользователя, заключается в автоматическом формировании списка таких, в идеале, грамматически и семантически корректных цепочек слов естественного языка, которые включают в себя члены цепочки (1), т.е. речь идет не только о последовательном завершении строки вводимого запроса, рассматриваемого в качестве его префикса, но о более сложной процедуре, предполагающей, в общем случае, погружение уже набранной пользователем части запроса в контекст, а именно дополнение ее в начале, в конце и даже внутри. При этом предлагаемые цепочки могут содержать не все слова из (1). В любом случае они должны быть отранжированы по их релевантности относительно исходной цепочки. Кроме того, процедура автодополнения может применяться к вводимому запросу неоднократно (фрагментарно). Большинство современных поисковых систем, реализующих автодополнение запроса, опираются на автоматически неявно фиксируемую в процессе их эксплуатации историю проведенного поиска в виде списков

наиболее частотных пользовательских запросов и/или их наиболее информативных фрагментов. Как оказалось, актуальным для рассматриваемой задачи является случай, когда поисковое пространство, во-первых, заранее «известно» поисковой системе и, во-вторых, представляет собой относительно постоянную полнотекстовую базу данных (ПБД), например, БД текстов некоторой предметной области. Проведенные исследования показали, что эффективным решением задачи здесь представляется идея предварительного, т.е. до эксплуатации системы, формирования «истории», но не уже осуществленного, а предполагаемого поиска, в виде множества P так называемых подсказок, автоматически распознаваемых в самой ПБД, поскольку именно ей будут адресованы пользовательские запросы. Таким образом, может быть предложена следующая принципиальная схема решения задачи построения множества подсказок для автодополнения пользовательских запросов в рассматриваемом случае:

- экспертный анализ на основе общедоступных источников наиболее частотных поисковых запросов и классификация их типов;
- классификация синтаксических структур запросов этих типов;
- автоматический лингвистический анализ ПБД с целью распознавания в ее текстовых документах полученных на предыдущем этапе синтаксических структур и выбор из ПБД всевозможных соответствующих им лексических наполнений, что и составляет множество P .

Информационным источником для исследования в нашем случае послужили списки поисковых запросов к базе Topic Explorer, представленные в [1] (в количестве 8 тысяч запросов); списки запросов, предложенные в [2] для решения задачи вложенной сегментации запроса (в количестве 10 тыс. запросов), и базы запросов, предоставленные в качестве данных для решения задач из области ранжирования запроса на соревновательной платформе kaggle.com [3] (в количестве 10 тыс. запросов). Информация для анализа на собственно русскоязычном материале была почерпнута в процессе работы с сервисом wordstat.yandex.ru [4], позволяющим получить статистику запросов в Яндексе, включающих некоторое заранее заданное слово или словосочетание, и похожих на них запросов.

Проведенный экспертный анализ показал, что наиболее частотные поисковые запросы можно разделить на следующие основные типы (подробно в [5]):

- 1) одно или несколько несогласованных ключевых слов: *купить машину Минск*;
- 2) согласованные словосочетания: *извержение вулкана в Исландии*;
- 3) вопросительные предложения: *как настроить будильник на телефоне?*;
- 4) утвердительные предложения: *ноутбук перегревается и шумит кулер*;
- 5) комбинация двух последних типов: *ноутбук перегревается и шумит кулер, что делать?*

Анализ запросов каждого типа (кроме 1) позволил дать следующую классификацию их синтаксических структур.

Словосочетания:

- именные группы: *лазерная хирургия*;
- именные группы с предложно-падежными зависимыми конструкциями: *добыча руды в шахтах*;
- именные группы с причастным оборотом: *картины, проданные за самые высокие цены*;
- глагольные группы с прямым объектом: *купить телефон*;
- глагольные группы с косвенным объектом: *подготовиться к ЦТ*;
- глагольные группы с прямым и косвенным объектами: *вывести пятно от вина*;
- глагольные группы с причастным оборотом: *встроить деталь, снабженную витой резьбой*.

Вопросительные предложения:

- простые: *чем предотвратить коррозию металла?*;
- сложносочиненные: *почему появляется ржавчина и темнеет металл?*;
- сложноподчиненные: *как открыть консервную банку, когда нет ножа?*

Утвердительные предложения:

- простые: *перегревается двигатель*;
- сложносочиненные: *шумит кулер и греется системный блок*;
- сложноподчиненные: *мигает индикатор, даже если батарея заряжена*.

Комбинация нескольких типов:

- сочетание двух простых предложений или предложения и словосочетания, нередко без знака препинания между ними: *протекает кран вызвать сантехника*.

Очевидно, что лексическое наполнение именно таких синтаксических структур в той или иной степени будет выражать информационную потребность пользователя с помощью его поискового запроса. И если такое наполнение «подтолкнет» его здесь к использованию лексических фрагментов из ПБД, это обеспечит на этапе поиска гарантированно релевантную реакцию системы.

Ориентируясь на полученную классификацию синтаксических структур запросов основных типов, можно дать их формальное определение в терминах металингвистических переменных с целью последующего построения паттернов для алгоритма автоматического распознавания потенциальных подсказок в предполагаемом поисковом пространстве и построения их списка, при условии, что существует или может быть построен лингвистический процессор, оперирующий при автоматическом анализе текстов из указанного пространства теми же металингвистическими переменными.

Проведенные исследования показали, что для решения целевой задачи в качестве такового может быть использован доступный нам известный многоязычный БЛП IHS Goldfire (далее просто БЛП), поддерживающий работу с текстами на шести языках: английском, немецком, французском, японском, китайском и русском [6].

Функциональность базового лингвистического процессора

Процедура автоматического лингвистического анализа с помощью указанного БЛП предполагает поэтапную обработку текста [7]:

1. Форматирование и нормализация текста;
2. Лексический анализ текста;
3. Лексико-грамматический анализ текста;
4. Синтаксический анализ текста;
5. Семантический анализ текста.

Рассмотрим для примера следующее предложение: *В большинстве случаев водоотталкивающие покрытия помогают предотвратить повреждения металла, вызываемые коррозией.*

Результатом обработки этого предложения при помощи БЛП на выходе этапа 4 станут распознанные в каждом предложении синтаксические отношения, представленные, как правило, в виде функционального или синтаксического дерева. Здесь же фиксируются канонизированные именные группы (большинство случаев, коррозия, повреждения металла, водоотталкивающие покрытия), а также глагольные группы с 14-компонентной структурой, в данном случае единственная такая группа. Для каждого словоупотребления указан назначенный ему автоматически на предыдущем этапе лексико-грамматический класс: *JPO* – прилагательное множественного числа в именительном падеже; *NCPO* – нарицательное существительное множественного числа в именительном падеже; *IN* – предлог и т.д.

1. Подлежащее 1 (с атрибутом)	водоотталкивающие_JPO покрытия_NCPO
2. Сказуемое 1	помогают_V3P предотвратить_VB
3. Именная часть сказуемого 1	–
4. Прямое дополнение 1	повреждения_NCPA металла_NCMG
5. Предлог 1	в_IN
6. Косвенное дополнение 1	большинстве_NCNR случаев_NCPG
7. Обстоятельство 1	–
8. Подлежащее 2	–
9. Сказуемое 2	вызываемые_LPPA

10. Именная часть сказуемого 2	–
11. Прямое дополнение 2	–
12. Предлог 2	–
13. Косвенное дополнение 2	коррозией_NCFI
14. Обстоятельство 2	–

Последний пятый этап обработки обеспечит распознавание семантических отношений между концептами, выраженными именными группами, в рамках так называемой CAO-структуры: Субъект – Акция (Предикат) – Объект. Причем каждый элемент в этой структуре может иметь атрибуты [8]. В общем случае структура такого отношения состоит из 7 полей (плюс служебное восьмое поле). Любое из полей может оставаться пустым, в зависимости от наполнения конкретного предложения. Структура двух семантических отношений CAO из рассматриваемого примера выглядит следующим образом:

	CAO 1	CAO 2
Субъект	влагоотталкивающие покрытия	коррозия
Акция	помогать предотвратить	вызывать
Объект	повреждения металла	повреждения металла
Атрибут прилагательное	–	–
Предлог	в	–
Непрямой объект	большинстве случаев	–
Атрибут наречие	–	–
Оригинальное представление акции в тексте	помогают предотвратить	вызываемые

Эти структуры служат основой для формирования будущих подсказок, поскольку:

- 1) канонизированные **именные группы** в полях **субъект** и **объект** по сути являются уже готовыми подсказками: *коррозия, повреждения металла, влагоотталкивающие покрытия* (именная группа *большинство случаев* должна быть отфильтрована как нерелевантная);

2) из **прямого объекта 1**, **сказуемого 2** и **косвенного дополнения 2** можно «собрать» подсказку вида **именная группа с причастным оборотом: повреждения металла, вызываемые коррозией**;

3) из **сказуемого** второй САО-структуры, где причастие **вызываемые** приведено к начальной глагольной форме **вызывать**, и **объекта** той же структуры конструируется подсказка вида **глагольная группа с прямым объектом вызывать повреждения металла**, которая станет подходящим дополнением к запросу, например, начинающемуся с префикса '**что может**'.

Вместе с тем, как показал анализ, формирование подсказок некоторых видов требует дополнительной функциональности БЛП:

1) **сказуемое 1** и **прямой объект 1** можно объединить для получения подсказки вида **глагольная группа с прямым объектом помогают предотвратить повреждения металла**, но личная форма глагола **помогают** кажется не уместной для запроса. Здесь требуется приведение глагола к форме единственного числа '**что**' **помогает предотвратить повреждения металла** или возможность оставить в подсказке только смысловой глагол из предиката **предотвратить повреждения металла**;

2) вторую САО структуру, за исключением служебного поля, целесообразно использовать в качестве подсказки вида **простое утвердительное предложение коррозия вызывать повреждения металла**, однако начальная форма глагола не позволяет сделать эту конструкцию согласованной и требует приведения глагола к нужной форме **вызывает**.

Кроме того, использование всех компонентов, безусловно, требует учета их информативности, т.е. в состав дополнительной функциональности БЛП необходимо включить возможность ранжировать элементы по информативности и определенным семантическим критериям. Все это в совокупности с БЛП и составляет лингвистический процессор решаемой задачи.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Reidsma, M.* Summon Topic Explorer Results by Search Query [Data set]. Zenodo. <http://doi.org/10.5281/zenodo.47723> [Electronic resource]. – Mode of

access : <https://zenodo.org/record/47723#.XS4aS-gzaHs>. – Date of access : 07.04.2020.

2. *Rishiraj*. Supplementary Material for Nested Segmentation of Web Search Queries [Data set]. Zenodo. <http://doi.org/10.5281/zenodo.1137746> [Electronic resource]. – Mode of access : <https://zenodo.org/record/1137746#.XS4iNegzaHs>. – Date of access : 07. 04. 2020.

3. Крпамих: search-queries [Electronic resource]. – Mode of access : <https://www.kaggle.com/kpamih/search-queries#searchterms.txt>. – Date of access : 07.04.2020.

4. Wordstat. Yandex [Electronic resource]. – Mode of access : <https://wordstat.yandex.ru/>. – Date of access : 07. 04. 2020.

5. «Вести БГПУ». Сер. 1. Педагогика. Психология. Философия. – 2018. – № 3. – С. 91–95.

6. IHS Goldfire [Electronic resource]. – Mode of access : https://www.ihs.com/pdf/IHS-Goldfire-Platform-Whitepaper_140823110915517432.pdf. – Date of access : 07.04.2020.

7. *Апресян, Ю. Д.* Лингвистическое обеспечение системы ЭТАП-2 / Ю. Д. Апресян [и др.] // М. : Наука, 1989. – С. 296.

8. *Совпель, И. В.* Инженерно-лингвистические принципы, методы и алгоритмы автоматической переработки текста / И. В. Совпель. – Минск : Выш. шк., 1991. – 120 с.

The paper proposes a definition of the problem of automatic completion of a user search query in Russian language for information systems with an interactive user natural-language interface and a conceptual scheme for its solution considering the pre-assumed search "history" based on the texts of the domain area. The classification of user queries' types and their syntactic structures is provided, the functionality of the basic linguistic processor necessary for the target problem solving, as well as the requirements for an additional module for query suggestions generation are described.

Н. Г. Швец

Минск, МГЛУ

ВЗАИМОСВЯЗЬ ВЕРБАЛЬНЫХ И НЕВЕРБАЛЬНЫХ СОСТАВЛЯЮЩИХ КРЕОЛИЗОВАННОГО ТЕКСТА

В статье рассматриваются различные типы взаимоотношений между визуальным компонентом (изображением) и вербальной составляющей печатного рекламного объявления, которые позволяют создать единое визуальное, структурное, смысловое и функциональное целое, нацеленное на комплексное эмоционально-экспрессивное воздействие на адресата.

Вербальные и изобразительные компоненты рекламного объявления связаны на содержательном, содержательно-языковом и содержательно-композиционном уровнях. Между компонентами креолизованного текста устанавливаются определенные семантико-композиционные отношения, которые проявляются в порядке расположения вербальных и иконических элементов в содержательной и формальной структурах текста.

Отмечается, что эффективное сочетание в рекламе вербального знака и иллюстрации возможно лишь в результате длительной работы по разработке композиции рекламного объявления. Проблема такого эффективного сочетания все еще остается серьезной для современной лингвистической науки.

Мир креолизованных текстов чрезвычайно многообразен. Он охватывает тексты газетно-публицистические, научно-технические, тексты-инструкции, иллюстрированные художественные тексты, афиши, комиксы, карикатуры, шаржи, плакаты, открытки, географические карты и др. К креолизованным текстам относятся и печатные рекламные объявления, содержащие иллюстрацию.

Конкретизируя в целях нашего исследования понятие *рекламное объявление* (РО), будем называть им семиотически неоднородный текст, содержащий вербальный (словесный) компонент (непосредственно рекламный текст) и визуальный (невербальный) компонент (изображение), представленный в письменной форме, заранее подготовленный, обладающий автономностью, направленный на донесение до адресата определенной информации с целью привлечения внимания к тому или иному виду товара.

В таком визуально-словесном комплексе функционирование и взаимодействие двух коммуникативных систем – изображения и текста – подчинено прежде всего эмоционально-экспрессивному воздействию на адресата. Экспрессивность, опираясь на целый комплекс психических, социальных, лингвистических факторов, проявляется в интенсификации информации, увеличивает воздействующую силу визуально-словесного комплекса.

Креолизованный текст (в том числе и РО) является «сложным текстовым образованием, в котором вербальные и иконические элементы образуют одно визуальное, структурное, смысловое и функциональное целое, нацеленное на комплексное прагматическое воздействие на адресата» [1, с. 17].

По мнению Л. М. Титковой, РО читатель воспринимает в целом, не выделяя отдельно его текстовую или иллюстрированную части, и от гармоничного сочетания всех элементов объявления зависит, какое эмоциональное впечатление производит реклама, будет ли она прочитана [2, с. 7].

Динамика взаимоотношений вербальных и визуальных элементов в РО весьма разнообразна и определяется видом рекламы. Американский исследователь Р. Бартес выделил два наиболее часто встречающихся типа отношений текста и изображения: «якорь» и «реле» [3, р. 38]. При первом типе отношений текст подобно якорной цепи обеспечивает твердую связь между изображением и объектом рекламного обращения, конкретизируя место, время и т.д. При отношениях типа «реле» текст и изображение взаимосвязаны. При этом каждый вносит свой вклад в общее сообщение.

Изображение может быть вспомогательным, равным или ведущим по отношению к вербальному тексту компонентом [4, с. 95].

Выделяют следующие типы функциональных отношений между вербальной и визуальной информацией [5, с. 378–379].

1. Отношение воспроизведения. При таком типе отношений свойства, признаки, присваиваемые объекту в тексте и на изображении, полностью совпадают.

2. Отношение дополнения. В этом случае свойства, приписываемые объекту в тексте и на изображении, не совпадают и не противопоставляются, а дополняют друг друга.

3. Отношение противопоставления. Основной характеристикой этого типа функционального отношения является несовпадение и противопоставленность свойств, приписываемых объекту в тексте и на изображении.

4. Отношение выделения. При таком типе функционального отношения свойства, приписываемые объекту в тексте, составляют лишь часть свойств, используемых для описания объекта на изображении.

Исследователь Л. Барден в зависимости от характера передаваемой информации – денотативной и коннотативной – различает четыре типа корреляции изображения и слова [1, с. 12]:

1) слово и изображение передают денотативную информацию (информационное сообщение);

2) изображение несет денотативную информацию, слово – коннотативную (иллюстративное сообщение);

3) коннотативная информация передана визуально, денотативная – вербально (комментирующее сообщение);

4) оба компонента передают коннотативную информацию (символическое сообщение).

Делались и другие попытки систематизации типов взаимоотношений между текстом и изображением. Так, в работе [6, с. 10] выделено семь типов таких отношений:

1) доминирующая роль текста;

2) доминирующая роль изображения;

3) изображение как иллюстрация к рекламному тексту;

4) текст как комментарий к изображению;

5) номинативный характер взаимоотношений текста и изображения как относительно самостоятельных компонентов;

6) предикативный характер взаимоотношений текста и изображения как относительно самостоятельных компонентов;

7) текст как воспроизведение слов персонажей изображения.

Однако детальный анализ таких отношений, приведенный цитируемым автором, показывает их неоднозначность, большую вероятность взаимных пересечений.

Вербальные и изобразительные компоненты связаны на содержательном, содержательно-языковом и содержательно-композиционном уровнях. Предпочтение того или иного типа связи определяется коммуникативным заданием и функциональным назначением креолизованного текста в целом.

Е. В. Воробьева предлагает модель взаимодействия вербального и визуального каналов, учитывающую ярко выраженную прагматическую направленность рекламного текста. В рекламных сообщениях корреляция между вербальным и визуальным компонентами может быть *прямой* и *косвенной* (опосредованной) [7, с. 57]. При *прямой* связи изображение служит своего рода иллюстрацией вербальной части, которая, в свою очередь, задает направление «прочтения» изображения, оба элемента являются равноправными. При *косвенной* связи изображение выстраивается в соответствии

с тем, что заявлено вербально с учетом имеющихся у целевой аудитории стереотипов, символов и архетипов.

О. В. Пойманова по характеру связей, объединяющих вербальный и изобразительный компоненты, предлагает различать эксплицитно выраженные и эксплицитно невыраженные (имплицитные) связи [8, л. 73].

Эксплицитно выраженной связности соответствуют следующие типы связи между компонентами [1, с. 20–23]:

- 1) структурная (иконические знаки непосредственно включены в вербальный компонент, где они замещают соответствующие вербальные знаки);
- 2) идентифицирующая (иконические знаки идентифицируют отправителя или получателя сообщения);
- 3) дейктическая (в вербальном компоненте содержится указание на изобразительный компонент, непосредственная ссылка на него).

Изображение в РО позволяет иллюстрировать передаваемый смысл не только прямым образом, но и косвенно. Между изображенной ситуацией и ее словесным содержанием возможны следующие виды формально-логических отношений («семантических трансформаций» или «приемов визуализации») [9, с. 8–13]:

- 1) отношение синонимии;
- 2) отношение, при котором изображение является метафорой рекламного текста;
- 3) отношение метонимии;
- 4) отношения расширения и сужения;
- 5) отношение антонимии.

Чаще всего визуальные тексты построены на использовании нескольких перечисленных семантических трансформаций.

Между компонентами креолизованного текста устанавливаются определенные семантико-композиционные отношения, которые проявляются в порядке расположения вербальных и иконических элементов в содержательной структуре (внутренняя или семантическая соотнесенность компонентов) и в формальной структуре текста (внешняя или визуально-пространственная соотнесенность компонентов) [1, с. 24–28].

Участвуя в раскрытии темы, композиционном строении текста, иконические элементы соотносятся в содержательном плане с разными частями вербального компонента (например, связь изображения с буквой, со словом, словосочетанием, предложением или его частями, с одним или несколькими абзацами и т.д.).

В графической организации текста между вербальными и иконическими компонентами устанавливаются различные визуальные связи:

- 1) место расположения иконических и вербальных элементов на бумажном листе;
- 2) последовательность расположения иконических и вербальных элементов по отношению друг к другу;
- 3) включенность иконических и вербальных элементов друг в друга.

Перечисленные связи вербальных и иконических средств создают визуальный синтез креолизованного текста, а также помогают устанавливать и поддерживать в нем смысловые связи.

При создании печатного рекламного сообщения необходимо учитывать не только эстетический, но и прагматический аспект. Взгляд читателя должен направляться по прямой или ломаной линии от более значимых к второстепенным элементам. Например, от изображения к крупному заголовку, затем к более подробному тексту и справочным сведениям или от заголовка к иллюстрации, далее к основному тексту и справочным сведениям.

Эффективное сочетание в рекламе вербального знака и иллюстрации возможно лишь в результате длительной работы по разработке композиции РО. Проблема такого эффективного сочетания остается существенной для современной лингвистической науки.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Анисимова, Е. Е.* Лингвистика текста и межкультурная коммуникация (на материале креолизованных текстов) : учеб. пособие для студентов фак. иностр. яз. вузов / Е. Е. Анисимова. – М. : Издат. центр «Академия», 2003. – 128 с.
2. *Титкова, Л. М.* Создание рекламных объявлений. Современные подходы : практическое руководство для студентов всех специальностей, слушателей института повышения квалификации и переподготовки кадров / Л. М. Титкова. – Гомель : ГКИ, 1997. – 60 с.
3. *Vestergaard, T.* The language of Advertising / T. Vestergaard, K Schroder. – Oxford, N. Y., 1985. – 289 p.
4. *Волкова, В. В.* Дизайн газеты и журнала / В. В. Волкова [и др.]. – М. : Аспект Пресс, 2003. – 224 с.
5. *Сазонов, В. В.* О соотношении вербальной и визуальной информации в прессе / В. В. Сазонов, Н. Б. Шошников // Предмет семиотики. – М., 1975. – С. 374–390.
6. *Семеницкий, С. А.* Компрессия французского рекламного текста (прагматический аспект) : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.05 / С. А. Семеницкий ; МГЛУ. – Минск, 1996. – 22 с.
7. *Воробьева, Е. В.* К вопросу о взаимодействии вербальных и визуальных средств в креолизованном тексте / Е. В. Воробьева // Изв. Волгоград. пед. ун-та. – 2009. – № 10. – С. 54–58.
8. *Пойманова, О. В.* Семантическое пространство видеовербального текста : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.19 / О. В. Пойманова. – М., 1997. – 237 л.
9. *Черневич, Е. В.* Образный язык дизайн-графики / Е. В. Черневич // Техническая эстетика. – 1974. – № 6. – С. 8–13.

The article examines various types of relationships between the visual component (image) and the verbal component of a printed advertisement, which allow you to create a single visual, structural, semantic and functional whole, aimed at a complex emotional and expressive impact

on the addressee. It is noted that the problem of effective combination of verbal sign and illustration in advertising still remains a serious problem for modern linguistic science.

В. И. Керножицкая

Минск, МГЛУ

ПРОТОТИПИРОВАНИЕ ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ ПРОЦЕССОРОВ ДЛЯ ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ ЗАДАЧ АВТОМАТИЧЕСКОГО АНАЛИЗА ТЕКСТА

В работе подчеркивается актуальность задачи базового лингвистического анализа текстовой информации и лингвистического процессора как основного компонента ее эффективного решения. Излагается актуальность построения лингвистического процессора на основе инструментальных средств, находящихся в свободном доступе. Приводится описание этих средств и принципиальная схема алгоритма решения задачи базового лингвистического анализа текста с использованием такого типа лингвистического процессора.

Решение актуальных задач автоматической обработки текста, как правило, требует функциональности базового лингвистического анализа (БЛА) текста, который включает его преформатирование и распознавание границ слов и предложений, лексико-грамматический, синтаксический и семантико-синтаксический анализ входного текста [1].

Как показал проведенный анализ, на настоящее время существует многоязычный лингвистический процессор (ЛП) «IHS GoldFire» [Там же], являющийся одним из лучших среди такого класса разработок, а также достаточно эффективно решающий задачу БЛА текста. Заметим, что эта эффективность обеспечивается здесь развитой лингвистической базой знаний, которая включает такие языковые ресурсы, как большого объема словари словоформ, тегированные лексико-грамматическими классами слов, тегированные корпуса текстов, множество лингвистических паттернов автоматического синтаксического и семантико-синтаксического анализа текста и специальные языки их формального описания, вероятностные модели лексико-грамматического анализа текста, специальные словари, классификаторы и т.п. К тому же, здесь уделено самое пристальное внимание эффективности алгоритмического обеспечения ЛП, которое в своем ядре основывается на теории конечных автоматов.

К сожалению, данный ЛП не находится в свободном доступе, поэтому выходом из данной ситуации может быть либо его полная самостоятельная разработка, что чрезвычайно трудоемко, либо попытка построения ЛП из готовых, находящихся в свободном доступе модулей, решающих отдельные подзадачи БЛА текста. Второй вариант является более предпочтительным, особенно в тех случаях, когда необходимо достаточно оперативно построить прототип найденного возможного решения исследуемой задачи автоматической обработки текста и оценить в принципе его достоинства и перспективу,

не заостряя при этом особого внимания на качественных характеристиках, которые в будущем, в случае положительного мнения, очевидно, могут быть существенно улучшены. Именно о таком варианте построения ЛП идет речь в нашем случае.

В результате анализа требований, предъявляемых к лингвистическому процессору рассматриваемого типа и существующих для их удовлетворения программных решений, было решено включить в состав предлагаемой технологии построения требуемого ЛП следующие компоненты: Java, в качестве языка программирования для реализации ЛП, библиотеку Stanford CoreNLP [2], библиотеку Stanford Dependency Parser [3].

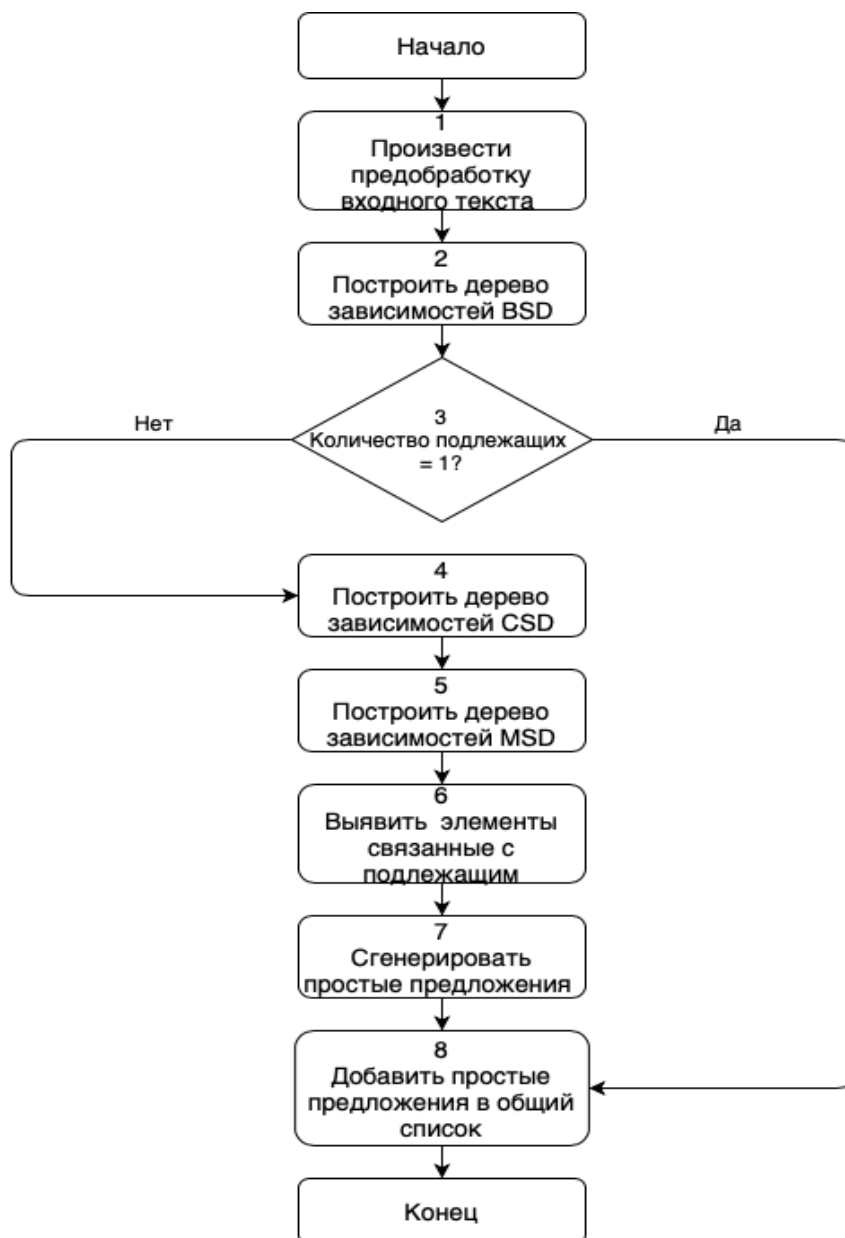
Stanford CoreNLP – библиотека, предоставляющая набор инструментов для обработки текста, основанная на работах стэнфордской группы обработки естественного языка (The Stanford Natural Language Processing Group). Работы коллектива ведутся как в фундаментальных областях компьютерной лингвистики, так и в ее прикладных аспектах: понимание предложений, машинный перевод, вероятностный парсинг и лингвистическая разметка, информационный поиск, снятие смысловой неоднозначности и т.д. Данные исследования в основном связаны с поддержкой английского языка, но также поддерживают арабский, китайский, французский и немецкий языки. Что касается непосредственно функционала разработанной коллективом библиотеки, то он включает все инструменты, необходимые для эффективной обработки текста, а именно: частеречную разметку, токенизацию текста, парсинг и т.д.

Stanford Dependency Parser – библиотека, предоставляющая инструменты для автоматического анализа грамматической структуры предложения в рамках грамматики зависимостей. В частности, она включает функционал для анализа грамматической структуры предложения, устанавливая связи между отдельными его составляющими и тегирруя каждую выявленную связь типом грамматических отношений, которые эта связь иллюстрирует. Результаты анализа предложения представляются в виде дерева зависимостей, тип которого возможно, что очень важно, настраивать в зависимости от решаемой задачи. Типы деревьев зависимостей, согласно источнику [4], включают в себя Basic Stanford Dependency (BSD) и Collapsed Stanford Dependency (CSD). Полученные в результате работы библиотеки структуры затем доступны для дальнейшего анализа.

В целом имеет место следующая принципиальная схема алгоритма решения задачи БЛА текста [5] (рисунок).

Блок 1 осуществляет токенизацию входных данных, а именно, разбивает текст на отдельные предложения. На данном этапе также проводится частеречная разметка полученных предложений, из которых затем удаляются стоп-слова. Полученные в результате такого анализа предложения доступны для дальнейшей обработки. Для реализации этого этапа используются инструменты библиотеки Stanford CoreNLP.

Блоки 2–8 реализуют алгоритм автоматической генерации простых предложений из сложных. Необходимость данного этапа обработки текста заключается в том, что именно сложные предложения являются своего рода препятствием для повышения эффективности последующих этапов БЛА входного текста.

Принципиальная схема алгоритма решения задачи БЛА текста

Блок 2, в свою очередь, с использованием инструмента Stanford Dependency Parser обеспечивает построение дерева зависимостей «Basic Stanford Dependency», для входного предложения, которое затем доступно для дальнейшего анализа.

В блоке 3 происходит выявление сложных предложений и их отделение от простых, для чего проводится анализ дерева зависимостей, сгенерированного в блоке 2. Анализ заключается в подсчете количества присутствующих в дереве зависимостей входного предложения подлежащих, которые, согласно

«Stanford Typed Dependency Manual» [4], обозначаются тегами «nsubj» или «nsubjpass».

Очевидно, что в простом предложении будет только одно подлежащее с тегом «nsubj» или «nsubjpass», и, следовательно, предложение с количеством «nsubj» или «nsubjpass», превышающим 1, не будет считаться простым.

Построенное в блоке 4 дерево зависимостей CSD далее используется в блоке 5, являясь, наряду с BSD, основой для построения дерева зависимостей «Modified Stanford Dependency» (MSD).

Таким образом, блок 5 обеспечивает построение дерева зависимостей типа MSD, которое, в свою очередь, основывается на деревьях зависимостей типа BSD и CSD. А именно, MSD создается путем извлечения подлежащих с тегами «nsubj» или «nsubjpass» из CSD, а затем выявления и поочередного включения из BSD в MSD всех остальных элементов, связанных с каждым из выявленных подлежащих. Важно отметить, что, для улучшения качества дальнейшей обработки данных, полученных в результате БЛА при построении MSD, в нее не включают служебные части речи.

В блоке 6 из зависимости MSD для каждого подлежащего, т.е. главного слова, извлекается связанное с ним тегом «nsubj» или «nsubjpass» зависимое слово. Далее происходит поиск в MSD уникальных элементов дерева зависимостей, связанных с главным словом, а затем связанных с зависимым словом.

Каждому найденному элементу присваивается его порядковый номер в исходном предложении, по которому затем в блоке 7 восстанавливается структура и порядок слов генерируемых простых предложений. Блок 7 также отвечает за формирование списка из сгенерированных простых предложений, который затем в блоке 8 добавляется в общий список изначально простых предложений.

Таким образом, в качестве результата БЛА текста на выходе имеется сгенерированный из исходного текста набор простых предложений, для каждого словоупотребления которых зафиксированы как лексико-грамматические классы, так и типы грамматических отношений, которыми связаны отдельные словоупотребления входного текста.

Отметим, что предложенная модель лингвистического процессора БЛА текста, при решении конкретных задач его автоматической обработки, требует, очевидно, расширения функциональности ЛП. Речь, прежде всего, идет о возможности поддержки нескольких языков (так называемая функциональность multi-language). Это вполне реализуемо – проведенный анализ показал, что на сегодняшний день существует достаточно большое количество соответствующих инструментальных средств. Также в дальнейшем неизбежно встанет вопрос о повышении качественных характеристик ЛП. Так, например, в предложенном варианте с этой целью на лексическом уровне используется словарь стоп-слов. Очевидно, что при необходимости он может быть дополнен списком наиболее частотных вводных и других слабо информативных конструкций. Однако такое решение имеет существенные ограничения, преодоление которых потребует использования известного механизма рас-

познающих лингвистических паттернов, но и это является возможным, благодаря широкому набору находящихся в свободном доступе соответствующих инструментальных средств.

В целом, исследования показали целесообразность использования представленного выше прототипа лингвистического процессора, по крайней мере, при экспериментальных исследованиях различных задач автоматической обработки текста.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Чеусов, А. В.* Разработка алгоритмов и технологии построения многоязычного базового лингвистического процессора : дис. ... канд. технич. наук : 05.13.17 / А. В. Чеусов. – Минск, 2013. – Л. 1–116.
2. Stanford CoreNLP – Natural Language Software [Electronic resource]. – Stanford, California, 2020. – Mode of access : <https://stanfordnlp.github.io/CoreNLP/>. – Date of access : 01.03.2020.
3. *Marneffe, M. C.* Generating Typed Dependency Parses from Phrase Structure Parses / M. C. Marneffe, B. MacCartney, C. Manning // In Proceedings of LREC. – 2006.
4. *Manning, C. D.* Stanford typed dependencies manual / C. D. Manning, M. C. De Marneffe // Technical report, Stanford University [Electronic resource]. – Stanford, California, 2008. – Mode of access : <https://nlp.stanford.edu/software/dependencies-manual.pdf>. – Date of access : 01.03.2020.
5. *Das, B.* A Novel System for Generating Simple Sentences from Complex and Compound Sentences / B. Das, M. Majumder, S. Phadikar // International Journal of Modern Education and Computer Science. – 2018. – Vol. 10, № 1. – P. 57–64.

This paper describes the relevance of the problem of basic linguistic analysis of text information and the linguistic processor as the main component of its effective solution. The relevance of building a linguistic processor based on tools that are freely available is also outlined. A description of such tools and an algorithmic diagram demonstrating the solution for basic linguistic text analysis problem using the mentioned type of linguistic processor is given.

ВОПРОСЫ МЕТОДИКИ ПРЕПОДАВАНИЯ ИНОСТРАННЫХ ЯЗЫКОВ

Д. И. Шиловит

Бобруйск, ГУО «Средняя школа № 2 г. Бобруйска»

РЕФЛЕКСИВНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ УЧАЩИХСЯ КАК СРЕДСТВО ПОВЫШЕНИЯ МОТИВАЦИИ К ИЗУЧЕНИЮ НЕМЕЦКОГО ЯЗЫКА

Статья обобщает практический опыт использования технологии рефлексии на уроках немецкого языка в средней школе. В работе дается определение понятию *рефлексия*, раскрыта ее структура, представлены методические рекомендации по организации рефлексивной деятельности учащихся на уроке. Отличительной чертой педагогической рефлексии является то, что рефлексивная деятельность учащихся организуется педагогом. Ситуации рефлексии выступают обязательными элементами современного урока, других форм педагогического процесса. В процессе рефлексии учащимся, например, предлагается назвать основные этапы деятельности, удачные методы или приемы, которые привели к успеху, что понравилось, вызвало интерес, что необходимо изменить в деятельности, что каждый понял или чему научился, причины неудач и т.п.

В процессе учебной деятельности учащийся развивается как личность, самореализуется, познает окружающую действительность и самого себя, анализирует свои учебные достижения и неудачи, стремится к саморазвитию и самосовершенствованию. Рефлексия проявляется в способности субъекта к постоянному личностному самосовершенствованию на основе механизмов самоанализа и саморегуляции [1, с. 82].

Раскроем дефиницию данного понятия.

Рефлексия (от лат. *reflexio* ‘обращение назад, поворачивание’) – размышление, самопознание, самонаблюдение, желание понимать собственные чувства и поступки.

В современной педагогической науке под ней обычно понимают самоанализ деятельности и ее результатов [2, с. 105].

Рефлексивная деятельность учащихся представляет собой форму реализации рефлексивной позиции личности, активного отношения человека к освоению собственного опыта, которой присущи следующие характеристики: *целенаправленность, предметность, осмысленность, преобразующий характер и взаимосвязь всех ее структурных компонентов*.

Рефлексивная деятельность в контексте индивидуального развития учащихся связана с их осознанием и анализом своей учебной деятельности, мотивов и потребностей в целом. В связи с этим необходимо выделить ее структурные компоненты.

В аспекте рефлексивной деятельности учащихся **целями** являются:

- ❖ *самосознание* – это способность к самопознанию, эмоционально-ценностному отношению к себе, к самоконтролю и саморегулированию;
- ❖ *самоопределение* – процесс и результат выбора личностью собственной позиции, целей и средств самоосуществления в конкретных условиях;
- ❖ *самовыражение* – процесс и результат развития и проявления индивидом присущих ему качеств и способностей;

❖ *самоутверждение* – деятельность в рамках саморазвития по обнаружению, подтверждению своих определенных качеств личности, способов поведения и деятельности;

❖ *самооценка* – оценка самого себя, своих качеств, достоинств и недостатков среди других людей;

❖ *саморегуляция* – система сознательных действий, направленных на поддержание, достижение необходимого психического состояния и управления своей психикой [3, с. 187].

В структуре рефлексивной деятельности необходимо выделить **потребности и мотивы**, которые в частности включают интерес к себе, т.е. эмоционально окрашенная потребность в познании себя; мотивы, связанные с саморазвитием и мотивы других видов деятельности (общения, достижения, учения, моральные мотивы и др.); потребность в самоутверждении.

Способы осуществления рефлексивной деятельности:

1. *Самонаблюдение* – наблюдение за самим собой, своим поведением, своими действиями. Причем оно может носить целенаправленный характер или быть попутным, малоосознаваемым. Оба вида самонаблюдения играют важную роль в обнаружении ошибок и недочетов в собственной деятельности, поведении, общении.

2. *Самоанализ* – изучение состояния, процесса и результата своей учебной деятельности, определение путей для самосовершенствования.

3. *Сравнение себя с некоторой «меркой»* – субъект сравнивает себя с другими людьми или своим идеалом. В учебной деятельности неуспевающий учащийся может сравнивать себя с более успешными школьниками либо с неким идеалом, которым он хотел бы быть.

4. *Самопринятие* – результат самоанализа ученика. Когда, например, учащийся принимает факт своего учебного неуспеха, выявляет его причины, он понимает, что необходимо «реабилитироваться», начинает стремиться к саморазвитию и самосовершенствованию [4, с. 152].

Немаловажное значение имеют в структуре рефлексивной деятельности учащихся следующие **условия**:

❖ выполнение учебных заданий, включающих в себя рефлекссию, направленных на самоанализ учебных действий;

❖ использование инновационных методов контроля обучения: портфолио, метода проектов;

❖ фиксирование учащимися своего саморазвития после каждого урока (заполнение учащимися специальных таблиц, составление графиков, введение в них учащимися условных обозначений) и их анализ;

❖ введение специальных уроков по развитию навыков рефлексии.

Реализуя технологию рефлексии, педагог анализирует деятельность учащихся, собственную воспитательную деятельность и преподавание, а также взаимодействие с учащимися. Соответственно, учащиеся анализируют собственную деятельность, деятельность педагога и взаимодействие с ним. Технология рефлексии осуществляется в ходе педагогического взаимодействия или в его конце и включает три основных компонента (по С. С. Кашлеву): фиксирование состояния развития в эмоционально-чувственной, мотивационной, когнитивной, нравственной и других сферах; определение причин этого состояния

(успешность деятельности, интересное содержание, значимость обсуждаемых проблем и т. п.); оценка продуктивности своего развития в результате состоявшегося педагогического взаимодействия.

Выделим этапы рефлексивной деятельности: остановка дорефлексивной деятельности, мысленное восстановление последовательности выполненных действий (оценка своего эмоционального состояния, анализ результатов деятельности с позиций их соответствия поставленным целям), фиксирование результатов рефлексии (эмоциональное состояние, продукты деятельности, способы деятельности), прогнозирование будущей деятельности с учетом результатов рефлексии.

В ходе рефлексивной деятельности у учащихся формируются умения анализировать и оценивать собственные действия (тип, смысл, способы осуществления, результаты, возникшие проблемы и пути их решения) и состояния, осознание своей индивидуальности, умения корректировать индивидуальную образовательную траекторию. Эффективными *методами организации рефлексивной деятельности учащихся* являются рефлексивно-аналитическая беседа, метод вживания, анализ морального и иного выбора, полилог, дискуссия и др.; *формами* – семинар, заседание клуба знатоков, конференция, устный журнал, экскурсия и др.; *технологиями* – личностно ориентированные (проектная, кооперативная и другие), игровая, проблемная и др. [5, с. 24–25].

Представим некоторые технологии рефлексии:

«Фразеологизм» (8–11 классы):

Учитель предлагает учащимся охарактеризовать свою деятельность на уроке, используя соответствующий фразеологизм.

Ich habe Maulaffen feilgehalten, weil...

Ich habe mit Eifer / Schwung / im Schweiße meines Angesichts gearbeitet, weil...

Ich habe dem Lehrer nur mit halbem Ohr zugehört, weil...

Ich habe meinen Grips angestrengt, weil...

«Большой» и «Маленький» колокольчик (5 класс):

Jetzt weiß ich wissen, ob heutige Stunde euch gefallen ist. Bitte kommt an die Tafel und wählt ein “großes Glöckchen”, wenn die Stunde euch gefallen ist oder ein “kleines Glöckchen”, wenn nicht. Erklärt eure Wahl.

«Веселый», «грустный гномик» (3 класс):

Ein Schüler zeigt einen lustigen Zwerg und sagt: “Ich bin lustig”.

Der andere Schüler zeigt einen traurigen Zwerg und sagt: “Ich bin traurig”.

Jeder Schüler erklärt auf Russisch, warum er traurig oder lustig ist. Можно для объяснения добавлять конструкции: Ich kann... / Ich kann nicht...

Рекомендуем придерживаться следующих методических рекомендаций по организации рефлексивной деятельности учащихся на уроке:

При разработке урока рекомендуется:

1) Каждый урок рассматривать в системе:

- ❖ просматривается формулировка целей каждого урока;
- ❖ прослеживается динамика развития умений учащихся.

2) В структуре урока выделять этапы, на которых учащийся может реализовать рефлексивную позицию личности: поучаствовать в анализе, взаимонализе и самоанализе деятельности на уроке;

3) Доводить до сведения учащихся, чему они должны научиться в конце изучения темы, каждой четверти и за учебный год;

4) Стимулировать развитие у учащихся умений самоанализа и рефлексивной самооценки.

В ходе занятия для развития рефлексивных умений учащихся рекомендуется:

- В начале урока называть его основные цели;
- Предлагать учащимся проанализировать собственную работу и высказать свое мнение о том, что они усвоили или проявили в ходе выполнения определенного вида деятельности, упражнения и урока в целом;
- При комментировании отметок за выполненные задания называть те знания и умения, которые учащийся усвоил или проявил;
- В конце урока необходимо подводить итоги, вовлекая учащихся в рефлексивный самоанализ деятельности;
- Чаще использовать взаимоконтроль и самоконтроль при проверке заданий и упражнений;
- Чаще использовать метод анализа учащимися ответов одноклассников у доски и метод коллективного анализа и оценки проведенных сценарных уроков [6].

Таким образом, рефлексия в конце урока помогает:

- ❖ *учителю* – определять эффективность своей работы и степень усвоения материала классом;
- ❖ *учащемуся* – систематизировать полученные знания и сравнивать собственные успехи с достижениями одноклассников; ставить цели и добиваться их.

Основными параметрами результативности педагогической деятельности по предлагаемой технологии являются:

- а) устойчивый познавательный интерес учащихся к предмету;
- б) положительная динамика уровня обученности;
- в) качественная динамика мотивации учебной деятельности;
- г) результативное участие учащихся в городской олимпиаде по учебному предмету «Немецкий язык» (1 диплом II-й степени; 4 диплома III-й степени);
- д) прочные навыки проектно-исследовательской деятельности.

Только работая постоянно в этом направлении, можно добиться хороших результатов, когда учащиеся не будут бояться высказывать свое мнение и будут адекватно оценивать не только собственную работу, но и заслуги своих товарищей.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Асеев, В. Г.* Мотивационная регуляция поведения личности : дис. ... д-ра психол. наук : 19.00.01 / В. Г. Асеев. – М., 2003. – 364 л.
2. *Чепик, И. В.* Рефлексивная самооценка как средство развития автономии обучающихся / И. В. Чепик // Соизучение языка и культуры в системе языкового образования : подходы, проблемы, перспективы : материалы Междунар. науч.-практ. конф., Минск, 17–18 дек. 2014 г. В 2 ч. Ч. 2. / редкол. : Н. П. Баранова [и др.]. – Минск : МГЛУ, 2015. – 104–107 с.

3. *Баева, Н. В.* Психология в понятиях, образах, переживаниях / Н. В. Баева. – М. : Изд-во Центр гуманит. образования, 2003. – 196 с.
4. *Семёнов, И. Н.* Проблемы психологического изучения рефлексии и творчества / И. Н. Семёнов, С. Ю. Степанов. – М. : Речь, 2003. – 254 с.
5. *Сивашинская, Е. Ф.* Педагогические системы и технологии : курс лекций для студентов педагогических специальностей вузов / Е. Ф. Сивашинская, В. Н. Пунчик ; под. общ. ред. Е. Ф. Сивашинской. – Минск : Экоперспектива, 2010. – 196 с.
6. Методы рефлексивной деятельности // ГУО «Средняя школа № 139 г. Минска» [Электронный ресурс]. – 2013. – Режим доступа : http://novik.sch139.minsk.edu.by/biblioteka-2/molodomu-na-zametku/metodyi-refl_eksivnoy-deyatelnosti/. – Дата доступа : 30.04.2013.

The article summarizes the practical experience of using the technology of reflexion in German lessons in secondary schools. The paper defines the concept of “reflexion”, reveals its structure, presents methodological recommendations for organizing the reflexive activity of students at the lesson.

А. В. Шевель
Минск, МГЛУ

ОСОБЕННОСТИ НЕФОРМАЛЬНОГО ОБУЧЕНИЯ АНГЛИЙСКОМУ ЯЗЫКУ ПРИ ПОМОЩИ СОЦИАЛЬНОЙ СЕТИ TWITTER

В статье рассматриваются краткая история и связанные с ней причины распространения неформального обучения как процесса в современном обществе и также то, как это соотносится с ролью Интернета и социальной сети Twitter и возможностей ее использования для неформального обучения английскому языку. Автор рассматривает положительные стороны использования платформы Twitter для изучения английского языка, связанные с потенциалом межкультурной коммуникации на платформе, а также обращает внимание на потенциальные проблемы, которые могут возникнуть в ходе такого обучения, в основном социального и психологического характера.

Мир XXI в. – это время построения и поддержания международных связей, когда культурные, экономические, политические и прочие точки соприкосновения между странами и народами выявляются во всех сферах человеческой жизни. Начиная с 1980-х гг., после долгой стагнации, под воздействием сначала экономических реформ в Чили Аугусто Пиночета, а после Маргарет Тэтчер в Соединенном Королевстве и Рональда Рейгана в Соединенных Штатах Америки в социально-экономической и также политической сфере во многих странах мира распространились идеи неолиберального капитализма.

Направленность неолиберализма на максимальное освобождение рынка, снятие с государства необходимости и ответственности за оказывание социальной поддержки населению и таким образом перенос забот даже о самых базовых нуждах на индивидуума привела к развитию особых социальных и культурных характеристик современного мира. В частности, к ним относятся формирование культуры «достижения» (*entrepreneurial culture*) [1], в которой

от каждого человека ожидается постоянное получение новых навыков и умений, саморазвития и монетизация всех своих знаний и хобби, а также использование всего своего времени, как на работе, так и вне ее, для потенциального продвижения по карьерной лестнице и по жизни.

Таким образом приобрело популярность *неформальное обучение* (*non-formal/informal education*) – приобретение знаний и навыков вне рамок традиционных учебных программ или учебных учреждений вообще, которое может происходить как с преподавателем, так и без, и заключается в построении индивидуальной программы обучения для конкретного учащегося с учетом его интересов и индивидуальной образовательной активности [2].

С распространением неолиберализма за пределы указанных выше государств за счет экономических связей между странами мира, культурной гомогенности либералистических направлений и международной весомости английского языка подобная социальная характеристика неолиберальной политики начала проявляться в других странах. За пределами англоговорящих стран этот процесс неизбежно вызвал глубокую необходимость и даже обязательство овладения иностранными языками, в первую очередь – английским.

В этой связи большую роль сыграло развитие компьютерных технологий и особенно версии Интернета *Web 2.0*, который понимают как совокупность технологий, позволяющих посетителям веб-сайтов становиться авторами (соавторами) содержания, что отражает общую тенденцию развития Интернета в сторону социализации [3]. Благодаря *Web 2.0* получили возможность существования и развития веб-сайты и платформы, которые мы называем социальными сетями – веб-сайты, позволяющие вступать в контакт и поддерживать общение с людьми из различных стран мира вне зависимости от того, насколько далеко друг от друга находятся участники разговора.

С появлением и популяризацией социальных сетей ранее упомянутая культура «достижения» дала о себе знать, т.к. социальные сети быстро перешли из дополнительной платформы для поддержания отношений и ведения коммуникации в средства расширения своих возможностей и продвижения своей карьеры за счет создания персонального бренда [4].

Twitter – одна из самых популярных социальных сетей, которая также является платформой для микроблоггинга. Сеть позволяет зарегистрированным пользователям публиковать записи длиной до 280 символов, после чего другие пользователи сайта могут увидеть их, оставить комментарий, поделиться ими на своем профиле или сохранить в закладки. Кроме того, данная социальная сеть имеет алгоритмы, направленные на распространение информации в разных областях сети, таким образом обеспечивая максимальное взаимодействие между людьми разных стран, культур, политических взглядов и т.д.

Благодаря своей краткости и алгоритмам распространения записей (твитов) *Twitter* стал одной из самых популярных цифровых площадок для распространения информации, в том числе и информации обучающего характера. Преподаватели и исследователи, а также различные образовательные институты, не остались в стороне и воспользовались двухсторонней функцией

Twitter публикации информативных записей и построения своего бренда, и создали аккаунты, помогающие им одновременно осуществлять процесс неформального обучения и повышать свой статус и весомость за счет приобретения новых читателей.

Таким образом, при желании, любой пользователь сайта может составить свою ленту из аккаунтов, публикующих образовательные материалы в сфере, которая интересна конкретно ему, и начать таким образом процесс неформального обучения. Этот процесс не обошел стороной и языковое обучение, и в Twitter можно найти множество аккаунтов, публикующих академическую информацию об английском языке, его особенностях, дающих советы по использованию языка, объясняющих культурно-релевантные события и понятия и т.д.

Больше всего таких аккаунтов ведутся на английском языке (напр. аккаунт Learn English @learnenglish от ABC), поэтому для успеха неформального обучения таким способом учащемуся необходимо владеть английским языком хотя бы на базовом уровне.

Положительной стороной подобного обучения будет являться то, что информация подается максимально емко (из-за ограничения символов), при каждом твите присутствует имя аккаунта, поэтому легко проверить, кто этот человек или компания и подтвердить их компетентность по вопросу языкового обучения, под записью можно оставлять комментарии и вступать в дискуссию с другими людьми, заинтересованными в изучении английского языка, получить совет, помощь, объяснение и тем самым укрепить свое собственное понимание темы. Важно понимать, что использование социальных сетей – это в основном форма досуга для людей, и превращение ее в форму обучения может стать как способом совместить приятное с полезным, так и источником неприязни к платформе, появления депрессивного состояния из-за необходимости или невозможности отвечать на вызов неолиберального общества [5].

Важно понимать, что Twitter не является платформой, предназначенной для языкового обучения и, вероятнее всего, первоначально такая возможность даже не предполагалась, однако современный неолиберально окрашенный мир создал такое обстоятельство. Twitter может быть эффективен в качестве средства для неформального изучения иностранного языка только в том случае, когда он является вторичным инструментом образования, который сопровождает другой подход к изучению языка (напр., языковые курсы, приложения для изучения иностранных языков, такие как Duolingo, самостоятельное изучение иностранного языка при использовании академических материалов и т.п.), или инструментом закрепления пройденного материала (краткие тестовые задания, опросы, карточки для запоминания и т.д.).

Однако рассматривая Twitter как средство изучения иностранного языка, нельзя не затронуть статус сайта в качестве социальной сети, платформы, предназначенной для коммуникации, опосредованной естественным языком. Twitter может быть использован людьми, изучающими иностранный язык в любой форме, в качестве инструмента улучшения навыка использования этого языка, нежели чем в качестве инструмента непосредственного изучения языка.

По данным, составленным Vicinitas в 2018 г. после анализа 100 млн твитов [6], было определено, что английский язык занимает самую большую долю присутствия на сайте среди всех выявленных языков – около 32 %. Вероятно, что к 2020 г. этот показатель мог измениться в любую сторону, однако английский язык является доминирующим в сети и маловероятно, что эта тенденция изменится в ближайшие годы.

Англоцентричность этого сайта распространяется за пределы твитов и влияет на алгоритм подбора предложений для индивидуальных пользователей; в область «Актуальные темы» (*Trends*) попадают в основном хэштеги и новости именно на английском языке, из-за чего для пользователей из других стран даже сложно избежать взаимодействия с англоязычным сегментом пользователей сайта и их странами, новостями и культурой. Так, например, за неделю до 3 ноября, даты проведения голосования на пост Президента США, Twitter начал высылать сообщения с напоминаниями о голосовании и выборах своим пользователям, в некоторых случаях включая тех, которые не являются жителями США и даже не пишут в своем профиле на английском языке.

Такая США- и англоцентричность платформы заслуживает рассуждения о негативных сторонах данного феномена и видимости гомогенности культуры, однако для целей изучения английского языка сложно найти более удобную платформу для вхождения в контакт с носителями английского языка или другими людьми, также изучающими английский язык для повышения коммуникативных навыков, уровня владения языком, закрепления уже изученного.

На сайте Twitter присутствует ограничение в количестве символов, благодаря которому можно улучшить свой навык чтения на английском языке относительно быстрее и с меньшей затратой энергии, чем если брать более длинные тексты для практики. Сообщения в 280 символов всегда сжаты и завершены при отправке твита, поэтому учащийся может прочитать этот небольшой текст относительно быстро, без необходимости дочитывать еще несколько сотен слов до конца текста, при этом получая законченную мысль. Такие рамки часто заставляют использовать сокращения в своих твитах (напр. *bc* вместо *because*), однако к этому можно быстро привыкнуть и, более того, знакомство с ними также углубляет уровень владения английским языком.

Кроме того, благодаря системе распространения информации на сайте Twitter, пользователи могут найти именно такие тексты, которые будут им интересны для прочтения, будь то новости, информация образовательного характера или что-либо другое. Для представления новости или любого другого текста все равно будет написан краткий твит (для новостей это обычно заголовки статьи), благодаря которому пользователь заранее может ознакомиться с тематикой в общих чертах и решить, нужно ли ему читать текст далее.

Бесспорным помощником для изучающих иностранный язык также будет функция переводчика, которую предлагает Twitter под каждым твитом, автоматически определенным в язык, отличающийся от языка Twitter, выбранного пользователем. Машинный перевод не всегда является адекватным, однако

в некоторых случаях может помочь значительно сократить время, которое было бы потрачено на поиск слова в словаре, или понять значение грамматической конструкции, которая иногда меняет значение слов.

Кроме чтения и понимания лексики и текстов на английском языке, использование Twitter поможет улучшить навыки письма и создания текстов на иностранном языке. Это касается как взаимодействия с другими пользователями посредством английского языка, тем самым использования его на практике в живой коммуникации, пусть и опосредованной Интернетом и веб-сайтом, так и публикации собственных твитов, не адресованных кому-либо, а являющихся индивидуальными публикациями микроблога.

Отличительной чертой Twitter (и микроблоггинга в целом) в сравнении с другими социальными сетями является то, что эта платформа не требует постоянного взаимодействия. Twitter в первую очередь – публичная лента обновлений, где любой человек может оставить сообщение на любую тему. Таким образом, все взаимодействия в этой ленте становятся нелинейными во времени: разговор может начаться в один день, прерваться и завершиться уже на следующий день (или в любое удобное для участников дискуссии время). Это снимает часть социального напряжения во время разговора, и участник, неуверенный в своем знании языка, может перепроверить написанное, удостовериться в своей правильности или исправить ошибки, что повысит его уверенность в уровне владения английским языком и поможет закрепить данный грамматический или лексический случай [7]. Также благоприятным для навыка создания текстов на английском языке является то, что Twitter вынуждает пользователей составлять короткие сообщения.

И наконец, взаимодействие между представителями множества культур в рамках одной платформы приводит к повышению уровня межкультурной компетенции, определению культурно-специфических слов и выражений в соответствующем контексте. Получение новостей о событиях в разных регионах помогает познакомиться с историей и культурой других стран, а также выучить тематическую лексику (связанную, например, с военными конфликтами, политическим и экономическим положением, поп-культурой и т.д.), которая будет полезна не только в отношении одной определенной страны.

Следует также подчеркнуть, что, как и в случае с неформальным изучением английского языка при помощи информационных аккаунтов, целенаправленное изучение английского языка через активную онлайн-коммуникацию может быть способом совместить приятное с полезным, но также способно вызвать противоположную реакцию. Совмещение хобби с изучением, мотивированным карьерными интересами, часто доводит до состояния «выгорания» (*burnout*) [8], наступающего, когда занятие, раньше доставлявшее удовольствие и выполняемое с радостью, становится такой же обязанностью, как и оплачиваемая работа. Необходимо осознавать, что активная коммуникация радикально отличается от одностороннего обучения при помощи источников, требует усилий другого рода и отдачи, она также непредсказуема и всегда персональна, а не обезличена, как другие методы обучения.

Обобщая вышеизложенное, можно заключить, что в современном обществе, характеризуемом неолиберализмом, превращение всех социальных платформ, включая цифровые, в инструменты улучшения собственного материального положения через приобретение новых навыков, в особенности через изучение языков, было неизбежным, и Twitter со своей краткостью и простотой взаимодействия стал одной из самых популярных платформ. Изучение английского языка через Twitter может происходить как активно, так и пассивно, использование сайта может помочь развить навыки чтения и создания новых текстов а также пополнить лексический запас. Вместе с этим необходимо помнить, что такой способ изучения английского языка станет наиболее эффективен, если он будет использоваться вместе с другими методами, являющимися более ориентированными на теорию, в случае чего Twitter становится выгодным инструментом для закрепления выученного и углубления знаний.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Pilotta, J. J.* The Entrepreneur as Hero? / J. J. Pilotta., eds. V. Berdayes, J. W. Murphy // *Neoliberalism, Economic Radicalism, and the Normalization of Violence*. – London: Springer International Publishing Switzerland, 2015.
2. *Гаврилова, И. В.* Формальная, неформальная и информальная модели образования / И. В. Гаврилова, Л. А. Запруднова. // *Молодой ученый*. – 2016. – № 10. – С. 1197–1200.
3. *Bottentuit Junior, J. B.* From Web to Web 2.0 and E-Learning 2.0 / J. B. Bottentuit Junior, C. P. Coutinho and // *Handbook of Research on Practices. Outcomes in E-Learning: Issues and Trends*. – 2010. – p. 19–37.
4. *Nanayakkara, S.* Application of Social Media for Personal Branding: A Conceptual Review / S. Nanayakkara, R. Dissanayake // *The International Journal of Business & Management*. Vol. 8, Iss. 1. – 2020. – p. 153–160.
5. *Cvetkovich, A.* Depression. A public Feeling / A. Cvetkovich – Durham & London, Duke Univ. Press, 2012.
6. 2018 Research on 100 Million Tweets: What it Means for Your Social Media Strategy for Twitter [Electronic resource]. – Mode of access : <https://www.vicinitas.io/blog/twitter-social-media-strategy-2018-research-100-million-tweets#language>. – Date of access : 07.11.2020.
7. *Fewell, N.* Social networking and language learning with Twitter / N. Fewell // *Research Papers in Language Teaching and Learning*. Vol. 5, No. 1 – 2014. – p. 223–234.
8. *Pendenza, M.* Rethinking Self-Responsibility: An Alternative Vision to the Neoliberal Concept of Freedom / M. Pendenza, V. Lamattina // *American Behavioral Scientist*. Vol. 63(1). – 2019. – p. 100–115.

The article considers the popularization of informal education and how it is connected with social network sites like Twitter. Different ways to learn and better one's knowledge of English using Twitter are discussed, as well as their positives and negatives.

СОДЕРЖАНИЕ

ПЛЕНАРНОЕ ЗАСЕДАНИЕ

<i>Тарасевич Л. А.</i> Сравнение несравнимого: к вопросу о сопоставлении частотности	3
<i>Метлушко И. В.</i> Жанр как реализация типовых коммуникативных намерений	10

ЛИНГВИСТИКА ТЕКСТА И ДИСКУРСА

<i>Аникеева Т. В.</i> Прецедентные тексты и модели их репрезентации в современном художественном тексте	15
<i>Баханович А. С.</i> Синтаксические средства экспликации иронии в белорусско- и англоязычном художественном тексте	20
<i>Романчук Ю. В.</i> Типы энантиосемии в зависимости от симметричности структуры лексического значения (на материале английского языка)	25
<i>Стефанова Е. В.</i> Публичные выступления сельскохозяйственной направленности: регулятивные средства, тематические и композиционные схемы.....	30
<i>Аблова А. В.</i> Отрицательные высказывания в англоязычных газетных очерках и способы их перевода на русский язык	36
<i>Еронская А. И., Баркович А. А.</i> Мультиmodalность и медиатекст: специфика Euronews.....	41
<i>Шалесная Н. В.</i> Семантические компоненты суперструктуры учебника по лингвистике.....	46
<i>Жерко Г. Ю.</i> Структура и прагматика публичных выступлений.....	51
<i>Ивченкова Н. Е.</i> Языковая игра в заголовках СМИ.....	58
<i>Шемет Е. Д.</i> Бренды в массмедиа: необходимая детализация или скрытая реклама	62

СЛОВО В ЛЕКСИЧЕСКОЙ СИСТЕМЕ И ДИСКУРСЕ

<i>Козлова Т. А.</i> Взаимодействие нормы и оценки в семантике наименований ответственности/безответственности	68
<i>Тригубова Д. Л.</i> Понятийно-терминологический аппарат в исследованиях кино на русском и английском языках.....	74
<i>Устименко Е. Г.</i> К вопросу о выделении лексико-семантической группы глаголов движения / перемещения: критерии отбора	80
<i>Шубич Т. Ф.</i> Лингвистическая характеристика трансформации фразеологизмов в заголовках немецких газет.....	85
<i>Андреева М. В.</i> Статус феминитивов в современном русском языке	90
<i>Дениховская В. А.</i> Языковые средства создания образности в современном англоязычном кинодискурсе	95

<i>Долмат Ю. В.</i> Семантические особенности сочетаний русских и английских имен прилагательных со словом <i>свобода</i>	100
<i>Кирилова Д. И.</i> Семантические особенности английских и русских фразеологизмов с ключевыми компонентами 'добро' и 'зло'	104
<i>Ласута Ю. С.</i> языковые средства создания комического эффекта в современном англоязычном кинодискурсе	109
<i>Павлова К. В.</i> Коннотативные смыслы лексических единиц с компонентом-орнитонимом.....	113
<i>Погорельская А. Ю.</i> Функционально-стилистические особенности фразеологизмов в англо- и русскоязычном медиадискурсе	118

ОТНОШЕНИЯ ЯЗЫКОВЫХ ЗНАКОВ В ВЫСКАЗЫВАНИИ И ДИСКУРСЕ

<i>Артемова О. А., Се Цзисин.</i> Личный дейксис в китайском и русском языках: сравнительно-сопоставительный аспект	124
<i>Куц А. А.</i> Функциональные особенности слова <i>victory</i> в текстах газетно-публицистического стиля	128
<i>Медюлянова В. А.</i> Средства дейксиса. Способы указания на лицо в японском языке	133
<i>Толкачёва О. В.</i> Дирекциональные предлоги как средство языковой компрессии (на материале немецкого и русского языков)	140
<i>Долмат Ю. В.</i> Структурно-семантические особенности адъективных словосочетаний с ключевым компонентом <i>свобода</i> в русском и английском языках	144
<i>Павлова К. В.</i> Фразеологические и паремиологические выражения с компонентом-орнитонимом в русском и английском языках	149

МОДЕЛИ РЕЧЕВОГО ПОВЕДЕНИЯ В РАЗЛИЧНЫХ ТИПАХ ДИСКУРСА

<i>Лешкевич И. В.</i> Способы выражения скрытого смысла в англоязычной рецензии	156
<i>Бельская А. В.</i> Модальные модификаторы как языковые средства выражения негативной вежливости в высказываниях коммуникантов медийных интервью	160
<i>Голоцевич А. И.</i> Влияние СМИ и интернет-среды на индивидуально-психологические качества подростка	165
<i>Гридина Е. С.</i> Особенности реализации принципов коммуникативной кооперации в современных ситкомах на английском и русском языках.....	171
<i>Латушкина А. С.</i> Особенности коммуникативного поведения в англоязычных ситкомах	180

КОНТРАСТИВНАЯ ЛИНГВИСТИКА И ВОПРОСЫ ПЕРЕВОДА

<i>Брагарник-Станкевич О. С.</i> Межъязыковая эквивалентность глаголов, обозначающих жизнь животных и их появление на свет	185
<i>Будникова Е. И., Акушко А. А.</i> «Говорящий» ономастикон иронического фэнтези: аспекты перевода (на материале антропонимов произведения «Going Postal» Т. Пратчетта)...	189
<i>Гарановіч Т. І.</i> Беларускія сінтаксічныя фразеалагізмы са структурай параўнання і іх адпаведнікі ў англійскай мове.....	196
<i>Галухина И. Н.</i> Сложности перевода компьютерных игр с английского языка на русский	201
<i>Горбачев А. А.</i> Прагматический потенциал зооморфной метафоры в художественных текстах русского и английского языков.....	207
<i>Кирилова Д. И.</i> Английские и русские пословицы о добре и зле в сопоставительном аспекте.....	211
<i>Лю Пэн</i> О категоризирующей способности локативных композитов с 上 shàng ‘верх’	216

ПРОБЛЕМЫ АВТОМАТИЧЕСКОЙ ОБРАБОТКИ ТЕКСТОВ

<i>Голяк Ю. Д.</i> Лингвистический процессор для автоматического дополнения пользовательских запросов на русском языке	221
<i>Швец Н. Г.</i> Взаимосвязь вербальных и невербальных составляющих креолизованного текста	226
<i>Керножицкая В. И.</i> Прототипирование лингвистических процессоров для экспериментальных исследований задач автоматического анализа текста.....	231

ВОПРОСЫ МЕТОДИКИ ПРЕПОДАВАНИЯ ИНОСТРАННЫХ ЯЗЫКОВ

<i>Шилобрит Д. И.</i> Рефлексивная деятельность учащихся как средство повышения мотивации к изучению немецкого языка	236
<i>Шевель А. В.</i> Особенности неформального обучения английскому языку при помощи социальной сети Twitter	240

CONTENTS

PLENARY SESSION

<i>Tarasevich L. A.</i> Comparing Incomparable: Contrasting Frequencies	3
<i>Metlushko I. V.</i> Genre as Implementation of Typical Communicative Intentions.....	10

LINGUISTICS OF TEXT AND DISCOURSE

<i>Anikeyeva T. V.</i> Precedent Texts and Models of Their Representation in Modern Literary Text	15
<i>Bakhanovich A. S.</i> Syntactic Means of Irony Explication in the Belarusian and English Language Literary Text.....	20
<i>Romanchuk Y. V.</i> Types of Enantiosemy Depending on the Symmetricity of the Structure of the Lexical Meaning (on the Material of the English Language).....	25
<i>Stefanova E. V.</i> Public Speeches with the Focus on Agriculture: Regulatory Means, Thematic and Compositional Schemes	30
<i>Ablova A. V.</i> Negative Sentences in the English Language Essays and Translation Strategies to Render Them in Russian	36
<i>Eronskaya A. I., Barkovich A. A.</i> Multimodality and Mediatext: Specifics of «Euronews»	41
<i>Shalesnaya N. V.</i> Semantic Components in the Superstructure of Textbooks on Linguistics	46
<i>Zherko G. Y.</i> Structural and Pragmatic Characteristics of Public Speeches.....	51
<i>Ivchenkova N. E.</i> Language Game in the Mass Media Headlines	58
<i>Shemet E. D.</i> Brands in Mass Media: Necessary Detailing or Hidden Advertisement....	62

A WORD IN THE LEXICAL SYSTEM AND DISCOURSE

<i>Kazlova T. A.</i> Norm and Evaluation Interaction in Words Denoting Responsibility/Irresponsibility Semantics	68
<i>Tryhubava D. L.</i> Terminology and Concepts in Film Studies in the Russian and English Languages.....	74
<i>Ustimenko E. G.</i> On the Identification of a Lexico-semantic Group of Motion / Movement Verbs: Selection Criteria.....	80
<i>Shubich T. F.</i> Linguistic Characteristics of the Transformation of Phraseologisms in the Headlines of German Newspapers	85
<i>Andreyeva M. V.</i> Status of Femininitives (Gender-Specific Nouns of Feminine Gender) in the Modern Russian Language.....	90
<i>Denikhovskaya V. A.</i> Expressive Language Means in Film Discourse	95
<i>Dolmat Y. V.</i> Semantic Features of Combinations Russian and English Adjectives with the Word Freedom.....	100
<i>Kirilova D. I.</i> Semantic Features of English and Russian Phraseological Units with the Key Components 'Good' and 'Evil'	104

<i>Lasuta Y. S.</i> Language Means of Humorous Effect Creation in Modern English Film Discourse	109
<i>Pavlova K. V.</i> Connotative Meanings of Lexical Units with a Component-Ornithonym in its Composition.....	113
<i>Pogorelskaya A. Y.</i> Functional and Stylistic Peculiarities of Phraseological Units in English and Russian Media Discourse	118

RELATIONS OF LANGUAGE SIGNS IN THE SENTENCE AND DISCOURSE

<i>Artsiomava O. A., Se Tzisin.</i> Person Deixis in Chinese and Russian in the Contrastive Aspect	124
<i>Kuts A. A.</i> Functional Features of the Victory Word in the Newspaper-Publicistic Style Texts	128
<i>Medziulianava V. A.</i> Means of Deixis. Ways to Point to a Person in Japanese.....	133
<i>Tolkacheva O. V.</i> Directional Prepositions as a Means of Language Compression (Based on the German and Russian Languages).....	140
<i>Dolmat Y. V.</i> Structural and Semantic Features Adjective Phrases with Key Component Freedom in the Russian and English Languages.....	144
<i>Pavlova K. V.</i> Phraseological and Paremiological Expressions with a Component-Ornithonym in the Russian and English Languages	149

MODELS OF SPEECH BEHAVIOUR IN DIFFERENT TYPES OF DISCOURSE

<i>Leshkevich I. V.</i> The Ways of Expressing Hidden Meaning in English-Language Reviews.....	156
<i>Belskaya A. V.</i> Modal Modifiers as a Language Means of Expressing Negative Politeness in the Statements of Communicants of Media Interviews	160
<i>Golotsevich A. I.</i> The Influence of Mass Media and Internet Environment on Individual Psychological Qualities of a Teenager.....	165
<i>Gridina E. S.</i> Features of Communicative Cooperation in Modern Sitcoms in the English and Russian languages	171
<i>Latushkina A. S.</i> Peculiarities of Communicative Behaviour in English Sitcoms	180

CONTRASTIVE LINGUISTICS AND ISSUES OF TRANSLATION

<i>Bragarnik-Stankevich O. S.</i> Interlingual Equivalence of Verbs Denoting Animal Life and Birth	185
<i>Budnikova A. I., Akushko A. A.</i> “Speaking” Proper Names in Ironical Fantasy: Aspects of Translation (Based on Anthroponyms in “Going Postal” by T. Pratchett).....	189
<i>Garanovich T. I.</i> Belarusian Syntactic Idioms with the Structure of a Comparison and Their Correspondences in the English Language.....	196
<i>Galukhina I. N.</i> Difficulties of Computer Games Translation from English into Russian	201

<i>Gorbatsevich A. A.</i> Pragmatic Potential of Zoomorphic Metaphor in Fiction Texts of Russian And English Languages	207
<i>Kirilova D. I.</i> English and Russian Proverbs about Good and Evil in a Comparative Aspect	211
<i>Liu Peng</i> On categorizing potential of locative compounds with 上 shàng ‘up’	216

PROBLEMS OF AUTOMATIC TEXT PROCESSING

<i>Haliak J. D.</i> Linguistic Processor for Automatic Completion of User Search Query in Russian Language	221
<i>Shvets N. G.</i> Relationship of Verbal and Non-Verbal Components of a Creolized Text	226
<i>Kernozhytskaya V. I.</i> Prototyping Linguistic Processors for Experimental Research on Automatic Text Analysis Tasks	231

ISSUES OF TEACHING FOREIGN LANGUAGES

<i>Shilobrit D. I.</i> Reflexive Activities of Students as a Means of Motivating Them to Learn German	236
<i>Ševiel A. V.</i> The Peculiarities of Informal Learning of English on Twitter	240

Научное издание

**МОЛОДЫЕ УЧЕНЫЕ
В ИННОВАЦИОННОМ ПОИСКЕ**

Сборник научных статей
по материалам
IX Международной научной конференции

Минск, 27–28 мая 2020 г.

Ответственный за выпуск *П. П. Глазко*

Редакторы: *В. М. Василевская, О. С. Забродская,
Е. И. Ковалёва*

Ст. корректор *С. О. Иванова*

Издатель и полиграфическое исполнение: учреждение образования «Минский государственный лингвистический университет». Свидетельство о государственной регистрации издателя, изготовителя, распространителя печатных изданий от 02.06.2017 г. № 3/1499. ЛП № 02330/458 от 23.01.2014 г.
Адрес: ул. Захарова, 21, 220034, г. Минск.